

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИД РОССИИ
ИННОВАЦИОННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА

И. М. Бусыгина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

УЧЕБНИК

• ПРОСПЕКТ •

МОСКВА
2010

УДК 32:911.3(075.8)
ББК 66.09я73
Б92

Бусыгина И. М.

Политическая география. Формирование политической карты
Б92 мира: учеб. — М.: Проспект, 2010. — 384 с.

ISBN 978-5-392-01162-9

Учебник «Политическая география. Формирование политической карты мира» был разработан и написан с целью формирования у студентов адекватных и устойчивых представлений о политико-территориальной структуре современного мира, ее динамике и новейших трансформациях по всем континентам. Обладание географическими знаниями и географической аргументацией является абсолютно необходимой предпосылкой для полноценного образования по любой из политологических и международных специальностей. Данный учебник представляет собой основу, на которую должны накладываться собственно политологические курсы и курсы по международным отношениям.

Учебник будет полезным для студентов-политологов и международныхников, а также для более широкого круга читателей, интересующихся политгеографической проблематикой.

УДК 32:911.3(075.8)
ББК 66.09я73

Учебное издание

Бусыгина Ирина Марковна

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ.
ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА**

Учебник

Оригинал-макет подготовлен компанией ООО «Оригинал-макет»
www.o-maket.ru; тел.: (495) 726-18-84

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.004173.04.09 от 17.04.2009 г.

Подписано в печать 01.12.09. Формат 60×90 1/16.

Печать офсетная. Печ. л. 24,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 1235.

ООО «Проспект»

111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

© И. М. Бусыгина, 2009
© МГИМО(У) МИД РФ, 2009
© ООО «Проспект», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Это издание подготовлено в рамках Инновационной образовательной программы МГИМО-Университета «Формирование системы компетенций для профессиональной деятельности в международной среде в интересах укрепления позиций России» (приоритетный национальный проект «Образование»).

Инновационная образовательная программа, реализованная в 2007—2008 годах, обеспечила мощный импульс модернизации научно-образовательного процесса МГИМО-Университета. Создание новых учебных курсов, обновление образовательных программ, подготовка разнообразного методического обеспечения, осуществление широкого спектра научных исследований — все это было в числе наиболее приоритетных направлений нашей работы. За два года было разработано 169 учебно-методических комплексов по международным отношениям, политологии, мировой экономике, менеджменту, международному праву, регионоведению, иностранным языкам. Значительная часть новых УМК была создана в технологичном формате, т. е. подготовленные учебники и учебные пособия сопровождаются мультимедийными презентациями и разработками для дистантных курсов.

В ходе Инновационной программы в МГИМО-Университете было создано или модернизировано свыше 20 образовательных программ (бакалаврских, магистерских, МВА и МРА), подготовлено более 50 научных монографий, которые могут также использоваться в учебном процессе. Это не случайно: интеграция науки и образования, внедрение самых передовых научных разработок в образовательный процесс — составная часть долгосрочной стратегии МГИМО как одного из лидеров Болонского процесса в России.

Учебники, учебные пособия и научные монографии, подготовленные в рамках Инновационной образовательной программы, создавались для студентов и преподавателей не только МГИМО, но и всех других вузов, в которых преподаются международные отношения, политология, мировая экономика, менеджмент, международное право, регионоведение, иностранные языки. Уверен, что они найдут широкую аудиторию.

*Ректор МГИМО-Университета МИД России,
академик РАН, профессор
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ТОРКУНОВ*

ВВЕДЕНИЕ. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

«A place for everything and everything in its place».

Samuel Smiles¹

«Geography is too important to be left to geographers».

David Harvey²

Любое общество пространственно структурировано, а потому имеет широкий спрос на географические знания и, следовательно, саму географию как один из подходов к миропониманию и мироощущению. По-английски «to take place» — буквально «занимать/брать место» и одновременно «состояться». Таким образом, чтобы состояться, надо иметь место. Так же и в русском языке: имеет место — значит наличествует, присутствует.

Как и другие отрасли общественных наук, политическая наука производит и интерпретирует информацию, имеющую выраженную пространственную географическую составляющую. По образовательной и научно-исследовательской системе идет своеобразная диффузия географических знаний. Географические знания могут и должны играть важную роль при формировании и трансформациях политических предпочтений. Наконец, география, и в первую очередь политическая, может помочь в объяснении того, как и почему меняется общество. Как утверждал Сойя, «нет аспатиальных (внепространственных) социальных процессов»³, а Доджшон продолжил его мысль: «...мир имеет смысл только сквозь призму того факта, что он лежит в пространстве и во времени; мир — это аккумуляция пространств, так же как и аккумуляция моментов»⁴.

Признавая ценность географических знаний и объяснений, политолог, конечно, не должен становиться географом (а географ — политологом). Я говорю лишь о необходимости географического знания

¹ «Место для всего, и все на своем месте», Сэмюэл Смайлс (цит. по: *Kern S. The culture of time and space 1880—1918. Cambridge: Harvard University Press, 1983. P. 182).*

² «География слишком важна для того, чтобы оставлять ее географам». Дэвид Харви (*Harvey D. Spaces of Capital. Towards a Critical Geography. Edinburgh University Press, 2001. P. 116).*

³ *Soja E. W. Thirdplace. Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Basil Blackwell, 1996. P. 46.*

⁴ *Dodgshon R. Society in Time and Space: A Geographical Perspective on Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 2.*

и географического воображения в политической науке — о том, как возможно «мыслить подобно географу» (*thinking like a geographer*), поскольку политическая нейтральность географических знаний всегда была и будет фикцией. Ключевой вопрос — в адекватных *интерпретациях* знаний о пространстве при анализе политических процессов и явлений, в поиске дефиниций для «места» и «пространства», ориентированных на потребности политической науки.

Географические знания занимают центральное место во всех формах политического действия, а следовательно, и политического анализа. При этом их кажущаяся очевидность и даже банальность придают им дополнительную мощь, а географическое невежество может оказаться крайне пагубным и для политика, и для эксперта-политолога.

Для прояснения вопроса о том, какую роль могут/должны играть географические знания для политической науки, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на современном состоянии географической науки — за рубежом и в России. Как оценить возможный вклад (российской) географии в политическую науку исходя из ее, географии, состояния?

Традиционно географические знания имели преимущественно фрагментированный характер; при этом одна из базовых идей состояла в том, что знания, полученные в ходе географических изысканий, имеют особый характер, отличаются от всех других видов знания. Суть отличия следующая: географические знания не поддаются генерализации и систематизации; в географии нет ни общих законов, ни общих принципов, это наука о «случаях». По мнению известного американского географа Ричарда Хартшорна, география — это идеографическая наука, использующая индивидуализирующий метод, описывая уникальные явления (идеографической наукой является и политология)¹. География сильна не единством объекта/предмета, но единством метода. Однако подобная констатация лишь регистрирует, но не решает глубинную для географии проблему — проблему собственной идентичности, которую не может не иметь дисциплина, простирающаяся от палеогеографии, геоморфологии и климатологии до постмодернистских работ в области культурной географии.

Идея специфичности географических знаний имеет не только сторонников, но и противников, одним из которых является знаменитый географ Дэвид Харви. Он настаивает на необходимости более систематизированного подхода к географическому знанию, необходимости поиска и вычленения новых, «сильных» географических идей, которые

¹ См.: Туровский Р. Ф. Политическая география. Москва—Смоленск, 1999. С. 20.

служили бы своего рода каркасом в географии и для географии¹. Традиционная география была, по выражению Харви, «незаконнорожденным ребенком Просвещения», оставаясь либо в тени других научных направлений, либо отражая и даже усиливая нелучшие его стороны². «Академическая география, — по выражению Харви, — ставила большие вопросы, но слишком часто давала тривиальные ответы»³.

Кризис географии побуждает Харви к выстраиванию рамок новой, так называемой критической географии, которая была бы занята поиском общих принципов и механизмов производства географических знаний и объясняла бы как, когда и с какой целью различные их формы используются политическими акторами. Харви признает и обосновывает наличие динамической взаимосвязи между политическими процессами и институтами и разного рода географической информацией.

История географии развивалась вместе с историей общества, в которой (и которой) основные географические открытия, идеи, подходы были укоренены и стимулированы. Таким образом, содержание и форму географических знаний невозможно понять в отрыве от социальной базы для их производства и использования — все в свое время и на своем месте. Мы легко заметим, что, несмотря на отсутствие генерализации (проблема, которая в XIX столетии не вызывала особого беспокойства), география прежде занимала более почетное положение в культуре основных европейских стран — Франции и Германии, была тесно связана с политическими и экономическими проблемами.

Так, труды Видалья де ла Блаша и французской школы Анналов имели прямые выходы на проблематику национального единства, работы Георга фон Тюнена — на проблему индустриализации в Германии. В конце XIX в. раздел мира на сферы влияния основными империалистическими державами породил серьезные геополитические проблемы; борьба за доступ к природным и трудовым ресурсам и контроль над рынками была в конечном счете борьбой за территорию. В это время работы Фридриха Ратцеля⁴, Рудольфа Челлена, а позже и Карла Хаусхофера, развивавшего ратцелевскую идею «жизненного пространства»

¹ См.: *Harvey D. Op. cit.* P. 6.

² Это положение Харви иллюстрирует примером Канта, чьи лекции по географии были не только непоследовательными, не имели систематизированного характера, но и отличались экстремальными географическими предассудками (см.: *Harvey D. Op. cit.* P. 210—211).

³ Там же. С. 112.

⁴ В работах «Законы пространственного роста государств» и «Политическая география» Ратцель сформулировал основы «пространственного подхода» к изучению политики государств.

государства, послужили основой для разработки геополитических стратегий империалистической экспансии Третьего рейха. В 1904 г. английский географ и политик (!) сэр Хэлфорд Маккиндер разработал одну из наиболее влиятельных глобальных геополитических концепций исходя из представлений о мире как о географическом и политическом целом. Таким образом, географические знания в течение всего этого периода (до конца Первой мировой войны) содержат сильнейшую идеологически-политическую начинку.

После войны географические исследования в Западной Европе и США постепенно теряют масштаб и глубину, превращаясь по преимуществу в дескриптивные штудии-«кейсы» пространственных форм, располагающихся в некоем абсолютном неподвижном пространстве. Географические (и географо-политические) подходы к пространству стагнируют, пространственный «язык» в политических исследованиях становится невостребованным¹. После окончания Второй мировой войны происходит серьезный сдвиг в фокусе и подходах к исследованиям: во-первых, география становится более радикальной; усиливается влияние марксистской метатеории. В 60—70-е годы идеи первичности экономического базиса общества и вторичности социальных, политических и культурных форм, так же как и идеи очевидных, резко выраженных географически, «несправедливостей» капитализма занимают умы многих западных географов². Во-вторых, география «мельчает», не замахиваясь на крупномасштабные проблемы. В географических специальностях идет процесс профессионализации, иными словами, географы по преимуществу занимаются тем, что Харви называет техникой и механикой городского, регионального и экологического менеджмента³, утратив по преимуществу роль «синтезаторов» знаний в их пространственном аспекте. Сказанное относится к так называемой прикладной географии, однако и в академической ее ипостаси географии не удается отвоевать достойную позицию в научном разделении труда. Ее позиция — это скорее позиция существования при других научных направлениях, роль некоего «субстрата», науки, «оплодотворяющей» другие научные направления знаниями о пространстве.

И тем не менее (или тем более) географические знания не остаются невостребованными. Вопрос в адекватных интерпретациях. Более того, всеобъемлющие экономико-политико-культурные процессы, которые

¹ *Smith N., Katz C. Grounding Metaphor. Towards a spatialized politics. In: Place and the Politics of Identity, ed. by M. Keith and S. Pile. London and New York, 1993. P. 74—75.*

² См.: *Smith D. M. Moral Geographies. Ethics in a World of Difference. Edinburgh University Press, 2000. P. 3.*

³ См.: *Harvey D. Op. cit. P. 30.*

мы знаем под общим именем «глобализация», серьезнейшим образом зависят от накопления и интерпретации определенных видов географических знаний. Именно здесь география проявляет себя как особый способ познания, который пронизывает политические и социальные процессы, оказывая таким образом влияние на общий ход и характер общественного развития. Возникает взаимосвязь между политическими, экономическими и социальными трансформациями и сдвигами и географическими знаниями. Анализ процессов глобализации, «освобожденный» от географической специфики, обернется абстрактным и отчужденным размышлением. С другой стороны, география, невдохновленная/необогащенная глобалистским видением, превратится либо в чистую декскрипцию, либо останется пассивным инструментом для прикладников.

За последние сто лет конец пространства как одного из важнейших факторов в жизни общества был предсказан неоднократно. Дебаты о смысле глобализации возвращают нас к этой теме: негеографы говорят о резком падении «фактора территории» в силу происходящих структурных сдвигов. Глобализация не отменяет территорию, но действительно изменяет концепцию территориальности: контроль над потоками и сетями становится важнее прямого контроля над физической территорией. Глобальная перестройка меняет не только роль места, но и (в процессе усиливающейся пространственной неравномерности развития) относительную «цену» мест по отношению друг к другу.

«...Это место исчезло... Теперь имеют значение не поля, не горы, а дорога. Не будет деревни как места самого по себе. Будет просто название, через которое вы проезжаете, дома вдоль дороги. И там вы будете жить, имейте в виду. Вдоль дороги»¹. Действительно, место, территория «заканчиваются» в прежнем своем смысле, но не место меняется — меняется интерпретация, так что место немедленно обретает новый смысл. Все места выстраиваются вдоль дороги (на самом деле вдоль многих дорог), не переставая при этом сохранять своеобразие. Мы являемся свидетелями (и одновременно неизбежными участниками) *глокальной реорганизации пространства*, реорганизации, суть которой в замене мира ранжированных вдоль одномерной шкалы — от «развитых» до «отсталых» — мест на мир неповторимых пространственных ситуаций, образованных наложением глобальных потоков на местные/региональные особенности². Идет погружение «мира потоков» в

¹ См.: Harvey D. Op. cit. P. 171.

² Согомонов А. Ю. Глокальность (очерк социологии пространственного воображения) // Глобализация и постсоветское общество / под ред. А. Согомонова и С. Кухтерина. М., 2001. С. 66—67.

«миры мест» с происходящим одновременно «истончением», по выражению Роберта Сэка, но не исчезновением, последних¹. Эти изменения вызывают, в свою очередь, реакцию — местную/региональную социально-политическую мобилизацию, формы которой ориентированы на логику развития конкретного места². Таким образом, последствия глобальной перестройки и местная локально ориентированная среда переплетаются, накладываются друг на друга; влияние глобальных процессов опосредуется локальными/региональными факторами. Прекрасную иллюстрацию сказанному (и важное свидетельство размывания традиционной концепции территориальности) я вижу в появлении так называемых регионов-государств (*region-states*), пространственно локализованных зон массивованных инвестиций, секущих национальные границы³. География, таким образом, должна изучать не только «мир мест», но и «мир потоков» — поле, которое осваивается на Западе, но пока слабо освоено российской географией — и методически, и методологически.

Постсовременный мир постепенно выстраивает совсем новую систему отношений, построенную на новой этике, одним из компонентов которой является компонент пространственный, артикулирующий новые принципы, принципы территориальности и коммунитаризма⁴. Пространственная этика подразумевает географическое видение мира. Об этом красиво пишет Сэк: «We are geographical and will improve as we think geographically»⁵. Пространственное воображение и этика предусматривают отказ от двойной иллюзии относительно пространства: от его восприятия как фиксированной, застывшей, мертвой формы либо полной его дематериализации, абстрагирования от пространственного фактора в принципе.

Роль и смысл географии, пространственного дискурса, в частности, недооценивается во внешнем для этой науки мире. Но и география недооценивает сама себя. Она обладает крайне важной особенностью, но слабо использует ее: речь идет о диффузном присутствии географических знаний в «теле» других дисциплин, в том числе политологии (про-

¹ Sack R. D. *Homo Geographicus: A Framework for Action, Awareness and Moral Concern*. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1997. P. 248.

² Agnew J. *Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society*. Boston, 1987. P. 32—33.

³ Biersteker Th. *Beyond States or State? In: Regional Integration and Democracy*. J. Anderson (ed.). Boston, 1999. P. 35.

⁴ Согомонов А. Ю. Указ. соч. С. 74—75.

⁵ «Мы географичны и будем улучшаться, если будем мыслить географически» (Sack R. D. *Op. cit.* P. 252).

исходит, естественно, и обратный процесс: мощная экспансия других дисциплин, в том числе политологии, в географию). Обладая этой специфической позицией, география могла бы не только «прислоняться» к другим наукам, но порождать и стимулировать научные новации.

Подобно географии, эволюцию политической науки следует рассматривать в контексте изменяющихся нужд и потребностей общества, которые, что важно, меняются не только во времени, но и в пространстве, от общества к обществу. Я глубоко убеждена в том, что без освоения географии, в частности морфологии российского пространства, понять сегодняшнюю политическую среду России невозможно. Нынешняя политическая жизнь России, во-первых, пространственна по характеру, а во-вторых, определена самим характером российского пространства, в частности его феноменальной дифференцированностью. Пространство должно быть признано в качестве активного несущего компонента во властных отношениях: их (ре)конфигурации, фрагментации, консолидации. Пространство отражает асимметричность властных отношений. Так что обращающийся к России (тем более к России политической) вынужден обращаться к пространству. Обращаться с радостью и надеждой, а не из-под палки.

Небрежение географическими знаниями отражается не только на политической науке, но и крайне резко на политологическом образовании. Географическая безграмотность непростительна для студентов-политологов. Я глубоко убеждена в том, что им крайне необходимы базовые знания по географии, необходимы сразу, уже на первом курсе. Много ли смысла учить студентов сравнительному методу, если они слабо представляют себе где расположены объекты сравнения? Отсутствует географический «субстрат» — и политическая наука для студентов съезжывается до набора отвлеченных теорий, положений, схем, которыми студент умеет жонглировать с большей или меньшей ловкостью. А потому мой тезис: *«Любая политическая проблема имеет географический аспект и требует географических знаний»*¹.

Какие же географические знания нужны студентам-политологам? Знаний нужно много.

Студенты должны уметь читать географические карты и представлять себе по ним реальный мир во всей его пространственной мощи и динамике. Политические карты и весь массив политико-географической номенклатуры были и остаются основными посредниками, со-

¹ К студентам-географам можно было бы обратить этот тезис, развернув его в обратном направлении: любая географическая проблема имеет политический аспект.

единяющими географическое видение мира с собственно механикой политических процессов и практик. Изучение карт — кропотливый, долговременный и систематический труд; как неоднократно было доказано, политико-географическую номенклатуру и совмещение ее с картой за ночь не осилить.

- 2) Студенты должны иметь представление о территориальной структуре современных государств, об их административно-территориальном членении.
- 3) Студенты должны понимать специфику политических процессов и явлений различного пространственного масштаба (локального, регионального, национального, глобального) и взаимосвязь между ними.
- 4) Наконец, студенты должны иметь представление о пространственном измерении политических конфликтов (их локализации, границах и пр.).

Географические знания производятся во всех местах приложения сил выпускников факультетов и кафедр политологии (и всюду же востребованны): на государственной службе (а государство было и остается важнейшим, первичным местом производства и интерпретации географических знаний, необходимых ему для самосохранения, к тому же в каждом случае национальные/государственные интересы требуют своей интерпретации географического знания или незнания, что хорошо отражается, в частности, в специфике национальных географических научных школ), в международных организациях (формирующих обширную и постоянно растущую сферу производства и потребления географических знаний), в негосударственных организациях (распространяющих эти знания в «тёле» гражданского общества), корпорациях и компаниях, средствах массовой информации (вот он — важнейший источник потребления, но, что еще важнее, конструкции и интерпретации географической информации и дезинформации!).

Я убеждена, что обладание географическими знаниями и географической аргументацией является абсолютно необходимой предпосылкой для полноценного образования по любой из политологических специальностей.

Хотелось бы, чтобы учебник «Политическая география. Формирование политической карты мира» по крайней мере отчасти решал бы проблему пробелов в географических знаниях у студентов-политологов и международныхников. Этот учебник — своего рода база, основа, на которую должны накладываться собственно политологические курсы.

Структура учебника проста. Первый блок (главы 1—2) посвящен предметным областям политической географии, ее истории, а также географическому государствоведению. Главы 3—9 формируют ключе-

вой, центральный блок учебника. Здесь я смотрю на трансформации политической карты континентов, исследую динамику пространственных форм — от первых до современных политий, а также изменения системы границ. Фактически речь идет об объяснении политической карты: почему она такова, какой мы ее знаем? Могла ли она выглядеть по-другому? Почему политические карты континентов столь непохожи друг на друга? Почему растет число государств? Как пространство создавало новые институциональные формы, а они в свою очередь влияли на пространство? Глава 10 посвящена региональной интеграции и формированию нового типа политического пространства. Наконец, заключение ставит интригующий вопрос: как будет выглядеть политическая карта будущего, каких трансформаций, где и почему можно ожидать?

ГЛАВА 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Что такое политическая география

В качестве университетской дисциплины география оформилась относительно поздно: в середине XIX в. кафедры географии существовали только в университетах Германии; в Великобритании, Франции и США такие кафедры появились лишь в конце XIX — начале XX в. Соответственно и разделение географии на направления (экономическую, социальную, политическую географию) тоже началось поздно, более того, процесс был затруднен тем обстоятельством, что география многими считалась наукой интегральной, т. е. нерасчленимой. Так, классик географии Видаль де ла Блаш полагал, что существует только одна География — или никакой вообще [Agnew, 2002: 14].

Таким образом, политическая география — относительно новая субдисциплина географии; своим появлением в современном виде она обязана драматической — беспокойной и нестабильной политической ситуации в Европе конца XIX столетия, которая менее чем через двадцать лет была взорвана Первой мировой войной. Немецкий географ Фридрих Ратцель выделил политическую географию из географии вообще и определил ее основной объект исследований: государство, его размер и положение на политической карте мира.

Как и всякая наука, политическая география не оформилась одномоментно в более или менее завершенном виде, но складывалась и развивалась при непрерывном приращении различных форм географического и политического знания. Основная особенность природы политической географии (ПГ) как науки заключается в ее междисциплинарном характере; ее исследования лежат на стыке географии и политической науки. В этом заключается как потенциальное преимущество и перспективность ПГ, которую критикуют за эклектичность, отсутствие методологического единства.

Политическая география является субдисциплиной географической науки, поскольку она использует географический метод, ставя в фокус исследований свойство территориальности явлений и процессов. Свойством территориальности обладают все политические явления и процессы. Помимо этого, все пространственные объекты (макрорегионы, зоны, страны и пр.) обладают территориальной дифференциацией; таким образом, изучать их вне пространственной составляющей как точки, не принимая во внимание внутреннего разнообразия, — практически бессмысленно.

Как показывает Р. Ф. Туровский, свойство территориальности политических явлений и процессов означает, что они:

- выражены в пространстве и могут быть отображены на географической карте;
- распространены на определенной территории, причем ее границы могут меняться во времени;
- различаются от места к месту, т. е. имеют территориальную дифференциацию [Туровский, 1999: 11].

Предмет исследования — политические явления и процессы — отличают ПГ от других субдисциплин географической науки.

Каждая научная дисциплина нуждается в четкой дефиниции, между тем оказалось, что в случае ПГ дать ей четкое определение весьма непросто. При этом обилие данных исследователями определений как раз и отражает электичность ПГ. В качестве основных недостатков подходов к определениям следует выделить:

- подход к ПГ как составной части экономической географии; тем самым ПГ лишается права на самостоятельность (такой подход был особенно характерен для отечественной географии советского периода);
- неясность ряда определений (см., напр.: «...сутью политической географии является территориальная дифференциация **политической мозаики**, сложившейся на земной поверхности» [цит. по: Голубчик, 1998: 7];
- неправомерное сужение предмета ПГ, т. е. ограничение его географическим государственным и/или пространственными аспектами международных отношений;
- поиск предмета изучения ПГ на поле политической науки (см., напр.: ПГ — это «география, изучающая формы правления...» [цит. по: Голубчик, 1998: 7];
- наконец, включение в структуру ПГ субдисциплин других наук, в частности политической регионалистики [см.: Туровский, 1999: 10]. Между тем последняя является субдисциплиной политической науки и рассматривает субнациональный регион в качестве базового уровня анализа политических процессов.

Итак, единое определение ПГ, признанное всеми политгеографами, отсутствует, поэтому следует привести несколько определений, каждое из которых является вполне адекватным. Одним из оптимальных представляется емкое определение, данное известными американскими географами С. Козном и Л. Розенталем. Эти исследователи определяли политическую географию как **науку о динамике и пространственных проявлениях политического процесса** [Колосов, Мироненко,

2001: 240]. Р. Ф. Туровский в своем учебнике «Политическая география» приводит несколько отличное от определения С. Козна определение ПГ: суть политической географии составляет **дифференциация политических явлений в зависимости от места** [Туровский, 1999: 22].

Несколько более общее определение ПГ дает В. Колосов, трактуя эту науку как **«особую географическую науку, изучающую пространственную организацию политической жизни общества...»** [Голубчик, 1998: 8]. Политическая география, анализируя пространственные особенности (территориальность) политических явлений и процессов, является важной составной частью географии общества. Признавая взаимозависимость политических процессов, с одной стороны, и пространства, территории и места — с другой, политическая география охватывает огромное число взаимодействий между ними.

Карты как особый язык географии

География является наукой, создавшей свой особый язык, особое средство передачи информации об окружающем пространстве. Этим языком человек начал пользоваться задолго до появления письменности. Язык карты представляет собой условно-знаковую форму передачи информации. Карты, составленные разными народами в разные эпохи, неповторимы и многообразны; невозможно представить себе историю развития страны без использования карт. Политическая география также активно использует *политические карты* мира и отдельных регионов.

И вот парадокс: для того чтобы предельно адекватно отразить действительность, представить правдивую картину мира, карты вынуждены «лгать», сознательно эту действительность искажая. Хорошие карты содержат множество маленькой «белой лжи»: реальность трехмерна, бесконечно богата деталями и фактурой, а потому не может быть без искажений отражена на плоской двухмерной поверхности при неизбежной генерализации. Так что ценность карты зависит от того, насколько адекватно выбрана проекция и насколько генерализованное ее содержание отражает избранный аспект реальности.

BOX 1.1

Гражданская война в США показала пагубность небрежно составленных карт. В 1862 г. войска Севера планировали, захватив столицу южан (Ричмонд), одержать над ними быструю победу. Однако штаб генерала МакКлеллана базировал наступление на небрежно сделанных картах, что замедлило наступление армии Севера. В свою очередь и южане испы-

тывали недостаток в хороших картах, а потому остались в неведении относительно возникшего стратегического преимущества. Еще один пример. В 1983 г. при вторжении в Гренаду войска США были «вооружены» устаревшими британскими картами. В одном случае это привело к тому, что при атаке с воздуха была разрушена психиатрическая больница, не отмеченная на карте, в другом — пострадали сами американские солдаты [Monmonier, 1996: 45].

Политическая карта — это символ государства. Возникновение множества новых государств на карте мира после Второй мировой войны резко оживило интерес к составлению атласов как своего рода символов и доказательств существования новой государственности. За период с 1940 по 1980 г. число национальных атласов возросло с двадцати до восьмидесяти: бывшие колонии обратились к картографии как средству экономического развития и формирования политической идентичности.

В истории карты неоднократно использовались для оправдания территориальных захватов, экономической эксплуатации, оправдания культурного колониализма. Карты (прежде всего исторические) являются мощным интеллектуальным оружием в ходе определения принадлежности спорной территории или делимитации границы. Помимо этого, карты могут служить для целей политической пропаганды: в зависимости от задачи карты могут представить страну (или регион) в качестве большой и важной или же, напротив, маленькой и уязвимой для внешней агрессии (карта 1.1).

Для тоталитарного режима карта служит мощным инструментом пропаганды и манипулирования общественным сознанием. Специального упоминания заслуживает использование карт для целей политической пропаганды со стороны нацистских идеологов в Германии. Пожалуй, ни один режим не использовал карты столь интенсивно и беспощадно; задачи заключались в повышении симпатий к Германии, сокращении поддержки Великобритании и Франции и попытках удержать США от вмешательства в войну на территории Европы (карта 1.2).

Особенности составления карт существенно различаются по странам: страны показывают удивительное разнообразие топографического словаря и используемых картографических методик. Примечательно, что выраженные различия существуют и между географически и культурно близкими странами — Канадой и США, Австрией и Германией, Норвегией и Швецией. В этом отношении особенности картографического языка можно сравнить с диалектами, правда в отличие

от них картографические символы более формализованы и их использование более строго контролируется.

Политическая география: основные этапы развития

У исследователей нет единого мнения относительно даты (или периода) появления ПГ как нового научного направления. Так, следуя за аргументацией Н. В. Каледина, М. М. Голубчик пишет об историческом приоритете ученых России (Санкт-Петербургской академии наук), которые в 1720-х годах ввели в географию новый раздел — **географию политическую** [Голубчик, 1998: 10].

Р. Ф. Туровский указывает на то, что зарождение политической географии можно связать с XVIII столетием, однако первым его использовал историк Василий Татищев. Знаменитый философ Иммануил Кант, преподававший географию в Кенигсбергском университете в течение нескольких десятилетий во второй половине XVIII столетия (а лекции его пользовались необычайной популярностью), делил географию на физическую, коммерческую (сейчас бы мы сказали — экономическая), географию нравов (современная культурная география) и политическую географию.

Политическая география XVIII столетия отличалась рядом характеристик, некоторые из которых она сохраняла и в дальнейшем.

Во-первых, она отличалась географическим детерминизмом, рассматривая политические процессы как функцию преимущественно природных условий (общество как продукт ландшафта). Такой подход был связан с тем обстоятельством, что география изначально считалась исключительно естественной наукой. Так, в своих лекциях Кант упоминал о ряде интереснейших фактов, достигших его слуха, например: «...негры рождаются полностью белыми, за исключением кольца вокруг пупка. ...Ибис умирает в тот момент, когда покидает территорию Египта... В Гамбии дикие звери едят только негров, а европейцев не трогают... Негры в Америке очень любят мясо собак, поэтому те на них и лают» [цит. по: Стретерн, 2005: 72—73]. Знаменитый французский философ Шарль Монтескье, определяя влияние климата на политику, объяснял демократическую форму правления в Аттике бесплодием ее почв, а аристократическое правление в Спарте, напротив, плодородием земель Лаконии [Туровский, 1999: 15].

Многие русские историки и философы были склонны связывать особенности исторического процесса и политической системы в России с «фактом географическим» (иными словами, природным), который красной нитью проходит через всю русскую историю. Так, с наличием колоссальных пространств и «границей с бесконечностью»

на востоке связывали формирование специфического русского оборонного сознания или объясняли этими географическими факторами аспатиальность («внепространственность» — слабая реакция на изменение качеств среды) русской культуры.

Во-вторых, первые труды по политической географии были связаны со становлением географического описания государств (географического государствоведения). В России это направление в конце XVIII — первой половине XIX в. было связано с трудами К. Ф. Германа, Е. Ф. Зябловского, К. И. Арсеньева [Голубчик, 1998: 11]. Тем самым можно утверждать, что описания государств — географическое государствоведение — является наиболее старым, традиционным направлением ПГ.

С течением времени шло накопление самой разнообразной научной политико-географической информации; параллельно развивался процесс дифференциации наук. Своего рода точкой отсчета существования ПГ в ее современном виде как относительно методологически строгой науки является 1897 г., когда появился труд знаменитого немецкого географа Фридриха Ратцеля «Политическая география». Появление этой работы было не случайно, это был серьезный труд, ставший одним из мощных источников геополитики, которая стала оформляться как еще одно важное направление в политической географии.

Чем было обусловлено появление именно такой работы, именно в это время и именно в Германии? «Союз трех императоров», шедевр дипломатии Отто фон Бисмарка, который должен был преодолеть «кошмар коалиций» и создать новую систему европейского равновесия, оказался неустойчивой конструкцией. С появлением на европейской карте в 1871 г. Германской империи наступил период резкой конкуренции двух мощных континентальных держав — Германии и Франции. В свою очередь Австро-Венгрия видела своим главным противником Российскую империю. Ускоренное развитие тяжелой индустрии и, главное, строительство военного флота, которое разворачивалось в Германии по планам адмирала фон Тирпица с 1897 г. (год издания «Политической географии») и должно было удержать Британскую империю на позициях нейтралитета в условиях начала большой войны в Европе, на самом деле превратило Британию в смертельного врага Германии. Неспоконная ситуация в Европе, резкое ухудшение международной ситуации, которое разрешилось войной в 1914 г., территориальные амбиции нового мощного игрока — Германской империи — таковы были причины, побудившие Ратцеля к написанию классического труда — «Политической географии».

Для географической науки конца XIX и первой половины XX столетия, и политической географии в частности, был характерен геодетер-

министский подход. Географический детерминизм был связан с работой Чарльза Дарвина «О происхождении видов», которая претендовала на объяснение эволюционного процесса — происхождение видов, естественный отбор, приспособление организмов к природной среде. Опираясь на этот подход, географический детерминизм рассматривал социум как биологическое сообщество; таким образом, географический детерминизм представлял собой первую форму научного анализа в географии [Туровский, 1999: 17]. Ратцель сделал попытку перенести дарвинизм на изучение отношений в обществе и между обществами; созданную им антропогеографию (географию человека) он рассматривал как одно из направлений биогеографии. (В российской политической географии основоположником антропогеографического подхода стал В.П. Семенов-Тянь-Шанский, который сформулировал геополитическое определение ПГ как науки, которая изучает «пространственные взаимоотношения территориального могущества отдельных человеческих сообществ-государств» [Каледин, 1996: 29].)

Для Ратцеля размер государства был одним из способов измерения уровня его культурного развития. Общий подход этого исследователя базировался на идее о том, что от расположения государства по отношению к другим государствам зависит степень его уязвимости для внешней экспансии. Из этого следовал практический вывод: такое государство, как Германия, более уязвимо, чем Великобритания, поскольку оно со всех сторон окружено другими государствами. Сочетание внутренней жизнеспособности и энергетики Германии и географической уязвимости и объясняет, по Ратцелю, потребность в экспансии [Agnew, 2002: 15]. Успех государства Ратцель мерил его территориальными приращениями (от державы — к великой державе, от великой державы — к мировой державе), а адекватное жизненное пространство (*Lebensraum*) считал базовым ингредиентом мощи государства.

Последователями идей Ратцеля были известные геополитики, разработавшие собственные концепции, — шведский политолог Рудольф Челлен и британский географ сэр Хэлфорд Макиндер. Челлена, автора понятия «геополитика», которое он ввел в научный оборот в 1899 г., интересовали способы выживания его родины — небольшого уязвимого европейского государства. Государство он полагал высшей ценностью, а его существование считал единственным реальным источником порядка, безопасности и защиты от хаоса. Геополитика Челлена базировалась на идее о том, что легитимация государства основана на занимаемом им пространстве; он подчеркивал важность таких пространственных факторов, как расположение государства, природные

ресурсы, морфология территории, население. В 1916 г. Челлен опубликовал свой основной труд «Государство как жизненная форма», который имел большой резонанс в Германии.

В отличие от Ратцеля Макиндера интересовали вопросы глобальной стратегии и баланса сил. В 1904 г. он опубликовал работу под названием «Географическая ось истории», где разделил историю на три эпохи — доколумбову, когда главную роль в могуществе государств играла суша; колумбову, когда на передний план выходит господство на море; наступающую постколумбову эпоху, когда новые технологии, позволяющие преодолевать большие расстояния, опять выводят на передний план «гигантов суши». Согласно Макиндеру ось истории располагалась в центре евразийского континента (впоследствии он переименовал «ось» в «хартленд». Макиндер делил мир на три региона: внешний полумесяц (Америки, Африка и океанские пространства), внутренний полумесяц (Европа и Южная Азия) и хартленд.

Тот, кто правит Восточной Европой, правит Хартлендом,

Тот, кто правит Хартлендом, правит Мировым Островом,

Тот, кто правит Мировым Островом, правит Миром.

Макиндер был человеком действия, не рефлексировавшим кабинетным ученым, но практиком, реформатором, преданным Географии и Британской империи. Его идеи пользовались большой популярностью в ходе Версальской мирной конференции 1919 г., где он участвовал как делегат от Великобритании. Его «наследство» заключается, помимо прочего, в создании так называемых «буферных государств», созданных в Восточной Европе для отделения Германии и России. Макиндера критиковали за чрезмерное упрощение истории, недооценку воздушных войск и маргинализацию США как центра силы. Подход Макиндера был модифицирован, в частности, Николасом Спикменом, который подчеркивал стратегическую важность контроля не над хартлендом, но над римлендом («внутренним полумесяцем», по Макиндеру).

В межвоенной Германии продолжателем идей Ратцеля становится географ Карл Хаусхофер, который, опираясь на концепцию «жизненного пространства», доказывал необходимость территориальной экспансии Германии и аннексии ею соседних стран (Польши и Чехословакии). От Макиндера Хаусхофер почерпнул идею о том, что контроль над Восточной Европой и хартлендом приведет Германию к мировому господству. Хаусхофер писал о необходимости создания континентального блока (Германия, Россия и Япония), который контролировал бы хартленд и был бы противовесом Британской империи [Jones, Jones, Woods, 2004: 5—7].

BOX 1.2

Геополитика: подъем — падение — подъем? Термин «геополитика» был использован впервые в 1899 г. и первоначально описывал взаимосвязь пространственного подхода и внешней политики государства. В этот период мир был уже поделен между колониальными державами, свободных для колонизации площадей практически не осталось. Успех государства зависел прежде всего от его стратегического расположения и военной мощи. Именно политгеографы оказались в состоянии помочь главам своих государств в наращивании политического влияния на мировой арене. Вмешательство геополитики во внешнюю политику государства достигло апогея в нацистской Германии; с поражением Германии крах потерпела и геополитика, которую считали уже не столько наукой, сколько пространственной идеологией. Возрождение геополитики как легитимной рамки для исследований началось в 70-е годы XX в. во Франции и США. В это время многие труды по геополитике описывают и объясняют биполярность мира, конфликт между Западом и Востоком. С середины 80-х годов традиционная геополитика резко теряет популярность, однако развивается *критическая геополитика*, ставящая под сомнение традиционные подходы и понятия: национальные интересы, доминирование и пр. Было ли это свидетельством очередного краха геополитики или же нового ее подъема на радикально новых основаниях?

Подробнее об этом: Parker [1998], Dodds [2000], O'Tuathail [1996].

Итак, начало XX столетия стало периодом оформления геополитического направления политической географии, которое оказалось крайне значимым для международных отношений и практической политики того периода. Однако в это же время развивался и альтернативный (гуманистический) подход в политической географии, развивавшийся как отрицание ратцелевского. Основоположник того подхода, французский географ Видаль де ла Блаш, отрицавший тотальный государственноцентризм Ратцеля и Макиндера, положил в его основу следующие идеи, обращенные к Франции:

1) своеобразие Франции заключается в слиянии различных ее частей, а не в данной примордиалистской общности;

2) национальная идентичность основана не на этносе, но на слиянии «жизненных форм» вокруг национального «гения места» (*genius loci*). То есть национальный исторический процесс — это не история завоевания страной политической и территориальной мощи, а скорее история превращения «крестьян во французов»;

3) миссия Франции в колониях заключается не в захватах территории и ее эксплуатации, но имеет цивилизаторский характер [Agnew, 2002: 70—72].

Отличительной особенностью следующего периода — между двумя мировыми войнами, захватившего, однако, и вторую половину 40-х годов, — стало появление многочисленных прикладных работ, посвященных политико-географическим описаниям государств, проблемам границ, спорных территорий, сепаратизма и пр. Появление подобных конкретных политико-географических разработок было связано с масштабными изменениями мировой карты и системы государственных границ в связи с окончанием двух мировых войн.

Период 50—70-х годов XX в. оказался неблагоприятным для развития ПГ, которая в это время оказалась в тени новых, активно развивающихся направлений географии общества — геоурбанистики, социальной и культурной географии. Переживало застой и геополитическое направление, поскольку геополитическая ситуация, основанная на балансе сил между двумя крупными блоками (сформированными вокруг США и СССР), характеризовалась отсутствием масштабных подвижек. Многие работы этого периода были посвящены государствам, однако уже не просто их описанию, но *типологии государств* по их экономическому, военному, демографическому потенциалу, степени их зависимости от международной среды. Привлекательным предметом изучения для политгеографов были исследования «исторических ядер» государств и их территориально-политических стратегий. Основной акцент делался на компаративности, интерпретации сходств и различий между государствами [Колосов, Мироненко, 2001: 245—251].

В конце 50-х годов большую популярность среди исследователей приобрела концепция одного из наиболее крупных американских географов Ричарда Хартшорна [Hartshorne, 1954]. В попытке деполитизировать политическую географию и придать ей более научный характер он предложил «функциональный подход» в ПГ. По мнению Хартшорна, основная задача политической географии заключается не в изучении глобальных стратегий государств, но в анализе их внутренней динамики — соотношения (баланса) центростремительных и центробежных сил, действующих в любом государстве. Первые способствуют его

консолидации и, следовательно, могуществу и процветанию, а вторые ведут его к развалу, утрате территориальной целостности. Еще одной задачей исключительной важности было выявление ключевой идеи, которая обеспечивает государству поддержку большинства граждан (иными словами, Хартшорн писал о роли политической идентичности). Идеи Хартшорна оказали большое влияние на современную ПГ, однако он исключал из своего анализа как региональный и локальный уровни (полагая, что регионы и тем более места являются составными частями государства, следовательно, они безусловно лояльны ключевой «идее государства»), так и уровень глобальный. Для Хартшорна и его последователей государство оставалось основным уровнем анализа [Колосов, Мироненко, 2001: 249—252].

Тем не менее отсутствие «критической массы» новых, крупных идей обусловило то, что ПГ начинает по преимуществу заниматься накоплением фактуры — как новых сведений, так и новых политико-географических описаний. Потребность в новых парадигмах и новых формах научного анализа оказывается нереализованной, привлекательность ПГ для исследователей постепенно падает [Колосов, Мироненко, 2001: 252]. Теория в политической географии в отличие от других направлений географической науки развивалась крайне слабо, в частности ПГ «упустила» так называемую количественную революцию 60-х годов. Политическая география маргинализуется и начинает исчезать как университетская дисциплина.

В Советском Союзе в этот период центральное место занимало политико-географическое страноведение, которое характеризовалось слитностью экономического, социального и политико-географического описания и анализа государств. Следует упомянуть работы О. В. Витковского (по ФРГ), А. Е. Слуки (по Франции), В. М. Гохмана (по США), Л. В. Смирнягина (по США), И. А. Антоновой (по Канаде), А. И. Мухина (по Австрии). Активными сторонниками развития политической географии были крупнейшие советские географы Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, И. М. Майергойз.

Новые области исследования, новые идеи. Политическая география в современной России

Возрождение политической географии началось в 70—80-е годы и было связано с тремя параллельными процессами: 1) подъемом электоральной географии, базирующейся на количественных методах и изучающей влияние пространства на электоральное поведение; 2) применением политэкономического анализа в ПГ; 3) рост исследовательского интереса к проблемам исторической географии, в частно-

сти географии формирования и консолидации европейских государств [Agnew, 2002: 18].

Новый прорыв ПГ уже в 80—90-е годы — был связан с двумя важнейшими обстоятельствами. *Во-первых*, это начало нового исторического этапа мирового развития, который был связан с беспрецедентным ростом взаимозависимости государств, появлением мощнейших информационных и финансовых потоков, «секущих» межгосударственные границы. Роль и функции государств изменились, произошла своего рода «диффузия власти», когда часть компетенций передается государствами на наднациональный уровень, а часть делегируется новым субнациональным государственным и негосударственным акторам — регионам, транснациональным корпорациям, структурам гражданского общества. Глобальный (или глобализированный) мир имеет свою — отличную от национальную — транснациональную повестку дня.

Во-вторых, на мировой карте произошли системные геополитические изменения — распад сначала системы социализма, а затем и ее ядра — Советского Союза. Распад Союза ССР сделал явной неоднородность огромных пространств, на этих территориях проявились геополитические разломы, конфликтные зоны, культурно-исторические и межэтнические линии размежеваний. Само наличие и последствия существования этих линий-границ-разломов внезапно приобрели едва ли не решающее политическое значение. Образовались новые государства, с самого начала занятые поисками своего места в мире, а следовательно, вопросами консолидации территории и населения, формированием национальных геополитических доктрин. Огромную важность обрели исследования территориального разнообразия Российской Федерации, при этом выяснилось, что географические знания о своей собственной стране у большинства населения крайне ничтожны.

Эти процессы не могли не вызвать расширение сферы политико-географических исследований, которое происходило в двух направлениях: политгеографы начинают исследовать сферы, традиционно принадлежащие политической науке, с другой стороны, происходит политизация собственно географических сфер. Как указывают В. А. Колосов и Н. В. Мироненко, основой новой политической географии стало изучение взаимосвязей в триаде: **территория (границы) — государство — идентичность** [Колосов, Мироненко, 2001: 259—260].

Попробуем обозначить наиболее интересные и перспективные «зоны» новой политической географии. Так, уже с 60—70-х годов так называемые радикальные географы, в основе идеологических взглядов которых лежали положения марксизма, ввели в оборот политической

географии такие темы, как география бедности, проблемы городской политики и неравенства в городах, политико-географические последствия процессов интернационализации производства.

Процессы глобализации обусловили появление целого массива новых тематических направлений, среди которых:

- новая *география границ (лимология)*, исследование роли и функций границ в современном мире;
- *глокализация* (термин, введенный Р. Робертсоном и означающий понимание локального (местного) как аспекта глобального);
- изучение взаимосвязей между *глобальным, (макро)региональным, национальным, региональным и местным уровнями*. Здесь введение «фактора масштаба» позволяет дать адекватный анализ особенностям политического процесса на различных уровнях;
- *география терроризма* как явления во многом детерриториального, но тем не менее имеющего национальные/региональные особенности и привязки к территории.

Геополитические сдвиги и начало нового этапа мирового развития (постсовременности или постмодернизма) привели к переоценке многих прежних парадигм и появлению концепции новой *критической геополитики*, которая (а) рассматривает национальную безопасность не только как военную, но и как экономическую, культурную, экологическую и т. д.; (б) разделяется на высокую и низкую, при этом первая создается государственными деятелями, дипломатами, экспертным сообществом, а вторая — популярная — складывается из набора социальных представлений и мифов о месте и роли страны в мире, распространяемых через средства массовой информации, систему образования, каналы официальной пропаганды [Колосов, Мироненко, 2001: 270].

Постмодернистские подходы в географии, междисциплинарные по сути, привели к пересмотру многих традиционных понятий в политической географии. Развитие этих подходов связано в основном с именем знаменитого британского географа Дэвида Харви, который обосновал положение о том, что характер восприятия и использования человеком и/или социальной группой пространства меняется в зависимости от социальной практики. Пространственные практики всегда отражают классовое или какое-то иное социальное содержание и часто находятся в центре социальных конфликтов. Харви пишет также о том, что идея о некоем «универсальном языке пространства», существующем вне практической деятельности людей, должна быть отвергнута. Любой трансформационный проект в обязательном порядке ведет к трансформации восприятия пространства [Harvey, 1989: 219, 238].

Одним из важнейших направлений новой политической (и социальной) географии стала проблематика *территориальной идентичности (самоидентификации с определенной территорией)* — человека, социальной группы (например, политической партии, группы интересов и пр.). Базовыми положениями исследований в данной области являются следующие:

1) пространство — это не нейтральная категория как для человека, так и для социальной группы;

2) территориальные идентичности человека и социальной группы многообразны и имеют много уровней, простираясь от самого нижнего (места — *locality*) до самого высокого уровня (мира — *global world*).

В последние годы появилось множество интересных работ, посвященных значению территории (места) как одной из основ политической и/или этнической идентичности, а также политическим границам как территориальным и социально-психологическим маркерам отграничения идентичностей [Колосов, Мироненко, 2001: 275—276].

С этим же подходом связана *концепция места и контекстуальный подход*, разработанные американским географом Джоном Эгню [см.: Колосов, Мироненко, 2001: 278—282]. В основе этого подхода лежат следующие базовые идеи:

1) как первичная ячейка политического пространства место является ареной взаимодействия процессов, протекающих на разных уровнях — от глобального до локального;

2) пространственное распределение политических процессов — ход и итоги избирательных кампаний, подъем национализма, особенности местной и региональной политики и пр. — можно объяснить через эффект места (или пространственный контекст). В данном случае под контекстом следует понимать отражение исторических, экономических, культурных и прочих особенностей места и систем взаимосвязей места с другими уровнями. Контекст объясняет, каким образом географическое пространство оказывает влияние на политические явления и процессы, в частности каким образом оно опосредует воздействие более высоких территориальных уровней на локальный уровень, т. е. место. Наибольшее применение концепции места и контекста нашли в работах по электоральной географии (географии выборов).

Согласно подходу Д. Эгню территориальный контекст содержит следующие элементы [Agnew, Rogers, Livingstone, 1996]:

— динамика территориального разделения труда: каждый новый этап в его развитии оставляет на территории свой экономический и культурный слой, что создает индивидуальную историю каждого места;

- доступность места, т. е. его положение в сетях распространения информации и диффузии нововведений;
- характер отношений между центром и местами, в частности перераспределительная политика государства;
- различия между местами в половозрастной структуре населения, социальные и этнические различия и их значимость для данного места;
- требования местных политических движений по проблемам развития страны, региона, места;
- так называемая микрогеография повседневной жизни, т. е. совокупность каналов взаимодействия между людьми и социальными группами по вопросам организации повседневной жизни — школ, детских садов, досуга, жилья.

Наконец, следует упомянуть, что новая политическая география включает и *новые страноведческие исследования* (географическое государствоведение), которые отказываются от прежней описательности и рассматривают территорию (место) не как статичную поверхность, на которой разворачиваются некие процессы, но как динамический компонент политических, социальных, экономических процессов. Так, в своей работе, посвященной Италии, Д. Эгню показывает, почему отсутствие общего физико-географического образа Италии послужило препятствием на пути формирования общей национальной идентичности итальянцев после объединения страны в XIX столетии [Agnew, 2005].

Политическая география в **современной России** развивается в особых условиях. С одной стороны, территориальное разнообразие страны, необходимость решения территориальной проблемы (урегулирования отношений между федеральным центром и регионами), очевидно влияние географического фактора на развитие политических процессов стимулировали исследования, с другой — у отечественной географии отсутствовала серьезная теоретическая база, в советский период подготовка специалистов по данному направлению не проводилась.

Уже с конца 80-х годов особый интерес политгеографов вызывали следующие направления:

1) *электоральная география*, что было обусловлено политической конъюнктурой — объявлением в конце 1988 г. о проведении первых альтернативных выборов народных депутатов РФ, назначенных на март 1989 г. По результатам этих выборов была издана первая в России монография по электоральной географии, которая предлагала методику географического анализа предвыборных кампаний и итогов выборов для СССР и России. Электоральная география до сих пор остается популярным направлением исследований, а демонстрация карт хода

голосования по территории страны стала уже привычным атрибутом выборов. Стабильность результатов голосований по регионам России является одним из важных факторов, характеризующих степень зрелости территориальной структуры страны;

2) *география межэтнических конфликтов, пограничных споров, спорных территорий*. Этот интерес был связан с появлением множества «горячих точек» как следствия распада Союза ССР — Нагорный Карабах, Абхазия, Чечня, Южная Осетия... Уже к концу 1990 г. в России была создана первая база данных по *этиотерриториальным конфликтам*, причем информация по ним постоянно пополнялась. Конфликты были классифицированы по генезису, типам вовлеченных акторов, продолжительности, степени актуализации [Колосов, Мироненко, 2001: 288];

3) *новое пограничье России*, интерес к которому со стороны политгеографов связан с тем обстоятельством, что после распада Союза ССР внутренние административные границы превратились в границы государственных, а это оказало крайне существенное влияние на геополитическое положение многих регионов. Приграничные регионы приступили к процессу длительной и зачастую болезненной адаптации к новым условиям, причем стратегии адаптации были принципиально различными и зависели от множества факторов (разницу легко уловить при сравнении границы России с Финляндией и границы с Китаем);

4) *культурно-политическая география*, которая занимается проблемами политической культуры в их территориальном аспекте, формированием образов российских регионов и т. п.

За пятнадцать лет отечественная политгеография прошла очень большой путь. Сегодня она становится все более многообразной, усиливается ее междисциплинарный характер. Важнейшей проблемой остается отсутствие методологического единства. Политическая география пока еще остается набором интересных проблемных областей, связи между которыми развиты недостаточно.

Дебаты о будущем политической географии высвечивают три возможных альтернативных пути развития этого направления: 1) *концентрация*: ПГ вновь ставит в фокус исследований концепции государства и территории, жестко отграничиваясь от культурной и экономической географии; 2) *экспансия*: поиск новых объектов исследований; 3) *вовлеченность*: стимулирование новых связей и проникновение в смежные области — проблемы войны и мира, политическую экологию, феминизм и т. п. [Jones, Jones, Woods, 2004: 15—16].

Если же подводить итог развития политической географии в целом, датируя начальный период ее развития последними годами XIX столе-

тия, то следует сказать следующее. В начале своего пути политическая география предпринимала попытки объяснить (международную) политику государства и способствовать повышению ее эффективности; в настоящее время ее усилия направлены на объяснение распределения политической власти между пространственными «этажами» (масштабами). За этот период мир претерпел гигантские изменения, однако политические драмы, происходящие в нем постоянно, по-прежнему невозможно объяснить вне их географического контекста.

Политическая география и международные отношения

Политическая география и международные отношения не нейтральны по отношению друг к другу, напротив, эти научные направления способны обогащать друг друга. При этом речь идет не об одностороннем влиянии политгеографии на международные отношения или наоборот, но о диалоге научных направлений. Если смотреть на этот диалог со стороны географии, то она обогащает международные отношения (МО) понятием территориальности; инкорпорируя географический фактор, при подключении географического воображения, международные отношения из шахматных битв становятся реальностью, обретают «плоть». Помимо этого, география привносит в МО идею об уникальности места, которое и необходимо изучать именно как уникальность, как особый случай (возьмем, например, статус Гуантанамо или пространственную политику и проблемы формирования идентичности в таких городах, как Бейрут или Иерусалим).

Существуют еще две области политгеографии, интерес к которым со стороны МО очевиден. Во-первых, это формирование политической карты мира — здесь понимание особенностей, сходств и, может быть, еще важнее, различий хода этого процесса на разных континентах оказывается крайне важным для адекватного анализа системы современных международных отношений.

Во-вторых, это пространственное конструирование мира — геополитика. Отказавшись от традиционного «амбразурного видения», современная геополитика становится геополитикой *взаимозависимости*, что отвечает и современным теориям международных отношений.

Между политической географией и международными отношениями существуют своего рода «скрепы» (в данном случае это проблемные области — *метапаттерны*), которые не просто сближают эти две дисциплины, но способствуют их взаимопроникновению. Первая проблемная область — это *суверенитет*. Дискуссиями относительно нового наполнения концепции суверенитета полна как политгеографическая литература, так и работы по международным отношениям.

Отход от Вестфальской системы включает отказ от интерпретации государства как «высшей манифестации» территориального измерения суверенитета. Возникают (или проявляются) новые формы идентичности, которые невозможно ни понять, ни объяснить в Вестфальской парадигме (например, религиозные); так что центральная роль государства как «создателя» идентичности подвергается сомнению (достаточно вспомнить случай Палестины). Такая ситуация имеет важные территориальные и геополитические следствия, и политгеографы отказываются от механического и простого картирования суверенитетов, маркированных государственными границами.

Вторым метапаттерном являются *границы*, которые и политгеографы, и международники открывают для себя как новый объект исследований. Множественные границы, не совпадающие друг с другом, но пересекающиеся, ограничивающие разные идентичности — территориальные и символические, создают пространства многих измерений (*multidimensional spaces*). Как феномен граница представляет собой крайне интересный и перспективный объект для изучения, однако, помимо этого, в глобальном мире, стремящемся к безграничности, границы можно воспринимать как некие ориентиры, как своего рода дистанцирование от безграничной глобальности.

Включение географического фактора — будь то в исторической (формирование политической карты мира) или геополитической перспективе или же в дискуссии о суверенитете, границах и конфликтах — позволяет международникам найти объяснения *премущественности и изменений* в системе международных отношений.

Профессия политгеографа: «благословляя разность...»

«Благословляя разность», географ хорошо видит особенное, отличия, непохожести, неравномерности — вот его хлеб. Великий французский географ Видаль де ла Блаш писал, что живая гармония не в единообразии, но в разнообразии, которое и составляет своеобразие территории.

Привлекательность профессии политгеографа во многом определяется ее громадным прикладным значением. Многие политгеографы весьма продуктивно консультируют политических деятелей. Так, в США в избирательный штаб кандидатов в президенты страны неизменно привлекаются географы, поскольку речи и выступления кандидатов во время их предвыборных поездок по стране неизбежно должны быть скорректированы с учетом места выступления, т. е. особенностей менталитета и политической культуры жителей того или иного региона. Политики в западных странах, особенно крупных, прекрасно

осознают значение географического фактора для победы на выборах — чтобы победить, надо хорошо знать географию своей страны, ее территориальную дифференциацию. Не случайно географ и геополитик И. Боумен был советником американского президента Вудро Вильсона на конференциях, которые проводились после Первой мировой войны [Туровский, 1999: 25]. Российский географ Л.В. Смирнягин был членом Президентского совета в 90-е годы при Президенте Б.Н. Ельцине.

Экспертиза со стороны географии крайне важна при проведении реформ в стране, знание территориальной структуры общества позволяет географам формулировать последствия, риски и вызовы (подчас весьма отдаленные), связанные с проведением масштабных реформ. Например, территориальная реформа (укрупнение субъектов Федерации), которая в настоящее время разворачивается в нашей стране, активно и весьма плодотворно дискутируется географами.

Политгеографы активно вовлечены в выборные процессы; в США географы проводили нарезку избирательных округов во многих штатах. География выборов дает возможность получить представление о зрелости территориальной структуры страны, а следовательно, дает возможность делать прогнозы относительно результатов выборов.

Как справедливо указывает Р.Ф. Туровский, востребованность политической географии в сильной степени зависит от географической культуры общества, которая определяется и традицией, и практической потребностью в географических знаниях. Зачастую граждане плохо знают географию своей страны, причем, как ни странно, такая ситуация характерна для крупных стран, которые как раз наиболее интересны с точки зрения географии, поскольку наиболее разнообразны. Географическую культуру и интерес к географии (в том числе политической) надо воспитывать [Туровский, 1999: 26]. Знание географических реалий свидетельствует об образованности человека, географическое же невежество может сыграть пагубную роль для репутации, когда человек выглядит носителем лишь абстрактного знания, часто воспринимаемого в повседневности как знание бесполезное.

Наконец, профессия политгеографа дает возможность (и удовольствие!) не ограничиваться кабинетной работой, провести полевые исследования — изучить свой регион, свою страну и весь мир, удивившись и восхитившись их разнообразию и проверив, что написанное в умных книжках действительно существует. Потому что существует *«a place for everything and everything in its place»*.

Литература основная

1. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М: Аспект-Пресс, 2001. С. 239—300.
2. Туровский Р. Ф. Политическая география. Москва—Смоленск, 1999. С. 8—28.
3. Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск, 1998. С. 3—24.
4. Agnew John. Making Political Geography. London: Arnold, 2002.
5. Jones Martin, Jones Rhys, Woods Michael. An Introduction to Political Geography: Space, Place and Politics. London and New York: Rutledge, 2004.

Литература дополнительная

1. Каледин Н. В. Политическая география. СПб., 1996.
2. Political Geography: A Reader. Agnew John (ed.) London: Arnold, 1997.
3. Monmonier Mark. How to Lie with Maps. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996.

ГЛАВА 2. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ

Государство — традиционный объект исследований политической географии, Ратцель называл государство ее «альфой и омегой». Географическое государствоведение (ГГВ) является одним из наиболее разработанных направлений в политической географии. Государство является для нас настолько естественным и привычным, что мы нечасто думаем о том, *что* оно такое, *как* оно устроено, *как* появилось и *как* меняется со временем. Существует множество определений государства; так, согласно Манну государство должно включать несколько необходимых элементов:

- 1) — институты и относящийся к ним персонал;
- 2) — определенный уровень централизации, так что политические решения исходят из единого центра;
- 3) — определенные границы, которые маркируют территориальные пределы государства;
- 4) — монополия на использование принуждения (легитимного насилия) и способность к законотворчеству [Mann, 1984: 185—213].

Изучение государства в качестве географического объекта имеет смысл по нескольким причинам. Во-первых, географические исследования и подходы хорошо показывают отличия государств от региона к региону. Во-вторых, географы анализируют и вычленяют территориальный аспект различных направлений внутренней политики (*policies*) государства, т. е. различный эффект этих политик в разных территориях (регионах) государства. В-третьих, и это, видимо, важнейший аспект изучения государства в географической перспективе, государства обладают территориальностью, которая может рассматриваться с двух сторон: территория важна в материальном или физическом отношении как место сосредоточения населения, ресурсов, материальных объектов; территория государства имеет ключевое значение в идеологическом контексте, объясняя характер правления и управления в государстве. Территориальный контроль означает, что внутри территориальных границ государства каждый проживающий и/или работающий на данной территории или даже проезжающий по ней должен подчиняться законам этого государства. Таким образом, границы государства — это не просто линии на карте, пограничные столбы или пропускные пункты; эти границы представляют идеологическую основу государственной власти [Jones, Jones, Woods, 2004: 20—21].

Согласно Ратцелю как объект географический государство обладает тремя базовыми характеристиками:

- пространством (территорией) — *Raum*;
- местоположением, т. е. положением как в системе географических координат, так и по отношению к другим государствам — *Lage*;
- чувством пространства, т. е. восприятием территории и ее местоположения жителями государства (как бы мы сказали сейчас, территориальной идентичностью) — *Raumsinn*.

Рассматривая государство как политико-географический феномен, географическое государствоведение выделяет объекты трех типов, которые формируют государство: площадные (регионы, места, территории), линейные (границы), точечные (столицы, городские центры) [Туровский, 1999: 100].

Следует отметить, что ГГВ как направление в политической географии вызывает серьезную критику у многих исследователей. Так, критики говорят о том, что в современных условиях гораздо более эффективны исследования, ориентированные на проблемы (*problem-oriented*), а не посвященные отдельным территориям (государствам) (*area-oriented*). Еще одним аргументом противников ГГВ является положение о стирании межгосударственных границ в силу развития интеграционных процессов (это положение по понятным причинам весьма популярно в среде европейских географов) и относительном уменьшении роли государства под воздействием процессов глобализации. Однако государства по-прежнему существуют. Ни глобализация, ни интеграция, ни проблемно-ориентированные исследования не отменяют традиционного географического государствоведения; и в целом противопоставление проблемно-ориентированных и государство-ориентированных исследований представляется искусственным, эти подходы не отменяют, но дополняют друг друга.

Консолидация государств и «волны» государствообразования

Начало консолидации современных государств (под термином «консолидация» здесь понимаются процессы обособления территории, централизации и использования принуждения в пределах своих границ) относится к началу XVI столетия, и развивались эти процессы преимущественно на территории Западной Европы (подробнее см. главу 3). Важнейшими факторами, способствовавшими консолидации государств в этот период, были:

- способность государственной власти собирать налоги со своих подданных;
- способность государства (бюрократии) собирать достоверную информацию о происходящем на его территории и надзирать за гражданами (Гидденс исследовал ключевую роль надзора, т. е. сбора информации,

ее сохранения и использования для управления как ключевого фактора консолидации власти государства [Giddens, 1985: 179]);

- способность государства к производству определенных знаний (бюрократия должна выработать согласие относительно того, кто может управлять, что такое управление, кем управляет государство и т. п.) и тем самым формированию *рациональных форм управления*;
- способность государства к стандартизации (например, введение единой системы мер и весов) [Jones, Jones, Woods, 2004: 22—25].

В XVI в. территориальное государство было не единственно возможной формой политической консолидации в Западной Европе; помимо государств существовали еще малые города-государства, такие как Флоренция и Генуя, и протяженные империи, например Священная Римская империя германской нации. Однако, как показывает Спрюйт, государства среднего размера (не слишком большие и не слишком малые по территории) имели преимущества по сравнению с двумя другими формами консолидации с точки зрения сочетания экономической и военной мощи (а общей причиной консолидации была необходимость успешно вести войны). Так, города-государства были центрами производства (и потребления) капитала, следовательно, у них было достаточно экономических ресурсов для ведения войны. Но недостаточно людей для формирования армии. Империи, напротив, имели большие людские ресурсы для создания армии, но у них не хватало экономической мощи для широкомасштабной военной деятельности. Спрюйт утверждает, что для успешного ведения войны государству необходимо наличие двух условий — городов для производства капитала и военной элиты для командования армиями [Spruyt, 1994]. Следовательно, определенный размер государства выступает предпосылкой успеха его военных походов и в конечном счете его выживания.

Консолидация государства не состоится, если оно не будет в состоянии управлять всеми своими подданными; необходимо создать *гомогенную* в правовом отношении территорию внутри своих границ, а это непростая задача, поскольку требует изменения глубоко укоренившихся местных традиций. Для решения этой задачи государство имеет несколько вариантов:

- усилить централизацию, при которой политические, экономические, социокультурные нормы центра будут «навязываться» периферии;
- вступать в переговоры с периферийными регионами и разделять компетенции между центром и регионами (т. е. создавать федерацию);
- способствовать развитию идеологии государственного национализма, которая станет основой лояльности граждан (подданных)

по отношению к государству и его институтам [Jones, Jones, Woods, 2004: 29—31].

История экспансии государственной формы за пределы Европы — это история распада европейских империй. В результате распада империй в Южной Америке, Африке и Азии образовалось множество новых государств, карта 2.1 (см. соответствующие главы этого учебника).

Число государств в современном мире растет, при этом, естественно, сокращается их средний размер. Если в начале XX в. на карте мира было около 50 независимых государств, то в начале XIX в. в ООН входит около 200 государств-членов. В ходе XX столетия можно выделить три волны появления на карте новых государств: 1) образование государств в Восточной Европе в результате распада империй после Первой мировой войны; 2) появление новых государств как результат распада колониальных европейских империй после Второй мировой войны; 3) образование государств после распада Советского Союза в 1991 г. Большинство новых государств образовалось на периферии или колониальных территориях, а не в результате распада существующих государств.

Можно говорить не только о рождении, но и о смерти государств, однако этот процесс имеет эпизодический характер; около половины смертей государственных образований произошло в результате консолидации Италии и Германии в XIX в. Государства, прекратившие существование, всегда меньше среднего по размеру территории.

В среднем наименьший размер имеют африканские государства, они же — самые молодые по возрасту. Самые крупные государства располагаются в Океании, однако это результат наличия одного очень крупного государства — Австралии, и небольшого количества государств в целом в этом макрорегионе [Hiscox, Lake, 2002: 4—7].

Источники географического государствоведения

Источниками современного ГГВ выступают *страноведение* и *геополитика*.

Страноведение — традиционная географическая дисциплина, которая занимается комплексным изучением стран и их регионов, способствует поддержанию целостности всей географической науки и составляет основной потенциал учебной географии. Таким образом, в системе географических наук страноведение играет консолидирующую роль.

Крупнейшими зарубежными школами страноведения были *немецкая школа описательного государствоведения*, сложившаяся в университетах Германии в XVIII столетии, и *французская школа географии*

человека конца XIX — начала XX в., которая характеризовалась выраженной страноведческой направленностью. Если немецкая школа уделяла приоритетное внимание сбору и заучиванию подробных статистических данных о странах, то для представителей французской школы главным была не жесткая схема характеристики территории, но то, чтобы читатель почувствовал ее аромат — как сплав географии, истории, экономики, культурологии (недаром главный представитель этой школы Видаль де ла Блаш известен прежде всего своей великолепной работой «Картины географии Франции»; впоследствии в этом же ключе была написана работа Фернана Броделя «Что такое Франция») [Мироненко, 2001: 14—16].

ВОХ 2.1

Фернан Бродель о том, как любить и понимать Францию. «Заявляю это раз и навсегда: я люблю Францию той же страстной, требовательной и непростой любовью, как любил ее Жюль Мишле. ... Что же такое Франция? Дать ответ на этот вопрос — значит уловить самую суть проблемы, понять Францию с ее собственной помощью, увидеть, как рождается она из тех бесчисленных напластований, которые слой за слоем терпеливо откладывало ее прошлое, подобно тому как мощная земная кора образовывалась из еле заметных морских осадков, накапливавшихся в течение многих веков. Одним словом, исследовать отстой, сплав, сочетания и смеси. Вникнуть в процесс, в нескончаемую борьбу страны с самой собой. Не будь этой борьбы, все бы рухнуло» [Бродель, 1994: 5, 12].

В России истоки страноведения можно проследить с конца XVII в., когда было составлено краткое «Описание новых земель Сибирского государства». В дальнейшем среди наиболее известных страноведческих исследований были такие как «Россия. Полное описание нашего отечества» под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского и сочинение «Живописная Россия».

Страноведение представляет собой синтетическое исследование, преследующее цель дать комплексную, по возможности исчерпывающую характеристику страны (территории), однако единый взгляд на содержание страноведения как научной дисциплины отсутствует. В целом страноведение исходит из того, что страна — это не хаотическое скопление географических объектов, но территориальное образование взаимосвязанных компонентов и процессов, обладающее относительной целостностью, однако незакрытое [Мироненко, 2001: 18—23].

Помимо изучения территории государства и его географического положения (эти направления роднят страноведение с географическим государствоведением), страноведение изучает природные условия и ресурсы страны, ее расселение, инфраструктуру, территориальную структуру хозяйства.

Изначально ГГВ было тесно связано и с геополитикой и фактически не отделялось от этого направления исследований. Однако ГГВ концентрирует свои усилия на отдельном государстве как политико-географическом объекте (или же проводит компаративные исследования государств), а объектом исследований геополитики выступают макрорегиональные межгосударственные системы, в которые встроено государство [Туровский, 1999: 98, 100]. Таким образом, ГГВ занято преимущественно *явлением*, в то время как геополитика занимается *процессами* (поведением геополитических систем).

Направления исследования в географическом государствоведении

Географы — исследователи государства изучают:

- характеристики территории государства;
- политико-географическое положение государства;
- границы, приграничные территории и пограничные споры;
- факторы интеграции и дезинтеграции государственной территории;
- территориальную эволюцию государства [Туровский, 1999: 101].

Территория государства и ее параметры

Территория государства, ограниченная государственными границами, является не переменным атрибутом любого государства и представляет собой один из важнейших объектов политико-географических исследований. В пределах государственных границ территориально совмещены все структуры государства и его управление. Таким образом, территория государства — это часть территории земного шара, находящаяся под суверенитетом определенного государства [Голубчик, 1998: 38]. Состав территории государства (ТГ) формируют: 1) суша (вся сухопутная территория в пределах границ государства); 2) внутренние и территориальные воды (большая часть приморских государств имеет территориальные воды от 3 до 12 миль; территориальные воды России составляют 12 миль) и лежащее над сушей и водами воздушное пространство; 3) недра, располагающиеся под сухопутной и водной территориями (до технически доступной глубины) [Голубчик, 1998: 40].

Обратим внимание еще раз на то, что континентальный шельф является экономической принадлежностью государства. Континенталь-

ный шельф выделяется в соответствии со следующими признаками: 1) примыкание к территории государства; 2) глубина до 200 м; 3) техническая доступность ресурсов. Государства имеют исключительное право на разведку и эксплуатацию в пределах своего шельфа, однако не имеют суверенных прав на соответствующую акваторию. Эти положения крайне важны для политгеографа, они имеют серьезные политические последствия, поскольку континентальный шельф государства может превышать площадь его сухопутной территории и сильно увеличивать его ресурсный потенциал. Так, сеть буровых платформ в Мексиканском заливе или Северном море гуще, чем во многих нефтедобывающих районах на материках [Мироненко, 2001: 113].

Понятие «суверенитет», означающее международно признанные исключительные полномочия государства на определенной территории, превращает территорию в государство. Иными словами, суверенитет обеспечивает легитимность контроля государства над определенной территорией, так что понятия «территория» и «суверенитет» тесно связаны. Суверенитет нуждается в территории.

BOX 2.2

Родоначальником концепции суверенитета считается французский политический философ и теоретик права XVI в. Жан Боден. Разработка им концепции суверенитета была вызвана практическими потребностями: религиозные войны поставили Францию на грань полного хаоса, что заставило Бодена начать поиск источника общественного порядка и устойчивости политического режима. Боден находит этот источник в *суверенитете*. Предложенная Боденом концепция явилась ориентиром политической трансформации Европы Нового времени, где стала оформляться система суверенных государств-наций. В классической работе «Шесть книг о государстве» Боден определяет суверенитет как абсолютную и постоянную власть государства, абсолютную, не связанную никакими законами власть над гражданами и подданными. Итак, суверенитет — *постоянен, един, неделим, абсолютен и самодостаточен*. Первоисточником суверенитета выступает Божественное провидение, в практическом же плане суверенитет предполагает независимость государства (в боденовской трактовке — в первую очередь Франции) от внешних авторитетов (например, папы римского или императора Священной римской империи) и набор функций, обеспечивающих эту независимость, — исключительное право изда-

вать законы, решать вопросы войны и мира, творить суд, назначивать и миловать, собирать налоги и пр. Суверенитет, по Бодену, выступал сущностным признаком государства (концепцию Бодена, следовательно, можно назвать концепцией *государственного суверенитета*). Наряду с централизованным статичным государством Бодена, в Европе существовала и альтернативная концепция государства Йоханнеса Алтузиуса, который представлял государство выстроенным «снизу» (а не «сверху» как у Бодена), как амальгаму политических ассоциаций, основанных на согласии. Концепция Алтузиуса имела весьма ограниченное распространение, и идея делимости суверенитета была обоснована и политически оформлена в федеративной модели США.

Серьезным вызовом традиционной концепции суверенитета являются глобальные проблемы; их невозможно решить, оставаясь в рамках национального государства, к тому же они касаются большинства стран. К глобальным относятся проблемы войны и мира, т. е. национальной безопасности, сырьевых и финансовых рынков, экологические проблемы, а также проблемы беженцев, терроризма, наркотрафика и контрабанды. Таким образом, необходимы коллективные усилия при решении этих проблем, а следовательно, разработка новых подходов к концепции суверенитета.

Подробнее о суверенитете: Hinsley, 1986; James, 1986.

Существуют однако серьезные проблемы, связанные с «наполнением» понятия суверенитет. На мировой карте существуют так называемые *непризнанные государства*, которые контролируют определенную территорию и имеют действующие органы управления, однако эти структуры признаны лишь ограниченным числом других государств (так, Тайвань признан 26 государствами) либо не признаны вообще (например, Турецкая Республика Северного Кипра, Нагорный Карабах, Приднестровье, Западная Сахара). Противоречие между правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государства делает возможным появление все новых непризнанных государств (НГ). Можно предположить, что появление НГ отражает, что территория находится на переходной стадии формирования государственности. Такая ситуация возникает в результате сепарации (отделения региона от государства), распада государства или резкой смены политического режима. НГ могут стать полноправными членами международного

сообщества (например, Эритрея, отделившаяся от Эфиопии в 1993 г.), могут опять присоединиться к государству, от которого прежде отделились (как Абхазия от Грузии), однако возможно и долгое сохранение переходного статуса.

ВОХ 2.3

Список непризнанных государств открыт, а само понятие носит условный характер. В основную группу входят: Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика (Арцах), Китайская Республика на Тайване, Турецкая Республика Северного Кипра и Косово. К этой группе часто добавляют Республику Сомалиленд, Тамил Илам (на острове Цейлон) и Исламское государство Вазиристан (северо-запад Пакистана). В этом же контексте упоминают Южный Судан, Кашмир, Западную Сахару, Палестину, Курдистан. Существуют и совсем экзотические случаи, например самопровозглашенное в 1967 г. Княжество Силенд, находящееся в Северном море в 10 км от побережья Великобритании.

Большое значение с точки зрения шансов на самостоятельное выживание имеет размер территории НГ и число его жителей. Многие НГ смогли сохранять свой статус лишь благодаря третьим силам — помощи союзных государств или вмешательству международного сообщества. Вместе с тем существование НГ можно считать иллюстрацией слабой эффективности региональных международных институтов в процессе урегулирования конфликтов. По степени контроля над своей территорией НГ делят на следующие типы:

- полный контроль над территорией (Приднестровье, Северный Кипр);
- частичный контроль (Абхазия, Нагорный Карабах, Тамил Илам);
- протекторат международного сообщества (Косово с 1999 г.);
- квазигосударства, т. е. этносы, не реализовавшие право на самоопределение и контролирующие анклав компактного проживания своей этнической группы (Курдистан).

Подчеркну еще раз: непризнанные государства могут существовать относительно долго, однако это особый и нелегкий способ существования. Такое государство не способно к активной экономической деятельности, не может полноценно участвовать в международных процессах, его выживание зависит не от него самого, но от позиций и политики внешних сил [Большаков, 2007: 83—87].

Одним из важнейших параметров территории государства, оказывающих существенное влияние на многие стороны и особенности общественно-политической жизни, является *размер территории государства*. Можно говорить о том, что:

- чем обширнее государство, тем, как правило, богаче и разнообразнее его природные ресурсы;
- наличие большой территории может уравнивать неблагоприятное географическое положение;
- для больших по размеру территории государств по сравнению с малыми и средними остро стоит проблема «преодоления пространства», т. е. проблема налаживания межрегиональных связей и инфраструктуры. На преодоление огромных пространств идет существенная часть национального дохода [Мироненко, 2001: 114]. Для России большие трудности создают огромные расстояния и расположение 3/5 территории страны в сложных для проживания и ведения хозяйства регионах. Около половины территории нашей страны либо не заселено вообще, либо освоено очень слабо [Машбиц, 1998: 96].

BOX 2.4

«Освоение ресурсов Севера вызвало к жизни соответствующее природным условиям этого сурового края очаговую форму расселения. *Издержки освоения Севера были очень велики*. Предприятия, города и дороги возводились трудом заключенных. Из-за низкого технологического уровня производства численность занятых в нем и общая численность населения северных городов и поселков значительно превышала ту, которая обеспечивала бы равный объем производства при более высокой технологии. Ресурсные города после истощения запасов месторождений обречены были на вымирание» [Лаппо, 2005, 202].

Территория — это ресурс государства особого вида и в качестве такового не может быть ничем заменена. Географы разработали несколько классификаций стран мира по размерам их территории. Так, одна из классификаций, дающая представление об упорядоченности стран исходя из размеров их территории, включает такие классы стран, как трансконтинентальные (Россия, Австралия), субконтинентальные (Китай, Бразилия, Индия, Канада, США), макротопы (например, Иран, Мексика), мезотопы (например, Франция, Германия, Болгария), микротопы (например, Дания, Джибути), наконец, минитопы (Лихтенштейн, Андорра, Сингапур и пр.). На семь крупнейших госу-

дарств мира приходится более 48% территории мировой суши (без Антарктиды). Самыми малыми странами мира являются Ватикан (44 га), Монако (1,6 кв. км), Науру (21,3 кв. км), Сан-Марино (61 кв. км) [Мироненко, 2001: 117—118].

Традиционная геополитика воспринимала размер территории как символ могущества государства и залог его мощи на международной арене. Однако, как уже было отмечено выше, территориальные приращения сами по себе не разрешают, но создают проблемы. Во-первых, возникает проблема эффективного использования территории и ее освоения. Во-вторых, существует проблема природных ограничений (например, вечная мерзлота), которые делают территорию крайне сложной для постоянного проживания.

BOX 2.5

Районы вечной мерзлоты — это части земной коры, температура которых долгое время (от 2—3 тысячелетий) не поднимается выше 0 град. Вечная мерзлота — явление глобального масштаба, она занимает не менее 25% площади суши земного шара (единственным материком, где вечная мерзлота отсутствует, является Австралия). Одно из первых описаний вечной мерзлоты было сделано русскими землепроходцами в XVII в. В России вечная мерзлота занимает 65% территории, наиболее широко она распространена в Восточной Сибири и Забайкалье, самый глубокий предел вечной мерзлоты отмечен в верховьях реки Вилюй в Якутии [<http://ru.wikipedia.org>].

Наконец, возникает проблема ключевой государственной идеи, без которой территориальная целостность страны подвергается угрозам сепаратизма. Таким образом, обратными сторонами территориального роста государства становятся недоступность и фрагментация территорий государства. Как показывает Туровский, «для политической географии важна оценка не только размеров территории, но и ее качественных характеристик» [Туровский, 1999: 109—110].

Для политико-географических исследований важным является изучение *формы или конфигурации территории государства*. Форма территории государства в значительной степени определяет доступность столицы и других крупных центров из периферийных, отдаленных регионов, эффективность государственной системы управления, интенсивность горизонтальных (между регионами) и вертикальных (между регионами и центром) связей. Внутренние геометрические свойства

(характер связности территориальных ячеек) и форма территории оказывают существенное влияние на пространственные взаимодействия [Мироненко, 2001: 123]. Данное положение хорошо иллюстрирует пример Болгарии и Кубы: эти две страны имеют примерно равную площадь (размер территории), но совершенно различную конфигурацию, что влияет на особенности территориальной организации хозяйства и политических процессов (карта 2.2).

В географии широкое распространение получили *количественные измерения форм территории государства*. Сравнивая равные по размеру, но различные по конфигурации государства, мы видим необходимость сопоставлений государств по конфигурации: конфигурация корректирует размер. Исследователи пришли к понятию *компактности* территорий. Для характеристики компактности территории (k) используют следующие показатели:

- сопоставление длины границ (l) и площади территории (S):

$$k = l/S \text{ (100 кв. км)}$$

(недостатком этого показателя является его зависимость от размеров территории государства и от извилистости границ, которые будут увеличивать общую длину государственной границы, скажем горной страны по сравнению с равнинной);

- оценки компактности посредством сравнения конфигурации территории государства с конфигурацией определенных геометрических фигур, чаще всего с идеально компактной геометрической фигурой — кругом. (В географии существует представление об *идеальном по форме государстве*. Такое государство должно иметь территорию круглой или шестиугольной формы, по границам его располагаются горные хребты, а в центре расположена плодородная равнина. В качестве примера приводится Франция, границы которой проходят по Альпам и Пиренеям, а в центре лежит равнина Иль-де-Франс [Туровский, 1999: 110]. Видаль де ла Блаш связывал «скоспелость» Франции как единого государства именно с особенностями формы ее территории.);
- используются также показатели вытянутости по соотношению малой и большой осей формы территории [Мироненко, 2001: 125—126].

Исходя из качественных характеристик форм территории, М.М. Голубчик приходит к выделению следующих типов государств:

- островные (Великобритания, Мальта) и расположенные на архипелагах (Филиппины, Индонезия);

- полуостровные (Северная Корея, Республика Корея);
- удлинённой формы (Чили, Вьетнам);
- содержащие эксклавы, т. е. части территории, отделённые от основной территории другими государствами (Россия с Калининградской областью, Ангола и её провинция Кабинда);
- анклавные государства, т. е. окружённые со всех сторон территорией другого государства (Сан-Марино, Ватикан, Лесото) или содержащие анклавные территории, далеко вдающиеся в территорию другого государства (части территорий Австрии, Швейцарии) (в качестве особого случая здесь выделяются полуанклавы — государства-анклавы, имеющие выход к морю, — Гамбия, Монако, Бруней);
- компактные государства (Франция, Болгария, Польша) [Голубчик, 1998: 38].

ВОХ 2.6

Калининградская область — самый западный регион России, результат послевоенных перекроёк политической карты Европы. После Второй мировой войны по решению Потсдамской конференции 1945 г. треть территории Восточной Пруссии с городом Кенигсбергом вошла в состав Советского Союза. В 1946 г. на этой территории была образована Кенигсбергская область, переименованная вскоре в Калининградскую. В составе Союза ССР область граничила с Литовской ССР и Польской Народной Республикой. Уже с 1946 г. было организовано массовое прибытие в область переселенцев из России и Белоруссии, что и определило переселенческий характер региона. Распад Союза ССР обусловил резкое изменение положения области: она стала эксклавом, будучи отделённой от основной, материковой территории России. Расширение Европейского союза в 2004 г., присоединение к нему Польши и Литвы вторично изменило положение области, сделав его поистине уникальным: Калининградская область является российским анклавом внутри политической системы нового типа — Европейского союза.

Туровский приводит несколько отличную классификацию особых случаев распределения государственной территории:

- государства «неправильной» формы (Хорватия), в частности «вытянутые» государства (Чили, Норвегия, Вьетнам);
- фрагментированные государства, например расположенные на ар-

хипелагах (Малайзия, Филиппины, Индонезия, Пакистан между 1947 и 1971 г., который после распада Британской империи состоял из двух удаленных друг от друга частей);

- государства, имеющие в составе эксклавы;
- государства, на территории которых располагаются крупные природные барьеры, труднодоступные территории (Россия, Перу, разделенное на две части Андскими хребтами) [Туровский, 1999: 110—112].

ВОХ 2.7

Вопрос об органической форме государства имеет глубинный смысл, особенно он важен для таких крупных стран, как Российская Федерация. Вопрос о естественном или оптимальном соответствии государственной территории и страны имеет потенциально много ответов. Возможно, Россия имеет и иные формы, приближение к которым лежит отнюдь не на пути увеличения территории. Не окажется ли «прочно обустроенная» Россия совсем иной территориально, нежели нынешнее государство? «Естественная» форма страны может реализоваться несколькими государствами. Так, помимо собственно Германии в Западной Европе существует еще несколько полностью или преимущественно германских государств — Австрия, Люксембург, Лихтенштейн, Швейцария. Германское лингвистическое и культурное пространство очевидно не совпадает с пространством политическим. Возможно, именно на этом пути Германия смогла решить мучительный для нее (и для всей Европы) «германский вопрос» — «Где кончается Германия?» — и обрести такую территорию, которая отвечает устойчивости Германского государства [Канганский, 2002: 18].

Географическое положение государства

Категория «географическое положение» глубоко разработана в рамках политической, экономической и социальной географии и имеет важнейшее методологическое значение. Место, занимаемое любым ареалом, будь то страна, район, город и т. д., в системе географического разделения труда в значительной степени определяется географическим положением [Баранский, 1980: 157]. Основная идея географического положения заключается в осмыслении и анализе *территориальных отношений*. Политико-географическое положение (ПГП) как одно из «измерений» географического положения (наряду

с физико-, экономико-, социально-, эколого-географическим положением) заключается в положении относительно политических данностей — внутри страны его будет определять, в частности, территориальная расстановка политических сил, а по отношению к внешним объектам — положение государства по отношению к другим государствам и/или группам (блокам) государств.

Необходимо понимать различие между *географическим положением* и *местоположением*. Анализ ГП даст нам ответ на вопрос: по отношению к чему? Характеристика местоположения отвечает на другие вопросы: где и частью чего является? Так, местоположение говорит о локализации объекта (государства), а ГП отражает отношения в системе. Иными словами, ГП характеризует взаимоотношения объекта с внешней средой [Мироненко, 2001: 133].

Основными атрибутами (неотъемлемыми свойствами) категории ГП являются:

- отношения государства с внешней средой;
- потенциальность (выгоды ГП могут превратиться в ресурс развития территории. Так, положение страны-микротопа Сингапура на мировых торговых путях в условиях экономического роста азиатских «новых индустриальных государств» стало важнейшим фактором его процветания и превращения в «креативную» территорию. Именно географическое положение возвысило в свое время города-порты севера Италии, Португалию, Испанию, Голландию, а затем Британию после Великих географических открытий. Иллюстрациями активного изменения и использования потенциала ГП являются такие крупнейшие проекты, как сооружение в 1859—1869 гг. Суэцкого канала, соединившего порты Атлантического и Индийского океанов; Панамского канала, связавшего Атлантический и Тихий океаны; Кильского канала в 1895 г. между Балтийским и Северным морями. Реализация этих проектов резко усилила выгодность географического положения государств, по территории которых проходят международные каналы, — Египта и Панама);
- дистанционность — без указания на расстояние между объектами характеризовать ГП невозможно [Мироненко, 2001: 134—137].

Особую роль в ГП (в частности, в ПГП) играет *приморское положение*. Территории, имеющие выход к морю, с давних времен считались стратегически важными; море открывало путь во внешний мир. Не случайно в XVIII в. Россия вела активную борьбу за выход к Балтийскому и Черному морям. Государства же, не располагающие выходом к морю, оказываются в уязвимом, зависимом положении. В настоящее время таких государств на карте мира насчитывается 41 (включая три

государства, имеющие выход к Каспийскому морю, которое с точки зрения физической географии является озером), 14 из них находятся в Африке. Проблема выхода к морю приобрела крайнюю актуальность после распада Союза ССР, поскольку большинство постсоветских государств — Белоруссия, Молдова, Армения, Азербайджан, все государства Центральной Азии — с распадом Союза выход к морям утратили [Туровский, 1999: 105].

Отсутствие выхода к морю может вести к зависимости такого государства от соседей. Эта зависимость не будет фатальной для страны, принадлежащей к стабильной наднациональной общности (например, это случай Австрии, входящей в Европейский союз), однако в других регионах отсутствие выхода к морю может стать причиной экономического кризиса в стране. Туровский приводит пример Македонии, которая сильно пострадала при закрытии границы с Грецией: когда Македония находилась в составе Югославии, она активно использовала греческий порт Салоники. Таким образом, контролируя выходы соседей во внешний мир, одни государства могут получать географические преимущества над другими [Туровский, 1999: 106].

С целью более глубокой оценки ПГП Ю. Н. Гладкий предложил ввести так называемый коэффициент приморского положения (K):

$$K = 3L/S,$$

где L — протяженность береговой линии в км; S — длина сухопутной границы в км; а 3 — корректирующий коэффициент [Гладкий, 1984: 127—145].

Большое значение для оценки ПГП имеет *положение в ареале* (в качестве ареалов могут выступать группы стран, геополитические или геостратегические макрорегионы). В ареале государство может занимать центральное или эксцентральное, окраинное, глубинное положение. Российский географ Б. Б. Родоман назвал зависимость существенных свойств объекта от его положения в пространстве (в частности, в ареале) *позиционным принципом* [Родоман, 1979].

Центральность ГП — важный фактор общественно-политической жизни, причем не только по отношению положения государства в ареале, но и по отношению к размещению важнейших объектов по территории государства. Так, важную роль может играть размещение столицы. (В ряде государств с целью выравнивания межрегиональных диспропорций в стране и/или снижения уровня конфликтности столицы были перенесены в географические центры. Это Бразилия, где столица была перенесена с целью освоения природного потенциала внутренних районов из Рио-де-Жанейро в г. Бразилиа. Столица Нигерии была перене-

сена в г. Абуджа, поскольку прежняя столица — г. Лагос — ассоциировалась с острыми межэтническими и межклановыми конфликтами. В 1923 г., после распада Османской империи, когда Турция потеряла большую часть своих территорий в Европе, ее столица была перенесена из Стамбула в Анкару. Политическое значение имеет и перенос столицы Казахстана из «советской» эксцентральной Алма-Аты в более центрально расположенную «казахскую» Акмолу.) [Мироненко, 2001: 142—144].

ВОХ 2.8

Перенос столицы государства может быть связан и с другими обстоятельствами. Так, после объединения Германии в 1990 г. было принято решение перенести столицу государства из Бонна в Берлин. Город Бонн на Рейне не имел столичных традиций, после разделения Германии на два государства — ГДР и ФРГ — Федеративной Республике необходимо было найти новое место для столицы; прежняя столица — Берлин — была отделена территорией ГДР. Решение о Бонне было принято в качестве подчеркнуто промежуточного, временного. После объединения страны столица заняла прежнее место — город Берлин.

Для крупного по размерам государства большое значение имеют различия в ГП и ПГП его регионов. В большом государстве положение отдельных регионов неизбежно окажется специфичным и контрастным. Глубинность и периферийность ГП связана с размерами территории государства и ее конфигурацией. Так, И.М. Майергойз показывал периферийность и отдаленность ГП Дальнего Востока СССР (эти характеристики ГП еще более усилились к настоящему времени), сравнивая его с ГП Тихоокеанского побережья США, где отдаленность не означает периферийность [Майергойз, 1986].

Периферийное положение часто оказывается приграничным. Поэтому для такого региона важным будет оценка международного соседского положения и возможность превращения региона в зону контакта с соседними странами через трансграничное сотрудничество. Опыт Европейского союза показывает, что периферийные для своих стран регионы (например, Саарланд в Германии) получают дополнительные импульсы для развития в масштабах всего ЕС, поскольку в этой системе их положение оказывается центральным.

Отметим, что наибольшую в мире *поливалентность* (т. е. число стран-соседей) имеет Россия. Это свидетельствует о необходимости сравнительного анализа ГП не только государства в целом, но и от-

дельных его регионов [Мироненко, 2001: 148].

Границы, приграничные конфликты и споры

Понятие «граница» может с полным правом претендовать на звание общенаучного понятия или даже философской категории. Как пишет Родома, «граница есть нечто, расположенное между двумя предметами и разделяющее их, или нечто, лежащее непосредственно вокруг одного предмета и отделяющее его от всего остального, но само это «нечто» обычно пренебрежимо мало по сравнению с разделяемыми предметами, явлениями и сущностями. ...Границами обладает (или может обладать) все, что может быть названо. У разграничиваемых явлений имеются имена (собственные или нарицательные) или заменяющие их знаки, в конечном итоге расшифровываемые словами, граница же в большинстве случаев не имеет названия, она опознается через имена тех предметов, которые она ограничивает» [Родоман, 1982: 20]. Иными словами, границы *изображают, но не изображаются*. Феномен границы сам по себе не выражается на карте; существенные характеристики границ — резкость, четкость, выраженность, контрастность — присутствуют на картах весьма редко.

ВОХ 2.9

Функции границ. Для границ характерна двойственность функций — барьерной и контактной. Граница разделяет государства и регионы, препятствуя потокам разного рода (товаров, людей, информации), она ослабляет эти потоки, фильтрует их, задерживает. Однако именно через границу взаимодействуют соседние территории. Барьерная и контактная функции, дополняющие друг друга, локализуются по-разному. Как носитель пограничных функций граница будет раздваиваться: контактором будет центр, а барьером — контур (собственно граница) [Каганский, 1982: 16]. Действительно, если посмотреть на Россию, то потоки задерживаются и фильтруются на ее государственной границе, однако основным контактором страны с внешним миром является ее столица — Москва.

Границами как особым предметом исследований занимается *лимнология* — одно из направлений географии; политические границы изучает политическая география. Политические границы — это не просто линии на карте, это политические институты, без которых невозможно представить себе функционирование политики, экономики и культуры

в обществе. Интересно различие в подходах к границам между полит- и экономгеографами: первые имеют дело в основном с уже обозначенными на политической карте границами, которые, конечно, могут оспариваться, вторые, напротив, создают границы, занимаясь районированием, т. е. оконтуриванием, разграничением экономических районов.

Государственная граница — линия, определяющая пределы территории государства и соответственно пределы государственного суверенитета. Государственные границы делятся на *сухопутные, речные, озерные, морские и воздушные*. Границы могут проводиться с учетом естественных преград — гор, рек, озер (орографические границы), либо устанавливаться путем проведения прямых линий (геометрические границы: вы найдете их на карте Африки в зоне пустыни Сахара), либо проводиться по параллелям и меридианам (астрономические границы: вы найдете такую границу на карте Северной Америки между США и Канадой).

Возникновение понятия «государственная граница» связано с возникновением института государства. Границы маркировали территорию, которую государь охранял и с которой он собирал дань (налоги). Вслед за оформлением государств, естественно, шло и разграничение территорий.

В процессе установления государственной границы различают обычно два этапа:

- **делимитацию** — составление подробного описания прохождения линии границы и нанесение ее на карту;
- **демаркацию**, — обозначение прохождения линии границы на местности при помощи установления пограничных знаков. Работы по демаркации осуществляются совместной комиссией из представителей граничащих государств, по итогам работ подписывается протокол.

От государственных границ следует отличать **демаркационные линии**. Они появляются в результате следующего за военным конфликтом перемирия. Так, в XX в. такие линии разделяли на два государства: Корею в 1949 г. и Вьетнам в 1954 г. [Граница..., 2002: 271—273].

BOX 2.10

Необычные границы. Два крошечных государства — Ватикан и Сан-Марино — окружены границами Италии. Граница Ватикана — это средневековая крепостная стена с несколькими воротами, которые запирают на ночь. Граница Сан-Марино — арка с мачтой и надписью: «Добро пожаловать на античную землю свободы!».

В ряде случаев граница разделяет на две части населенные

пункты. Так, Киргизия и Узбекистан после распада СССР и обретения независимости разделили город Кара-Суу по каналу, так что граница проходит через базар. На границе Чехословакии и ФРГ был разделен не только город Железна Руда/Айзенштайн, но и единственный вокзал. На границе России и Украины, пролегающей между сросшимися городками Чертково и Меловое, напололам разделен мясоперерабатывающий комбинат.

История приграничных конфликтов так же стара, как и история самих границ. Различные государства претендовали на одну и ту же территорию, полагая, что открыли ее первыми, тем более что юридическое закрепление границ началось относительно поздно и проходило весьма конфликтно.

В отношениях между государствами различают *пограничные инциденты, территориальные разногласия и территориальные споры*. Частый случай территориального разногласия — вопрос о демаркации границ. Наличие спора подразумевает его признание сторонами. Споры могут вестись по поводу:

- принадлежности приграничной территории;
- прохождения линии границы.

При разрешении споров сторонами используются такие аргументы, как:

- приобретательная давность;
- эффективность владения, т. е. непрерывное и ненасильственное осуществление территориального верховенства над спорной территорией хотя бы де-факто; при этом также обращается внимание на поведение спорящих сторон (длительное молчание может быть принято за согласие стороны) и доктрину *интемпорального права* (споры должны разрешаться согласно нормам права, существовавшим на момент возникновения правоотношения).

Пограничные споры и конфликты возникают по следующим причинам:

- *по этническим причинам* (пример: летом 1977 г. Сомали предъявила территориальные претензии на часть Эфиопии — пустыню Огаден, мотивируя это тем, что данную территорию населяют этнические сомалийцы);
- *после политического разделения территорий по линии фронта* (пример: бои между северокорейскими и южнокорейскими пограничниками);
- *как предвестие войны* (пример 1: конфликты на границе Юга и

- Севера США перед началом Гражданской войны в шт. Миссури и Канзас; пример 2: современный пограничный конфликт Эфиопии и Эритреи как предвестник начала военных действий);
- *как наследие колониального периода* (пример 1: территориальные споры между бывшими колониями Испании в Латинской Америке; пример 2: Фолклендские (Мальвинские) острова как объект спора между Великобританией и Аргентиной. Истоки спора, который в 1982 г. привел к вооруженному конфликту, восходят к колониальному периоду);
 - *по религиозным причинам* (пример: приграничные конфликты между Саудовской Аравией и Ираком: между суннитами и шиитами);
 - *по экономическим причинам* (пример 1: спор между Ираком и Ираном за использование пограничного водного пути Шатт-эль-Араб; пример 2: спор между Венесуэлой и Гайаной из-за территории, переданной Гайане в 1899 г. Территория чрезвычайно богата золотом, алмазами, нефтью);
 - *в результате незавершенности и/или несовершенства демаркации/ делимитации границ* (чем протяженнее граница, чем больше сопредельных государств, тем больше вероятность появления спорных территорий. Так, китайская граница имеет множество спорных участков — прежде всего с Индией и Таджикистаном, а также с КНДР, Вьетнамом. Проблема делимитации и демаркации границ особенно остро ощущалась большинством государств бывшего Союза ССР в 90-е годы). [Приграничные...2002: 285—287].

Эволюционизм и функционализм в географическом государствоведении. Территориальная эволюция государства

Основными направлениями исследований государства в зарубежной политической географии являются функционализм (*functionalism*) и эволюционизм (*developmentalism*).

Функционализм рассматривает государство как территориально консолидированную систему [Колосов, 1994: 39—51]. Задача исследователя заключается в поиске факторов территориальной консолидации и способов поддержания территориальной целостности и стабильности. Основы функционалистского подхода были сформулированы американским географом Ричардом Хартшорном, который проводил анализ территориальной (дез)интеграции государства как результата «игры», взаимодействия двух противоположных по вектору действия сил — *центростремительных и центробежных* [Hartshorne, 1950].

Основной центробежной силой (разъединяющей государство) в данном подходе выступает фактор разнообразия. Наиболее важными

«измерениями» разнообразия являются этническое, конфессиональное, социально-экономическое, а также неравномерное распределение территории государства. К центробежным процессам принадлежат сепаратизм, ирредентизм, деколонизация. Главной же центростремительной силой (сплачивающей государство) выступает государственная (национальная) идея, а основными центростремительными процессами — инкорпорация и интеграция. В первом случае происходит присоединение новой территории к государству (фактически так обстояло дело с объединением Германии в 1990 г.), а во втором — разворачивается процесс добровольного объединения государств (случай Европейского союза).

Следует обратить внимание на то, что центробежные и центростремительные силы действуют в любом государстве одновременно, так что государство всегда вынуждено искать баланс между ними. Центробежные и центростремительные процессы изменяют политическую карту мира [Туровский, 1999: 139, 141—142].

Территория Российского государства отличается крайним разнообразием, которое, исходя из функционалистского подхода, потенциально усиливает действие центробежных сил, к которым в современной России принадлежат языковое, этническое, конфессиональное разнообразие; разнообразие природных условий и ландшафтов (в том числе труднодоступные территории и территории с суровыми климатическими условиями); социально-экономические диспропорции; размер и особенности распределения государственной территории (наличие в составе территории островов, эксклава).

С другой стороны, к факторам, интегрирующим территорию России, относятся расселение русского этноса, свободное владение русским языком во всех регионах страны, относительное конфессиональное единство. Так, в 75 из 89 субъектов Федерации русские составляют большинство населения, в 29 субъектах — более 90%. Русский язык выступает средством межнационального общения и тем самым способствует формированию единого культурного и информационного пространства. Православным (по происхождению) является около 89% населения страны (оценка Туровского) [Туровский, 1999: 145, 147]. Вместе с тем проблема фрагментации территории страны является для России не чисто теоретической. В 90-е годы ее актуальность была связана с процессами политического регионализма в стране, в настоящее же время наибольшая острота проблемы связана с Северо-Кавказским ареалом, который в силу особенностей исторических условий формирования Российского государства и советской национальной политики наименее «привязан» к основной территории России. Таким обра-

зом, Северо-Кавказский этнополитический ареал в настоящее время концентрирует основные центробежные процессы, развивающиеся на территории нашей страны.

Эволюционизм анализирует процессы приращения и потери (т. е. эволюции) территории государств. Так, Норман Паундс, модель которого получила большую известность, рассматривал эволюцию территории государства как процесс линейного роста. По его мнению, в каждом государстве можно выделить историческое ядро, из которого и «вырастает» государство [Pounds, 1963; Туровский, 1999: 152—153]. Скажем, на примерах территориальной эволюции Франции и Швейцарии можно проследить процессы формирования государствообразующего ядра и длительного, постепенного приращения к нему других территорий. (Отметим, однако, что далеко не все государства выросли вокруг одного ядра: Германия, Испания и Италия возникли в результате объединения нескольких ядер.)

Помимо линейной модели Паундса, в географическом государствоведении существует и циклическая модель территориальной эволюции государства С. ван Валкенбурга. Его основная идея заключается в том, что государство проходит несколько стадий территориальной эволюции — молодость (идет формирование ядра территории), юность (идут процессы территориальной экспансии), зрелость (стабилизация территории страны) и старость (сокращение международной роли, утрата территорий) [van Valkenburg, 1939; Туровский, 1999: 154—155]. Данный путь характерен не столько для современных государств-наций, сколько для империй — таких как Римская империя, Священная Римская империя германской нации.

Обе эволюционные модели исходят из того, что историко-географическая структура государства обязательно включает ядро (из и вокруг которого и развиваются процессы приращения или утраты территорий) и в разной степени связанных с ним периферий. Основой для анализа характера территориальной эволюции государства служат *возраст его территорий* (продолжительность вхождения в состав государства территорий, находящихся в составе государства на момент анализа) и *продолжительность принадлежности* (для утраченных территорий). Например, возраст территорий России различается кардинальным образом: территория Московского княжества существует как государствообразующее ядро более 700 лет, а такие территории, как Тыва, Калининградская область, южная часть Сахалина, принадлежат России менее ста лет [Туровский, 1999: 159—160].

М. М. Голубчик выделяет следующие виды изменений территории

государства:

1) передача всех суверенных прав над определенной территорией одним государством другому по соглашению (*цессия*). Эта передача может реализовываться в разных формах — обмен территориями, дар, купля-продажа (пример: в 1867 г. Россия продала США огромную территорию Аляски; Наполеон в 1803 г. продал США Западную Луизиану);

2) приращение территории государства за счет естественного или искусственного образования в его пределах сухопутной территории (*аккреция*) (пример: увеличение территории Нидерландов путем сооружения дамб и искусственных насыпей);

3) территориальные изменения на основе присуждения территории согласно решению Международного суда или арбитража (*адьюдикация*) (пример: в 1968 г. по решению арбитража спорный район был разделен между Индией и Пакистаном; Индия получила 90% территории, Пакистан — 10%);

4) объединение двух или более стран в одно новое государство (пример: в 1971 г. шесть княжеств образовали суверенное федеративное государство — Объединенные Арабские Эмираты, к которому через год присоединилось еще одно княжество);

5) добровольный выход территорий из состава государства без использования военной силы и образование самостоятельного государства (пример: выход Финляндии из состава России в 1917 г.);

6) добровольное присоединение небольшого государства к крупной державе (пример: вхождение Тувы в состав СССР в 1944 г.);

7) насильственный захват, оккупация «чужих» территорий (примеры: аншлюс гитлеровской Германией территории Австрии и затем присоединение Судетской области; аннексия Индонезией Восточного Тимора, бывшей португальской колонии, и превращение его в одну из индонезийских провинций) [Голубчик, 1998: 46—48].

Государство и глобализация

Существует несколько интерпретаций характера воздействия процессов глобализации на государство. Радикальная интерпретация состоит в том, что глобализация подрывает государство и проводит к возникновению новых глобальных форм политической организации [Ohmae, 1996: 5]. Такой взгляд представляется слишком упрощенным. Государство действительно трансформируется под воздействием глобализации, причем в различных направлениях. Однако оно продолжает играть ключевую роль в структурировании политических, экономических, культурных и социальных процессов как в своих границах, так и за их пределами. Государство становится более плюралистическим, менее централизованным,

но при этом нехаотическим, просто порядок его организации заметно усложняется. Так, государство создает условия, которые могут способствовать повышению конкурентоспособности национальных фирм на глобальных рынках [Jones, Jones, Woods, 2004: 51—54].

BOX 2.11

Глобализация означает:

- возникновение и рост финансовых рынков глобального масштаба;
- ключевое значение знания как фактора производства;
- транснационализацию технологий;
- подъем транснациональных корпораций (ТНК);
- интенсификацию культурных потоков.

Смысл глобализации состоит в появлении норм поведения, правил и организаций, которые регулируют политическую, экономическую и культурную деятельность в географическом масштабе, превышающем масштаб национального государства.

Подробнее о глобализации: Amin and Thrift, 1997; Dicken 2003.

Неверно представление о глобализации и государстве как о двух противоборствующих сторонах, когда при выигрыше одной другая непременно проигрывает, одна становится сильнее, другая обязательно слабеет. Как показывает Х. Йонг, отношения между государством и силами глобализации значительно сложнее. Например, некоторые ведущие транснациональные корпорации (самые явные агенты глобализации) контролируются и управляются государством (французские «Креди Агриколь», «Эльф Акитэн», «Рено») [Yeung, 1998]. ООН — организация, без сомнения, глобального масштаба, представляет собой форум государств; ВТО, представляемая часто как антитеза государству, также состоит из государств.

Воздействие глобализации самым сильным образом отличается от государства к государству, и трансформация государства в каком-то одном аспекте вовсе не означает, что другие аспекты также трансформируются. Глобализация воздействует на разные государства по-разному и в разной степени, поэтому делать общий вывод об ослаблении системы национальных государств было бы неверно; воздействие сил глобализации на государство имеет комплексный характер.

Литература основная

1. *Туровский Р. Ф.* Политическая география. Москва—Смоленск, 1999.

С. 98—160.

2. *Машбиц Я. Г.* Комплексное страноведение. Москва—Смоленск, 1998.
3. *Мироненко Н. С.* Страноведение: теория и методы. М.: Аспект Пресс, 2001.
4. *Колосов В. А.* Политическая география: проблемы и методы. Л., 1988.
5. *Голубчик М. М.* Политическая география мира. Смоленск, 1998. С. 3—24.
6. *Jones Martin, Jones Rhys, Woods Michael.* An Introduction to Political Geography: Space, Place and Politics. London and New York: Rutledge, 2004. P. 19—99.

Литература дополнительная

1. Political Geography: A Reader. Agnew John (ed.) London: Arnold, 1997.
2. *Agnew J.* Place and Politics: The Geographical Mediation of State and Society. L., 1987.
3. Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В. В. Вольского. М.: Крон-Пресс, 1998.

ГЛАВА 3. ПЕРИОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЫ

Получить адекватное представление о современном облике мира как целостности возможно, лишь изучив этапы его формирования. Современный политико-картографический облик мира возник не сегодня; современная политическая карта мира (ПКМ) есть итог нескольких тысячелетий истории человеческого общества. Эволюция ПКМ — это органическая составная часть общего всемирно-исторического процесса, и прежде всего процесса политической истории стран и народов [Голубчик, 1998: 70]. Более того, тот итог, тот облик ПКМ, который мы видим сегодня, это итог промежуточный, процесс эволюции ПКМ не закончен, карта по-прежнему меняется, а значит, «живет». Более того, самые, казалось, стабильные макрорегионы (например, Европа) демонстрируют способность к быстрым изменениям своего политико-картографического облика.

Понимая это, мы можем определить основную цель учебника. Она заключается не в том, чтобы отметить (зафиксировать) каждое изменение политической карты (это просто невозможно), но в том, чтобы определить, каковы были основные территориально-политические конструкции на различных континентах, как они менялись в ходе различных периодов мирового развития — создавались новые, вытеснялись и исчезали прежние, и с действием каких факторов это было связано.

В самом общем виде можно говорить о существовании ряда периодов в формировании ПКМ. Выделяют древний, средневековый, новый и новейший периоды.

Древний период (от эпохи возникновения первых государственных форм до V в. н.э.) характеризуется развитием и крушением первых (прото)государств на Земле.

В **Средневековый период** (V—XV вв.) политические функции феодальных государств становятся сложнее и многообразнее; протяженные империи (Византия, Священная Римская империя) сосуществуют с (прото)государствами-нациями (Англией, Испанией, Португалией).

С рубежа XV—XVI вв. начинается **Новый период**, окончание которому положила Первая мировая война в начале XX в. Это была эпоха европейской колониальной экспансии, когда европейские страны передавали друг другу лидерство по цепочке: в эпоху Великих географических открытий крупнейшими колониальными державами были Испания и Португалия, затем центр мира перемещается в Нидерланды,

Англию, позже — в США. Мировая карта подвергается серьезнейшим перекройкам. На рубеже XIX—XX вв. ПКМ становится предельно неустойчивой; между ведущими странами резко обостряется борьба за передел мира (пример: в 1876 г. только 10% территории Африканского континента принадлежало западноевропейским странам, в 1900 г. — уже 90%). Таким образом, к началу XX в. раздел мира был фактически завершен) [Родионова, 2001: 9].

Новейший период начинается переделом карты мира после Первой мировой войны, он содержит ряд подпериодов и продолжается до сих пор. Важнейшие изменения ПКМ в ходе первого подпериода связаны с распадом империй (Российской, Германской, Османской, Австро-Венгерской) и появлением новых суверенных государств (Польши, Финляндии, Австрии, Венгрии, Королевства сербов, хорватов и словенцев) и др. Второй подпериод (после окончания Второй мировой войны) характеризуется не только системными изменениями политической карты Европы, но и распадом мировой колониальной системы с образованием большого числа независимых государств в Африке и Азии. С начала 90-х годов прошлого столетия начинается третий подпериод Новейшего периода, в ходе которого в 1991 г. распадается Союз ССР и на карте мира появляются 15 суверенных государств — его бывших республик; в 1990 г. объединяются два германских государства — ФРГ и ГДР, а в 1993 г. реализуется так называемый бархатный развод и в результате распада Чехословакии образуются суверенные государства Чехия и Словакия; распадается Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ), при этом острейший политический кризис этой федерации перешел в гражданскую войну, тяжелые межэтнические конфликты, и территориальные проблемы на Балканах не урегулированы до сих пор [Родионова, 2001: 7—10].

Географически ЕвропавместесАзиейсоставляетединыйматерик — Евразию. В настоящее время на территории Европы насчитывается более 40 государств, различных по площади, численности населения, государственному устройству, уровню социально-экономического развития. Несмотря на многовековую историю, политическая карта Европы «не устроена» до сих пор, ее формирование продолжается на наших глазах, причем процесс изменения карты проходил именно в Европе — относительно небольшой по площади и густонаселенной — наиболее бурно и болезненно. Крайне важно и то, что базовая территориально-политическая конструкция современности — государство-нация — родилась именно в Европе и отсюда получила распространение по миру.

Зарубежная Европа занимает площадь 5,1 млн кв. км — это значительно меньше площади любой части света. Европа — не континент, а крайне сильно расчлененная западная часть крупнейшего континента Земли — Евразии (ее так называемый большой полуостров с рядом крупных полуостровов — Пиренейским, Апеннинским, Балканским, Скандинавским). Однако ее обычно рассматривают обособленно, что связано с ее уникальными историческими и культурными характеристиками, а также той выдающейся ролью, которую Европейский регион на протяжении веков играл в мировой истории. Западная Европа протянулась примерно на 5000 км с севера на юг и на 3100 км с запада на восток.

Абсолютное большинство государств Западной Европы имеет выход к морю, а самая «континентальная» точка региона (расположенная на востоке Венгрии и Словакии) удалена от моря на 600 км [Экономическая... 2003: 343—346]. Минерально-сырьевые ресурсы Западной Европы сегодня скромны, однако в прошлом они сыграли важнейшую роль в ее ранней индустриализации. Речь идет прежде всего о каменноугольных месторождениях Рура, Мидленда, Силезии в удачном сочетании с железной рудой Лотарингии и Швеции. Отметим, что сегодня Европа — наиболее урбанизированный регион мира; в странах ЕС доля городского населения достигает до 74—92%. В XX в. площадь городских ландшафтов увеличилась в 10 раз (!) [Экономическая... 2003: 351]. Важнейшим фактором, определяющим характер развития Европы, является ее образовательный и научно-технический потенциал.

Рассматривая другие континенты, мы обычно членим их на крупные субрегионы (вы увидите это при чтении последующих глав учебника), однако в отношении Европы такое членение оказывается весьма затруднительным. Понятие «Центральная и Восточная Европа» (ЦВЕ) в основном утвердилось в российской статистике и СМИ, а также в западной литературе (ранее выделяли страны Вышеградской группы — Чехию, Словакию, Польшу, Венгрию). Однако иногда Центральная или Центрально-Восточная Европа отождествляются с территорией бывшей Австро-Венгерской империи. Проблема состоит в том, что Центральная Европа — это не географическое, а историческое и геополитическое понятие. У нее нет естественных физико-географических рубежей (кроме северного, которым является Балтийское побережье), которые отделяли бы этот регион от соседей. Проблемы вызывает и определение границ региона Восточной Европы: ряд экспертов полагают, что его составляют Польша, Чехия, Словакия и Венгрия вместе со странами Балканского полуострова, другие авторы расширяют со-

став региона, включая в него еще страны Балтии, Финляндию, а иногда и Турцию [Кржен, 2007: 28].

Древний этап (до V в. н.э.)

Наиболее важными территориально-политическими образованиями этого этапа были Древняя Греция и Римская империя, которые сыграли совершенно исключительную роль в развитии человечества и при этом, что крайне важно для нас, представляли собой территориально-политические системы, организованные на принципиально различных основаниях.

Чудесный феномен Древней Греции пытаются объяснить особой комбинацией факторов, при этом одним из важнейших является фактор географический — Эгейское море, острова и проливы которого послужили «идеальной *детской* для будущих мореплавателей, торговцев и колонистов» [Дэвис, 2005: 71]. Великая Греция контролировала крайне важный в геополитическом отношении регион: здесь греческий мир вступал в непосредственный контакт со своими соперниками — финикийцами, а затем Римской империей. Золотой век греческих городов-государств приходится на VIII—IV вв. до н.э. В V в. до н.э. происходит возвышение Афин над другими городами-государствами, однако жесткое соперничество положило в IV в. конец политической гегемонии Афин — возвышается Спарта, затем Фивы. Впоследствии происходит подчинение Грецией соседней Македонии, эллинизированной страны к северу от Греции, а затем «Греция городов» входит в состав обширной империи, созданной Александром Македонским. В результате завоеваний Александра и его преемников мир греческих полисов слился с куда более обширным и в основном негреческим миром.

Греческая прибрежная цивилизация не смогла выдержать противостояния с соседними материковыми государствами с их огромными армиями; слабые и протяженные коммуникации были адекватны для экономической и культурной экспансии, но оказались уязвимыми в военных условиях. Военное противостояние Греции и Рима было неравным, и покорение Римом Великой Греции завершилось к концу Пирровых войн в 266 г. до н.э. [Дэвис, 2005: 100—101].

Однако в ходе золотого века географическая экспансия Греции была весьма внушительной. Миниатюрные города-государства, расположенные на каменистом эгейском побережье, часто не располагали достаточными ресурсами для поддержания жизнедеятельности растущего населения (не имели «хинтерланда»), и активная колонизация пошла в Сицилию, южную Италию и на побережье Черного моря —

Понта Евксинского. Примечательно, что с течением времени ранние колонии стали исходными пунктами дальнейшей колонизации, так что появились *цепочки*, или *семьи*, *городов*. Наиболее крупную из таких семей породил город Милет: в ее составе насчитывалось до восьмидесяти городов.

ВОХ 3.1

Полис (греч. polis) — город-государство, особая форма социально-экономической и политической организации общества и государства в античном мире (Древняя Греция). Полис образовывали свободные граждане (члены общины), обладавшие правом на земельную собственность (в самом городе или вокруг него) и политическими правами. Часть населения города в полис не входила и не имела гражданских прав (вольноотпущенники, рабы, чужеземцы и др.) [Категории, 2002: 15].

Каждый полис (город-государство) имел собственную систему самоуправления, однако в силу формирующихся союзов и конфедераций, а также войн друг с другом все эти образования постоянно взаимодействовали и реформировались. Наиболее известным политическим, интеллектуальным и культурным центром Греции были Афины, их основной соперник — Спарта (Лакедемон) — располагался на равнине в глубине материка и был одержим идеями милитаризма (быть лаконичным: «Когда Филипп Македонский отправил в Спарту послание, в котором грозил, что «если он вступит в Лакедемон, то сравняет его в земли», то совет судей Спарты ответил ему одним словом — *если*» [Дэвис, 2005: 98—99]).

Усиление Рима и превращение его в мировую державу привнесли глубокие изменения в политико-географическую историю человечества. В самом широком толковании политическая история Древнего Рима — от основания Вечного города в 753 г. до н.э. до окончательного падения Римской империи в 1453 г. — насчитывает 2206 лет.

ВОХ 3.2

Империя. Дать определение этому понятию крайне сложно; среди специалистов до сих пор нет консенсуса относительно этого определения. Основную методологическую сложность представляет собой неоднородная, гибридная природа империи. По мнению Мотыля, под империей следует понимать иерархически организованную, полинациональную политическую си-

стему, которую можно уподобить колесу без обода. Внутри этой системы элиты ядра (метрополии) и созданное ими государство доминируют над периферийными элитами и обществами, выступая в роли посредников в их важнейших взаимодействиях и управляя ресурсными потоками от периферии к ядру и обратно. Таким образом, империя постоянно воспроизводит модель «доминирующий центр — подчиненная периферия; весь обмен ресурсами идет через центр, а не осуществляется напрямую, между территориями империи. Следовательно, вертикальные связи развиты значительно сильнее горизонтальных [Мотыль, 2004; Бусыгина, Захаров, 2006: 40—56].

Дополнительно почитать об империях: Сили, Крэмб, 2004; Хардт, Негри, 2004; Хоскинг, 2000; Doyle, 1986; Eisenstad, 1963; Ferguson, 2004; Hobsbawm, 1987; Lieven, 2003.

В отличие от Греции Рим отличала целостность и сплоченность; различные части Римской империи были связаны посредством контроля, основными каналами которого являлись военные укрепления в каждой провинции; плотная сеть дорог, связывающая провинции с Римом; общие принципы права и администрирования, реализуемые через единую армию чиновников. Если Греция представляла собой децентрализованную, слабо интегрированную систему полисов, то Рим вырос из единого организма. Греческий мир постепенно расширился морскими путями; римский мир собирался вокруг одного ядра через захват все новых территорий. Рим и Италия в целом представляли собой центры потребления богатства и ресурсов всей империи.

При объяснении феномена Рима приоритет имеет так называемый территориальный императив, означающий крайне важную роль физической территории, — ее организацию, эксплуатацию и защиту от нашествий извне. Греция шла морем, Рим собирал суши.

ВОХ 3.3

Греция и Рим. Грецией обычно восхищаются; к Риму отношение может быть полярным: от крайнего почтения до крайнего же отвращения: Рим — лишь подражатель и продолжатель Греции? Греция — оригинальна, Рим — произведен? Греция изобрела, Рим применил? Склонность к излишествам, порочность и сознательная жестокость римской жизни вошли в поговорку: вспомним фразу Ливия «Горе побежденным!».

Рим систематически населил и мобилизовал огромные территории. В I в. н.э. огромная Римская империя простиралась от Ла-Манша до Сахары и от побережья Атлантического океана до Месопотамии [Голубчик, 1998: 76]. С самого начала Рим прибегал к различным средствам для того, чтобы включаемые в его состав территории вносили вклад в поддержание военной машины Рима. При этом возникал своего рода замкнутый круг: рост территории требовал роста армии для ее защиты, а рост армии порождал потребность в новых территориях для ее содержания. «Милитаризованное общество... развило неутолимый «аграрный аппетит» — аппетит на землю» [Дэвис, 2005: 117]. Лимес (limes) — линия пограничных укреплений — была главной чертой обороны империи. Она совершенно ясно показывала, какие земли попадали под юрисдикцию Рима, а какие — нет. Отметим, однако, что в рамках этой общей стратегии реальное политическое устройство провинций было очень разнообразным; введение единообразной администрации не было насущной необходимостью.

Империя была огромна по территории, но при этом внутренне нестабильна. Постепенно она сдавала свои позиции: она «крошилась» по краям и деморализовывалась в центре. Связи периферии с Римом слабели; провинции начали требовать автономии. В 395 г. Римская империя была разделена на Западную и Восточную; Рим перестал быть политическим центром (в 330 г. столица была перенесена в Византию). Западная Римская империя существовала до 476 г., когда она пала под нашествием варваров. Ее гибель означала окончание первого, древнего этапа в формировании политической карты Европы [Голубчик, 1998: 77], линию раздела между древним и средневековым периодом.

Средневековый этап (около V—XV в.)

В Средние века пространство и время воспринимались совсем не так, как сегодня; люди передвигались медленно и были не в состоянии проверить достоверность географических сведений. Средневековый этап традиционно ассоциируется с некоей неподвижностью, замедленностью жизни. Однако это не так; именно в этот период в Европе начинают складываться политико-территориальные образования крупного и среднего размера, характеризующиеся стремлениями к территориальным захватам. Это прежде всего Византия (Восточная Римская империя), Священная Римская империя, Киевская Русь, Московское государство, Португалия, Испания, Англия.

В начале этого периода мир был устроен просто и делился на две простые части: Римский мир («упорядоченная» империя) и массы беспокойных постоянно мигрирующих народов («нецивилизован-

ные» варвары). Продолжается эпоха крупных империй, при этом европейский (христианский) мир реорганизуется в новые имперские системы: именно этот процесс и становится центральной политикотерриториальной темой Средневековья [Дэвис, 2005: 214], карта 3.2. Основание империи Карла Великого в 800 г., Священной Римской империи в 962 г. — вот основные вехи имперской реорганизации.

Империя Карла Великого представляла собой союз римских пап с растущим государством франков. Несмотря на слабость этой конструкции, полностью исчезнувшей через 100 лет, ее влияние было значительным. Карл Великий раздвинул границы своей империи во всех направлениях: до южных Альп; до Саксонии, Баварии, Каринтии; за Пиренеи. Интересно, что империя управлялась двором, который постоянно переезжал из одного владения в другое, и сеть из 300 комитантов или графств (любимой резиденцией Карла — *Kaiserpfalz* — стал стоящий на термальных источниках Аахен. В 843 г. согласно Верденскому миру империя Карла была поделена на три части между его внуками; это заложило основы и будущей Франции, и будущей Германии (между ними — Срединное королевство, которое не стало центром стабильного территориального образования).

Священная Римская империя существовала с 962 по 1806 г. (с конца XV в. — Священная Римская империя германской нации) и включала Северную и Среднюю Италию, Чехию, Бургундию, Нидерланды, земли Швейцарии и некоторые другие территории. Империя была достаточно аморфной конструкцией, ее раздробленность постоянно росла; входящие в ее состав князья считали себя единственными источниками права на своих территориях. Интересной особенностью империи было то, что политический центр не совпадал с экономическим: первый постепенно переместился на восток в силу главенствующей роли Саксонского королевского дома, а второй оставался по Рейну.

Политические конфликты в империи развивались по трем основным направлениям: между императором и папством; между Западной и Восточной (Византией) империей; между императором и отдельными правителями.

Находясь на стыке Европы и Азии, занимая Малую Азию, юго-восток Средиземноморья и Балканский полуостров, *Византия* оказала огромное влияние на развитие этих обширных территорий и достигла зенита при Македонской династии во второй половине IX в. Столица империи — Константинополь — была вторым (после Багдада) по населенности городом Средневековья. Отметим, что с основанием Константинополя столица была перенесена на новое место, но установления Римской империи сохранялись; император и

его подданные по-прежнему считали себя *ромеями* [Дэвис, 2005: 175]. В 1071 г. империя была разгромлена турками-сельджуками, ее население и ресурсы существенно сократились, от этого удара Византия так и не оправилась. В 1204 г. рыцари — участники четвертого Крестового похода захватили Константинополь; Византийская империя пала, а крестоносцы основали Латинскую империю. В 1261 г. Византийская империя была восстановлена и просуществовала до 1453 г., когда турки-османы, заняв место побежденных монголами турок-сельджуков, захватили столицу. (Отмечу, что перемены в Византии способствовали консолидации Венгрии, становлению государственных образований в Закавказье.)

В Западной Европе начинается процесс становления крупных феодальных государств. Так, в конце V в. складывается *Франкское государство* — самое большое государство из возникших на территории Западной Римской империи, решительно отмежеввавшееся от восстановленной Священной Римской империи и положившее начало созданию новой идентичности. Первоначально государство часто дробилось, затем объединялось. «Собирание земель» было продолжено королями Франции в XII, XIII, начале XIV вв. Большую роль в успехе стратегии «собирания земель» сыграл подъем городов: они служили как бы опорными точками для королей. При этом сам процесс собирания инспирировался не только из центра: сначала шло относительно единообразное усиление политической власти территориальных князей (и в том числе короля) в пределах их владений, а затем началось расширение королевского домена за счет крупных феодальных владений. Королю удалось преодолеть границы своего домена благодаря своему положению главы феодальной иерархии и верховного государя (суверена) на всей территории страны [История Франции, 1972: 77—78, 81, 83]. С этого же времени среди городов все больше начинает доминировать Париж — крупнейший политический, экономический и культурный центр страны.

Франция выигрывала от проблем империи, которую раздирали внутренние династические противоречия, а также конфликты с вольными городами и соперничество с папами. Затем история как будто пошла вспять: наступил период нарастания раздробленности страны в период Столетней войны с Англией (1337—1453 гг. — Столетняя война не была непрерывной объявленной войной, но скорее представляла собой период конфликтов, разрухи и хаоса). От войны с Англией Французское королевство оправилось лишь к середине XV в.

Стоило бы особо указать на важную роль географического фактора для становления Франции. Так, Видаль де ла Блаш особенностью

развития страны считал ее так называемую скороспелость. Согласно де ла Блашу благоприятное географическое положение страны — пятиугольник территории с плодородной равниной в центре, оконтуренный Атлантическим океаном, морями и Альпийской и Пиренейской горными системами — способствовало объединению территорий, развитию комплементарности (дополнительности) и солидарности между территориальными компонентами страны [Claval, 1994: 50]. Гораздо позже Фернан Бродель писал: «Чтобы жить, надо иметь свой дом. Франция очень рано обзавелась границами, собственным домом, — еще прежде, чем сама формально появилась на свет» [Бродель, 1992: 271]. Уже в XV в. Франция — самая территориально сплоченная страна Европы; волны сепаратистских настроений (объясняющиеся, в частности, дефицитом экономических связей между севером и югом страны) уже не могут повлиять на генеральный вектор консолидации. В XVI в. Франция вступает как самое крупное централизованное государство Европы, хотя ряд территорий с французской короной связывают особые отношения.

На этом же этапе завершается процесс политического объединения *Англии*, которая была поделена между норманнскими рыцарями и превратилась в феодальное царство. В XIII в. Англия была все еще теснее связана с владениями на континенте — в Гаскони и Аквитании, нежели с Уэльсом или Ирландией. Шотландия, которая, кстати, стала национальным государством раньше, чем Англия, вела борьбу за территории с норвежцами; никакого чувства принадлежности к Британии не существовало. В 1277—1301 гг. Англия покоряет Уэльс. Для Англии именно Столетняя война стала решающим периодом формирования нации: если в начале войны Англия Плантагенетов была не более чем династическим королевством, культурным и политическим форпостом Франции, то к окончанию войны, потеряв владения на континенте, Англия Ланкастеров оформляется в островное государство с развитым национальным самосознанием [Дэвис, 2005: 309].

(Одним из «побочных продуктов» Столетней войны стало появление псевдонезависимого, несуществующего ныне государства — Бургундии. Упадок Франции и империи дал возможности для развития так называемому Срединному королевству, которое, однако, не состоялось в силу отсутствия сплоченности. Именно бургундский двор стал центром развития экстравагантной культуры рыцарства. Впоследствии часть Бургундии стала частью Французского королевства, другая — основой будущих Нидерландов.)

На Пиренейском полуострове 400 лет продолжается христианская *реконкиста* — борьба за Иберийский полуостров. В 1479 г. коро-

левства *Кастилия и Арагон* создали единое государство, которое стало ядром будущей *Испании* (о чем они и не подозревали). Общность достигалась введением общей валюты, снятием торговых барьеров, а также общей — ультракатолической — идеологией. Крупной победой нового образования стало покорение эмирата Гранада. Отметим, что территориально-культурный облик средневековой Испании был беспримерно своеобразен: в пяти королевствах было три главные религии (христианство, ислам и иудаизм) и шесть разговорных языков: кастильский, галисийский, каталонский, португальский, арабский и баскский. Уже в середине XII в. в качестве независимого королевства определяется *Португалия*.

В X—XIII вв. идет процесс государствообразования в *Дании, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Польше, Литве*. Так, *Швейцария* начинает свое политическое самоопределение относительно империи с конца XIII в.; в 1291 г. три «первоначальных» кантона — Швиц, Ури и Унтервальден — подписали «вечный союз» о самообороне, поклявшись помогать друг другу в случае опасности извне. Этот союз стал ядром объединения и для соседних территорий — Люцерна, имперского города Цюриха, Гларуса, Цуга, мощного города-государства Берна. Следует отметить, что это была изначально децентрализованная система: кроме заключенного соглашения в 1481 г., устанавливавшего систему взаимных обязательств, у Швейцарии не было общих институтов. Империя признавала независимость союза, однако она не была провозглашена официально.

BOX 3.4

Федерализм в Швейцарии. Швейцарская федерация представляет собой случай национально-государственного строительства «снизу вверх» и пример подлинного отсутствия централизации. Субъекты федерации — 26 кантонов — сохраняют свою государственность, имеют конституции и обладают большой политической автономией. В Швейцарии 4 официальных языка: немецкий (на нем говорит около 70% жителей страны), французский (22% жителей), итальянский (7%) и ретороманский (менее 1%). Языковые группы расселены в Швейцарии таким образом, что в большинстве кантонов большая часть жителей говорит на одном языке, так что возможно различить 16 германоговорящих кантонов, 6 франкоговорящих и 1 кантон, где доминирует итальянский язык. Однако есть и исключения: в кантонах Фрайбург и Берн говорят и по-немецки, и по-французски, в кантоне

Граубюнден (Гризон) используют немецкий, итальянский и ретороманский. Швейцария, таким образом, не является этнической федерацией. Страна интересна еще и тем, что с самого начала была поликультурной и лояльность государству основывалась не на общем языке, общей религиозной принадлежности или общей этничности (ничего общего не было), но на принципе гражданства. Так что Швейцария — это политическое государство-нация, созданное для культурно- и лингвистически многосоставного общества.

Крайне важно то, что наряду с традиционными государствами на территории средневековой Европы складываются, развиваются и альтернативные формы государственности, которые в этот период выступают в качестве своего рода конкурентов государств-наций. Это прежде всего *города-государства* — *Генуя*, *Пиза* и так называемая Тишайшая республика — *Венеция*, создавшая сеть поселений вдоль морского пути из Адриатики в Восточное Средиземноморье, захватив ряд греческих портов. Генуя и Венеция перехватили у Константинополя его роль организатора морской торговли. Именно города-государства пробудили итальянскую экономику, дремавшую с римских времен. В «городах без территории» экономическая активность развивалась во вторичном и третичном секторах: о венецианце говорили: «...не пашет, не сеет, не собирает виноград» [Бродель, 1992: 104]. О роли «странного города» Генуи в судьбе Европы Бродель писал: «Организовать внешний мир, чтобы сохранить его для себя, затем бросить его, когда он стал непригоден для обитания или использования; задумать другой... А в XIX в. объединить Италию к своей выгоде»¹ [Бродель, 1992: 161]. Подобно другим итальянским городам Генуя виртуозно завоевывала чужое экономическое пространство, делая его базисом собственного процветания.

Скоро с итальянскими городами начинают соперничать города Ломбардии и Рейнской области, текстильные центры в Тоскане (Сиена и Флоренция) и Фландрии (Гент, Ипр, Брюгге). В европейских городах свобода становится не личной, но территориальной привилегией (!), а рост богатых городов, имеющих конституцию, войско, гражданское самосознание, становится характерной тенденцией, укреплявшейся со временем [Дэвис, 2005: 245].

На Балтии и в Северном море купцы объединялись для общей взаимной защиты. Первая такая *hansa* (торговый союз) была создана в

¹ Речь идет о том, что во времена Рисорджименто в Генуе была создана мощная промышленность, современный флот и знаменитый Банко д'Италия.

Висбю на о. Готланд в 1161 г. под названием «Объединение готландских путешественников Священной Римской империи». Постепенно практика создания таких союзов начинает распространяться. В XIV в. наиболее влиятельной становится Ганзейская лига, в которую вошли меньшие союзы (Вендско-саксонский квартет, Вестфальская группа, Ливонская группа и т. д.). Делегаты от этих союзов регулярно собирались для выработки общей политики; каждый из входивших в лигу городов имел свои зависимые города. Членами Ганзы в разное время были до 200 городов. У Ганзы не было формальной конституции, но сформировался корпус законов и обычаев (*Любекский закон*). Ганзейцы боролись не только с пиратами, но и с государствами, прежде всего с Данией, — и довольно успешно. Однако с такими новыми мощными государствами, как Англия и Пруссия, Ганзе было не справиться; последняя ассамблея Ганзы прошла в 1669 г.; Гамбург, Любек и Бремен — последний оплот Ганзы — не присоединялись к Германскому таможенному союзу до 1889 г. В истории Германии Ганза остается символом независимости, противовесом пруссачеству и имперской идее.

Итак, в XIV—XV вв. «мир — экономика», как определяет его Бродель, или ось развития, пересекающая Европу с юга на север, начинается в Венеции, проходит по городам Германии и Нидерландов и завершается английскими портами [Бродель, 1992: 121].

Отметим, что ситуация в Восточной и Юго-Восточной Европе коренным образом отличалась от ситуации в Западной Европе. Так, государственные образования складываются там позднее и являются более слабыми. Государства, возникшие у южных и западных славян, с самого начала представляли собой феодальные монархии (Первое Болгарское царство, известное с середины VII в., первые сербские и хорватские княжества VIII—IX вв., Великоморавская держава IX в., Чешское княжество IX в., Польское княжество X в.). Болгары и сербы в конце XIV — середине XV в. стали объектами турецкого завоевания, на столетия утратив независимость. Польша заключила унию с Великим княжеством Литовским и нанесла поражение Тевтонскому ордену (в 1410 г. в битве при Грюнвальде) [История, 1979: 117—118]. Что же касается Украины, то в XIV в. ее территория вошла в состав Русско-Литовского княжества, а затем в Речь Посполитую. Южные земли современной Украины вошли в состав Крымского ханства, вассала Османской империи. В западной части украинских земель получила распространение грекокатолическая (униатская) церковь с католическими догматами и православной обрядностью. На востоке и в центральных регионах сохранилось православие. В XV в. в нижнем течении Днепра образовалась независимая об-

щина — Запорожская Сечь. Казаки охраняли границу Речи Посполитой с Крымским ханством. (До сих пор одной из важнейших особенностей Украины остается ее глубокая политико-культурная неоднородность. Каждый украинский регион имеет свои традиции, свою культуру и политическую историю. Страна разделяется на две крупные части — Запад и Восток, к которому примыкают южные земли Новороссии. Две части Украины разделяются степенью русификации, историческими судьбами. В советское время эти региональные различия не проявлялись в общественной сфере, однако становление независимого украинского государства привело к превращению украинского регионализма в серьезную политическую проблему.)

Правомерно ли говорить о зачатках современных территориальных государств-наций в средневековый период? Дэвис отвечает на этот вопрос отрицательно. Современная идея о единстве нации и территории просто не имела смысла в то время. В середине XIII в. на большей части Европы национальные образования еще не были различимы, а если и можно говорить об успешном развитии будущих национальных образований, то это малые (периферийные) страны — Португалия, Дания, а также Сербия и Болгария на Балканах. Интересным образом средневековые европейцы хорошо чувствовали свою принадлежность городу, деревне (т. е. своей местности) и, минуя уровень государства-нации, которого не было, свою принадлежность к большой общности — христианскому миру [Дэвис, 2005: 277—279].

Важной особенностью средневекового мира была пространственная неравномерность его развития: в городах Позднего Средневековья, например на севере Италии и в Нидерландах, жизнь ушла далеко вперед, в деревнях же время почти не двигалось.

Новый этап (с середины XVI до начала XX в.)

Этот продолжительный и важный период европейской истории делится на несколько подпериодов.

1. 1450—1670 гг.

Новое время начинается с эпохи Ренессанса и движения Реформации, которые оказали огромное влияние на Европу, однако не на всей ее территории; многие регионы Европы вообще не испытали этого влияния. По мнению Дэвиса, сердцем новой Европы, городом, претендующим на звание матери современной новой Европы, была Флоренция [Дэвис, 2005: 346]. Однако Ренессанс не ограничивался Италией; его влияние ощущалось и в городах севера Европы — в Бургундии и Германии. Заметим, что возрождение Западной Европы еще более

углубило разрыв между Западом и Востоком. Ренессанс в Европе означал «уменьшение», фрагментацию единого христианского мира.

Конец XV в. связан и с падением репутации Церкви с одновременным религиозным возрождением. Мартин Лютер — отец реформации церкви, «самый немецкий человек», «герой истории свободы», человек «самый законченный» и «абсолютный», занимает совершенно особое место в истории и культуре Германии. Как писал Гейне, «протестантство оказало самое благое влияние, способствуя той чистоте нравов и той строгости в исполнении долга, которую мы обычно называем моралью» [Гейне, 1994]. Лютер выступал за непосредственную связь человека с Богом, минуя ненужных церковных посредников, и сомневался в божественном происхождении папства. Папство — есть институт, созданный человеком, поэтому его непогрешимость может быть поставлена под сомнение.

Для нас важно то, что распространение протестантизма имело относительно четкую географию, поскольку идеи Лютера были прямо обращены к германским князьям: они объясняли и подтверждали законность их власти. Так, учение Лютера было немедленно принято в нескольких государствах — Вюртемберге, Гессене, Анхальте, герцогстве Саксонском, Померании, в большинстве городов севера Германии. В Дании и Норвегии лютеранство в 1537 г. стало государственной религией. Наиболее влиятельное течение протестантизма основал Жан Кальвин; кальвинизм (известный как пресвитерианство) стал главной религией Шотландии, во Франции кальвинизм (кальвинистов называли гугенотами) распространился на юге и западе, в Нидерландах он стал главным фактором разделения на западные католические провинции и Соединенные провинции на востоке. Религиозные различия разделили христианский мир на три части: католичество, протестантизм и православие.

В 1555 г. Аугсбургский мир установил равновесие между католиками и протестантами; решение о вере подданных принимал каждый территориальный правитель отдельно. Деление на католиков и протестантов было важным для Германии и Центральной Европы, однако назвать его определяющей линией размежевания (католический Юг — протестантский Север) было бы преувеличением [Бусыгина, 2000].

Для этого же периода характерно резкое усиление процесса урбанизации: в XVI в. в Европе было уже 14 городов с населением более 100 000 чел.: Константинополь, Неаполь, Венеция, Милан, Париж, Рим, Палермо, Мессина, Марсель, Лиссабон, Севилья, Антверпен, Амстердам, Москва.

Началось время *распада средневековой общности*, выразившееся в процессе становления государств-наций. Первым государством Ново-

го времени, «европейским чудом» XVII в., стали *Соединенные провинции Нидерландов*. В период расцвета вступила *Франция*, что сопровождалось усилением централизованной королевской власти за счет привилегий провинций. Основным соперником Франции остается империя, при этом франко-имперские (германские) войны приобретают общеевропейский масштаб. При доминировании Англии приближается к объединению *Великобритания*: к Англии добровольно присоединяется Уэльс, в 1603 г. заключена личная уния Шотландии и Англии, Ирландия завоевана Кромвелем в 1649—1651 гг. и фактически аннексирована. Роль лидера все более переходит к Англии прежде всего в силу ее географического положения (возможности игнорирования континентальных войн и конфликтов и расположения в узле морских путей из Европы в Америку и Индию).

На севере Европы все большую роль начинает играть *Швеция*, претендуя на контроль над Балтийским морем (чего она, кстати, так и не смогла добиться). На Востоке Европы быстрыми темпами развивается *Речь Посполитая* — результат соглашения Королевства Польского и Великого княжества Литовского, которые стали равными партнерами.

Важнейшим этапом борьбы за власть на континенте, в которой участвовали большинство правителей Европы, стала Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.). Заключенный по результатам войны Вестфальский мир (1648 г.) более чем на сто лет определил основы международного порядка в Европе. Вестфальский мир серьезно расширил права удельных князей, он даровал им право подписывать международные соглашения и принимать императорские законы лишь с согласия своего парламента. Правда, договор включал положение, согласно которому внешнеполитические действия князей не должны были быть направлены против империи, но это положение не воспринималось всерьез; формирование «национального чувства» (*Nationalgefuehl*) было проектом будущего [Бусыгина, 2000: 13].

Согласно договорам Священная Римская империя потеряла значительные земли — в основном в пользу Франции и Швеции; была признана независимость Швейцарской Конфедерации. Империя отходила на второй план — ее интересы стали вторичными по отношению к интересам мощнейших германских государств: Австрии, Баварии, Саксонии и растущей новой силы будущего — Бранденбургско-прусского государства.

Договоры формализовали политико-территориальный порядок, первоначальными структурами которого были вольные города Европы позднего Средневековья, оформляющиеся абсолютистские госу-

дарства, а также принцип «*Cuius regio, eius religio*» («Чья страна, того и вера») в империи. Вестфальский мир стал первой ступенью оформления системы суверенных государств, поскольку договоры предусматривали признание политической автономии многих территориальных единиц империи [Murthy, 1996].

2. 1650—1789 гг.

В период с середины XVII до середины XVIII столетия на политической карте Европы произошло относительно немного изменений, крупные политические системы продолжали существовать. Этот период называют веком абсолютизма, однако примечательно то, что в это время в Европе абсолютистские государства не составляли большинства. Как указывает Дэвис, между крайне децентрализованной Швейцарской Конфедерацией и крайней автократией Папской области существовал целый спектр промежуточных вариантов. Венеция, Соединенные провинции и Польско-Литовское государство были республиками; конституционными монархиями были в разное время Англия, Шотландия и Швеция; абсолютистскими монархиями — Франция, Австрия, Испания. Особые политические системы представляли собой Священная Римская империя, располагаясь между республикой и конституционной монархией, Пруссия — между абсолютизмом и конституционализмом. Еще более разнообразны были системы «малых государств» (*Kleinstaaterel*) — города-республики (Генуя, Женева), небольшие княжества (например, Курляндия), клерикальные государства (Авиньон) и т. п. Крайне интересно и важно то, что политические системы территориально накладывались друг на друга, так что правителям приходилось править по-разному на разных территориях своего государства. Например, прусские короли вели себя в Берлине, где они подчинялись империи, иначе, нежели в Кенигсберге, где они были абсолютно независимы [Дэвис, 2005: 425].

Империя имела крайне сложный (и конфликтный) институциональный порядок, географически ее ядром были территории современных Германии и Австрии, Люксембурга и Бельгии. Основным институтом управления был рейхстаг, состоящий из трех *курий (советов)*: совета курфюрстов (выбирающих императора), совета князей и совета имперских городов. Для эффективного функционирования этот сложный институт нуждался в политической воле к компромиссу и политической культуре толерантности. Помимо этого, территория империи делилась на имперские округа, причем они объединялись в разнообразные ассоциации, преимущественно для совместного отражения военной угрозы. Существовала и так называемая корпора-

ция имперских рыцарей, которые оставались вне как рейхстага, так и структур округов. Все это говорит о наличии на территории империи *многоуровневой системы управления*. По мнению Р. Ахтманна, империя предоставляет богатый материал для изучения взаимоотношений между централизацией, федерализмом, деволюцией и институционализацией (разделенного) суверенитета [Axtmann, 2003: 118—139].

В это время все большую роль в международных отношениях начинает играть *колониализм*; европейские колонии и заморские владения множатся, при этом круг государств-колониалистов ограничен морскими державами, которые и начали колониальные приращения; к этому кругу не принадлежат германские и итальянские государства, а также Австрия. В Западной Европе проходит линия раздела между странами-колонистами (прежде всего это Британия) и прочими странами; в Центральной и Восточной Европе главным ресурсом остается земля. Зарождается *европейская система* международных отношений, основанная на *принципе равновесия*, при этом колонии становятся интегральной частью этой системы.

Отмечу, что первыми, наиболее ранними, морскими колониальными империями были Испанская и Португальская, затем пришло время Голландии и Англии. Следует сказать, что эти морские империи принципиально отличались от империй континентальных, поскольку они связывали, соединяли порты, фактории, торговые зоны и территории, которые были разделены огромными водными дистанциями. Однако и между морскими империями были существенные различия. Так, самые ранние империи были основаны на непосредственных военных захватах территорий (действия Испании и Португалии в Латинской Америке), в то время как более поздние морские империи следовали более изощренным стратегиям: систематическая колонизация была основана на торговых отношениях, а военная сила выступала скорее как дополнительный, поддерживающий инструмент. Таким образом, экономическая эксплуатация и неравноправные торговые отношения стали характерными чертами коммерческих связей между центром и периферией и, более того, одной из основ миропорядка того времени [Dodgshon, 1998: 74—75].

На Британских островах в 1707 г. создается *Соединенное Королевство*; отныне Королевством правит объединенный парламент, начинается становление самоидентификации современных британцев. На континенте доминирующее положение, благодаря выгодному географическому положению, большой численности населения и упадку основных соперников — Испании и Германии, занимает *Франция*; это положение оставалось неизменным вплоть до падения Наполеона в 1815 г.

В Италии XVIII в. переплелись несколько разделительных линий: главными соперниками были Савойский дом в Турине, австрийские Габсбурги в Милане и герцоги Тосканские; помимо этого, традиционно соперничают между собой города-республики и автократическая Папская область. Консолидация *Священной Римской империи* подорвана сепаратистской политикой ее территориальных князей.

В Центральной и Восточной Европе период отмечен стремительным взлетом *Пруссии* и медленным становлением сверхдержавы — *Российской империи*. Мощь Пруссии прирастала удивительно эффективной, известной во всей Европе административной машиной и огромной регулярной армией, основой которой был аристократический офицерский корпус. Особый *пруссский дух* вырос из преданности династии и гордости за культурный и образовательный прогресс Пруссии. Начиная с захвата Силезии в 1740 г. война становится главным политическим инструментом Пруссии. Это было полиэтническое и поликонфессиональное образование: к концу XVIII в. население Пруссии на 40% состояло из славян и католиков и имело большую еврейскую общину.

Между этими гигантами — Пруссией и Россией — оказалось захваченным *Польско-Литовское государство*. Величайшим перераспределением территории в XVIII в. стали три раздела Польши — в 1773, 1793 и 1795 гг., совершенные тремя державами-агрессорами в своих интересах — Россией, Пруссией и Австрией. «Историческая вина» на этот акт произвола в отношении государства, неспособного отстоять свою целостность, лежит на всех трех государствах, однако в большей степени на Пруссии, которая в результате укрепила свое положение в составе империи и в Европе в целом. В результате разделов Россия завладела более чем половиной территории Польши, однако это были земли, заселенные в основном украинцами, литовцами и белорусами, менее развитые в экономическом отношении. Исконно польские земли были поделены между Пруссией и Австрией.

Присоединенные к Российской империи в результате последнего раздела Польши украинские земли (Малороссия), а также Бессарабия и Крым (Крымское ханство — Новороссия — было присоединено к России в XVIII в.) были поделены на 10 губерний. На Украине проводилась политика русификации. Исторически сложилось три центра украинской политической культуры — Киев, Харьков и Львов, что отражало наличие трех основных типов населения — собственно украинского, обрусевших жителей востока и юга, а также населения Западной Украины, где велико было германское и австрийское влияние [Зиновьев, 2004: 119—120].

Совершенно другой была ситуация на *Балканском полуострове*. Сюда не проникло ни одно из великих цивилизационных движений Запада — Ренессанс, Реформация, Просвещение, научная революция. Помимо этого, большое влияние на этот регион оказало длительное турецкое иго. Границы постепенно уменьшающейся европейской Турции стали одним из наиболее глубоких линий размежевания на карте Европы.

В эпоху позднего феодализма исторические судьбы южных и западных славян разошлись. Южные славяне на всем ее протяжении находились под османским игом. Территории проживания словаков, хорватов и словенцев входили в состав Габсбургской монархии. Чехия, после перехода в 1526 г. ее престола в руки Габсбургов, несмотря на ожесточенное сопротивление городов, также утратила свою независимость. Хорватия длительное время была ареной непрерывных войн между Австрией и Турцией. К концу XVIII в. независимость сохраняла лишь Черногория.

Единственным из славянских народов Восточной Европы, продолжившим в течение всего периода позднего феодализма развиваться в рамках собственного государства, оставались поляки. Однако впоследствии польское государство оказывается в кризисе и трижды (в 1772, 1793 и 1795 гг.) подвергается территориальному членению со стороны более сильных соседей — Пруссии, Австрии и России. Проводя политику германизации, Пруссия ввела на польских землях свою систему управления, прусское право и судоустройство. В административном аппарате поляки заменялись прусскими чиновниками. Официальным языком стал немецкий. Польские земли, захваченные Австрией, управлялись генерал-губернатором и по сути представляли собой провинции Австрийской империи. Таким образом, к исходу XVIII в. на политической карте Центральной и Юго-Восточной Европы (если не считать маленькой Черногории) не осталось самостоятельных славянских государств [История, 1979: 191—193].

Итак, в 1787 г. Европа приближалась к кризису. Политическая карта Европы была еще далека от своих современных очертаний, однако государства уже «грубо и зримо вторглись в жизнь своих подданных... Государства превращались в клетки, прутья которых ограничивали свободу их подданных» [Манн, 2002: 383].

3. 1770—1815 гг.

Французская революция погрузила Европу в самый глубокий и продолжительный кризис, ее третья, имперская, фаза была связана с коренной перекройкой политической карты. Во Франции с необычай-

ной силой утвердилась идея национального централизованного государства: старые провинции с их историческими привилегиями были упразднены, их место занял административный институт департаментов. Против имперских амбиций Наполеона выступала коалиция (которая то умирала, то возрождалась вновь), организованная Британией и включавшая Пруссию, Австрию и Россию, за которой утвердилась слава самого непреклонного противника революции.

За двадцать лет (1792—1812 гг.) карта Европы совершенно изменилась (карта 3.4):

- территория самой Франции резко увеличилась посредством прямой аннексии больших частей Германии, Нидерландов, Италии, Швейцарии;
- были созданы новые вассальные государства, зависимые от Франции (Рейнский союз, Великое герцогство Берг, княжество Варшавское и пр.);
- часть старых государств (Австрия, Пруссия, Испания, Неаполь, Португалия) сохранились, однако их внутреннее устройство и границы были изменены [Голубчик, 1998: 103; Дэвис, 2005: 538—539].

В 1806 г. Наполеон ликвидировал Священную Римскую империю, лишил независимости германских князей, что, помимо прочего, способствовало росту германского национального самосознания. За время наполеоновского правления всего было ликвидировано 112 мелких территориальных образований с трехмиллионным населением, а их территории переданы Баварии, Бадену, Вюртембергу, Нассау. Проведение медиатизации — усреднения размеров германских государств — фактически означало начало конца Священной Римской империи и некоторое ослабление раздробленности Германии [Бусыгина, 2000: 15—16]. Вне наполеоновских преобразований остались Британия, Скандинавия, Россия. В конце Наполеоновских войн в 1814 г. суверенной конституционной монархией была провозглашена Норвегия, окончив с 400-летним правлением Дании.

Империя была огромна, и умерла она, по выражению самого императора, «от несварения». В конце концов европейская коалиция одержала верх над Наполеоном, причем именно русская кампания 1812 г. стала величайшей ошибкой Наполеона, поворотным пунктом развития. В 1814 г., когда Франция боролась с вернувшимся императором, его империя стремительно разваливалась: княжество Варшавское было оккупировано Россией, Рейнский союз распущен, возвращались к независимости Пруссия и Австрия, Швейцария и Нидерланды. В Италии созданные Наполеоном государства захвачены Австрией, папа вернулся в Рим.

Некогда Наполеон заметил, что история сделана из времени и пространства [Дэвис, 2005: 558]. За свою историю он перекроил европейские пространства, и хотя время его империи было коротким, эти изменения проложили путь реформам XIX столетия.

4. 1815—1914 гг.

Историческую обстановку и территориально-политическую систему Европы XIX в. фактически определил Венский конгресс 1814—1815 гг. Эта система была создана четырехсторонним союзом Пруссии, Австрии, России и Британии и вновь допущенной к участию в европейских делах Францией. Участники Венского конгресса отказались восстанавливать имперскую систему, выступая за систему суверенных государств. Генеральный акт конгресса закрепил следующие важнейшие территориальные изменения (карта 3.5):

- Франция была восстановлена в дореволюционных границах 1792 г.;
- Российская империя расширила свою территорию за счет присоединения Финляндии, Бессарабии, большей части царства Польского;
- Пруссия получила крупные территории в бассейне Рейна и часть Померании (с устьем Одера);
- на месте Священной Римской империи и Рейнского союза возник Германский союз;
- Австрия получила Ломбардию и Венецианскую республику;
- Швейцарской Конфедерации конгресс гарантировал независимость и «вечный нейтралитет»;
- Великобритания сохранила большую часть захваченных при Наполеоновских войнах территорий — Ионические острова в Средиземном море, о. Мальту и Цейлон, Капскую колонию в Южной Африке [Голубчик, 1998: 103—105].

Первые сорок лет после конгресса зафиксировали удивительно мало трансформаций на политической карте Европы, однако в долгосрочной перспективе решения конгресса не смогли умиротворить новые политические и социальные движения, например мощные объединительные движения в Германии и Италии.

Ключевым процессом, сказавшемся на пространственном развитии этого периода, стала *модернизация*, охватившая в первую очередь промышленные районы Великобритании (Ланкашир, Йоркшир и пр.). В большинстве стран Западной Европы нарастает разрыв между центральными (модернизированными) и периферийными регионами. Так, в Великобритании лидирует Англия, во Франции — появляется центральная ось Париж — Лион — Марсель, в Германии выделяются Рейнская область, Рурская область, Силезия, Саксония и Берлин, в Италии — Ломбардия.

Глубокой периферией остаются Ирландия, Бретань, Сицилия. В Восточной Европе в отличие от Западной можно найти лишь «острова» — Богемию, Лодзь, Варшаву, выделяющиеся в «море» отсталости.

С процессами модернизации связан и рост городов — *урбанизация*. В XIX в. быстрыми темпами растет население столиц — Лондона, Парижа, Вены, Берлина, Санкт-Петербурга и центров модернизации — Манчестера, Ливерпуля, Марселя, Лиона, Лидса, Глазго, Гамбурга.

Начинается объединение «запоздавшей» нации — *Германии*, которое проходит несколькими волнами. В 1815 г. создается причудливый Германский союз, куда вошли 34 независимых государства, 4 вольных города (Гамбург, Франкфурт-на-Майне, Бремен и Любек), а также три иноземных монарха — короли Англии, Дании и Нидерландов — как государи Ганновера, Гольштейна и Люксембурга. Созданная квазиконфедерация была важна как первый этап объединения, хотя реально не имела внутренней органической связи — ни единого законодательства, ни правительства, ни общей армии, ни общих финансов. В 1834 г. по инициативе Фридриха Вильгельма III Прусского был создан сформированный в несколько этапов германский Таможенный союз (*Zollverein*), где главенствовала Пруссия и куда не была принята Австрия. В 1862 г. Отто фон Бисмарк был назначен премьер-министром Пруссии. Именно он сделал Германию могучей, создав сильнейшую военно-промышленную систему с целью сделать Пруссию главой Германии, а затем Германию поставить во главе Европы. Так, после австро-прусской войны и победы пруссаков при Садовой в 1867 г. был создан Северо-Германский союз, а уже в 1871 г. после поражения Франции (Франция упорно поддерживала раздробленность Германии, видя большую опасность в объединении своего восточного соседа) от Пруссии Бисмарк принял в союз государства Южной Германии, и Вильгельм I был провозглашен императором Второго германского рейха (империи). Территориальные переделы, раздробленность, постоянное смещение границ в центре Европы на время закончились.

Крайне важным был вопрос об отношении Австрии к новому образованию, поскольку наличие двух властных центров — Пруссии и Австрии — было важной отличительной особенностью империи. Этот вопрос фактически был решен Франкфуртским собранием в 1849 г., когда оно подтвердило свое решение о том, что австрийский монарх может быть допущен в Германскую империю лишь в соответствии с уже принятыми статьями конституции, запрещающими политическое слияние какого-либо немецкого государства с «негерманским» государством. Поскольку венский двор упорствовал в своем намерении не считаться

с этими требованиями, то он был удален из объединения, которое тем самым отвергало всякий нетевтонский элемент в будущем рейхе.

Ситуация в Европе резко изменилась: на месте конгломерата государств, раздираемых противоречиями, в центре континента появляется единая держава, превосходящая другие европейские страны по военно-промышленной мощи и милитаристскому духу (карта 3.6). Внешняя политика Германской империи времен Бисмарка была нацелена на создание «противофранцузской» системы: в 1881 г. создан «Союз трех императоров» (Германии, Австрии и России), в 1882 г. — Тройственный союз Германии, Австрии и Италии.

Отметим, однако, что объединение Германии немедленно углубило раскол между протестантской Пруссией и преимущественно католическими южногерманскими землями. Раскол был спровоцирован антикатолическими мероприятиями Бисмарка, получившими название «борьбы за культуру» (*Kulturkampf*), на деле означавшей насильственное опруссачивание. «Нормальными» гражданами считались те, кто подпадал под так называемую норму *pro-preu* («протестант и пруссак»); понятно, что этой норме не соответствовала значительная часть населения империи [Geiss, 1992].

С момента падения Римской империи и до объединения *Италия* была исключительно географическим понятием; в Европе национальных государств она была обречена на политическую слабость и экономическую отсталость. Раздробленность Италии была ее главным внутренним пороком. В 1848 г. король Пьемонта Карл Альберт начал борьбу против Австрии, которая стала катализатором территориальных объединений вокруг Пьемонта. Борьба закончилась поражением Пьемонта, и в дальнейшем свободы ждали уже от Турина (Сардинского королевства) и его монарха Виктора-Эммануила. Мечта о единстве страны была во многом реализована его первым министром графом Кавуром (своего рода «Бисмарком Италии»).

Таким образом, объединение страны шло с урбанизированного Севера. Отличительной особенностью этого процесса являлась большая роль внешних сил (прежде всего Франции), поскольку объединение было запоздалым и проходило тогда, когда Италия была уже окружена мощными соседями. При этом в отличие от Германии в Италии не было столь мощного гегемона, как Пруссия. В 1861 г. итальянский парламент в Турине провозгласил Виктора-Эммануила королем Италии. Политическое объединение страны свершилось, хотя ей недоставало еще Венеции и Рима (парадокс: столица присоединяется последней!). Венецию Италия получила в качестве своего рода подарка от Франции. Что касается Рима, то папе Пию IX был послан ультиматум. Отка-

завшись вступать в переговоры, папа навсегда затворился в Ватикане, а через несколько дней население Папской области проголосовало за присоединение к Итальянскому королевству.

BOX 3.5

Унитарное государство или федерация? Случаи Франции, Германии и Италии. Во Франции вся энергия действующих из центрального места политических сил была направлена на объединение, централизацию, строительство классического унитарного государства, которое, помимо прочего, облегчалась выдающимся местом Парижа на карте Франции и расположением Франции вне европейского «городского пояса». Италия и Германия, формирующие ядро «городского пояса» и обладающие выраженной культурной гетерогенностью, могли бы выбрать в качестве стратегии объединения федерализацию (как указывает Роккан, и Пьемонт, и Пруссия наиболее успешные свои завоевания проводили внутри собственных стран) [Rokkan, 1999: 163]. Основное несходство между Италией и Германией заключается в различном балансе между центральными и периферийными силами. В Италии выбор был сделан в пользу централизованного государства, что можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, федерализация была бы опасна с точки зрения контроля за мощной южной периферией. Во-вторых, тесные связи Италии и Франции предопределили то, что немедленно после объединения страны в Италии была введена французская административная система, элитные группы Пьемонта и Тосканы настаивали на введении централизованной системы управления (хотя культурная и политическая гетерогенность Италии не были подавлены и проявились позже). В Германии федерализация оказалась лучшей стратегией для объединения развитых западных и южных территорий с восточной периферией — Пруссией. Таким образом, в Германии мы имеем дело с федеративной структурой при этнической гомогенности населения. Во Франции — унитарную структуру при этнической гетерогенности «по краям» нации. Переходное положение занимает Италия: гетерогенное население при полунитарных институциональных структурах. Основные факторы формирования этих трех государств приведены в табл. 3.1.

Еще одним важным итогом XIX столетия был раскол *Аустро-Венгрии*, внутренне крайне нестабильного образования. Австрия была «славян-

ским зданием с немецким фасадом» [Дэвис, 2005: 612]. Все попытки подчинить Венгрию централизованному венскому праву оказались безуспешными, и геополитический фактор играл здесь центральную роль: каждый раз (в XVII, XVIII, XIX столетиях), когда Вена, казалось, уже торжествовала над мадьярами, вмешивались Прусская или Османская империи и поддерживали венгерскую оппозицию [Lieven, 2004: 136].

Процесс восстановления государственности южнославянских народов стартовал в начале XIX в. с сербских восстаний. Их борьба облегчалась тем, что Турция потерпела в первой трети XIX в. поражение в войнах с Россией. Фактически освободилась от османской зависимости Сербия, было создано автономное Болгарское княжество, зависимость от Османской империи была фактически ликвидирована в Боснии и Герцеговине, однако эти земли были оккупированы Австро-Венгрией. Под властью Турции осталась Македония [История, 1979: 278].

Чрезвычайная этническая и конфессиональная раздробленность на Балканах мешала созданию стабильных государств-наций (впоследствии термином «балканизация» стали называть политическую фрагментацию в сочетании с радикальными националистическими идеологиями). Создающиеся в XX в. на Балканах государства воевали как с турками, так и между собой.

К 70-м годам XIX в. *польский вопрос* фактически сошел с международной арены и стал внутренним делом России, Германии и Австро-Венгрии. Польские земли подвергались политическому и национальному гнету. Так, царизм отменил должность наместника, и управление царством Польским перешло к генерал-губернатору. Было запрещено преподавание на польском языке на всех уровнях системы образования. Распространение на царство Польское общероссийской системы управления и администрирования превращало его в одну из провинций Российской империи, которую все чаще именовали Привислинским краем. В этот же период западные польские земли подвергались дальнейшей германизации [История, 1979: 301].

Великобритания XIX в. удерживает величайшую колониальную империю во главе с жемчужиной британской короны — Индией.

Международные отношения в XIX в. оставались стабильными, по-прежнему доминировали пять великих держав. Однако две проблемы континентального масштаба оставались бомбами замедленного действия → нарастание конфликтности в отношениях Франции и Германии и так называемый восточный вопрос, который складывался из двух направлений: продолжающаяся территориальная экспансия Российской империи и отступление Османской империи. Главным инструментом политики по-прежнему была война, а ключом к успе-

ху — сухопутные войска. Таким образом, из всех великих держав именно Германии и Российской империи предстояло играть главные роли в будущих конфликтах: у Британии был мощный флот, но не было регулярной армии, Франции недоставало солдат, австро-венгерская армия зависела от Германии [Дэвис, 2005: 643—644].

XIX в. полностью оформил европейское национальное государство, т. е. создал тот контекст, из которого следует и сегодняшнее представление государства о самом себе [Хабермас, 2002: 367].

XX век — Новейший этап европейской политической истории

1914—1945 гг.

К 1914 г., началу Первой мировой войны, мощь и энергетика Европы были безусловными. К этому времени Европа была разделена на две враждующие группировки, две коалиции держав: Антанта («Большой треугольник») и центральные державы. Конфигурация «Большого треугольника» была сначала довольно неустойчивой — его составляли Британия (без регулярной армии), Франция, Италия (с 1915 г.), США (с 1917 г.) и имперская Россия с затянувшейся мобилизацией и слабым промышленным потенциалом. Центральные державы — прежде всего Германия и Австро-Венгрия — были более консолидированными и обладали развитыми линиями коммуникаций. Они взялись за оружие с целью пересмотреть устройство Европы.

Испания, Скандинавские страны, Нидерланды, Швейцария сумели сохранить нейтралитет. Центральные державы (а также Россия) в конечном итоге потерпели поражение в силу внутреннего политического краха, а не собственно военных поражений.

Конец континентальной войне положила серия мирных договоров, наиболее важным из которых был Версальский (его побежденная Германия подписала 28 июня 1919 г.). Вопрос об очертаниях политической карты Европы в очередной раз приобретает первостепенную важность; при этом великие державы, конструируя политико-территориальный порядок, сохраняют отношение к системе суверенных государств, как к своего рода идеалу.

BOX 3.6

Судьба Австро-Венгрии и создание «неочевидного» государства. Судьба Австро-Венгрии была решена государствами Антанты только весной 1918 г. При этом первоначальный проект предполагал федерализацию империи, однако впоследствии было принято решение о ее разрушении и созда-

нии на ее месте малых независимых государств. Это должно было, во-первых, ослабить Германию, а во-вторых, организовать «санитарный кордон» на пути большевизма в Европу (эти идеи особенно сильно поддерживала Франция). Так, после разрушения империи появилось государство Чехословакия. Его границы рисовались самым приблизительным образом, а самого понятия «Чехословакия» — географического или исторического — словари того времени просто не знали. Государство и его границы возникли сначала «в головах» и только потом были перенесены на географическую карту [Бобраков-Тимошкин, 2008].

Важнейшие изменения политико-территориального устройства Европы после окончания войны можно суммировать следующим образом:

- распались четыре империи (Российская, Австро-Венгерская, Германская и Османская), до того доминировавшие на карте Европы;
- выделились новые независимые государства — Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Австрия, Венгрия, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия);
- Германия потеряла Эльзас и часть Лотарингии в пользу Франции, Ойпен-Мальмеди (в пользу Бельгии), северная часть Шлезвига отошла Дании, части Пруссии и Силезии — Польше;
- увеличились территории Италии и Румынии за счет присоединения частей Австро-Венгрии;
- город Гданьск (Данциг) получил статус вольного города под контролем Лиги наций [Голубчик, 1998: 131—134].

Межвоенный период в Европе был, по сути, определен двумя войнами: той, что уже прошла, но итоги ее не были окончательными, и той, что еще не состоялась, — за пересмотр этих итогов. Общий тренд политики этого периода — несостоятельность и крах либеральных демократий, становление диктатур. Демократическая Европа оказалась не в состоянии ответить на вызовы диктатур. Созданная система безопасности, в частности создание «санитарного кордона», системы государств, которая должна была сдерживать Союз ССР, оказалась несостоятельной.

Одним из достижений Версаля стало создание Лиги Наций (1919 г.), устав которой предусматривал не только разрешение спорных вопросов между государствами арбитражем, но и коллективный отпор агрессору. Однако деятельность Лиги началась слишком поздно, в ней активно участвовали далеко не все ее спонсоры (например, США), кроме того, у организации не было средств для контроля за исполнением соб-

твенных санкций. Казалось бы, под ее управлением были ключевые опросы: она управляла Данцигом и Саарской областью, Комиссией о проливах и т. п. Однако предотвратить войну Лига Наций оказалась овершенно не в состоянии [Дэвис, 2005: 703—704].

В 1933 г. оформился Третий рейх в Германии, и внешнеполитическим тветом новой системы стала ликвидация всех ограничений на перево-ружение, введенных Версальским договором. В марте 1938 г. вермахт торгся в Австрию (Аншлюс), которая стала областью Германии. В 1938 Чехословакия была вынуждена передать Германии Судеты, где большую часть населения составляли этнические немцы (граница между государствами проходила теперь в 40 км от Праги), в 1939 г. Германия оккупировала Чехию и Моравию, Италия оккупировала Албанию. В этом же году Германия напала на Польшу и нанесла ей поражение.

Гитлер и Сталин разделили Восточную Европу на сферы влияния согласно Договору о дружбе и границе, так называемому пакту Мотовова — Риббентропа). Секретные протоколы, приложенные к договору, фактически разграничивали советскую и германскую сферы интересов в Европе: в советскую вошли Финляндия, Латвия, Эстония, несколько позже — Литва, восточная часть Польши, Бессарабия; к ападу от линии разграничения получала свободу действий Германия Голубчик, 1998: 147—149]. Это был план действий двух агрессоров, при этом надо понимать, что Союз ССР вступил во Вторую мировую ойну как союзник Германии. В сентябре 1939 г. СССР и Германия раз-елили Польшу; большая ее часть отошла Германии.

СССР начинает осваивать сферу своих интересов. В этом же году Красная армия перешла советско-финскую границу, эта война окончилась в 1940 г.; Финляндия отдала СССР стратегически важный Карельский перешеек (на этой территории и территории бывшей Карельской АССР была образована Карело-Финская ССР, просуществовавшая до 1956 г.). После развязывания этой войны СССР был исключен из Лиги Наций как агрессор. Похожая ситуация сложилась с государствами Прибалтики: в 1940 г., после того как Красная армия ошла на их территории, заранее заготовленные плебисциты принесли предсказанные результаты, были созданы «народные правительства», три страны — Латвия, Литва и Эстония присоединились к СССР на правах союзных республик [Голубчик, 2005: 149—150].

Германия в свою очередь перешла в наступление на Западе: оккупировав Норвегию и Данию, вермахт вошел в Бельгию, Голландию, Францию.

22 июня 1941 г. Германия без объявления войны напала на Советский Союз. Так началась Великая Отечественная война.

Таблица 3.1. Основные условия/факторы формирования некоторых государств-наций в Западной Европе

Условия/факторы	Франция	Италия	Германия
<i>Границы</i>			
Принадлежность городских центров к городскому поясу	Явные Вблизи пояса, но вне его по преимуществу	Явные Формирует ядро	Неопределенные Формирует ядро
Роль и относительный вес центрального места	Велики Моноцентрическая	Относительно невелики Полицентрическая	Относительно невелики Полицентрическая
Структура расселения			
Транспортная сеть (по преимуществу)	Радиальная	Меридианальная	Меридианальная
Этнический состав/язык	Относительно гетерогенный	Относительно гомогенный	Относительно гомогенный
Роль католической церкви	Относительно невелика	Тормоз для объединения	Неоднозначна
Роль Реформации	Невелика	Отсутствует	Велика
Отношения «центр/периферия»	Подавление, но не интеграция	Существование, (развитие по разным траекториям)	Отсутствие выраженной периферии
Направление объединения	Из одного развитого центра	Из более развитых центров	От периферии к более развитым территориям
Роль внешних сил	Относительно невелика (экстерналий)	Относительно велика («помощники»)	Относительно велика («противовес»)

Коренной перелом в ходе Второй мировой войны произошел в конце 1942 г. Послевоенное устройство Европы обсуждалось главами держав-победительниц на Крымской конференции в феврале 1945 г., а окончательные вопросы мирного послевоенного урегулирования были решены на Потсдамской конференции в июле — августе 1945 г. На этой конференции обсуждались и территориальные вопросы: границы и территория Германии, установление польско-германской границы по линии Одер — Нейсе, передача СССР части Восточной Пруссии — Кенигсберга с прилегающими районами [Голубчик, 1998: 156—157]. Территория Германии по сравнению с 1938 г. сократилась примерно на одну четверть. Территория Союза ССР, напротив, выросла: помимо части Восточной Пруссии, Украинская ССР получила Закарпатье, а на северо-западе в Союз согласно мирному договору от 1947 г. с Финляндией вошел район Печенги.

Помимо территориальных изменений, Потсдамская конференция определила перемещение населения. Около 9 млн немцев покинули территории Польши и Чехословакии и впоследствии были ассимилированы в Германии. В Кенигсберге место выселенных немцев заняли советские военные и граждане СССР из самых разных регионов страны. Поляки, уехавшие из Львова, переместились во Вроцлав — со своим университетом, мэром и муниципалитетом [Дэвис, 2005: 787].

С 1945 г. по настоящее время

Довольно скоро союзники перестали быть едиными: послевоенный мир оформляется как двухполюсная система, начинается противостояние двух сверхдержав — холодная война. Создаются военно-политические блоки. Первой оформилась Организация Североатлантического договора (НАТО) в 1949 г. в составе США, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Канады, Италии, Португалии, Норвегии, Дании, Исландии. Позже к Договору присоединились Греция, Турция (обе в 1952 г.), ФРГ (1955 г.), Испания (1982 г.).

Под патронатом Советского Союза на территории Восточной Европы была создана Организация Варшавского договора (ОВД) в составе СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Румынии, Чехословакии и Албании (она вышла из ОВД в 1968 г.). В Европе возникала и углублялась линия раскола между двумя политическими системами.

Территория Германии (и Берлина) была разделена на четыре оккупационные зоны — по числу держав-победительниц. Восточную часть страны контролировала советская военная администрация, а западные зоны — администрации США, Великобритании и Франции. Постепен-

но раскол между советской и западными зонами нарастал, западные зоны образовали сначала Бизонию (под общей американско-британской администрацией), а потом и Тризонию, когда к ним присоединилась французская часть. Раскол выразился в образовании в конечном итоге двух государств: в 1949 г. в составе Тризонии образуется Федеративная Республика Германия (ФРГ) со столицей в Бонне, а через месяц — Германская Демократическая Республика (ГДР) в границах советской зоны и со столицей в советском секторе Берлина — Восточном Берлине.

Это привело, помимо прочего, к появлению «проблемы Западного Берлина», который был отделен от ФРГ территорией ГДР. В 1949 г. СССР установил блокаду Западного Берлина, которая была прорвана британскими и американскими транспортными самолетами, совершившими 277 264 (!) рейса.

Территория Австрии была также разделена на четыре зоны, Договор о восстановлении независимости страны был подписан представителями союзников и Австрии в мае 1955 г.

В послевоенной Западной Европе набирало силы движение за единую Европу. В мае 1948 г. состоялся Конгресс Европы в Гааге, на котором был выдвинут *принцип наднационального* — необходимость поступиться частью национального суверенитета в общих интересах и сохранения мира. Первенцем европейской интеграции стало Европейское объединение угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. Оно объединило шесть государств — Германию, Францию, Италию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург. В 1957 г. появляется Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и Европейское сообщество по атомной энергии (Евратом). Сегодня Европейский союз объединяет 27 государств — как Западной, так и Центральной и Восточной Европы. Отметим, что усиление наднациональных институтов привело и к нарастанию центростремительных тенденций в странах — членах Общего рынка. В Германии ~~большой автономией~~ пользуются субъекты федерации — земли. В Великобритании, Испании, Италии, даже Франции регионы стремились расширить свое представительство в Брюсселе, принимать более активное участие в процессе принятия решений.

ВОХ 3.7

«Осколки империй». Сегодня в мире осталось только 16 колоний. Однако в этот список не входят территории с различным статусом зависимости, осколки империй. Именно эти зависимые территории используются для размещения военных баз и/или создания налогового рая. После 1945 г. ООН ведет учет неавтономных территорий. Наиболее круп-

ной и единственной в Африке сегодня остается Западная Сахара. Другие территории находятся под управлением Великобритании и США (большинство из них расположено в Карибском бассейне). Многие территории покинули список ООН из-за изменения статуса. Так, французские, португальские, испанские зависимые территории были присоединены к ЕС со статусом «ультрапериферийные регионы» (Антильские острова, Гвиана, Реюньон, Азорские острова, Мадейра, Канарские острова), а французские территории в Тихом океане — Новая Каледония и Полинезия — вошли в число «заморских стран и территорий ЕС». Имперским наследством Европы другого рода является проблема Кипра: остров разделен на два государства — Республику Кипр (входит в состав ЕС с 2004 г.) и Турецкую Республику Северного Кипра, территорию, оккупированную турецкими войсками и признанную только Турцией [Атлас. *Monde Diplomatique*, 2007: 142—143, 152—153].

В Европе развивается процесс деколонизации: сохранение старых империй становится невозможным: элиты колониальных народов громко требуют независимости, связи колоний с метрополией ослабевают, наконец, и США, и ООН выступают противниками старого, традиционного империализма. Логика развития Западной и Восточной Европы противоположна: на востоке СССР укрепляет империю, на западе империи демонтируются [Дэвис, 2005: 794].

«Советская империя» — Восточный блок, — невзирая на пропагандируемый интернационализм, по сути, был разделен на отдельные сегменты. Блок включал такие различные страны, как ГДР, — наиболее странный вариант «народной демократии» на плечах Штази, просоветскую Болгарию с ее поздней незаконченной модернизацией и наименее советизированную Польшу, где католическая церковь не подчинялась советскому контролю. К началу 80-х годов у Союза не осталось средств воздействия на ситуацию в советском блоке, система начала стремительно разваливаться. По мере того как Западная Европа объединялась, Восточная стремилась к распаду.

Следующий этап перекройки политической карты Центральной и Восточной Европы начинается в конце 80-х годов с системными изменениями в СССР и затем демократическими революциями в странах этого субрегиона. В 1991 г. ОВД прекратила существование. В 1993 г. федеративная Чехословакия распадается на два суверенных государства — Чехию и Словакию.

ВОХ 3.8

Два хельсинкских принципа. Стороны многочисленных этнополитических конфликтов, как правило, апеллируют к двум принципам-положениям Заключительного акта СБСЕ в Хельсинки: принципу территориальной целостности государства и праву народов на самоопределение. Два этих принципа противоречат друг другу. Как же оценивать правомерность требований того или иного региона на сецессию? Ни одна Конституция (кроме Конституции СССР) не предусматривает права на сецессию, однако сколько отделений уже состоялось — иногда мирных, а чаще кровопролитных... Есть немало примеров, когда верх берет то первый, то второй принцип. Лидеры национальных движений, как правило, апеллируют к праву наций на самоопределение, однако, придя к власти, настаивают на верховенстве принципа территориальной целостности государства. При анализе конкретной ситуации важно понимать: а) принцип — это не догма, и его нельзя возводить в абсолют; б) принцип — это абстрактное положение, которое не работает вне конкретных обстоятельств, так что регион, конкретная обстановка имеют огромное значение; в) важен историзм, т. е. связь с эпохой. Заключительный акт — продукт своей эпохи, он определил правила игры для межгосударственных отношений в эпоху холодной войны и противостояния двух систем. Та эпоха уже в прошлом [Казимиров, 2007: 180—186].

С начала 90-х годов начинается распад Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ), обернувшийся тяжелыми хроническими, до сих пор неурегулированными конфликтами. В 1991 г. провозглашена независимость Словении и Хорватии, в 1992 г. — Боснии и Герцеговины. Сохраняя формальное единство, это государство оказалось разделенным на две части: территории, населенные сербами, и хорватско-мусульманские территории. Босния и Герцеговина имеет уникальную форму государственного устройства и правления и состоит из двух образований (энтитетов): Федерации Боснии и Герцеговины и Республики Сербской (карта 3.8). Решающее влияние на формирование институтов оказали международные агентства; экономические, политические и военные аспекты жизни страны во многом регулируются ОБСЕ, НАТО, Международным валютным фондом, Международным банком реконструкции и развития. Таким

образом, более десяти лет государство функционирует фактически в режиме международного протектората.

ВОХ 3.9

Особые институты для особого случая. Согласно Дейтонской конституции основными институциональными механизмами в Боснии и Герцеговине являются: 1) широкая автономия сегментов, реализованная через федерализацию и кантонизацию страны; 2) распределение власти между тремя национальными группами — босняками, сербами и хорватами, призванное обеспечить равное влияние на процесс принятия решений для всех групп; 3) право вето для представителей национальных групп, гарантирующее защиту меньшинства [Соколова, 2007: 61—62].

Отметим, что география расселения общин — конфессиональных и этнических — необычайно сложна как в Боснии и Герцеговине, так и по всей бывшей СФРЮ. Албания и Македония относятся в числу наиболее бедных стран Европы; безработица в Албании достигает 1/3 трудоспособного населения.

В 1992 г. Сербия и Черногория объединяются в Союзную Республику Югославия (СРЮ), однако в 2006 г. Черногория выходит из союза. Распался последний союз на этих территориях.

Особую проблему представляет собой регион Сербии Косово (официальное название — Косово и Метохия), где большинство населения составляют албанцы (из 2 млн населения более 90% албанцы и 6% сербы). Этот край имел автономию в составе СФРЮ, которая была ликвидирована в 1989 г. Белградом. В 1992 г. сторонники независимости Косово провозгласили Косовскую республику. В конце 90-х годов конфликт резко обострился и приобрел международное измерение. Регион Косово перенасыщен оружием, через него идет транзит наркотиков. С лета 1999 г. Косово находился под контролем ООН и НАТО в соответствии с резолюцией № 1244 Совета Безопасности. Разрешением «косовской проблемы» занималась Контактная группа, в которую входит «Европейская четверка» (Германия, Франция, Италия и Великобритания), а также Россия и США. Очевидно, что «косовская модель», т. е. решение проблемы путем окончательного территориального размежевания и признание отделившейся территории в качестве суверенного государства, не может не оказать влияние на территориальные конфликты на постсоветском пространстве.

BOX 3.10

Случай Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Приднестровская Республика расположена на территории Молдовы и относится к числу непризнанных государств. В советский период именно сюда приезжали специалисты из других регионов Союза ССР с задачей ускоренного развития Молдавской ССР, индустриализация которой началась относительно поздно. Сегодня Приднестровье населяют примерно в равных долях молдаване, украинцы и русские, преобладает советский тип идентичности. Регион экспортирует металл в страны ЕС и служит транзитной территорией на пути российского газа в Молдову и далее в Румынию и на Балканы. Когда в 1990 г. Молдова провозгласила независимость, часть элиты выступила за сближение с Румынией, вплоть до присоединения к ней. Однако этот проект был резко отвергнут русскими и украинцами в Приднестровье. Они образовали республику, провозгласив ее независимость. Попытка силового захвата территории ПМР Молдовой оказалась неудачной. В 2003 г. для урегулирования конфликта был предложен план создания на территории Молдовы федерации с двумя автономными образованиями — ПМР и Гагаузией. Однако план этот был отвергнут, так что разрешения приднестровского конфликта пока не предвидится.

11 февраля 2008 г. парламент автономного края Косово провозгласил независимость от Сербии, и этот шаг разделил международное сообщество на сторонников и противников этого решения. О непризнании суверенитета Косова заявили Россия, Сербия, Китай, Индия, Бразилия, Испания, Греция и другие государства. Признали независимость края такие государства, как США, Великобритания, Франция, Германия, Италия и др. Ряд государств еще не определил свою позицию. Процесс перекройки карты Балканского региона может иметь продолжение в будущем [Патрушев, 2008: 122].

Распад Восточного блока привел не только к размежеваниям, но и способствовал объединительным процессам. Так, важнейшим процессом 90-х годов, имеющим выраженное политико-географическое измерение, стало *объединение двух Германий* после 40-летнего раскола страны. В сентябре 1990 г. был подписан Договор «4 + 2» (два германских государства и четыре державы-победительницы во Второй мировой войне), который обеспечил международную поддержку этому про-

цессу. Объединенная Германия была создана как федерация 16 земель, а столица государства перенесена из Бонна в Берлин.

Европа живет. О роли, которую играют в ее развитии разнообразие и традиция, говорит существование на ее территории, помимо «традиционных» государств-наций, государств-«реликтов»: анклав Сан-Марино, государство, основанное в V в. н.э.; княжество Лихтенштейн — последний уцелевший член Священной Римской империи; Княжество Монако, Андорра, Гибралтар, город-государство Ватикан. Вслед за Шмиттером Манн пишет о том, что «общее направление преобразований политической карты Европы — это движение от систем государств-наций либо к конфедерациям... либо — федерациям различного состава и структуры» [Манн, 2002: 381].

Литература основная

1. *Бродель Фернан*. Время мира. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
2. *Бусыгина И. М.* Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 2000.
3. *Голубчик М. М.* Политическая география мира. Смоленск, 1998.
4. *Дэвис Нортон*. История Европы. М.: Транзиткнига, 2005.
5. *Rokkan Stein*. State Formation, Nation Building and Mass Politics in Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999.
6. Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны. М.: Гардарики, 2003. С. 343—543.

Литература дополнительная

1. *Бродель Фернан*. Что такое Франция? Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
2. *Большаков А.* Непризнанные государства европейской периферии // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3. С. 83—88.
3. *Манн Майкл*. Государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.
4. *Murthy A.* The Sovereign State as Political-Territorial Ideal, In: State Sovereignty as Social Construct. Ed. by Th. Biersteker and S. Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

ГЛАВА 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ АЗИИ

Азия — крупнейшая часть света — образует вместе с Европой материк Евразию, занимая около 30% всей земной суши. Границы Азии обозначены самой природой: Северный Ледовитый океан на севере, Тихий океан — на востоке, Индийский океан — на юге (сложно определить только западную границу, там ясен лишь рубеж с Африкой, который проходит по Суэцкому каналу). Азия имеет самую большую среднюю высоту — 950 м (для сравнения Европа — 340 м), наивысшую точку земли — Джомолунгму (8848 м) и самую глубокую океаническую впадину — Марианскую [Экономическая... 2003: 546]. Из десяти крупнейших агломераций мира пять расположены в Азии — это Токио, Бомбей, Шанхай, Калькутта и Сеул.

Взгляд на политическую карту Азии сразу дает представление об огромной важности и сложности этого региона. На территории Азии располагается 48 независимых государств. Народы Азии говорят более чем на 600 языках. Именно с Азией связаны древнейшие цивилизации; азиатское происхождение имеют такие мировые религии, как христианство, буддизм, ислам. Зона преимущественно мусульманского населения тянется через Малазийский полуостров и острова Индонезии, причем последняя является наиболее многонаселенной мусульманской страной в мире.

Азия в отличие от Европы — регион исключительных географических контрастов, которые прослеживаются по многим измерениям. Так, по площади три страны, сравнимые с целыми континентами: Россия, Китай и Индия, значительно превосходят остальные по территории; в то же время на территории Азии имеются совсем крошечные государства: Сингапур, Бахрейн, Мальдивская Республика (добавим к этому, что не все межгосударственные границы четко определены, например южная граница Саудовской Аравии с Оманом и Йеменом, в силу чего имеются разные данные о ее площади). Различна конфигурация территории государств — от относительно правильной до весьма своеобразной, как, например, у Вьетнама, напоминающего формой коромысло.

Крайне сильно отличается возраст государственных образований: наряду с древнейшими государствами мира, такими как Китай и Иран, в Азии присутствуют и новые государства — Объединенные Арабские Эмираты и самое молодое государство Азии — Восточный Тимор, который появился на политической карте Азии в 2002 г., а до этого находился под управлением ООН. Страны Азии резко отлича-

ются и по уровню социально-экономического развития: в этом регионе присутствуют как высокоразвитая постиндустриальная Япония (чья экономика крупнее, чем экономика любого из европейских государств), так и наименее развитые страны — Афганистан, Бангладеш и др. [Вся Азия, 2003: 6]. На территории региона представлены самые разные политические режимы — от демократической федеративной Индии до автократического унитарного Туркменистана или тоталитарной Северной Кореи. Наконец, государства Азии отличаются и по политическому весу в глобальном мире: если к такому государству, как Китай, внимание мирового сообщества приковано практически постоянно, и «китайский фактор» является крайне важным для мировой политики, то такие страны, как, например, Бутан, Лаос или Мьянма, известны относительно мало и, что называется, не делают погоды для глобальной повестки дня.

На территории Азии можно найти государства как с исключительно благоприятным, так и с исключительно неблагоприятным политико-географическим и геополитическим положением. Рассмотрим эти различия более подробно.

Примерами государств с благоприятным политико-географическим положением можно считать такие азиатские государства, как Турция, Сингапур, Шри-Ланка, Кипр и малые страны Юго-Западной Азии — Оман, Йемен, Иорданию, Бахрейн. Обобщая, можно сказать, что благоприятность положения может заключаться либо в транзитном положении, либо в контроле над важным территориальным объектом, либо в расположении «на стыке» (субрегионов, культур). Так, Турция — одно из немногих государств мира, которое расположено сразу в двух частях света — Европе и Азии. Граница между ними проходит по проливам Босфор и Дарданеллы и Мраморному морю, и Турция контролирует этот важный военно-политический и торгово-экономический путь, соединяющий Черное и Средиземное моря. Необычайно выгодное положение Сингапура, идеальное для организации британской торговли в регионе, еще в начале XIX в. оценил чиновник Британской Ост-Индской компании сэр Стемфорд Раффлз, а сегодня положение Сингапура определило его превращение в центр коммуникаций глобального значения. Шри-Ланка занимает стратегически важное положение на морских путях из Европы на Восток Азии, в Австралию и Океанию. Из-за стратегически важного положения Кипра на пересечении торговых путей из Европы в Азию сражались друг с другом империи. Благоприятная особенность географического положения Омана заключается в том, что он контролирует вход в

Персидский залив; Йемен расположен на выходе из Красного моря в Аденский залив и Индийский океан; Иордания — это центр арабского мира Азии (Машрика); Бахрейн близок к Ближневосточному нефтяному бассейну и находится на перекрестке торговых путей в Персидском заливе. Иран располагается на стыке Южной Азии и Средиземноморского мира.

Однако Азия богата и противоположными примерами — «закрытыми» странами, не имеющими выхода к морю. Это Армения, Афганистан (расстояние до ближайшего морского побережья составляет 500 км), Королевство Бутан, которое еще не так давно было вообще отрезано от внешнего мира, Лаос, Непал, наконец Монголия, наиболее удаленная от океана страна мира. С распадом Союза ССР существенно ухудшилось географическое положение стран Центральной Азии — они утратили выход к морю. Например, Таджикистан — одна из наиболее удаленных от Мирового океана стран Азии (хотя у ГП Таджикистана есть и другое измерение: пограничное положение между тюркским миром на севере и ираноязычным — на юге; споры за эти земли между двумя великими империями — Британской и Российской — свидетельствуют о важном геополитическом значении территории).

В Азии есть все: самые удаленные от моря государства и государства, со всех сторон окруженные водой. Такова Индонезия, самое большое островное государство мира, Филиппины, располагающиеся на 11 крупных островах, Япония, где островное положение сформировало абсолютно своеобразную нацию в смысле миропонимания и менталитета. Японцы до сих пор рассматривают континентальную Азию скорее как объект для изучения (а ранее как объект для экспансии), а не как мир, к которому они сами принадлежат.

В отличие от стран Западной Европы азиатские страны не пришли к осознанию общих для всех них угроз, они обладают разными геополитическими приоритетами и представлениями о потенциальных опасностях. Некоторые по традиции опасаются России, других больше беспокоят Китай или Япония; Индия и Пакистан весьма настороженно относятся друг к другу. Более того, в силу огромной протяженности региона, культурных и конфессиональных различий и особенностей исторического процесса в Азии не существует единого равновесия, но выделяются три стратегические зоны: в Северо-Восточной Азии Китай, Япония, Россия и США строят отношения с учетом взрывоопасности Корейского полуострова, в Юго-Восточной Азии Индия, Китай, США и Индонезия выступают главными акторами; отдельную зону представляет собой Ближний и Средний Восток [Киссинджер, 2002: 114—115].

Формирование политической карты Азии

Древняя эпоха (до V в. н.э.)

Великие культуры древности зародились и развивались в Азии вдоль больших рек. Это Хуанхэ и Янцзы, где выросла китайская цивилизация; бассейны Инда и Ганга — родина индийской (ведийской) культуры; на берегах Тигра и Евфрата зародилась ассиро-вавилонская культура; наконец, Древний Египет был «создан» великим Нилом [Голубчик, 1998: 72].

В Месопотамии (между Тигром и Евфратом) с середины IV века до н.э. появляются первые политические структуры — города-государства (например, *Финикия* — цепочка портовых городов-государств на сирийско-ливанском побережье Средиземного моря. Многие столетия такие города, как Библ, Тир и Сидон, жили за счет активной морской торговли; но с I в. до н.э. они оказались под властью Римской империи). В III тысячелетии возникает крупное централизованное *Шумерское царство*, старейшее из цивилизаций Месопотамии и располагающееся в нижних частях долин Тигра и Евфрата. Аллювиальные почвы этих территорий были весьма плодородны. Шумерские города-государства постоянно соперничали между собой; они никогда не были частями единой централизованной системы. Одной из особенностей цивилизаций Месопотамии была их связь с водным фактором — контролем за потреблением воды, борьбой с разрушительными наводнениями; эти цивилизации называют иногда «гидравлическими» [Dogshon, 1998: 58].

ВОХ 4.1

Финикия, древняя страна на восточном побережье Средиземного моря (территория современных Ливана и Сирии). Поселения финикийцев возникли на этих территориях уже в V—IV вв. Во втором тысячелетии Финикия была конгломератом городов-государств. В силу своего удобного географического положения города активно участвовали в торговле с Месопотамией и долиной Нила. Финикийцы основали колонии в Южной Испании, Сицилии, Сардинии. Финикия подвергалась нашествиям ассирийцев; входила в состав римской провинции Сирия.

Первые государства Азии были имперскими государствами, однако государствами внутренне непрочными. Империи рушились, на их место, пользуясь наследством своих предшественниц, приходили новые. В I тысячелетии до н.э. на Ближнем Востоке создавались такие ог-

ромные империи, как *Мидия*, которая консолидировала персов, *империя Александра Македонского*, вобравшая в себя Персидскую империю. В это же время сильные государства существовали и в долине Ганга (например, империя Маурьев). В процессе объединения древнекитайских государств была создана империя Цинь [Голубчик, 1998: 72—74]. Несмотря на изменявшуюся конфигурацию, китайская империя отличалась стабильностью; первоначально ее поселения также росли на береговых аллювиальных почвах, однако настоящий рост начался тогда, когда воды Хуанхэ (Желтой реки) стали регулярно доставляться на лессовые почвы окружающих равнин, т. е. были созданы мощные ирригационные системы [Dodgshon, 1998: 63].

Средневековый этап (около V—XV в.)

В этот период важнейшую роль продолжают играть крупные империи. Так, в Западной Азии велико было значение *Арабского халифата*, созданного в VII в. Первоначальным ядром этого государства была мусульманская община (умма), созданная в Хиджазе (Западная Аравия); впоследствии в результате завоеваний арабов сложилась огромная по площади конструкция. Важнейшей особенностью халифата, впрочем, как и других исламских государств, было слияние религии (ислама) и всей политической сферы. После распада халифата в X—XIII вв. политическая карта Ближнего Востока подвергалась постоянным изменениям, вплоть до формирования в этом регионе крупнейшей *Османской империи*. Это была могущественная империя, включавшая почти все земли прежнего Арабского халифата (Аравию, Ирак, Магриб, часть Закавказья) и приобретшая новые земли — Балканы и Крым. Османская империя была угрозой и для Европы, и для России [Голубчик, 1998: 80]. Османская империя утратила свое могущество к концу XIX в. (Турция — сердце империи — после поражения в Первой мировой войне была разделена между странами Антанты и после освободительной войны 1919—1923 гг. под предводительством Кемаля Ататюрка обрела независимость).

На Востоке Азии также идет процесс формирования империй, их падение, возникновение новых. В VI—XIII вв. расцветает Китайская конфуцианская империя. Волны территориальной экспансии китайских династий сопровождалась культурной и биологической ассимиляцией соседей, попавших в поле конфуцианского влияния. Уже к периоду воцарения династии Тан (618—907 гг.) Китай становится самодостаточным, исчерпав потенциал способности восприятия внешних ценностей, и в дальнейшем становится исключительно донором, превратив конфуцианский ареал в «плавильный котел» этносов и на-

родов, подвергавшихся китаизации. Китай был велик не своим могуществом, но культурой, позволявшей гармонизировать отношения в сложных ситуациях [Корсун, 2005: 497].

Как я уже отмечала выше, Китайская империя принадлежит к числу наиболее стабильных империй; ее рост и консолидация зависели от того, насколько успешно империя справлялась с двумя основными вызовами — интеграцией новых территорий и контролем и защитой границ, которые постоянно отодвигались. Чем больше расширялась империя, тем острее вставала проблема границ, особенно на севере и северо-западе. Дело в том, что менее плодородные почвы этих территорий не годились для тех типов сельского хозяйства (интенсивных, с развитыми ирригационными системами), которые были распространены в империи; местные сообщества занимались преимущественно пастбищным скотоводством. Найденное территориальное решение состояло в создании широких внутренних и внешних фронтальных зон, которые формировали буферную зону, разделяющую империю и племена севера и северо-запада [Dodgshon, 1998: 64—65].

К концу XIII в. Китай оказывается под властью монголов; монгольский хан получает титул китайского императора — т. е. фактически периферия начинает контролировать центр. В этот период походы Чингисхана и его потомков привели к завоеванию монголами многих пространств Сибири, Средней Азии, Северного Китая, Кавказа, Кореи, Восточной и Юго-Восточной Азии, Восточной Европы. На этих пространствах возникали своеобразные многонациональные образования, где сами монголы были в меньшинстве. Наиболее значительным образованием была *Золотая Орда*; помимо его, самостоятельные образования существовали в Средней Азии и на территориях Ирана, Месопотамии, Закавказья. Последние довольно быстро распадаются, лишь Золотая Орда продолжает существование до конца XIV в.

Период колонизации (XVI — XX века)

На формирование политической карты Азии исключительное влияние оказала европейская колонизация, в первую очередь формирование мощнейшей *Британской колониальной империи*. Уже с XVII в. англичане основали целую систему морских баз и станций — в Северной Америке, Индии, Индонезии, Австралии, на западном побережье Африки, — которые и стали опорными пунктами британского колониализма [Голубчик, 1998: 113]. Португальская экспедиция Васко да Гама 1498 г. — один из наиболее удивительных походов эпохи Великих географических открытий — открыла морской путь вокруг Африки (из Европы в Индию) и положила начало колониальным захватам в Азии.

В 1795 г. Британия захватывает остров *Цейлон*, который до этого принадлежал Нидерландам. Однако настоящей жемчужиной Британской империи становится *Индия*, где владения Британии постоянно расширялись, и к середине XIX в. почти вся Индия и большая часть соседней Бирмы оказались британскими колониями. Индия была, несомненно, наиболее важным владением империи, важными компонентами ее стали также опорные пункты на морских путях, ведущих в Индию, — ряд островов в Индийском океане, зона Суэцкого канала, Аден на юге Аравийского полуострова. В это же время к Британской империи был присоединен *Сингапур*, южное побережье полуострова *Малакка* [Голубчик, 1998: 113—114]. В дальнейшем британские владения в Индии и «вокруг» еще более расширились за счет Афганистана, у которого были отняты важные пограничные районы; тем самым Британия получила контроль над горными проходами, связывающими Индию и Афганистан. В XIX в. на территории Афганистана столкнулись интересы Российской и Британской империй; последняя рассматривала Афганистан как плацдарм для проникновения в Центральную Азию.

Однако Британия не всегда приходила первой, иногда происходил передел колониальной принадлежности. Так, в эпоху Великих географических открытий с экспедицией Магеллана в 1516 г. на Филиппины пришли испанцы. В XVI в. на полуострове Малакка и Молуккских островах появляются португальские владения. С XVII и до XX в. контроль над большей частью современной Индонезии удерживают Нидерланды; Британия и Франция пришли в Юго-Восточную Азию позднее.

Итак, только в конце XIX в. *Юго-Восточная Азия* была в основном поделена между Британией и Францией. Так, Франция подчинила себе восточную часть полуострова Индокитай, затем ее протекторатами стали Камбоджа, Лаос. Эти территории составляли Французский Индокитай. Великобритания захватила Бирму и большую часть Малакки. Сиам (современный Таиланд) был поделен на сферы влияния между Британией и Францией.

BOX 4.2

Интересна сложная иерархическая *система британских владений*, сложившаяся в *Малайзии*. Во-первых, существовала колония *Срейтс-Сеттлментс*, которая управлялась непосредственно правительством Великобритании. Во-вторых, ряд федерированных (т. е. объединенных в союз с Британской империей) княжеств по факту управлялись чиновниками империи, однако местные элиты сохраняли опреде-

ленную политическую автономию. В-третьих, существовали нефедерированные малайские государства, где власть принадлежала местным элитам, однако в деле управления они должны были руководствоваться советами чиновников Империи [Вся Азия, 2003: 162].

Колонизация островов Индонезии началась в XVII в., а к началу XX в. вся территория нынешней Индонезии стала голландской колонией.

Крупный остров Новая Гвинея был разделен на три части: западная вошла в состав Нидерландской Индии (современная Индонезия), юго-восточная принадлежала Великобритании, а северо-восточная часть — Германии. В результате победы в испано-американской войне 1898 г. США заняли бывшую колонию Испании — Филиппины.

В *Восточной Азии* основные территориальные переделы конца XIX — начала XX в. были связаны с Китаем и экспансией Японии. На территории Китая были созданы опорные пункты и сферы влияния Великобритании, Франции, России и Германии; началось массированное экономическое проникновение европейских держав в Китай.

ВОХ 4.3

Еще в 90-е годы XX в. Китай ощущал *последствия колонизации*. Так, Гонконг (Сянган) — крупный финансово-экономический и торговый центр в системе мирового хозяйства — был с 1841 г. владением Великобритании. В 1997 г. Гонконг вошел в состав Китая на правах особого административного района. В 1999 г. — согласно португало-китайским договоренностям, состоялось восстановление суверенитета Китая над Аомынем, небольшим владением Португалии на юго-восточном побережье Китая.

В Японии первые европейцы появились в 1543 г. — сначала это были португальские мореплаватели, затем — испанцы, затем — англичане. Однако Япония пошла по особому пути: она закрылась от внешнего мира почти на 200 лет, вплоть до 1854 г., когда американская военная эскадра вошла в японские воды, а затем начала политику территориальной экспансии. В 1894—1895 гг. Япония вела войну против Китая, в результате чего получила остров Тайвань (Формозу). Победа в русско-японской войне 1904—1905 гг. дала Японии южную часть острова Сахалин и полуострова Ляодун, в 1910 г. Япония аннексировала Корею. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию и создала дочер-

нее государство Маньчжоу-Го. Впоследствии в ходе Второй мировой войны Япония оккупировала Мьянму.

Территории *Центральной Азии* присоединялись к Российской империи начиная с середины XIX в.: сначала Казахстан, затем Узбекистан, Туркменистан (как Закаспийская область), Таджикистан. В последнем случае Бухарское и Кокандское ханства признали протекторат Российской империи после длительных боев с русскими войсками в 1868 г., хотя их присоединение к империи позволило им избежать другой колониальной зависимости — от Британской империи. Появление русской администрации на присоединенных и завоеванных территориях сопровождалось внедрением военного, т. е. жесткого, иерархического, управления (как говорил генерал Скобелев, «Азию надо бить не только по заправке, но и по воображению!»). И тем не менее после внешне кажущегося легким завоевания Средней Азии местные этнокультурные сообщества почти немедленно выработали своего рода «защитную цивилизационную пленку», позволившую сосуществовать столь различным культурам не перемешиваясь [Замятин, 2003: 240]. Жесткая система управления, созданная империей в Средней Азии, тем не менее оказалась максимально приближенной и практически идеально сочеталась с местными политическими традициями. Система предполагала слабую расчлененность различных ветвей власти, ее персонализацию, внушительный декор [Замятин, 2003: 256].

Рассмотрим ситуацию в *Центральной Азии* более подробно. К середине XIX в. узловым районом, своего рода хартлендом, этого огромного региона был Афганистан: именно здесь сходились границы, в стратегическом смысле, двух империй — Российской и Британской. Определение северной афганской границы в 1870—1880 гг., т. е. границы сфер влияния двух империй, было, по существу, процессом создания (или имплантации) европейской границы на азиатской территории. Значение завоевания Россией Средней Азии определялось не только ценностью этих территориальных приращений для метрополии как таковых, сколько их геополитическим положением. Так, Туркестан был не столько колонией России, сколько своего рода операционной или геополитической базой, настоящей (но не достигнутой) целью Российской империи представлялась Индия [Замятин, 2003: 240]. Понимание Россией значения Средней Азии как самоценной части российского пространства сложилось только к началу XX в.

В сфере влияния Британской империи, в Индии и Афганистане, осуществлялась интенсивная культурная экспансия, прежде всего в отношении достижений материальной культуры. В российских владениях подобная экспансия не была эффективной в силу технико-эко-

номической отсталости России и иного механизма межкультурных контактов. Культурное влияние России в Средней Азии всегда было очень слабым, спустя полвека это было уже вполне очевидно; хозяйственное освоение русскими этих территорий также носило фрагментарный, слабо выраженный характер.

BOX 4.4

«Там, где Азии касается Россия, даже там, где она в нее проникает насильственно, в общем, не остается заметных следов. Какой-нибудь безобразный почтамт среди радостной нищеты бухарских базаров, красноармеец в старой шинели и рваных сапогах на границе между Кушкой и Чильдухтераном, — а все остальное у нас ведь общее. И эта лень, и насекомые, и бедность, и меланхолическое пренебрежение своим временем, своей жизнью. (...) Совсем иначе входит Англия в пределы афганской Азии. Где поля нашего Туркестана просто политы кровью безымянных солдат, Великобритания орошает и сушит, устраивает артезианские колодцы, ставит могучие фильтры... Двойной ряд шоссе соединяет Индию с Афганистаном... Телеграф и телефон пододвинуты к самой границе...» [Рейснер Л. Афганистан. М., 1925. С. 88—89, цит. по: Замятин, 2003: 247].

В Средней Азии русские столкнулись с новым для себя феноменом, а вернее, старый термин «граница» приобрел новый смысл. Так, в Средней Азии существуют как постоянные границы оседлого населения, так и постоянно меняющиеся границы кочевых племен. Постоянными границами обладали внутренние части ядер среднеазиатских государственных образований (ядра Кокандского, Хивинского ханств и др.), кочевая же периферия этих образований делала их границы весьма расплывчатыми — они выступали своеобразными фронтами оседлого населения. Да и самой границы России со среднеазиатскими государствами в ее европейском понимании не существовало. Сама территория Средней Азии второй половины XIX в. — это неустойчивая, по выражению Д. Замятина, «жидкая» текучая среда, которая стала приобретать какие-то европейские характеристики лишь с вторжением русских войск; так, продвижение России в Туркмению привело к уточнению, отвердеванию туркмено-иранской границы (в отличие от европейской понятие азиатской границы предполагает нечеткость, расплывчатость контуров и очертаний [Замятин, 2003: 241, 253]). В условиях Средней Азии, сильнейшей этнической мозаичности

этого пространства, стержнями или ядрами территорий были реки Сырдарья, Амударья, Зеравшан, Или, Теджен, Мургаб.

«Текучесть» самого ландшафта и среды обитания особенно ярко проявлялась в Туркмении. Для нее характерна оазисная система расселения, однако и сама территория оазиса была неустойчива — по ней были разбросаны аулы, границы которых и само место расположения менялись в зависимости от времени года. Более того, неустойчива была даже топонимика: названия аулов были неустойчивыми, поскольку давались по именам влиятельных людей, глав родов. Ландшафт скрепляла вода — реки, системы орошения, искусственные каналы. Распределение воды, размещение ирригационных систем определяли как экономическую географию территории, так и *политическую географию* (административные единицы создавались вдоль каналов) и социальную стратификацию общества, в котором количество воды было мерой богатства [Замятин, 2003: 251].

Перейдем к ситуации в *Закавказье*. В XVI—XVIII вв. территория Азербайджана была объектом борьбы между Ираном и Турцией; с середины XVIII в. на его территории существовало более 15 феодальных государств, зависимых от Ирана. В 1813 и 1828 гг. Северный Азербайджан был присоединен к Российской империи; были установлены его южные границы. Армения в XVI—XVIII вв. была разделена между Ираном и Турцией, в 20-е годы XIX в. Восточная Армения вошла в состав России, а Западная осталась в составе Османской империи.

В 1801 г. Восточная Грузия, а в 1803—1804 гг. Западная Грузия вошли в состав Российской империи (на их территории были образованы Тифлисская и Кутаисская губернии). В 1920—1921 гг. Грузия, Армения и Азербайджан становятся Советскими Социалистическими Республиками, в 1922 г. образуют Союз, а затем Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР). В 1936 г. ЗСФСР была упразднена и три республики вошли в состав Союза ССР на правах отдельных союзных республик.

В *Центральной Азии* национально-территориальное размежевание, а фактически раскол единого цивилизационного пространства произошел в 1924—1925 гг. Так, в 1924 г. были созданы Туркменская и Узбекская ССР (в составе последней — Таджикская АССР); в 1925 г. они были приняты в состав Союза ССР в качестве союзных республик. В составе РСФСР образована Кара-Киргизская АО, она же в 1925 г. Киргизская АО, она же в 1926 г. Киргизская АССР. Таджикская АССР получила иной статус — союзной республики и вошла в состав СССР в этом качестве в 1929 г., этот же процесс прошли Киргизская и Казахская АССР и присоединились к СССР как союзные республики

в 1936 г. Так была сформирована «советская империя» — крупнейшее в мире государство, нормативно союзное и федеративное, однако на самом деле жестко централизованное и унитарное.

В *Юго-Западной Азии* небольшие территории-государства попали под протекторат европейских стран, однако «островом арабов» — Саудовской Аравией — управляли эмиры, они же собирали эти земли (Королевство Саудовская Аравия было провозглашено в 1932 г.). Иран в конце XIX — начале XX в. фактически превратился в полуколонию Великобритании и России. Так, России принадлежали в Иране шоссейные и железные дороги, банки, многие предприятия. После революции 1905—1911 гг. и принятия Конституции Иран обрел независимость. Во время Второй мировой войны на территории Ирана базировались советские и английские войска, через Иран шел грузопоток из стран антигитлеровской коалиции в СССР.

С оккупацией турецкими войсками в 1533 г. Багдада Ирак вошел в состав Османской империи, однако вплоть до XIX в. власть Стамбула на этих территориях была номинальной, она не распространялась на всю страну, особенно на ее южные регионы. Причиной этого была прежде всего географическая удаленность Ирака от центра османской власти, что было использовано Ираном, так что вплоть до 1921 г. Ирак был ареной борьбы между Османской Турцией и Ираном. Попытки Стамбула, направленные на централизацию империи и установление жесткого контроля над всей территорией страны, встретили сопротивление племен, которые составляли в Ираке подавляющее большинство населения; после того как эта империя на Ближнем Востоке была поделена между Францией и Великобританией, Ирак стал британской подмандатной территорией. Великобритания отводила Ираку особое место при выстраивании геополитической конфигурации своей части «османского наследства в силу его геополитической и экономической значимости: еще до Первой мировой войны здесь были обнаружены запасы нефти» [Степанова, 2005: 99].

Провозглашенная англичанами в 1921 г. хашимитская суннитская монархия существовала до революции 1958 г. В 1932 г. британский мандат был отменен, страна получила независимость, однако Англия на основе англо-иракского договора 1930 г. сохранила за собой реальную власть, опираясь на суннитскую военную элиту османской выучки. В новом иракском государстве центром политической жизни стал Багдад, а главные шиитские города Наджаф и Кербела утрачивают свое автономное положение. В 1958 г. Великобритания утратила свои стратегические позиции: власть в Ираке перешла к радикальной националистической партии — Партии арабского социалистического воз-

рождения (Баас), из которой в качестве лидера в 70-е годы выделился Саддам Хусейн [Киссинджер, 2002: 207]. В стране утвердился абсолютистский диктаторский режим.

Важно отметить, что фактически колонизаторами в Азии выступали не только европейские державы; Азия знала и своих колонизаторов, прежде всего это были Российская империя и Япония.

Распад колониальной системы и формирование современной карты Азии

Распад мировой колониальной системы начался с процесса деколонизации Азии, который развернулся почти одновременно во всех частях огромного региона. Так, в 1945 г. была освобождена крупнейшая колония Японии — Корея, провозгласили независимость Индонезия и Вьетнам. В 1946 г. получили суверенитет Иордания и Филиппины, а уже на следующий год перестала быть колонией Индия. Надо отметить, что Закон о независимости страны предусматривал создание на ее территории двух доминионов — Индийского Союза и Пакистана, причем разделение происходило по конфессиональному принципу: преимущественно мусульманский Пакистан и преимущественно индуистская Индия. В свою очередь Пакистан состоял из двух частей — Западного и Восточного, разделенных территорией Индии (искусственность и «географическая нелепость» подобного образования была очевидна, и в 1971 г. Восточный Пакистан превращается в суверенную Республику Бангладеш).

Метрополия — Великобритания — дала Индии единую правительственную, административную и законодательную структуру; страна была конституирована на принципах либеральной демократии. До сих пор индийская элита говорит по-английски, многие индийские лидеры учились в западных университетах. Однако несмотря на британское наследие, Индия сохранила свой особый характер, «не ассимилируя иностранцев» (как это делал Китай), но, наоборот, изолируя их от самой себя. Индийское общество... выжило за счет собственной непроницаемости для внешних культур» [Киссинджер, 2002: 164]. Возможно, именно колониальному господству Индия обязана своим сегодняшним территориальным единством (сохранение которого является одной из серьезнейших проблем, учитывая чрезвычайно пестрый этнический и конфессиональный состав населения, а также социально-экономические диспропорции между регионами страны и социальными группами); не будь его, она скорее всего представляла бы собой конгломерат множества независимых государств.

BOX 4.5

Федерализм в Индии. Когда в 1947 г. британцы покинули Индию, субконтинент был не только разделен между независимыми отныне Индией и Пакистаном; на его территории располагалось около 572 (!) княжеств, которые получили право выбора: присоединиться к Индии, присоединиться к Пакистану или сохранить независимость. Понятно, что этот рецепт привел бы к фрагментации, и политическая карта Южной Азии выглядела бы сейчас совсем по-другому. В ответ на этот вызов индийская Конституция провозгласила создание гибкой федерации, которая могла присоединять как бывшие британские территории, так и княжества. Первоначально Конституция делила территории на три типа — А, В, С, но в 1956 г. Индия была реорганизована в федерацию в составе 15 штатов и 6 союзных территорий (некоторые из них, такие как Гоа, получили в дальнейшем статус штата). Штат — это полноценный субъект федерации, обладающий политической автономией, гарантированной Конституцией страны; союзная территория управляется непосредственно федеральным правительством. География индийского федерализма продолжала меняться: создавались новые штаты, так что в настоящее время Индия включает 28 штатов и 6 союзных территорий. Велики контрасты между штатами как по численности населения, так и по размеру территории. Так, численность штата Уттар Прадеш составляет 166 млн чел., в штате Сикким (наименьшем по численности населения) проживает 540,5 тыс. чел. Крупнейшим по территории является пустынный штат Раджастан, самый маленький штат по территории — Гоа (еще меньше некоторые союзные территории, такие как Андаманские и Никобарские острова). Каждый штат представляет собой особую культурную целостность, имеет свою лингвистическую или социально-историческую идентичность [Legislative, 2006: 167—168].

Помимо уже указанных государств, в конце 40-х годов получают независимость бывшие британские владения Бирма (современная Мьянма) и Цейлон (Шри-Ланка); в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН создано Государство Израиль.

В начале 50-х годов освобождаются французские колонии — части Французского Индокитая — Лаос и Камбоджа.

В конце 50-х — начале 70-х годов суверенитет получают Малайя (Федерация Малайзия), Сингапур, Кипр, Мальдивские острова, Кувейт, Южный Йемен, целый ряд небольших государств Персидского залива.

В большинстве случаев процесс деколонизации шел мирным путем, однако бывали и исключения, такие как Вьетнам. Вьетнам вел многолетнюю войну за независимость сначала с французскими колонизаторами, затем — против интервенции США. Долгое время страна была разделена на Северную и Южную части и объединилась после окончания войны в 1976 г., образовав Социалистическую Республику Вьетнам. Серия войн, которая началась в 1946 г. с военных действий между Францией и Вьетнамом и охватила весь бывший Французский Индокитай почти на 30 лет, до сих пор оказывает влияние на политику и экономику региона.

Субрегионы Азии

Огромную территорию Азии было бы нелепо рассматривать в качестве единого целого; ни в одном другом регионе мира нет настолько выраженной политико-, экономико- и социально-географической дифференциации субрегионов. Специфика субрегионов обусловлена следующими факторами:

- 1) географическим положением, в том числе наличием естественных рубежей, отделяющих территории друг от друга;
- 2) существенными различиями природных условий и ресурсов;
- 3) своеобразием исторического развития;
- 4) наличием важнейших этнокультурных и этноконфессиональных особенностей у стран и субрегионов;
- 5) различиями в уровнях социально-экономического развития [Голубчик, 1998: 207].

На территории Азии выделяются следующие *субрегионы*.

Юго-Западная Азия, в состав которой входят 16 государств (отметим, что термин «Ближний и Средний Восток» несколько шире, он включает государства Юго-Западной Азии, а также Египет и Судан). Этот субрегион включает Турцию, три закавказских государства (Грузию, Армению, Азербайджан), все страны восточного берега Средиземного моря и Аравийского полуострова, а также Иран, Ирак и Афганистан. Политическая карта субрегиона в значительной мере сформировалась ко второй половине XX в. Субрегион занимает крайне важное узловое политико- и экономико-географическое положение на стыке Европы, Азии и Африки; это чрезвычайно насыщенный конфликтами регион (часть этой главы, посвященная конфликтам, иллюстрирует этот те-

зис: многие упомянутые в ней конфликты относятся именно к субрегиону Юго-Западной Азии).

Южная Азия, включающая семь государств, расположенных к югу от Гималаев на полуострове Индостан, в Индо-Гангской низменности и на близлежащих островах Индийского океана. Это обширная территория с населением более 1300 млн чел. Субрегион включает как огромную Индию (население страны составляет более 1 млрд чел.), так и крошечную Мальдивскую Республику, монархии (Непал и Бутан) и республики, унитарные (например, Шри-Ланка) и федеративные (Индия) государства.

Южная Азия — один из важнейших центров мировых цивилизаций: Индия — страна древнейшей культуры, хранительница арийско-ведических традиций.

Юго-Восточная Азия, включающая в себя полуостров Индокитай и острова Малайского архипелага. Особенность географического положения этого субрегиона заключается в расположении между двумя крупнейшими государствами — Индией и Китаем, на перекрестке важных торговых путей. С точки зрения размеров территории, численности населения, географического положения и уровня социально-экономического развития страны субрегиона редкостно несхожи, тем не менее все более существенным фактором развития субрегиона становится региональная интеграция, прежде всего в рамках Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Восточная Азия, объединяющая пять государств. В этой субрегиональной системе выделяется огромный по площади Китай, параметры которого и определяют колоссальные масштабы этой части Азии. Китай — самая населенная страна мира, в ней проживает 1248 млн чел. Гигантские размеры страны, ее центральное расположение по отношению к огромному субрегиону (вспомним: Китай называли Срединной империей!), ее приморское положение объективно всегда были сильными сторонами геополитического положения Китая. В последние десятилетия страна демонстрирует неслыханный экономический рост (среднем — 10% в год), она выдвинулась в мировые экономические и политические лидеры.

И тем не менее Китай остается в группе стран с самыми низкими доходами на душу населения; существует громадный разрыв по показателям социально-экономического развития между регионами страны. Так, все побережье Китая представляет собой пояс свободных экономических зон и крупных мегаполисов, в то же время десять западных регионов страны даже при признании китайской статистики остаются на уровне «абсолютной бедности» [Мамонов, 2007: 28].

На территории субрегиона располагаются страны не просто с различными, но практически полярными уровнями социально-экономического развития (Япония, с одной стороны; Северная Корея и Монголия — с другой). Входящая в состав субрегиона Япония является единственной в современном мире империей. Япония — уникальная страна, ни одной другой стране мира не удавалось за столь короткий период превратиться в высокоразвитую державу. Выйдя из Второй мировой войны с поражением и разрушенной экономикой, Япония достигла поистине ошеломляющих результатов уже к середине 1970-х годов, заняв второе место по размеру ВВП в мире [Экономическая, 2003: 594].

ВОХ 4.6

Почему не Китай, а Европа? В области технических изобретений Китай в свое время намного опередил Европу. Хорошо известны изобретения китайцев: бумага, книгопечатание, порох, компас. Уже в XI в. при выплавке металлов использовался каменный уголь; на 500 лет раньше, чем в Европе, в обращение вошли бумажные ассигнации. Даже такие новации, как упряжь для лошадей, зонтик, тачка, веялка, изобретены в Китае. Почему же китайцы уступили лидерство поздно стартовавшей Европе? По крайней мере часть объяснения этой загадки лежит в плоскости географии — политической и физической. Европа была в высшей степени фрагментирована, разъединена, расколота на крупные и мелкие политико-территориальные единицы, Китай, напротив, отличался редкостным территориальным единством. Поэтому решения (в том числе ошибочные) в Китае были централизованы и редко пересматривались, в Европе же у Колумба была возможность обращаться к разным правителям с просьбой о финансировании экспедиции, и лишь пятая его попытка оказалась удачной. Китайская сплоченность оказалась не преимуществом, а недостатком с точки зрения распространения новаций, европейская расколотость определила наличие множества конкурирующих центров нововведений. К этому добавим и физико-географические различия: относительную выровненность береговой линии китайского побережья по сравнению с изрезанными побережьями Европы с пятью крупными полуостровами [Diamond, 1999: 410—416], (см. карту 4.1).

Центральная Азия, в состав которой входят среднеазиатские государства, получившие независимость с распадом Союза ССР и расположенные между Китаем и Каспийским морем. Субрегион политически нестабилен и является объектом усиленного интереса со стороны как России, так и США и Китая. Выход новых независимых государств Центральной Азии на международную арену произошел беспрецедентно быстро.

(Отметим, что включение государств в состав того или иного субрегиона может носить достаточно условный характер. Так, Китай традиционно считается государством Восточной Азии, однако в природном отношении его основные по площади западные районы — это уже Центральная Азия. Такая же ситуация и с соседней Монголией: ее можно отнести и к Центральной, и к Восточной Азии.)

Типология политико-географических конфликтов и проблем в Азии

Существует весьма устойчивое представление о «неподвижности» Азии, где время течет неторопливо, значительно медленнее, нежели чем, скажем, в мобильных и динамичных Европе и Северной Америке. Возможно, такие представления имеют смысл, по крайней мере отчасти, в мировоззренческом контексте (да и то, время течет не медленнее, но просто по-другому), однако с точки зрения политической географии это не более, чем миф. Азия «кипит»: ни одна другая часть света не дает столько разнотипных политико-географических конфликтов, конфликтов за границы, за территорию или «вокруг» территории.

Предлагаемая типология территориальных конфликтов и проблем в Азии весьма условна (один и тот же конфликт может подпадать под разные типы, не все конфликты учтены и разобраны и пр.), тем не менее она дает представления как о множественности конфликтов, так и о разнообразии оснований для них.

Арабо-израильский конфликт, который имеет выраженную территориальную составляющую, совершенно уникален и не вписывается ни в какую типологию. В общем виде речь идет о стремлениях народа обрести свою исконную родину, которые сталкиваются с отторжением тех людей, которые долгие века жили на этих территориях. Арабские государства требуют, чтобы Израиль вернул завоеванные им территории в обмен на признание права Израиля существовать рядом с арабскими государствами. Палестинцы же рассматривают само появление Израиля как вторжение на «священную» арабскую землю [Киссинджер, 2002: 179].

Израильское государство было создано в 1948 г. на основании плана ООН от 1947 г. о расчленении территорий Палестины, которая до этого была подмандатной территорией Великобритании. В ответ на

это арабские соседи Израиля начали войну против него, однако Израиль выиграл ее, сумев даже расширить свои территории вдвое за счет практически необитаемой пустыни Негев. Война закончилась не подписанием мирного соглашения, но прекращением огня; арабские государства отказались признать Израиль.

В 1973 г. началась война Судного дня, когда на Израиль напали Сирия и Египет. Израиль победил и на этот раз, но с большими потерями. Под давлением США, мощнейшего союзника Израиля, были заключены соглашения: два между Израилем и Египтом, третье — между Израилем и Сирией [Киссинджер, 2002: 181]. Заключенный в 1978 г. договор между Израилем и Египтом предусматривал уход Израиля с Синайского полуострова.

Сегодня слова «ближневосточное мирное урегулирование» фактически представляют собой фигуру речи. Если при переговорах с соседними арабскими государствами их территориальные претензии не связаны с уничтожением самого Государства Израиль, то устав Организации Объединения Палестины до 1998 г. предусматривал уничтожение еврейского государства. Обе стороны пошли на переговоры вынужденно, в силу невозможности реализации других (насильственных) сценариев. Более того, в данном случае внешняя политика чревата внутренними кризисами. Так, когда в 1998 г. Израиль уступил требованию США в одностороннем порядке отдать Палестине часть территории Западного берега, это привело к расколу правительственной коалиции в Израиле и новым выборам.

Конфликт является структурно асимметричным: в нем участвуют стороны, не сравнимые ни по своей мощи, ни по влиянию, ни по мобилизационным возможностям. Асимметричность конфликта проявляется и в том, что в него вовлечены как регулярная армия, так и нерегулярные вооруженные формирования [Звягельская, 2005: 295]. Международными посредниками в урегулировании конфликта выступают США, ООН, ЕС и Россия (квартет).

Арабы и израильтяне вынуждены уживаться на полоске земли шириной в 70 км между морем и Западным берегом реки Иордан, где нет физического пространства для устройства буферной зоны. Конфликт очень сложен по составу вовлеченных сторон, выступающих с непримиримыми друг с другом требованиями, так что «мирное урегулирование» можно без большого преувеличения назвать, как это сделал Генри Киссинджер, «диалогом (точнее, полилогом) глухих» [Киссинджер, 2002: 193]. Остаются нерешенными проблемы согласованных границ, суверенитета Палестины, проблема Иерусалима, проблема возвращения на израильскую территорию палестинских беженцев, проблема доступа к водным ресурсам.

Конфликты относительно спорной территории

Хронической является «проблема **Кашмира**» в Южной Азии. Кашмир — историческая область, расположенная на стыке Гималаев и Тибета, которая входила в состав различных государственных образований, существовавших на полуострове Индостан. После образования в 1947 г. суверенных государств — Индии и Пакистана — каждое из них стремилось присоединить Кашмир к своей территории. Вооруженный конфликт 1949 г. привел к разделу региона между двумя государствами. В 1952 г. между махараджей Кашмира и правительством Индии было подписано Делийское соглашение, согласно которому Кашмир вошел в состав Индии как штат Джамму и Кашмир. В Конституции Кашмира (1956 г.) написано, что он «является и остается составной частью Индийского Союза». Однако правительство Пакистана не согласилось с этим и настаивает на присоединении Кашмира к Пакистану. Обострение ситуации в Кашмире в 2002 г. привело регион на порог широкомасштабной войны.

Формально акт о присоединении княжества Кашмир к Индии до сих пор остается в силе. Однако окончательное решение проблемы Кашмира — дело нескорого будущего. К взаимному недоверию Индии и Пакистана добавляются требования индуистского населения Джамму и Кашмира — вопрос о 350 тыс. беженцев, изгнанных из Кашмира после 1990 г., а также проблема буддистов, которые не хотят оставаться под мусульманским управлением.

В течение более чем полувека японо-российские отношения осложнены проблемой так называемых **северных территорий**. Япония заявляет претензии на принадлежащие России островные территории (называя их «исконно японскими»), которые включают острова Кунашир, Итуруп и Малую Курильскую гряду. Проблема северных территорий препятствует заключению мирного договора между Россией и Японией. Москва признает наличие данной территориальной проблемы, однако она до сих пор практически не решена, и ее решение — дело отдаленного будущего.

Проблема территориального единства (контроля над территорией)

Проблема территориального единства страны (точнее, его отсутствия) связана в Азии и с двумя государствами — **Ираком и Афганистаном**. Так, уже с конца 50-х годов XX в. **Ирак** стал бедой для своих соседей. В 1980 г. он вторгся в Иран, но в ходе десятилетней войны был вынужден перейти к обороне. В 1990 г. аннексировал Кувейт, но был изгнан из страны в ходе военной кампании 1991 г. с участием военной группировки США. В 1996 г. Саддам Хусейн уничтожил институты автономии для территорий, населенных курдами (на севере Ирака).

Государство Ирак было сформировано в 1921 г. Великобританией, а скорее механически сложено ею из бывших восточных регионов Османской империи: Мосульской провинции на севере (отметим наличие здесь скрытого территориального конфликта: отчуждение этой нефтеносной провинции в 1926 г. в пользу подмандатного тогда Англии Ирака турки продолжают считать исторической несправедливостью, хотя официально никогда не ставили этот вопрос на повестку дня международных переговоров), где большинство составляют курды, Багдалской провинции в центре, где проживают арабы-шииты, и территорий к югу от Багдада, где большинство населения составляют арабы-сунниты. Ситуация осложняется конфессиональной асимметрией, т. е. тем, что подавляющее большинство арабского населения — около 80% — составляют шииты, арабов-суннитов — около 18%, однако политическая власть традиционно принадлежала суннитскому меньшинству. Фактически процесс национальной консолидации в Ираке до сих пор не состоялся, религиозный фактор не смог стать той силой, которая сплотила бы общество, как это произошло в Иране.

В конце 90-х годов XX в. Ирак находился в ситуации острого внутреннего кризиса. 20 марта 2003 г. войска США, Великобритании и Австралии начали «гуманитарную операцию» в Ираке. (Первоначально Вашингтон не стремился к свержению режима, поскольку американские власти понимали, что альтернативой диктатуре Хусейна будет правление шиитов. Решительный шаг был совершен только в 2003 г.) За несколько недель союзники овладели Багдадом и оккупировали всю страну. Режим Саддама Хусейна был свергнут, и президент США поторопился объявить кампанию завершенной. Однако молниеносная война не удалась: она только начиналась. Легитимация власти, создание действующих политических институтов были крайне затруднены сопротивлением иракских боевиков. В марте 2004 г. члены Временного управляющего совета Ирака подписали Основной закон государственного управления в переходный период, т. е. фактически временную конституцию страны [Степанова, 2005: 155—161]. Согласно закону Ирак должен стать федеративным государством; автономия для его отдельных частей по замыслу должна воспрепятствовать распаду страны. Вопрос механизма сохранения территориального единства Ирака является на сегодняшний момент ключевым. Американцам приходится решать в Ираке две группы проблем одновременно: с одной стороны, усиливается партизанское движение, с другой — политические процессы, разворачивающиеся в Ираке, не приводят к объединению общин, но, наоборот, усугубляют разрыв между ними (карта 4.4).

В **Афганистане** сама география — характер ландшафтов и недостаток пригодных для проживания территорий — обусловила изолированность ареалов населяющих страну народов. Более того, формирование границ Афганистана в условиях соперничества Российской и Британской империй привело к разделению этнических сообществ. В Афганистане титульным этносом являлись пуштуны (которые по некоторым оценкам уже не составляют большинство населения страны), однако преобладают разделенные народы, большая часть которых входила в состав сопредельных государств — Таджикистана, Туркмении, Ирана, Киргизстана, Казахстана. Такое положение не может не порождать центробежные тенденции в стране. Этническая дробность дополняется дробностью языковой: жители Афганистана говорят на 30 языках. Таким образом, современный Афганистан не обладает ни географической цельностью, ни национальным единством; общенациональное сознание не сформировано [Лалетин, 2005: 353—356].

Географическая и этническая фрагментированность усиливается политической ситуацией. После захвата власти моджахедами в 1992 г. их правительство оказалось не в состоянии контролировать территорию страны, которая фактически распалась на ряд самостоятельных образований. С появлением на политической сцене движения талибов (преимущественно пуштунского) в 1994 г. конфликт постепенно превратился в борьбу пуштунского юга и непуштунского Севера. Талибы стремились подчинить северные территории, однако натолкнулись на жесткое сопротивление. Пуштунское население выдавливалось с севера [Лалетин, 2005: 372—373].

В результате антитеррористической операции, проведенной военными силами США и Великобритании, режим талибов был свергнут. В конце 2001 г. власть перешла к временной администрации во главе с Хамидом Карзаем; ключевые посты в администрации получили представители Северного альянса, что, естественно, вызвало недовольство пуштунов. До сих пор страна фактически остается раздробленной на ряд регионов, существующих автономно от центра; власть правительства распространяется лишь на столицу и близлежащие территории. Вся страна охвачена борьбой кланов за усиление своего влияния. Кроме того, Афганистан превратился в наркогосударство: опиум является основной продукцией востока, юга и отдельных районов севера страны; опиумный мак составляет около 40% национальных ресурсов. В результате для экономики страны характерны очень тесные внешние связи при определяющей роли контрабанды.

Проблема непризнанных государств

Из шести непризнанных государств, формирующих их основной список, пять находятся на территории Азии.

Проблема **Нагорного Карабаха** является прямым следствием советской национальной политики. Нагорно-Карабахская автономная область, в которой проживали преимущественно армяне, была образована в составе Азербайджана в 1923 г. Реформы в СССР перевели конфликт из латентного состояния в открытое. В 1988—1989 гг. конфликт между Арменией и Азербайджаном (первый территориальный конфликт, первая горячая точка на территории СССР) относительно статуса Нагорного Карабаха сопровождался военными действиями. На территории региона была провозглашена поддерживаемая Арменией, но не признанная международным сообществом Нагорно-Карабахская Республика. С 1994 г. Армения и Азербайджан соблюдают перемирие; проблема заморожена, но не только не решена, но даже подходов к ее решению пока не найдено.

Две территории, провозгласившие независимость, располагаются на территории Грузии. Так, руководство **Южной Осетии**, опираясь на результаты референдума 1992 г., провозгласило независимость этого региона и поставило вопрос о выходе его из состава Грузии (и возможном присоединении к России). Результаты референдума 2006 г. подтвердили намерение населения Южной Осетии строить свою судьбу, выйдя из состава Грузии.

В 1992—1994 гг. вооруженный конфликт между Грузией и регионом **Абхазия** привел к фактическому отделению Абхазии (Абхазской Автономной Республики) от Грузии. Возникла крайне сложная проблема определения политического статуса Абхазии. Абхазская сторона выдвинула требование самоопределения. Грузинская сторона была готова предоставить автономию региону при условии возвращения в Абхазию грузинских беженцев (около 200 тыс. чел.) [Бусыгина, 2006: 191—192].

Абхазия и Южная Осетия уже более десяти лет живут в условиях фактической независимости. Несмотря на небольшую территорию, демографические проблемы, слабые институты, а также географическую, политическую и экономическую изоляцию, им удается выжить и даже укрепиться в своем желании отделиться от Грузии. Эти территории чрезвычайно бедны: их экономика, основанная в значительной мере на незаконных операциях, позволяет им выживать, но не развиваться. Ощущение того, что эти этносы находятся под угрозой, и формирует тот идейный контекст, в котором существует сепаратизм. Наконец, неэффективность механизмов урегулирования конфликтов также способствует укреплению сепаратистских настроений [Попеску, 2006: 40—50].

Еще одним непризнанным государством является **Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК)**. Кипр — бывшая колония Великобритании — получил независимость в 1960 г. и стал республикой в составе Британского Содружества; Великобритания сохранила на острове две военные базы. Греция и Турция получили право содержать на острове свои военные контингенты. В 1974 г. военные силы Турции вторглись на Кипр и захватили около 40% территории страны на севере. В 1983 г. турки-киприоты провозгласили создание Турецкой Республики Северного Кипра, которая признана только Турцией. До сих пор Кипр разделен на две части — греческую и турецкую; граница между ними проходит по так называемой зеленой линии, охраняемой силами ООН по поддержанию мира. Зеленой линией разделена и столица Кипра — г. Никосия. Оккупация Северного Кипра является одним из наиболее существенных препятствий для вступления Турции в Европейский союз.

Тайвань, расположенный в Юго-Восточной Азии на о. Тайвань (Формоза) и прилегающих островах, является основной политико-географической проблемой Китая, продуктом революции 1949 г. Тайвань был первой территорией, аннексированной колонизаторами. В 1895 г. Тайвань был аннексирован Японией и возвращен Китаю в 1945 г. В 1949 г. после победы в Китае коммунистов Тайвань стал местом пребывания правительства Чан Кай Ши, который претендовал на то, чтобы представлять весь Китай. Отношения Тайваня с Китаем отличались напряженностью, поскольку Китай считал Тайвань своей провинцией, а руководство Тайваня отстаивало идею независимости острова. Феномен Тайваня, этот своего рода аналог врангелевского Крыма, сильно усложнил Китаю задачу превращения страны в «великую семью дружбы и сотрудничества народов» [Корсун, 2005: 501].

Тайвань не признан международным сообществом как суверенное государство, однако бурный экономический рост в последние десятилетия позволил ему войти в число «четырех драконов», к которым относятся также Гонконг, Сингапур и Южная Корея.

Пекин рассматривает проблему Тайваня через призму национального объединения, т. е. как проблему внутреннюю, а не международную. В шкале внешнеполитических приоритетов КНР решение проблемы Тайваня занимает крайне важное место; предполагается мирное воссоединение с Тайванем, что, однако, не исключает использования силы как крайней меры [Мамонов, 2007: 38].

Пограничные споры и конфликты

Пограничные споры для Азии — это почти рутина, эта проблема присутствует во всех ее субрегионах.

Так, не урегулирован вопрос о границах **Ирака**. После окончания ирано-иракской войны в 1988 г. Ирак не заключил соглашения о границе с Ираном. Граница Ирака с Кувейтом проходит по демаркационной линии, установленной Комиссией ООН после освобождения Кувейта в 1992 г. На юге на границе Ирака с Саудовской Аравией находится нейтральная зона (около 7 тыс. кв. км) с источниками воды, которыми пользуются кочевники обоих государств.

Множество пограничных споров имеет **Китай**. В течение полувека идет пограничный спор между Китаем и Индией. Граница между Россией и Китаем имеет высокую протяженность, она довольно скудно заселена с российской стороны. На границе РФ и КНР имеются некоторые спорные территории, принадлежность которых в договоре о границах (1998 г.) не определена. Сохраняются противоречия между Китаем и Вьетнамом относительно принадлежности Парасельских островов и нескольких других пограничных районов.

Как известно, Китай предъявлял серьезные территориальные претензии к Советскому Союзу. Они непосредственно затрагивали три среднеазиатские республики, граничащие с Китаем: Казахстан (протяженность границы составляет 1740 км), Киргизию и Таджикистан (протяженность границ 900 и 600 км соответственно). В 1994 г. между Казахстаном и Китаем был подписан договор о линии границы, однако вопрос об 11-километровой полосе остался неурегулированным (речь шла о двух участках общей площадью 944 кв. км). Вопрос был решен в 1998 г. подписанием дополнительного соглашения, согласно которому спорные территории были разделены между двумя государствами. Однако общественно-политические круги Казахстана остались недовольны соглашением, рассматривая его как уступку давлению со стороны Китая. Весной 2002 г. демаркация казахстанско-китайской границы завершилась.

Киргизия и Китай заключили договор об определении общей границы в 1996 г., но около 40 тыс. га оставались спорными. В 1999 г. главы двух государств подписали дополнительное соглашение, согласно которому Китаю были сделаны уступки. Руководство Киргизии мотивировало это необходимостью упрочения дружеских отношений с Китаем. Переговоры о таджикско-китайской границе активно велись с конца 90-х годов, причем первоначально Китай претендовал на треть территории Горно-Бадахшанской автономной области. Впоследствии китайская сторона умерила претензии, однако ей отошли два участка площадью 1 тыс. кв. км в высокогорьях Большого Памира [Мукимджанова, 2005: 150–153].

Не урегулированы вопросы прохождения границ между странами **Центральной Азии**. Эпицентр конфликтности этого субрегиона распо-

ложен в Ферганской долине, объединяющей границы Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Наиболее сложными являются узбекско-таджикские и узбекско-киргизские отношения. В настоящее время делимитируется граница между Узбекистаном и Кыргызстаном, однако по всему ее периметру остается от 70 до 100 спорных участков [Лузянин, 2005: 380—381].

На границе Кыргызстана и Таджикистана насчитывается около 70 спорных участков; вопрос безопасности границ становится одним из приоритетных в двусторонних отношениях. Еще более напряженным является вопрос узбекско-таджикской границы, где стороны также активно применяют тактику минирования.

Внутренние территориальные расколы — автономистские, сепаратистские требования; проблема анклавов

Конфликты такого типа демонстрирует сегодня **Индонезия**. Индонезия является фрагментированным государством, состоящим из более чем 17 тыс. островов. Наиболее масштабными являются конфликты между мусульманами и христианами, однако главные причины конфликтов кроются не в конфессиональных или межэтнических противоречиях, но имеют социально-экономическую подоплеку.

Западный Ириан. Голландия подчинила себе западную часть острова Новая Гвинея в конце XIX в. К середине столетия эта территория была включена в колониальное владение Голландская Индия. Однако после провозглашения в Индонезии суверенитета (в 1945 г.) западная часть Новой Гвинеи не вошла в состав нового независимого государства и осталась колонией Голландии. Индонезия начала борьбу за присоединение Западного Ириана (индонезийское название Новой Гвинеи). Дальнейшая судьба этой территории была вынесена на обсуждение ООН. Однако с 1961 г. в борьбу за освобождение территории включилось и папуасское население. В 1963 г. западная часть Новой Гвинеи была включена в состав Индонезии как провинция Западный Ириан (позже переименована в Ириан Джая), однако часть папуасского населения продолжала борьбу за независимость, теперь уже — от Индонезии. Сепаратисты требуют создания независимого государства; главными причинами недовольства населения являются социально-экономические: Ириан Джая остается наименее развитым и контролируемым центром регионом страны. Еще одна причина недовольства кроется в поощряемой центром трансмиграции — переселении в Западный Ириан жителей с других густонаселенных островов Индонезии. В 1999 г. папуасская элита выступила с Декларацией о независимости Папуа; власти Индонезии выступили с идеей расширения автономии региона. С 2002 г. регион

получил статус особой автономии с собственным гимном и флагом, в распоряжении провинции должно оставаться 80% доходов от эксплуатации местных минеральных ресурсов. Однако сепаратисты не прекратили борьбы. Ситуация на западе Новой Гвинеи осложняет отношения Индонезии с соседями — Папуа — Новой Гвинеей и Австралией, куда устремляются беженцы и сепаратисты [Ефимова, 2005: 475—479].

Аче. На севере острова Суматра провинция Аче первоначально требовала большей автономии, не стремясь к отделению. В 1962 г. центральное правительство предоставило Аче статус «особого региона» и автономию в вопросах культуры, религии и образования. В 70-е годы XX в. движение против централизации в провинции оживилось, теперь сепаратисты требовали уже создания независимого «государства Аче» на севере Суматры, а главным врагом объявлялся «яванский колониализм». В конце 90-х годов произошел новый всплеск сепаратизма в Аче, причинами чего стали ухудшение экономического положения населения региона, демонстрационный эффект отделения Восточного Тимора от Индонезии по результатам референдума 1999 г., неустойчивость внутривнутриполитического положения в стране в целом. В 1999 г. парламент страны принял специальные законы по Аче, согласно которым местные власти получили возможность распоряжаться значительной частью доходов от эксплуатации природных ресурсов региона, было подтверждено право провинции на компетенции в сферах образования, религии, культуры [Ефимова, 2005: 481—488].

В субрегионе **Центральной Азии** внутренние расколы имеют все формирующие его молодые государства, образованные после распада Союза ССР, однако наиболее глубокими расколами отличается **Таджикистан**, занимающий «стыковое» географическое положение. Таджикистан был создан из территорий, которые веками входили в различные, иногда враждебные друг другу государственные образования. Фактически территориальной консолидации страны до сих пор не состоялось; ее территория расколота по крайней мере на четыре крупные части: 1) географически обособленную Ленинабадскую область на севере страны; 2) Кулябскую зону на юге страны; 3) Гармскую группу районов на востоке и 4) Горно-Бадахшанскую автономную область в горах.

В двусторонних взаимоотношениях между государствами **Центральной Азии** важную роль играет анклавный фактор. Так, на территории Кыргызстана имеются два узбекских анклава, а в Узбекистане имеется киргизский анклав. Узбекское руководство предпринимало попытки договориться с Киргизией об обмене территориями, однако Киргизия посчитала такое соглашение невыгодным. В настоящее время анклавы являются мощным инструментом давления Узбекистана на Киргизию; в

последние годы Узбекистан минерирует свои границы с Киргизией и Таджикистаном [Лузянин, 2005: 381—382].

Наибольшей напряженностью отличаются узбекско-таджикские отношения. Например, более половины таджиков проживают в экономически неразвитых регионах Узбекистана — Сурхандарьинской, Ферганской, Кашкадарьинской областях. В то же время в Таджикистане имеется крупная узбекская диаспора. Расселение этнических групп таджиков и узбеков почти на 50% не соответствует границам и географическому положению государств — Таджикистана и Узбекистана [Лузянин, 2005: 386—387].

В Китае глубокие этнорегиональные расколы начинают проявляться после того, как империя Цинь была насильственно включена в мировую систему международных отношений и сама стала объектом экспансии Запада. Восстания поднимаются на окраинах империи — на юге (мусульмане), на северо-западе (дунгане, потомки тюрских племен Центральной Азии), в Восточном Туркестане (уйгуры, киргизы, таджики).

ВОХ 4.7

Монолитность Китая. Неспециалисту Китай сегодня представляется политически, культурно и лингвистически монолитным, поскольку *китайцы давно стали китайцами*. Однако выраженные территориальные различия существуют. Так, сильно различаются жители севера и юга страны: северяне напоминают тибетцев и непальцев, а южане похожи на вьетнамцев и филиппинцев. Один взгляд на лингвистическую карту Китая моментально опровергнет миф о монолитности страны: помимо восьми «больших» языков, на которых говорят от 11 до 800 млн жителей, есть еще более 130 «малых» [Diamond, 1999: 323—324].

Следует отметить, что неханьские (не титульные) этносы в Китае проживают в основном в регионах Западного и Центрального Китая, занимающего около 65% площади страны. Наиболее остро стоят сегодня проблемы *Тибета* и *Синдзян-Уйгурского автономного района*.

В 1912 г. правительство Китая объявило провинциями Тибет, Монголию и Синдзян. Тибетский вопрос был предметом обсуждения на созванной в 1913—1914 гг. при содействии англичан Симлской конференции, на которой был формально признан суверенитет (не суверенитет) Китая над Тибетом, и Китаю запрещалось превращать Тибет в свою провинцию. В свою очередь Лхаса принимала попытки выйти из изоляции и установить отношения с другими странами. В настоящее время требования далай-ламы

(т. е. Лхасы) сводятся к культурной автономии для «большого Тибета» (т. е. с включением прилегающих районов на юге и востоке) в рамках КНР, однако он не признает Тибет «неотъемлемой частью» Китая. Руководство КНР продолжает свои усилия по органическому встраиванию Тибетского автономного района в общественно-политическую и социально-экономическую структуру Китая, и ему удалось добиться стабилизации ситуации в регионе.

Совершенно другая ситуация складывается в Синдзян-Уйгурском автономном районе Китая (СУАР). Население района составляет 18,9 млн чел., в том числе около 8 млн уйгуров-мусульман суннитского толка. Горы делят Синдзян на две части: Северная — Джунгария, примыкающая к российскому Алтаю и Казахстану, и Южная — Кашгария (или Восточный Туркестан), граничащая с Киргизией, Афганистаном, Таджикистаном и Пакистаном. Со времени присоединения к Китаю в СУАР произошло 15 крупных восстаний, носивших религиозную окраску.

Развал СССР дал новый резкий толчок уйгурским выступлениям, поскольку после обретения суверенности новыми среднеазиатскими государствами уйгуры остались единственным крупным тюркским народом, не имеющим собственной государственности.

В 1996 г. на Всемирном уйгурском курултае, проходившем в Стамбуле, был официально признан вооруженный путь борьбы за независимость, поскольку ненасильственные способы борьбы оказываются неэффективными. Таким образом, уйгурская проблема — это один из расколов, подрывающих целостность китайской государственности [Корсун, 2005: 520—527].

«Расколотые» нации

На протяжении XX столетия **Корея** неоднократно находилась в эпицентре азиатских кризисов. В 1945 г. поражение Японии привело к потере ею всех колоний. Капитуляцию японской армии на Корейском полуострове к северу от 38-й параллели принимали советские войска, к югу — американские. В дальнейшем предполагалось проведение всеобщих выборов. Однако в условиях холодной войны в 1948 г. Корея была разделена по 38-й параллели (этот раздел был фактическим отражением разграничения сфер интересов СССР и США). В американской зоне оккупации было провозглашено создание Республики Корея. В Северной Корее — Корейской Народной Демократической Республике (КНДР) — не без помощи Советского Союза к власти был приведен Ким Чен Ир, который построил один из наиболее репрессивных коммунистических режимов в мире (система «казарменного социализма»). В 1950 г. этот режим развязал войну против Южной Ко-

реи, однако ее захват был предотвращен. С тех пор 38-я параллель обозначает одну из наиболее абсолютных, тотальных разграничительных линий в мире — в плане идеологии, экономики, политики [Киссинджер, 2002: 131]. Согласно Конституции КНДР — «суверенное социалистическое государство, которое в своей деятельности руководствуется идеями «чучхэ» (основа этих идей заключается в развитии с опорой исключительно на собственные силы).

Южная Корея — парламентская республика, строит свою экономику на принципах открытости и глубокой вовлеченности в процессы глобализации; она видит в союзе с США и условии сохранения собственной независимости, и ключ к воссоединению с Северной Кореей. Северная Корея, «страна-изгой», которая разрабатывает ядерное оружие и ракеты дальнего радиуса действия; она претендует на роль единственного законного выразителя корейских национальных интересов и ее конечной целью является не война (вести которую ей не по силам), но деморализация Южной Кореи.

Хотя встречи на высшем уровне показали, что планы объединения «двух Корей» не отвергаются с ходу, тем не менее видение этого объединения у сторон совершенно различное. Так, Южная Корея настаивает на разоружении Северной Кореи и ее фактическом поглощении Южной; Северная Корея выступает за сохранение двух центров силы при создании рыхлой (кон)федерации.

Народы без государственности

Одной из важнейших особенностей этнонациональных систем стран Азии является наличие на их территориях национальных меньшинств, которые либо не имеют собственной государственности (курды, белуджи), либо принадлежат к числу разделенных государственными границами народов (например, туркмены и азербайджанцы в Иране). В случае компактного (географически локализованного) проживания этих меньшинств проблемы, связанные с их статусом и отношениями с титульной нацией, приобретают политико-географическое измерение.

Проблема народов без государственности наиболее остро стоит в отношении *курдского народа*, который компактно проживает на территории обширного географического пространства, расположенного на стыке Малой Азии, Закавказья, Иранского нагорья и Месопотамии, которое носит название Курдистан («страна курдов»). Курдистан представлял собой конгломерат полузависимых эмиратов, связанных вассальными отношениями со Стамбулом и Ираном, и в течение столетий был полигоном ирано-турецких войн. Курдистан был наиболее отсталой территорией Османской империи [Степанова, 2005: 169—171].

Судьба курдов сложилась таким образом, что после распада Турецкой (Османской) империи и образования в этом регионе новых суверенных государств ареал расселения курдов — Курдистан — разделили Турция, Иран, Ирак и Сирия. Однако, несмотря на то, что государство курдов не было создано, курды сумели сохранить язык и национальную культуру, сопротивляясь насильственной ассимиляции. Движение за автономию и государственность, охватывающее весь Курдистан, продолжалось на протяжении всего XX в. [Голубчик, 1998: 211]. «Курдский вопрос» превратился в одну из острейших внутривосточных проблем в странах их проживания. Тем не менее в странах проживания курды оказались в положении угнетаемого меньшинства, а районы их проживания остаются до сих пор наиболее экономически отсталыми.

Значительная часть курдов эмигрировала в Армению, Ливан, Грузию. Наиболее значительная курдская диаспора проживает ныне в Германии (около 250 чел.).

Экстраординарная ситуация в Ираке позволила курдам поставить вопрос об их будущем политическом статусе: субъекта федерации в составе Ирака или суверенном государстве. Однако в случае обретения иракской частью Курдистана суверенитета это может нарушить геополитическую стабильность в регионе Ближнего и Среднего Востока и за его пределами и породить новые конфликты.

Около 10 млн курдов компактно проживают на территории Турции, на юго-востоке страны. Курды — единственные из национальных меньшинств в Турции, которые не смирились с агрессивной ассимиляторской политикой турецкого правительства, которая проводилась с момента провозглашения республики в 1923 г. (уже в первой конституции все граждане Турции объявлялись турками). В дальнейшем турецкое руководство неоднократно заявляло о том, что курдского вопроса в Турции не существует; для идентификации курдского населения вплоть до 80-х годов XX в. употреблялся термин «горные турки» [Дружиловский, 2005: 317—318]. Турция пыталась закрыть «курдский вопрос» силовыми методами — безуспешно. Ситуация в Ираке обострила проблему и в Турции: в 2003 г. турецкое правительство выступило с заявлением о том, что официальное провозглашение независимости или автономии курдов Ирака Турция будет рассматривать как повод для введения войск в Северный Ирак [Дружиловский, 2005: 328].

Иранский Курдистан является одной из наиболее слабо развитых частей страны. Отсутствие внимания исламского руководства страны к курдской проблеме привело к массовой безработице населения региона, вынужденной миграции иранских курдов. Несмотря на об-

шую установку на унитарный принцип государственного устройства, в иранском руководстве существуют различные точки зрения на проблемы курдской оппозиции, выступающей за автономию Иранского Курдистана. Фундаменталисты занимают радикальную позицию: искоренение автономистских идей любыми способами (в том числе государственным террором и репрессиями). Реформаторы склонны решать вопрос путем переговоров с курдской оппозицией. Однако этот путь блокирован противостоянием консервативных кругов [Жигалина, 2005: 349].

В Пакистане остро стоит проблема *белуджей*, которые, подобно курдам, не имеют собственного государственного образования. Вооруженные столкновения в Белуджистане имели место в 50—60-е годы. В 1974—1977 гг. в этой провинции велись военные действия. Ситуация в Белуджистане вновь обострилась в 2004 г. [Белокреницкий, 2005: 430].

Многочисленные политико-географические конфликты и проблемы, существующие сегодня на Азиатском континенте, это последствия процессов деколонизации стран региона или же последствия расчерчивания политической карты после Второй мировой войны.

Литература основная

1. Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны. М.: Гардарики, 2003.
2. Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск, 1998.
3. Этноты и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.
4. Мукиджанова Р. М. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. М.: Научная книга, 2005.

Литература дополнительная

1. Вся Азия: географический справочник. М.: Муравей, 2003.
2. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.
3. Diamond J. *Guns, Germs and Steel. The Fates of Human Societies*. NY — London: W. W. Norton and Co, 1999.
4. Атлас. Monde Diplomatique. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.

ГЛАВА 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ АФРИКИ

Африка ужасна —
Да-да-да!
Африка опасна —
Да-да-да!
Не ходите, дети,
В Африку гулять!
К. Чуковский

Африка — второй по величине из континентов мира, уступающий лишь Азии, в настоящее время на территории Африки располагается 53 независимых государства. Африка — это единственный континент, который простирается от северной температурной зоны до южной и содержит самые безводные пустыни мира и самые большие тропические дождевые леса.

Африка — одна из старейших областей обитания человека (наши древнейшие предки появились там около 7 млн лет назад), однако сегодня именно на ее территории сосредоточено наибольшее количество самых молодых наций мира. Примечательно, что место Африки в международном разделении труда на протяжении веков менялось мало: она была и остается аграрно-сырьевой периферией мира, поставщиком минерального сырья и продукции тропического сельского хозяйства на мировые рынки [Экономическая, 2003: 687]. В последние годы Африка выступает также поставщиком нефти: желание США найти альтернативные ближневосточным источники нефти привели к «нефтяной лихорадке» в Африке, прежде всего Анголе, Нигерии, Экваториальной Гвинее. Налицо парадокс: будучи несомненной жертвой глобализации, Африка тем не менее играет большую роль в ее процессах, прежде всего благодаря запасам природных ресурсов.

Африканские недра весьма богаты полезными ископаемыми. На долю Африки приходится подавляющая часть запасов золота и алмазов, тантала и хромитов, фосфоритов и титана. Весьма значительны водные ресурсы континента, особенно поверхностные воды — это реки Нил, Конго, Нигер, Замбези, Оранжевая, Сенегал и другие. Однако водные ресурсы размещены неравномерно; особенно богаты ими приэкваториальные области. Вообще роль рек в формировании и консолидации различных территориальных общностей, а также их территориальной экспансии — это историко-географическая закономерность: именно вдоль берегов рек складывались и продвигались первые социальные структуры.

BOX 5.1

Феномен Сахары. Сахара (от араб. «ас-сахра» — пустыня) — крупнейшая пустыня; она занимает около 1/4 Африканского континента и расположена в его северной части. Сегодня само слово «Сахара» вызывает ассоциацию в бесконечными песками и отсутствием воды. Однако эта пустыня не всегда была столь сухой: между IX и IV в. до н.э. климат этих территорий был более влажным, здесь располагалось множество озер и сочных пастбищ; местное население занималось преимущественно скотоводством. Пожалуй, ни одна пустыня мира не вызывала столько споров по поводу своих границ, как Сахара. Границы определяли по различным географическим признакам, исходя из них площадь Сахары колеблется от 6,2 до 11 млн кв. км. Северная граница пустыни проводится по южной оконечности гор Сахарский Атлас, а южная граница ежегодно передвигается по всему фронту к югу, если год сухой, и сдвигается к северу во влажные годы.

Важнейшими особенностями экономик африканских государств являются многоукладность и отсталость хозяйства; резкое разграничение высокотоварного экспортного сельского хозяйства и полунатурального, обслуживающего местный спрос; преобладание в структуре промышленности горнодобывающих отраслей и их ориентированность на экспорт; господство в вывозе минерального и сельскохозяйственного сырья, а во ввозе — готовой продукции промышленности; монотоварность, т. е. преобладание в структуре хозяйства и внешней торговли большинства стран одного или нескольких продуктов, что приводит к высокой зависимости от внешнеторговой конъюнктуры; общая отсталость транспортной системы; наконец, большая роль в прибыльных отраслях иностранного капитала [Экономическая, 2003: 697].

До сих пор Африка открывает для путешественников поистине безграничные возможности. В советское время руководство направляло своих граждан в Африку для того, чтобы строить, лечить, учить и... воевать. Такие поездки трудно назвать путешествиями. Настоящие российские путешественники появились в Африке только в начале 1990-х годов [Кротов, 2005: 4]. Однако и сейчас географические карты регионов Африки, выпускаемые в нашей стране, отличаются неточностью, особенно в части дорожной сети, которая крайне важна для путешественников.

Однако еще до начала путешествия необходимо хорошо представлять себе чудовишные по масштабу проблемы, с которыми сталкивается Африка. Это беднейший регион мира, где расположено большинство наименее развитых стран. Проблемы африканского континента представляют собой вызов для всего мира. Темпы экономического роста и модернизации крайне низкие, масштабы коррупции — огромны. Межэтнические и межклановые войны рвут на части громадные территории. Эпидемии уничтожают население: 70% взрослых и 80% детей из числа больных СПИДом во всем мире проживают в Африке. Остро стоит проблема связанности территорий дорожными сетями, причем речь идет не о достижении отдаленных труднодоступных территорий, но о межстрановых контактах: так, например, дорога из Конго в Камерун существует, но доступна только пешеходам.

Особенностью африканских государств является то, что, если на других континентах сначала появлялась общность — нация, а затем возникало государство, то в Африке государство предшествует нации. Формирование единого национального самосознания — дело далекого будущего. Это делает государства внутренне неустойчивыми и конфликтными.

Основными проблемами Африки являются несовершенная, слабая государственность, низкая плотность населения и слабая интеграция в мировую экономику. В Африке сложилась дисфункциональная система государств, которая не в состоянии предоставить гражданам политическое пространство для представительства их интересов [Herbst, 2000]. Отметим, что, по мнению ряда исследователей, траектория развития постколониальной Африки имеет сходство с современным развитием Центрально-Азиатского региона [см., напр., Luong, 2002]. Возникает вопрос: является ли государство жизнеспособной формой на Африканском континенте, по крайней мере на больших его частях?

Государство необходимо для предоставления своим гражданам общественных благ, наиболее элементарным из которых является безопасность («в обмен» на безопасность граждане платят налоги государству, соблюдают законы, участвуют в политической жизни и пр.). «Несостоявшееся государство» (*failed state*) плохо оказывает гражданам услуги: в целях достижения безопасности и предотвращения конфликтов граждане вынуждены действовать вне формальных институтов, социальные услуги предоставляются государством лишь частично. В «распавшемся государстве» (*collapsed state*) не работают механизмы урегулирования конфликтов, социальные услуги недоступны для граждан. Слабое государство не может состояться в том случае, если оно неадекватно распределяет услуги по территории и неспособно

обеспечить представительство групповых интересов; «несостоявшееся» государство распадается, если его администрация не функционирует, услуги недоступны для населения, безопасность отсутствует, а насилие становится рутиной [Heilbrunn, 2006: 137].

(Здесь уместно отступление. Как определить: слабым или сильным является государство? Сильное государство гарантирует верховенство закона, защищает права собственности и обеспечивает безопасность гражданам. Слабое государство неадекватно использует административные институты за пределами центральных городов. Сила государства — это функция от его «способности проникать в общество, регулировать социальные отношения, извлекать ресурсы и использовать их определенным образом» [Migdal, 1988]. Таким образом, сила государства заключается в его способности обеспечивать безопасность граждан, предоставлять им услуги, налаживать систему регулирующих институтов, обеспечивать благосостояние граждан.)

Хейльбрунн выделяет следующие причины «провала» государств на Африканском континенте:

- эффекты «частичной» государственности как результат колониальных практик;
- практика насилия, ставшая рутиной в колониальные времена, была продолжена после получения независимости;
- неполный контроль над территорией страны (отдельные ее части оставались вне контроля колониальной администрации, что также являлось практикой колониального режима) [Heilbrunn, 2006: 138].

Важно отметить, что в отличие от Европы в государствах Африки не сложился и тот национализм, который оказался крайне полезен для национальной консолидации. Напротив, общенациональные чувства, чувства сопринадлежности к государству, как правило, подавлялись лидерами-популистами, правящими на основе непотизма и насилия. Во многих странах государственное строительство было также осложнено неадекватным, некомпетентным экономическим управлением (в Либерии, Сьерра-Леоне, Демократической Республике Конго).

Для того чтобы государство работало и было эффективным, необходимо:

1) обеспечить безопасность населению. Восстановление безопасности — это необходимое условие успешного государственного строительства;

2) после восстановления мира и достижения минимальной безопасности необходимо использовать эффективные методы по разрешению конфликтов и установлению верховенства права, которое прина-

длежит к числу важнейших базовых институциональных соглашений в постконфликтной ситуации. Система правовых норм и принципов формирует основу для экономического роста;

3) необходимо достижение политической легитимации государства — без нее бизнес не платит налогов, граждане не участвуют в выборах и политической жизни страны;

4) необходимо возродить организации гражданского общества — эти организации играют роль, схожую с ролью бизнес-коалиций: они вводят нормы и принципы демократического процесса в общество [Heilbrunn, 2006: 144—146].

После разрушительных войн и конфликтов политические лидеры в Африке все же старались восстановить государство с целью обеспечения безопасности граждан, предоставления им услуг и обеспечения представительства групп интересов. Государства-нации подвергаются сегодня довольно суровой критике, однако альтернативная организация, способная предоставлять и распределять общественные блага, пока не оформилась. Несмотря на коллапс многих государств, после периода кризиса или даже хаоса государственные формы восстанавливаются «из пепла войн».

Поговорим немного подробнее о роли колониальных администраций и их воздействии на государственное строительство в постколониальной Африке. Колониальные администрации оказали большое влияние на становление государств в Африке. Как правило, их политика заключалась в манипулировании социальными группами: привлечении одних групп к политическому процессу и исключении других. Последние становились постоянно игнорируемыми меньшинствами, неспособными влиять на характер и результаты процесса принятия решений [Heilbrunn, 2006: 137].

Колониализм принес с собой новые административные практики, внедрение которых нарушило прежнюю политическую динамику на завоеванных территориях. Африканские правители были смещены и подчинены европейским администрациям (зачастую коррумпированным и некомпетентным). На место традиционных отношений торговли и обмена пришли европейские торговые компании. В колониальных городах и регионах, которые колонизаторы считали полезными, активно развивались профсоюзы и добровольные ассоциации, в то же время их развитие сурово контролировалось на «бесполезных» территориях. Таким образом, свою сегодняшнюю территориальную асимметрию Африка унаследовала от колониальных времен. После получения независимости африканские лидеры также концентрировали внимание преимущественно на городских центрах — «полезных» с

точки зрения сохранения политического режима.

Одна из причин сдвига африканских государств к авторитаризму в постколониальный период заключается в колониальном наследии. Европейские державы завоевывали территории, проводили границы, учреждали администрации, собирали налоги, вводили валюту, навязывали идентичность. Африканские колонии были «ненастоящими», несuverенными государствами, колонизаторы делили поселения и регионы на «полезные» и «бесполезные». Такого же подхода придерживались и африканские постколониальные тоталитарные лидеры. Таким образом, у большинства стран Африки отсутствовало институциональное наследие, на котором они могли бы построить систему новых (демократических) норм и правил. Помимо этого, колониальные власти назначали на административные должности лишь очень узкий круг местного истеблишмента. Точно так же постколониальные лидеры ограничивали электоральную конкуренцию и свободу, препятствовали рекрутированию новых кадров, избирательно распределяли общественные блага. Власть концентрировалась: неопатримониальные сделки и соглашения, как правило, отражали предпочтения единственного лидера, который контролировал доступ к власти и богатству.

Колониализм отвечает, по крайней мере частично, за превращение насилия в Африке в рутинную практику. По мнению Дж. Хейлбрунна, «центральной чертой колониализма было насилие». Группы, «исключенные» из колониального государства, развивали неформальные сети для отстаивания своих политических и экономических интересов. После обретения независимости эти сети продолжали действовать как ответ на политику новых лидеров, игнорирующих жителей периферийных регионов. Появление негосударственных акторов, склонных к насилию, было логичным результатом попыток контроля центра, также основанных на насилии. В странах, богатых природными ресурсами, лидеры захватывали и потребляли доходы от экспорта ресурсов. Колониализм а Африке не создал ни национальную идентичность, ни (по большей части) жизнеспособные административные структуры, которые могли бы легитимировать новые государства [Heilbrunn, 2006: 140].

В то же время колониализм, что интересно, задавал некоторые ориентиры и рамки для постколониальных «архитекторов» государств. Так, во франкоязычной Африке министерства построены по французским «калькам», британские административные практики используются во многих бывших колониях империи. Есть и девиации: самобытный нигерийский федерализм и демократический, но также самобытный режим в ЮАР.

Большинство государств Африки — это президентские республики, однако фактически определение режима правления в ряде случаев представляется довольно сложным делом, поскольку режимы часто сменяют друг друга или же большая часть территории страны находится вне контроля центрального правительства. Западные демократические принципы прижились на континенте в самой незначительной мере, в большинстве случаев речь идет об имитации институтов, реальный же политический процесс развивается вне формальных институтов, он сводится к борьбе за доминирование, где результат достигается через переворот и/или межплеменные и межклановые конфликты и войны. Гражданские войны могут трансформироваться в конфликты между государствами (именно по такому сценарию развивались события в Заире). Некоторые страны Африки отличают жестокие формы деспотической личной власти.

Таким образом, облик континента определяют и меж- и внутригосударственные конфликты, и массовые миграции беженцев. Африку называют «континентом конфликтов», «наиболее конфликтогенным регионом планеты» [Голубчик, 1998: 242]. Этнические войны отличаются жестокостью, в Африке они граничат с геноцидом, например в Руанде, Судане, Сьерра-Леоне. Сложность заключается, помимо прочего, в том, что эти конфликты развиваются по своей внутренней логике, непонятной внешнему наблюдателю.

Политическая карта Африканского континента сложилась относительно недавно в результате ликвидации колониальных европейских империй. В результате Африка является самым раздробленным континентом, на территории которого располагается 53 суверенных государства. Ни на одном другом континенте межгосударственные границы не были столь непосредственным отражением особенностей разграничения сфер контроля империалистических держав. Да, в Азии постколониальные государства тоже возникли в колониальных границах (благодаря британской колонизации Индия управлялась как единое целое, в Индонезии голландское колониальное управление послужило главным объединяющим принципом — в ином случае территории этих двух государств, вероятнее всего, были бы раздроблены). Так, в Азии колониализм консолидировал территории: Индия, Малайзия, Индонезия сегодня крупнее, чем они были до эпохи колонизации. Постколониальная Африка, напротив, демонстрирует тенденцию к фрагментации [Киссинджер, 2002: 224]. Ни одна страна Африки, за исключением Нигерии и ЮАР, которые ниже будут рассмотрены подробнее, не в состоянии играть существенную роль за пределами непосредственно прилегающих к ней территорий.

Как формировалась политическая карта Африканского континента?*Древний этап (до V в. н.э.)*

На этом этапе мощнейшим очагом цивилизации в Северной Африке был «дар Нила» — *Древний Египет*. Египет был географически привязан к великой реке, так что с самого начала это государственное образование отличала некоторая замкнутость. Первые протогосударства возникли в Египте вокруг храмов (подобные сообщества стали позже называть греческим термином «ном»); при этом к каждому храму тяготело несколько десятков поселений. Впоследствии, на рубеже IV—III тысячелетия до н.э., номы Верхнего и Нижнего Египта постепенно объединяются под властью фараонов — правителей Верхнего Египта. Древний Египет в эпоху Нового царства был могущественным государством, империей. В эпоху Позднего царства (первые тысячелетия до н.э.) Египет попадает под власть чужеземных правителей (в том числе из Мидии, державы Ахеменидов) [Голубчик, 1998: 73—74].

BOX 5.2

Современная египтология пока знает о Древнем Египте далеко не все, в его истории существует множество интереснейших фактов и загадок. Археологические изыскания ежегодно приносят огромное количество нового материала. В частности, существует предположение о том, что потомками египтян (а вовсе не пиктов и европейцев) являются шотландцы. Имя их первой, пришедшей из Египта, царицы было Скота, и именно от него пошло название страны — Шотландия (Scotland).

К очагам древней цивилизации в Северной Африке следует добавить и *Карфаген* (расположен на территории современного Туниса). Город был основан в 825 г. до н.э. финикийцами, а к началу III в. до н.э. с завоеванием территорий Северной Африки, Сицилии, Сардинии и юга Испании стал могущественной державой Средиземноморья. В 146 г. до н.э. Карфаген потерпел окончательное поражение от Римской империи.

BOX 5.3

Во время Пунических войн между Римом и Карфагеном суровый римский сенатор Катон Старший прославился следующим. Что бы ни обсуждалось на заседаниях сената — цены на овощи на римских рынках или сбор налогов, — Катон неизменно заканчивал свои речи одной и той же фразой: «А кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен!»

Само существование города, столь богатого и мощного, Катон считал угрозой для Рима. И Карфаген был разрушен: в результате Третьей Пунической войны город был стерт с лица земли, и даже то место, где он стоял, было распахано римскими плугами.

Помимо Карфагена на берегах Северной Африки существовали фактории, созданные выходцами из Финикии.

Таким образом, на древнем этапе на территории Африканского континента существовали лишь отдельные очаги (прото)государственности, преимущественно в Северной Африке (на берегах Средиземного моря и вдоль Нила).

Средневековый этап (V—XV вв.)

В начале этого периода арабы стараются покорить Северную Африку. Они создают в Африке одну из самых крепких своих твердынь; арабское влияние распространяется в области Конго и на юго-востоке. Арабы пытались не только освоить эти земли, но и изучить их по мере возможности. Они хорошо знали и Мадагаскар, во внутреннюю Африку арабы проникли позднее — с северо-запада на юго-восток. На месте негритянских государств на среднем Нигере и на озере Чад они основали исламские царства [Ган, 2005: 19].

В ходе этого длительного периода процесс создания государство-подобных образований охватывает и другие регионы Африки. Так, в первые века н.э. на территории Северной Эфиопии складывается царство Аксум, которое в IV—V вв. распространило свое влияние на Нубию (историческая область в долине Нила, на территории современных Египта и Судана), на территории Эфиопского нагорья и север Африканского Рога. После распада царства Аксум на его территории в конце XI в. образовалось несколько государств, а в дальнейшем — христианская Эфиопская империя, достигшая периода расцвета в XV—XVI вв.

Активно идет процесс становления государств на территориях *Западного и Центрального Судана*. В Западном Судане в IV—XIV вв. ведущую роль играли, сменяя друг друга, государства Гана, Мали, Сонгай (империя Гао). В Центральном Судане параллельно развивались два центра государственности — собственно суданский и расположенный к югу от озера Чад [Голубчик, 1998: 85].

На территории *Южной Африки* следует упомянуть центр государственности на территории современного *Зимбабве* в междуречье рек Замбези и Лимпопо.

Помимо этого, выделим и *город-государство народа йоруба*, располагавшееся на территории современной *Нигерии* [Голубчик, 1998: 86].

Европейские исследования Африки. Начало им положили экспедиции южноевропейских мореплавателей, внимание которых было первоначально обращено на западный берег континента — еще в 1291 и 1346 гг. туда посылались экспедиции, впрочем неудачные. В 1383 г. на престол Португалии вступил энергичный король Иоанн I — началась португальская эпоха африканских завоеваний. В 1487 г. Бартоломео Диасу удалось обойти южную оконечность континента — мыс Бурь, переименованный королем в многообещающий мыс Доброй Надежды. Затем Васко да Гама удалось установить связь между мысом Доброй Надежды и торговыми факториями по восточному побережью; с восточного берега было взято северное направление, при этом был замечен берег, получивший название «Рождественская земля» и сохранивший его до сих пор (Наталь). У Мозамбикской бухты экспедиция встретила арабские торговые суда. Общие очертания Африки стали теперь известны европейцам. Однако в последующие века Африка отходит на второй план, внимание европейских мореходов было направлено на Америку и Индию, исследования же Африки, которая считалась малопривлекательной, подвигались медленно.

Период между 1550 и 1750 г. — это время медленного и лишенного единого плана проникновения во внутренние области континента. По большей части в этих походах принимали участие купцы и миссионеры, редко — исследователи. В XVII в. миссионеры активно содействовали исследованиям многих стран Африки, им мы обязаны и ценными сведениями, и многочисленными мифами, и просто ошибками. Путешествия миссионеров и попытки колонизации продолжаются и в XVIII столетии (наиболее важными были путешествия и исследования Нильской области, Сенегамбии, Капской земли); активно идет составление карт Африки [Ган, 2005: 20—23].

Первыми исследователями Африки можно считать арабов, за ними последовали европейцы, причем исследования начались «по краям» и лишь потом распространились во внутренние области.

BOX 5.4

Великим исследователем южных территорий Африки был Дэвид Ливингстон (1813—1873), который с южной оконечности континента шел на север через пустыню Калахари. Ливингстон писал в необходимости продвижения в Африке ценностей христианства и считал, что отношения с африканскими племенами должны быть основаны на идее

равноправной торговли, которая невозможна без прогресса и процветания народов. Ливингстон открыл водопад Виктория (где ему поставлен памятник), многочисленные озера в вулканических разломах (Ньяса, Киву, Эдуард и др.).

Колониальный раздел Африки

В современной политике африканских стран мало что было столь же значимым, как европейская колонизация. Начиная с 70-х годов XIX в. Африка стала главной ареной территориальной экспансии европейских государств, которые искали на Черном континенте ресурсы, новые рынки сбыта, стремились к укреплению своего геополитического положения. Как писал Ф. Ган, «теперь наступает время, когда неопределенные границы арабско-африканских царств должны быть заменены правильно очерченными границами сфер влияния, как их намечают европейские дипломаты, мало обращая внимания на области прежних государств» [Ган, 2005: 19].

BOX 5.5

Почему европейцы колонизовали Африку (а не наоборот)?

Континенты отличаются друг от друга по огромному количеству разнообразных физико-географических характеристик, и эти характеристики влияют на траектории развития обществ. По утверждению Даймонда, четыре группы характеристик являются наиболее существенными: 1) наличие на континенте диких животных и растений, которые могут служить «стартовым материалом» для одомашнивания и окультуривания; 2) скорость распространения окультуренных и одомашненных видов на другие территории континента (эта скорость была наибольшей в Евразии); 3) скорость распространения видов между континентами; 4) различия между континентами по площади и численности населения. Большая площадь и численность означают больше новаций, больше конкурирующих сообществ и, главное, больше потребности в усвоении инноваций, поскольку сообщества, которые не в состоянии усваивать инновации, проигрывают в борьбе с другими. Географическая судьба обделила Африку и то, что европейцы колонизовали Африку, а не наоборот, не имеет никакого отношения к различиям между людьми, населяющими Европу и Африку. Такой ход истории объясняется случайностями географии и биогеографии [Diamond, 1999: 406—407].

В 1879 г. более 90% африканских территорий управлялись местными правителями; к 1900 г. весь континент, за исключением крайне небольших областей, находился под европейской колонизацией: Африка была колонизована с беспрецедентной скоростью.

К 70-м годам XIX в. европейские торговцы стали проникать вглубь континента: французы двигались по долине реки Сенегал, британцы торговали по нижнему Нигеру; уже к этому времени французские и британские торговые компании разделили Западную Африку на сферы влияния. Несколько позже в игру вступили еще два европейских государства — Бельгия и Германия. Бельгийский король Леопольд II, страстно веривший в богатства Африки, претендовал на управление бассейном реки Конго. Он тщательно готовил международное признание своих территориальных притязаний: убедил поддержать его французское правительство и канцлера Германии Бисмарка, а британские торговые компании привлечь обещанием прибыльных контрактов в будущем. Для только что объединившейся Германской империи участие в колонизации Африки было подтверждением ее нового высокого статуса в мировой политике.

Наиболее значительных успехов в расширении своих колониальных владений добились главные европейские державы того времени — Франция и Великобритания. Идеологом экспансии Великобритании в Африке традиционно считают Джона Родса, который в своем труде «Символ веры» (1877 г.), предвосхищая даже «Политическую географию» Фридриха Ратцеля, писал о нехватке жизненного пространства для англичан, из-за чего британский народ не дает того прироста населения, на которое способен. В результате вместо того, чтобы быть заселенными англичанами, огромные территории заселены «самыми презренными образчиками человеческой породы». Выход, по Родсу, один — всемерно расширять Британскую империю [Голубчик, 1998: 118].

Уже в конце XVIII в. и в первые десятилетия XIX в. Великобритания захватила важные позиции в Западной Африке (колонии Сьерра-Леоне и Гамбия), на путях в Восточную Африку (через Кейптаун), в Индийском океане (о. Маврикий). Однако планы империи были гораздо более амбициозными и предусматривали создание непрерывной цепи владений между Южной и Северной Африкой по линии Кейптаун — Каир (*all British from Cape to Cairo*).

Реализуя эту территориальную стратегию, Великобритания в 1887—1890 гг. колонизовала Занзибар — территорию, на которой были образованы Северная и Южная Родезии (названные в честь Сесилия Родса), а также Уганда. В 1895 г. территория Кении объявляется Восточно-Африканским протекторатом Великобритании, затем образуется Англо-

Египетский Судан, который формально был объявлен совладением (кондоминиумом) Великобритании и Египта, однако по факту управлялся Британией. К 1904 г. после разгрома сопротивления местных правителей Великобритания установила контроль на большей частью территории Нигерии.

Крупнейшей войной в этот период, получившей международный резонанс, стала англо-бурская война 1899—1902 гг., война на юге Африки между британскими колонизаторами «второй волны» и бурами — первыми колонизаторами, потомками голландских колонистов. Война закончилась в пользу Великобритании, которая захватила бурские республики — Трансвааль и Оранжевое государство. В результате был создан британский доминион Южно-Африканский Союз.

В геополитические задачи **Франции** входило создание сплошной цепи владений от Сенегала до Сомали, и ей удалось захватить обширные (но слабозаселенные) территории в Западной и Экваториальной Африке (Французская Западная Африка — 1896 г., Французская Экваториальная Африка — 1916 г.). В том же 1896 г. Франция объявила о протекторате над островом Мадагаскар.

Очевидно, что процесс колонизации Африки не мог протекать без споров и конфликтов. Они решались, как правило, двусторонними и многосторонними соглашениями. Для ликвидации конфликтов важное значение имела Берлинская конференция 1884—1885 гг. (в столице только что созданной Германской империи), в которой участвовали 13 европейских стран и США. Целью конференции было установление правил и принципов колонизации; речь фактически шла о том, чтобы не дать какой-либо державе преимуществ при колонизации и определить сферы влияния. Конференция также установила, что о любых претензиях создать колонии или протектораты на берегах Африки должны уведомляться другие державы, и такие претензии должны подтверждаться установлением эффективной власти на данных территориях. Фактически конференция положила конец британской идее создания «неформальной империи» в Африке. Наконец, конференция установила свободу навигации по Нигеру и Конго [Oliver, Atmore, 2005: 126]. Великобритания осталась крайне недовольной результатами конференции: ее нетронутыми владениями фактически остались Египет и колонии на самом юге континента.

После конференции начались переговоры об установлении границ между колониями; договоры решали судьбу огромных территорий (например, договор 1890 г. между Великобританией и Германией о Восточной Африке). В ходе переговоров нередко были обмены территориями между колонизаторами: так, в 1911 г. согласно договору Франции

и Германии последняя получает часть Конго (присоединяя его к Германскому Камеруну) в обмен на установление Францией протектората над Марокко [Голубчик, 1998: 120].

Помимо Великобритании и Франции, *Бельгия* с 1908 г. в Экваториальной Африке владеет колонией «Бельгийское Конго», в разы превышающей размеры метрополии. *Португалия* к началу XX в. владела крупными колониями Ангола и Мозамбик, а также Португальской Гвинеи и островами Зеленого Мыса. *Испания* владела частью Марокко (Испанским Марокко) и западным побережьем Сахары (Испанская Сахара).

BOX 5.6

«Осколки империи»? Сеута и Мелилья. Сеута и Мелилья — два города, два испанских анклава на территории Марокко. Политическая проблема связана со статусом этих городов. Испания считает города частью своей национальной территории, Марокко настаивает на том, что эти колонии — марокканские города, завоеванные испанцами. Сами города Сеута и Мелилья требуют статусов автономии в составе испанского государства.

Объединившиеся *Германия* и *Италия* несколько позже включают в раздел Африки. Германии удается овладеть территориями Того и Камеруна. Колонией Италии была Ливия, однако основной ее целью являлась Эфиопия. Колонизовав в 1890 г. Эритрею, Италия в 1894 г. начинает войну против Эфиопии, однако проигрывает ее; Эфиопия остается независимым государством.

В целом к началу XX в. независимыми государствами на Африканском континенте остаются только Эфиопия и созданная в Западной Африке Республика Либерия (которая, однако, находилась в экономической зависимости от США), (карта 5.5).

Рассмотрим теперь «интриги» раздела Африки более подробно.

«Второй британской инициативой» можно назвать 80—90-е годы XIX в. Тогда огромную роль в возрождении британской колониальной инициативы сыграл лорд Сэлсбери, премьер-министр Великобритании в 1885—1892 гг. Сэлсбери совершил серию поистине гениальных сделок. Первым его шагом было объявление протектората над Бечуаналендом (нынешняя Ботсвана); вторая акция была направлена на Восточную Африку (территории, оставшиеся от аннексий Германии 1884 г.). В 1886 г. Сэлсбери договорился с Бисмарком о разделе Восточной Африки на сферы влияния в соответствии с нынешней границей

между Кенией и Танзанией. В 1890 г., отдав Германии остров Гельголанд в Северном море, он убедил Бисмарка подписать серию соглашений о границах, согласно которым Германия признавала британские владения в Занзибаре, Кении, Уганде, Северной Родезии (Замбии), Бечуаналенде (Ботсвана) и восточной Нигерии. В том же году Сэлсбери заключил договор с Францией о признании ею западной границы Нигерии взамен признания французского протектората над Мадагаскаром. В 1891 г. Сэлсбери заключает соглашение с Португалией в отношении Ньясаленда (Малави) и обеих Родезий. Краеугольным камнем африканской политики Сэлсбери остается оккупация британцами Египта. Таким образом, к концу пребывания лорда Сэлсбери на посту в 1892 г. общие линии деления Африки были уже намечены. Следует, однако, отметить, что деление Африки происходило первоначально «на бумаге», потребовалось время, что реализовать его «на земле» [Oliver, Atmore, 2005: 128—129].

Первые группы европейцев, проникающие в Африку, были малочисленны, а сама Африка — огромна, поэтому они редко контактировали друг с другом. Первоначально политика европейцев была переговорной, направленной на организацию торговых контактов, но не завоевательной. Европейцы проникали в местную политическую жизнь, поддерживая одни группы и стараясь изолировать другие. Постепенно европейцев становилось все больше, и речь пошла уже о размежевании африканских территорий на практике.

После Берлинской конференции *французы* предпринимали значительные усилия для консолидации своих владений в Западной Африке: к 1893 г. официально провозглашено создание колоний Берег Слоновой Кости и Французская Гвинея. В этом же году французы вошли в Дагомею (Бенин). Однако основная французская экспансия разворачивалась в бассейне Сенегала. Помимо Западной Африки французы оккупировали Габон, вошли в области центрального Судана, но вынуждены были уступить британцам (примечательно, что местные племена туарегов, проживающие в Сахаре, ощутили присутствие колонизаторов только после Второй мировой войны) [Oliver, Atmore, 2005: 135]. Франция и Испания разделили Марокко. В 1894 г. Франция послала большую военную экспедицию на Мадагаскар, что через короткое время спровоцировало кровопролитные местные конфликты — между религиями и кланами. В конце концов французы были «вынуждены» объявить остров своей колонией, для того чтобы «утихомирить», «примирить» местные враждующие группировки.

Британцы эффективно усилили свое присутствие в Сьерра-Леоне, на Золотом Берегу и, что самое основное, в Нигерии. В Восточной Афри-

ке и бассейне Конго основными их соперниками (а также соперниками Бельгии и Германии, которые тоже претендовали на эти территории) стали арабы. В конечном счете они уступили Британской империи.

Единственной страной Восточной Африки, которая успешно противостояла колонизаторам, была *Эфиопия*. Италия захватила эритрейское побережье Красного моря в 1883 г. и предъявила претензии на побережье восточного Сомали. Однако в 1896 г. итальянская армия потерпела поражение от войск Эфиопии: это была одна из первых битв новейшего времени, в которых неевропейская армия победила армию, возглавляемую и частично укомплектованную европейцами.

Последние годы колониального правления и деколонизация Африки

Вторая мировая война резко расширила «политический горизонт» африканцев: африканские солдаты, призванные на службу Великобританией и Францией, сражались в Эфиопии, Северной Африке, Италии, против японцев в Бирме. Еще до войны в африканских государствах появляется первое поколение молодых людей, получивших образование в метрополиях. И хотя после окончания войны Великобритания и Франция номинально продолжают контролировать огромные империи, становится понятным, что политическое, экономическое и военное лидерство перешло от европейских государств к двум сверхдержавам — США и СССР. Добавлю к этому и «волны» от распада колониальных империй в Азии.

В послевоенные годы европейские державы начинают разворачивать массированные программы по развитию на территории Африки. Эти программы нацелены на расширение производства и диверсификацию сельского хозяйства, строительство ГЭС для целей индустриализации, проведение образовательной политики. Еще одной важной задачей стало развитие местного самоуправления в колониях, и здесь единственно возможным путем было следование западным моделям: скоро почти каждый местный вождь оказался в окружении избранного совета [Oliver, Atmore, 2005: 220—222]. Центральные институты стали также более представительными. Таким образом, к 1955 г. европейские державы (за исключением Бельгии и Португалии), управлявшие африканскими территориями от Сахары до Замбези, осознали, что они вступили в последнюю фазу европейской колонизации Африки. «Тем не менее французское и британское колониальные правительства сыграли свои роли в последнем акте колониальной драмы с беспрецедентным мужеством и энтузиазмом» [Oliver, Atmore, 2005: 224].

Процесс деколонизации охватил в первую очередь страны Северной Африки: в 1951 г. независимым государством была провозглашена Ли-

вия, в 1956 г. был упразднен протекторат Франции над Марокко и Тунисом, после длительного противоборства с Францией (1954—1962 гг.) обрел независимость Алжир. В этот же период (50-е годы) суверенитет получают Судан, Гана, Гвинея. После этого процесс деколонизации в Африке принял лавинообразный характер: в 1960 г. — этот год стал Годом Африки — на политической карте Африканского континента появилось 17 новых независимых государств, бывших британских и французских колоний. Всего в период с 1956 по 1966 г. суверенитет получили 34 африканские страны.

В 70-е годы процесс деколонизации продолжается, хотя и не так бурно. Распад португальской колониальной империи обусловил независимость Анголы, Мозамбика, Гвинеи-Бисау (середина 70-х годов).

В Южной Африке процесс формирования новой политической карты был достаточно сложен: в 60-е годы распадается подконтрольная Великобритании территориальная структура — Федерация Родезии и Ньясаленда, последняя провозглашает независимость как государство Малави, Северная Родезия становится суверенной Замбией. Затем добились независимости Лесото (бывший Басутоленд), Ботсвана (бывший Бечуаналенд) и Свазиленд. В 1980 г. Южная Родезия становится независимой Зимбабве, тем самым деколонизация Африканского континента фактически завершается.

Современные границы между государствами Африки не только следуют линиям демаркации *между* сферами влияния европейских держав-колонизаторов, они отражают и административные границы — *внутри* каждой колониальной сферы. Так, в Восточной и Западной Африке Великобритании и Франции принадлежали колонии с протяженной береговой линией, поэтому оказалось продуктивным поделить эти колонии на более мелкие административные единицы таким образом, чтобы каждая из них имела выход к морю (карта 5.4).

В постколониальную эпоху каждая из этих единиц стала суверенным государством со столицей, расположенной на побережье. В Центральной Африке, напротив, небольшая по площади Бельгия владела огромной территорией, однако не контролировала протяженной береговой линии (имелся лишь небольшой выход к морю в устье реки Конго). Эта огромная территория управлялась Бельгией как единое целое и позже стала независимым государством со множеством внутренних конфликтных линий.

Важно отметить, что административные границы в колониях проводились без учета этнической и/или племенной идентичности, более того, нередко колониальные власти считали полезным разделять этни-

ческие и племенные группы с целью предотвращения возникновения оппозиции колонизаторам [Киссинджер, 2002: 224].

После обретения независимости в ряде африканских государств была сделана попытка применить принцип федерализма для государственного строительства. Однако в подавляющем большинстве случаев межгосударственные союзы либо развалились, либо федеративные государства были впоследствии конституированы как унитарные. Так, оказались нежизнеспособными федерация Эфиопии и Эритреи (последняя вышла из состава Эфиопии в 1993 г.), федерация Мали в составе Мали (бывшего французского Судана), Судана и Сенегала (создана в 1959 г., распалась в 1960 г.), федерация Родезии и Ньясаленда (существовала в 1953—1963 гг., в настоящее время это Малави, Замбия и Зимбабве), Сенегамбия (1981—1989 гг., бывшая конфедерация Гамбии и Сенегала).

Конго (бывшая колония Бельгии) получил независимость в 1960 г. Через два года был принят закон о новом административно-территориальном устройстве страны, согласно которому любой регион с населением более 700 тыс. чел. мог получить статус субъекта федерации — провинции. По Конституции Конго был федерацией в составе 21 провинции, однако уже в 1967 г. по новой Конституции (принятой после переворота) стал унитарным государством.

Соединенное Королевство Ливия с 1951 по 1963 г. было конституционной федеративной монархией, однако федерализм не прижился и в этой стране. С 1961 г. федеративной республикой был Камерун, с 1972 г. согласно итогам референдума это унитарное государство. Фактически федерализм сохраняется лишь в Нигерии и Танзании, которая находится в ассоциации с островом Занзибар.

Итак, независимые африканские государства были рождены в атмосфере политической эйфории. Колониальные державы оставили им множество проблем, которые я рассматривала выше, однако они же оставили им работающие административные и финансовые системы, базовую экономическую и транспортную инфраструктуры. Первые постколониальные лидеры африканских государств направляли много усилий на развитие внешней политики: для обеспечения безопасности границ они должны были установить добрососедские отношения с соседними странами, а также найти себе новых торговых партнеров в мире. В 60-е годы многие тысячи молодых энтузиастов из Европы и США ехали в Африку — учить и лечить. И тем не менее африканские политические системы очень быстро показали свою неспособность к устойчивому развитию: уже во второй половине 60-х годов началась череда военных переворотов (Гана, Судан,

Того...). За переворотами последовали периоды гражданских войн (хотя были, конечно, и исключения: гражданским лидерам в Марокко, Тунисе, Сенегале, Танзании, Малави, Мадагаскаре удалось удержать военных под контролем). Однако большинство африканских режимов в первые 30 лет после обретения независимости были автократическими (или тоталитарными) и склонными к коррупции. Наиболее одиозными правителями были, без сомнения, полковник Каддафи в Ливии (он финансировал ряд международных авантур, направленных на свержении легитимных правительств ряда стран), Нгуема в Экваториальной Гвинее, Бокасса в ЦАР, Иди Амин в Уганде [Oliver, Atmore, 2005: 310-311].

Субрегионы Африки

На Африканском континенте выделяют следующие географические субрегионы — Северная, Западная, Центральная, Восточная и Южная Африка. (Отметим, что отнесение стран к тому или иному субрегиону иногда бывает довольно сложным делом. Так, Мавританию можно отнести и к Западной, и к Северной Африке, а Судан может быть отнесен и к Северной, и к Восточной Африке). Рассмотрим эти субрегионы несколько подробнее.

Субрегион *Северная Африка* состоит преимущественно из крупных стран, таких как Судан (наиболее крупная по площади страна Африки), Алжир, Ливия, Мавритания, Египет, и занимает около 1/3 территории континента. Благоприятно экономико-географическое положение региона — в Средиземноморье, с выходами к Атлантическому и Индийскому океанам. Северный субрегион — этот как бы «фасад» Африки; по обеим его сторонам расположены морские ворота — Гибралтарский пролив на западе и Суэцкий канал на востоке.

Субрегион имеет особые отношения с Европой, а в этнокультурном отношении тесно связан с Юго-Западной Азией, поскольку около 80% его населения говорят на диалектах арабского языка (только в Судане и Мавритании значительную часть составляют негроидные народы).

К территориальным проблемам субрегиона относятся нерешенная проблема Западной Сахары и сохранение на территории средиземноморского побережья Марокко двух испанских анклавов — городов Сеута и Мелилья.

Западная Сахара располагается на побережье Атлантического океана, в западной части пустыни Сахара. Это территория с жарким, засушливым климатом и каменистыми почвами, по которой кочуют пастухи-берберы со стадами овец и верблюдов. В 80-х годах XIX в. Испания объявила о своем протекторате над прибрежной частью терри-

тории (Рио-де-Оро) под названием Испанская Сахара, а в 1958 г. вся Западная Сахара стала «заморской провинцией» Испании. Территория стала «проблемной» после провозглашения в конце 50-х — начале 60-х годов XX в. независимости Марокко, Мавритании и Алжира. В 1975 г. Испания (вопреки решению ООН) передает Западную Сахару Марокко и Мавритании. Против этого решения выступил Народный фронт за освобождение (Фронт ПОЛИСАРИО), который в 1976 г. объявил о создании Сахарской Арабской Демократической Республики (САДР). Новое государство признали 70 стран мира, в том числе 30 стран Африки (по данным Википедии — 45 государств), САДР является членом Африканского союза (бывшая Организация африканского единства). Впоследствии Мавритания отказалась от претензий на регион, и в 1979 г. он был полностью оккупирован Марокко. Дальнейшая судьба региона неясна: ООН требует проведения референдума, отказываясь как согласиться с аннексией Западной Сахары Марокко, так и признать самопровозглашенную САДР.

В состав *Западной Африки* входит 16 государств; политическая карта этого субрегиона сложилась как результат распада французской и британской колониальных империй. Субрегион отличается крайним разнообразием с точки зрения характеристик составляющих его стран (размера территории, численности населения). Так, в состав региона входят как огромная по территории и крупнейшая по численности населения страна Африки Нигерия, так и крошечное государство Кабо-Верде. Помимо этого, субрегион отличается крайне сложным и пестрым этническим составом, что приводит к межэтническим конфликтам.

BOX 5.7

Либерия: случай неудачного «транспланта». В 1816 г. в США было создано Американское общество колонизации (American Colonization Society). Цель его создания была весьма амбициозной — найти новый «дом», новую территорию в Африке для бывших рабов. В 1822 г. местные правители предоставили представителям общества территорию на мысе Месurado (впоследствии получившую название Монровия — в честь президента США Джеймса Монро) в Западной Африке, и первые афроамериканцы начали там селиться. В 1847 г. с расширением поселений было создана Республика Либерия (от *liberty* — свобода). Большинство американцев сегодня не знает о происхождении Либерии, хотя ее флаг напоминает флаг США — «звезды и полосы» (только у Либерии

звезда одна). Либерия — чрезвычайно бедная страна, больше половины населения неграмотно. Сегодня потомками переселенцев из США являются лишь около 5% населения страны [Magstadt, 2002: 549].

Для разрешения этих противоречий, консолидации общества, преодоления межрегиональных и социальных диспропорций, а также как символ начала самостоятельной истории страны с чистого листа два государства — Кот-д'Ивуар и Нигерия — построили новые столицы, расположенные во внутренних районах — Ямусукро и Абуджу. Прежние столицы — Абиджан и Лагос — были расположены на побережье; они продолжают играть большую роль в жизни этих государств.

Случай Нигерии. Нигерия — практически единственная в Западной Африке федерация. Тем не менее многие проблемы этой страны характерны и для других африканских стран.

Нигерия — один из крупнейших производителей углеводородного сырья; страна входит в состав первой десятки экспортеров нефти в мире (на рубеже третьего тысячелетия разведанные запасы нефти в стране составляли около 3% общемировых). Нигерия богата также и запасами железной руды. Экономика страны носит сырьевой характер, модернизация идет медленно и неравномерно, так что такие понятия, как «рост без развития», «анклавная индустриализация» вполне уместны при характеристике экономической эволюции Нигерии в последние десятилетия (подобный характер хозяйственного развития характерен и для других африканских стран).

Численность населения страны составляет 110—125 млн чел. (по разным оценкам). Плотность населения (около 100 чел. на кв. км) — одна из самых высоких на континенте. На ее территории проживает около 250 этнических групп, среди которых наиболее многочисленными являются хауса-фулани (29% населения страны), йоруба (21%), игбо (18%), иджо (10%). Жители страны говорят на 400 языках. Наиболее населены северные и прибрежные штаты Нигерии, в каждом из которых проживает по 3—5 млн чел. Между густонаселенным югом и севером страны находится зона «демографической депрессии», которая была заложена еще в период проникновения на эти территории европейцев. Центральные регионы в наибольшей степени подверглись депопуляции в результате обращения в рабство их жителей. В дальнейшем такой рисунок расселения был если не усилен, то по крайней мере закреплен опережающими темпами хозяйственного развития юга и севера Нигерии по сравнению с ее центральными частями [Социально-экономическая география, 1998: 415].

В последние десятилетия процесс урбанизации в Нигерии носит взрывной характер: численность населения горожан возрастает на 6—8% в год; доля городского населения составляет свыше 40%. По числу крупных городов (с более чем 100 тыс. жителей), которых насчитывается более 60, Нигерия далеко опережает все другие страны Африки.

Европейцы пришли на территории современной Нигерии в XVI в., побережье страны стало крупнейшим центром работорговли и называлось «Невольничий берег». В 1914 г. возникло единое образование «Колония и протекторат Нигерии» уже в современных границах (за исключением северной части Британского Камеруна, которая была присоединена к Нигерии в 1961 г.). Образование носило искусственный характер и отвечало интересам британской метрополии. Отметим, что и после объединения север и юг страны управлялись отдельными администрациями. Англичане использовали так называемую систему непрямого управления, сохраняя формальные права традиционных властных структур.

По конституции 1947 г. Нигерия была разделена на три региона, она стала федерацией, в состав которой входили Северный, Восточный и Западный регионы. В каждом регионе доминировал один из крупных этносов — хауса-фулани, игбо и йоруба соответственно. Ведущие политические партии страны имели региональный характер.

Независимость Нигерии была провозглашена в 1960 г. — страна стала называться Федерация Нигерии в составе Британского Содружества (в 1963 г. Нигерия стала республикой). Однако этнический федерализм не привел к разрешению этнорегиональных конфликтов: в 1967 г. на территории Восточного региона была провозглашена независимая «Республика Биафра». Правительство немедленно приняло декрет о новом административно-территориальном делении страны на 12 штатов, однако это не предотвратило гражданскую войну, в которой, по различным оценкам, погибло от 500 тыс. до 2 млн человек. Война закончилась капитуляцией войск Биафры.

BOX 5.8

Нигерия — «ползучий федерализм». Основы федерализма в Нигерии были заложены еще в колониальные времена; получил распространение процесс, названный «ползучим федерализмом». Конституция 1946 г. предусматривала наличие трех регионов, которые соответствовали административному колониальному делению. Конституция 1963 г. предусматривала уже наличие четырех сильных регионов со своими конституциями и институтами. В 1967 г. на месте четырех регионов появилось 12 штатов, еще 7 добавилось в 1976 г. Процесс

дробления территории продолжался до 2005 г., с тех пор на территории Нигерии 36 штатов (карта 5.5). Завершен ли этот процесс, неизвестно [Osieke, 2006: 201—202].

В конце 60-х — начале 70-х годов XX в. в стране начался нефтяной бум, с которым был связан подъем нигерийской экономики. В середине 70-х годов была проведена новая административная реформа: страна, сохраняя федеративный характер, была разделена на 19 штатов. В географическом центре страны была создана федеральная столичная территория, свободная от конфликтного прошлого и призванная служить символом единства страны.

Межэтнические региональные противоречия обострились в стране в начале 2000-х: в северных штатах мусульмане хауса-фулани изгоняют христиан йоруба, в 9 северных штатах официально введен шариат, что противоречит светской конституции Нигерии. Напряженность между севером, с одной стороны, и западом и востоком — с другой, возрастает. Помимо этого, нарастают межэтнические противоречия в дельте реки Нигер, чрезвычайно богатой нефтью [Васильев, Потапов, 2002: 59].

Субрегион *Центральной (Экваториальной) Африки*, в состав которого входит 9 государств, объединяет с Западной Африкой ряд общих характеристик: резкие различия между странами по площади (от огромной Демократической Республики Конго (бывшего Заира) до небольшой Экваториальной Гвинеи), пестрота этнического состава государств, влияние бывших метрополий, ресурсодобывающая экономика. Большинство стран субрегиона согласно классификации ООН относится к группе наименее развитых стран мира (яркий пример — Центральноафриканская Республика), исключение составляют Камерун и Габон.

Упоминание об Экваториальной Африке немедленно вызывает воспоминания о жутких политических режимах африканских диктаторов — Бокасса в ЦАР и Мобуту Сесе Секо в Демократической Республике Конго.

Политическая нестабильность в субрегионе была связана с Анголой, бывшей колонией Португалии. После объявления независимости на территорию государства вторглись войска ЮАР, а после того как ЮАР проиграла *борьбу*, долгие годы шла гражданская война между правительством и основной оппозиционной силой (УНИТА).

Субрегион *Восточной Африки* чрезвычайно обширен — он протянулся от реки Замбези на юге до Египта на севере. Из 13 государств, составляющих регион, три являются островными, это Союз Коморских островов, Республика Маврикий и Республика Сейшельские Острова. Остров Реюньон является «заморским департаментом» Франции.

Судьбы государств субрегиона различны. Так, относительно стабильно развиваются Танзания, Замбия, Кения. Уганда считается «одной из самых способных учениц Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития» [Васильев, Потапов, 2002: 51]. С другой стороны, жестокие кровопролитные внутренние конфликты, фактически — межэтническая резня, раздирают Сомали, Руанду, Бурунди. Так, фиаско внешнего вмешательства стало очевидно именно в связи с операцией 1993 г. в Сомали. Вмешательство началось с попытки распределения продуктов питания и медикаментов, однако быстро переросло в необходимость «создания государственных институтов, что вынудило США поддержать позицию одной из соперничающих в гражданской войне сторон.

Отметим еще раз, что Танзания, существующая с 1964 г., это редкий пример «выжившего» в африканских условиях федеративного союза между Танганьикой и Занзибаром.

BOX 5.9

Загадка Мадагаскара. Только 250 миль отделяет крупный остров Мадагаскар от побережья Восточной Африки, таким образом, остров гораздо ближе расположен к Африке, нежели к любому другому континенту. Люди, населяющие остров, — это смешение двух элементов. Один, что неудивительно, это африканцы. Однако другой элемент состоит из жителей, которые узнаваемы как обитатели островов юго-востока Азии. Язык, на котором говорят на Мадагаскаре, очень напоминает язык жителей индонезийского острова Борнео (всего лишь 4000 миль от Мадагаскара). Эти похожие на индонезийцев люди жили на острове уже в 1500 г., когда его впервые посетили европейцы. Вопрос: как могли доисторические жители Борнео, путешествовавшие на лодках, без карт и компаса, достичь Мадагаскара? Это удивительная загадка, сравнимая с тем, если бы, скажем, Колумб, достигнув Кубы, обнаружил бы, что этот остров заселен голубоглазыми блондинами скандинавского вида, говорящими на языке, напоминающем шведский [Diamond, 1999: 380—381].

В 1993 г. на политической карте Восточной Африки появилось новое государство с красивым названием — Эритрея, отделившееся от Эфиопии. В 1950 г. Эритрея, до этого находившаяся под фактическим контролем Великобритании, была объявлена «автономной единицей, входящей в федерацию с Эфиопией», однако затем она утратила свой

особый статус и стала обычной провинцией. В 1970 г. был создан Народный фронт освобождения Эритреи, который постепенно добился контроля над всей ее территорией. Власти Эфиопии признали право Эритреи на самоопределение [Голубчик, 1998: 252].

Субрегион *Южная Африка* включает всего пять государств, и история их всех связана с Британской колониальной империей. Некоторые государства субрегиона молоды даже по «африканским стандартам»: так, Зимбабве (бывшая Южная Родезия в составе Федерации Родезии и Ньясаленда) провозгласила независимость лишь в 1980 г., Намибия, которая после Второй мировой войны была фактически аннексирована ЮАР, добилась независимости с помощью ООН лишь в 1990 г.

Случай Южно-Африканской Республики (ЮАР). Если Нигерия иллюстрирует многие проблемы, характерные для африканских стран, то ЮАР, напротив, ни на кого не похожа. ЮАР занимает территорию на самом юге Африканского континента. Это единственная переселенческая на территории континента страна, абсолютно непохожая на другие африканские страны. Она играет выдающуюся роль не только в Южной Африке, но и в Африке в целом. ЮАР граничит с Намибией, Ботсваной, Зимбабве, Мозамбиком и Свазилендом; анклавное положение внутри ЮАР имеет Королевство Лесото.

По минеральным запасам ЮАР — одна из наиболее богатых стран мира. С конца XIX в. она известна как основной поставщик золота и алмазов. В начале третьего тысячелетия на ее долю приходилось 19% добываемого в мире золота и 8,7% алмазов. Огромны запасы угля и железной руды. ЮАР обладает около 80% мировых запасов марганца, 68 — хрома, 56 — металлов платиновой группы, 45 — ванадия, 35 — золота, 26 — циркония, 17% титана [Страны Африки, 2002: 685].

Древнейшим автохтонным населением Южной Африки принято считать бушменов. Кроме них на территории современной ЮАР проживали многочисленные племена готтентотов и банту. К началу европейской колонизации у этих племен шел процесс складывания народностей [Южно-Африканская Республика, 1994: 38].

Колонизация Южной Африки началась в 1652 г., когда три корабля голландской Ост-Индской компании под командованием Яна ван Рибек добрались до мыса Доброй Надежды и основали станцию для ремонта кораблей и их снабжения. Эта станция стала плацдармом для экспансии голландцев. Часть ее персонала была освобождена от службы, арендовала земли у компании и превратилась в свободных колонистов. В главном городе колонии Капстаде (Кейптауне) была введена должность губернатора и создан административный орган для управления Капской колонией. Продвигаясь вглубь страны, голландские

переселенцы (буры: от голл. «боер» — крестьянин) создавали крупные хозяйства и теснили африканское население. Массовая колонизация южноафриканских территорий началась в конце XII столетия.

Голландские переселенцы принесли с собой жесткий фундаменталистский кальвинизм, они отгородились от нововведений, которые набирали силу в Европе. Буры, или африканеры, как они себя называли, создали уникальную, духовно самобытную нацию, на которую не повлияли ни Просвещение, ни свободомыслие Французской революции. Они считали себя тем самым избранным народом, о котором говорится в Ветхом Завете. Буры демонстрировали удивительную сплоченность: когда Великобритания аннексировала Капскую колонию, они снялись с места и переместились почти на тысячу миль к северу — не отдельные переселенцы, но единый народ со своими правительственными структурами, школами и церквями. Однако изолированное состояние не было устойчивым, открытие месторождений золота привело к англо-бурской войне, в которой крошечная Бурская республика сражалась с громадной Британской империей [Киссинджер, 2002: 226—227].

Великобритания аннексировала Капскую колонию в 1795 г., но по условиям Амьенского мира была вынуждена вернуть ее Голландии. В 1806 г. Англия вторично захватывает колонию, и Венский конгресс утверждает эту аннексию. Англичане, которые уже имели опыт колониального управления (прежде всего в Индии), провели в колонии реформы в области управления и проводили политику привлечения новых английских колонистов. Буры с начала 30-х годов XIX в. начали переселяться из Капской колонии в центральные и восточные районы Южной Африки (Великий трек). Пройдя территории между реками Оранжевая и Вааль и перевалив через Драконовы горы, треккеры вторглись на земли зулу в Северо-Западном Натале. Англичане помогали бурам в войне с зулусами, и зулусы потерпели поражение.

В 1839 г. буры создали Республику Наталь, которая в 1843 г. была аннексирована англичанами. Однако две другие бурские республики — Оранжевое Свободное государство (Оранжевая республика) и Республика Трансвааль — были ими на первом этапе признаны. Открытие в 60-е годы в Южной Африке крупнейших месторождений алмазов и золота и массовый приток мигрантов послужили своего рода прелюдией к войнам, которые Англия вела с целью захвата всего Южно-Африканского субрегиона. В 1899 г. началась англо-бурская война, в которой буры потерпели поражение. По мирному договору 1902 г. бурские республики утратили независимость; их превращение в британские колонии устранило препятствия к созданию единой британской Южной Африки (карта 5.6). В данном случае речь идет о редком

явлении — колониализме особого типа, когда и колонии, и метрополия находятся на одной территории.

Была поставлена задача создания «*белого* самоуправляющегося сообщества», английский парламент одобрил конституции колоний, согласно которым избирательные права предоставлялись только белому населению. Параллельно происходило политическое и экономическое сближение всех четырех провинций Южной Африки (Капской колонии, Наталья, Трансвааля и Оранжевой), в 1909 г. Национальный конвент принял решение о создании унитарного союза, в 1910 г. был провозглашен Южно-Африканский Союз (ЮАС) как самоуправляющийся доминион. В Первой мировой войне ЮАС участвовал на стороне метрополии и по ее окончании получил мандат Лиги Наций на управление бывшей германской колонией Юго-Западная Африка (территория современной Намибии) [Южно-Африканская Республика, 1994: 49].

В 1948 г. к власти в ЮАС пришла Национальная партия, провозгласившая апартеид (одна из разновидностей расизма) официальной идеологией государства. В стране были приняты законы, запрещающие смешанные браки, определявшие районы проживания каждого сообщества — «белого» и «черного», а также права черного населения на труд и даже на передвижение. Конечной целью, воплощением апартеида должно было стать территориальное разделение населения страны по расовым группам, при этом белому меньшинству отходило бы 87% территории страны, а африканцам — 13% соответственно [Страны Африки, 2002: 684].

В 1961 г. ЮАС стал Южно-Африканской Республикой (ЮАР) и вышел из Британского Содружества. Территория страны по-прежнему делилась на четыре исторические провинции, при этом около 14% их площади занимали территории с особым правовым режимом: сначала это были резервации для африканцев, а в 1959 г. они были объявлены «исторической родиной южноафриканских банту» и разделены на 10 бантустанов). Бантустаны имели разный статус: четыре из них — Транскей, Бопутатсвана, Венда и Сискей (так называемые страны ТБВС) в 1976—1981 гг. получили формальную независимость, которую не признали ни ООН, ни одна страна мира, остальные считались «самоуправляющимися» (карта 5.7).

После 1990 г. сегрегация и дискриминация в стране были отменены. 16 декабря 1991 г. в Йоханнесбурге открылся многопартийный форум — «Конвент за демократическую Южную Африку» (КОДЕСА). Его декларация предусматривала, что ЮАР должна стать единым демократическим государством, следовательно, необходим переход от системы апартеида к нерасовому обществу. Таким образом, конец

апартеида наступил внезапно и оказался практически ненасильственным. Легитимность государства оказалась, несмотря на апартеид, очень прочной; этнические группы приобрели значительный опыт взаимного общения. Бантустаны были ликвидированы (решение, которое вызвало противодействие руководства некоторых бантустанов), страна была разделена на девять провинций.

BOX 5.10

ЮАР как квазифедерация. В той или иной форме децентрализация была частью южноафриканского конституционного дизайна уже с 1910 г., когда четыре британские колонии объединились в союз. Политика создания бантустанов также представляла собой форму децентрализации, одной из ее задач было создание этнически «чистых» территорий для их последующего раздельного развития. Неудивительно, что с окончанием эпохи апартеида пострадала и идея федерализма, который имеет недемократический, расистский привкус в ЮАР. Сегодня в стране имеется девять провинций, которые не имеют названия «субъекты федерации», и само слово «федерализм» не используется ни в конституции страны, ни в официальных документах.

Совершенно различный облик имеют крупные города ЮАР. Столица страны Претория — это красивый тихий город; Кейптаун входит в число красивейших городов мира и является своего рода средоточием колониальных традиций. Йоханнесбург (Джобург, как его называют местные жители), крупнейший город страны и ее деловая столица во времена белого господства, сейчас стремительно теряет свой прежний облик, заселяется черным населением и уже считается самым опасным городом Африки.

Территориальные конфликты в Африке

Борьба за территорию и ее природные богатства — важная составляющая внутригосударственных конфликтов в Африке, помимо этого, возникают и пограничные конфликты. Так, сепаратисты видят в вооруженной борьбе за отделение от основной части государства возможность для своей этнической группы получить в распоряжение ресурсы «своей» территории. Практика показывает, что во многих внутренних конфликтах протестующая сторона не выдвигает завоевание суверенитета над «своей» территорией как первоначальное требование, однако, если на раннем этапе конфликт не урегулирован, такое требование (отделение) почти всегда будет выдвинуто впоследствии.

Межгосударственные конфликты во многом отошли в прошлое, однако крайне остро стоит проблема границ и их соответствия реальному этническому расселению. С 1964 по 2001 г. Организация африканского единства¹ была фактически единственным гарантом границ, сложившихся еще в колониальный период, однако пограничные конфликты возникали и возникают достаточно часто [Емельянов, 2005: 34].

Емельянов приводит следующую классификацию конфликтов на Африканском континенте:

- 1) конфликты на почве конфессиональных отношений (в большинстве случаев между арабизированным и африканским населением страны) — примеры: Эфиопия, Судан, Чад;
- 2) конфликты между этническими группами за властное доминирование и контроль над ресурсами — примеры: Руанда, Бурунди, Ангола;
- 3) противостояние между вооруженными группировками в условиях распада государственных структур — «несостоявшиеся государства» — примеры: Сомали, Либерия [Емельянов, 2005: 37].

Несмотря на наличие общих черт, каждый конфликт глубоко индивидуален. Практически все эти конфликты имеют территориальную составляющую.

Приведем некоторые примеры. Одним из самых жестоких и длительных конфликтов, который был урегулирован с помощью ООН, был конфликт в *Анголе*. В 1975 г. Ангола получила независимость. Правительство было сформировано партией Народное движение за освобождение Анголы (МПЛА), а вторая по значимости партия — Национальный союз за полное освобождение Анголы (УНИТА) — оказалась оттесненной от власти. Помимо ангольских политических движений, в войну в Анголе были втянуты Куба, ЮАР, мобутовский Заир и другие страны.

Ангольский конфликт крайне сложен, однако его корни лежат в межэтнических противоречиях, имеющих выраженную территориальную составляющую. Так, электорат МПЛА — это в основном этнос бунду, позиции этой партии наиболее крепки на побережье. Среди сторонников МПЛА много так называемых ассимиладуш — ангольцев, воспринявших европейский образ жизни и считающих португальский язык родным. УНИТА опирается на этнос овимбунду, получает большую поддержку на юге и востоке страны. Наконец, определенной поддержкой пользуется и Национальный фронт освобождения Анголы (ФНЛА), который действует на севере Анголы, заселенном преимущественно этносом конго. Примечательно, что

¹ ОАЕ прекратила существование; ее место занял Африканский Союз (АС).

противоречия между различными этносами поощрялись и поддерживались еще португальскими колонизаторами [Васильев, Потапов, 2002: 54].

За годы гражданской войны экономика Анголы практически рухнула; конфликт оказался долгим и кровавым — два поколения ангольцев не видели и не знали ничего, кроме войны.

Ситуация осложняется «проблемой Кабинды» — северного эксклава Анголы, чрезвычайно богатого нефтью.

BOX 5.11

Кабинда. Эксклав Анголы Кабинда, расположенный на западном побережье Центральной Африки, отделен от нее тонкой полоской земли, обеспечивающей Демократической Республике Конго доступ к Атлантическому океану. Эту территорию Ангола получила от Португалии вместе с независимостью. В Кабинде действует движение за независимость — ФЛЕК (Фронт освобождения анклава Кабинда). Ангола рассматривает Кабинду как неотъемлемую часть своей территории и ведет борьбу против ФЛЕК. Ситуация осложняется присутствием на территории Кабинды американских и французских нефтяных компаний и попытками их вмешательства в конфликт.

Демократическая Республика Конго (ДРК). Конфликт в этой стране иногда называют первой межафриканской войной, поскольку прямо или косвенно в него были втянуты практически все государства Центральной и Южной Африки. Как и у большинства других конфликтов, его корни уходят в колониальное прошлое. В 1960—1964 гг. в ДРК шла гражданская война, вмешательство ООН было крайне неудачным (во время миротворческой операции погиб Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд). В 1965 г. генерал Мобуту Сесе Секо пришел к власти на 32 года в ходе военного переворота, установив тоталитарный режим. К началу 90-х годов Заир (новое название Конго) отличался чудовишной коррупцией и развалом экономики. В 1996 г. на востоке страны началось антимобутовское восстание этноса баньямуленге. После захвата столицы страны Киншасы в 1997 г. был установлен новый политический режим, который фактически дублировал прежний (один из первых же декретов новой власти запретил любую политическую деятельность в стране). Правда, Заиру было возвращено старое название — ДРК.

В 1998 г. в ДРК начался антиправительственный мятеж, который поддержали Бурунди, Руанда и Уганда. Ангола, Зимбабве и Намибия поддержали правительство ДРК, дипломатическую поддержку ему ока-

зали Нигерия, Габон, Гвинея, Конго, Судан и другие страны Африки. К середине 1999 г. правительство контролировало около половины территории страны. 10 июля 1999 г. в столице Замбии Лусаке все стороны конфликта подписали соглашение о прекращении огня, которое, однако, не было выполнено ни одной из сторон (конфликт вокруг ДРК стал важнейшей причиной распада ОАЭ). Практически вся территория ДРК превратилась в протектораты соседних государств или вотчины местных элит, бесконтрольно эксплуатирующих природные богатства страны — алмазы, золото, кобальт и медь [Емельянов, 2005: 52].

BOX 5.12

Политический режим ДРК: от Мобуту к Кабиле. Демократическая Республика Конго, известная прежде как Заир, является третьей по величине страной на Африканском континенте. Ее границы были весьма произвольно определены в период с 1885 по 1894 г. после известной Берлинской конференции 1885 г. Почти столетие спустя, 30 июня 1960 г., Заир обрел независимость от Бельгии. Немедленно после обретения независимости и формального суверенитета страна вступила в пятилетний период гражданской войны. В ноябре 1964 г. Мобуту Сесе Секо Куку Нгбенду ВазаБанга осуществил военный переворот, свергнув первое избранное населением правительство. Он установил в стране авторитарный президентский режим, который получил поддержку со стороны западных государств — Бельгии, США и Франции. В период между 1965 и 1997 г. Мобуту управлял страной как диктатор, основываясь на мощной идеологической машине, открытом насилии и репрессиях и однопартийной системе. Следует отметить, что за этот продолжительный период страна только один раз пережила короткую экономическую стабилизацию (в начале 70-х годов) благодаря своим богатейшим запасам минерального сырья.

Политический режим Мобуту может быть классифицирован как военная диктатура, а Заир в период его правления получил международную известность как одна из беднейших стран. Фактически система Мобуту ввергла страну в хроническое состояние хаоса; политические и экономические институты не работали, правительство было полностью дискредитировано, а население не получало государственных услуг. Исправить это положение была призвана Национальная суверенная конференция (*National Sovereign Conference*), форум, объединивший политические силы страны (соци-

альные группы, гражданские институты, центральное правительство, религиозные группы и политические партии), в задачу которого входила разработка нового плана развития страны, который должен был впоследствии обеспечить переход к демократии. Однако этот план так и не был разработан, процесс не был завершен, поскольку президент не связывал себя никакими обязательствами в отношении решений конференции.

По мнению ряда исследователей, изучающих влияние «колониального наследства» на характер постколониального развития государств, провал политической и экономической системы Заира не в последнюю очередь связан с фактором бельгийской колонизации: при эксплуатации богатств страны король Бельгии Леопольд использовал методы, весьма похожие на те, которые позже применял Мобуту. Фактически минеральные богатства страны стали ее «проклятием».

В качестве идеологической основы режима Мобуту выдвинул «концепцию аутентичности». Суть концепции заключается в простых идеях о возрождении достоинства африканских жителей Заира и их ответственности за свою судьбу, а также о возвращении к «мудрости предков». Жители Заира должны восстановить свою идентичность после периода колонизации и европейского влияния. Таким образом, мобутовская политика аутентичности сводилась к идее возрождения собственной культуры страны, идентичности ее жителей, которая была полностью разрушена колонизаторами. Возвращение к заирскому образу жизни включало не только переименование улиц, поселений, городов и даже страны, но и изменение имен ее жителей.

В 1997 г. к власти в ходе еще одного военного переворота пришел политический оппонент Мобуту Лоран Дезире Кабила, который немедленно провозгласил себя президентом страны. В ходе сражений с Мобуту военную поддержку Кабиле оказывали войска Руанды и Уганды. Мобуту безуспешно пытался заручиться поддержкой как европейских (Франции), так и африканских (Марокко) государств.

Некоторое время казалось, что Мобуту и Кабила смогут договориться между собой на основе мирного плана, разработанного ООН. В марте 1997 г. они встретились в столице Того Ломе. Согласно договоренности Мобуту должен был сформировать «правительство национального единства»,

куда вошли бы и его политические оппоненты. Однако Кабила настаивал на том, что в новом правительстве должны быть только новые люди — он сам как глава правительства и его сторонники. Мобуту также не был склонен фактически делиться властью, хотя к этому времени растерял всех своих союзников — и внешних, и внутренних. Войска Кабилы заняли Киншасу, «эпоха Мобуту» закончилась.

Какие характеристики отличает режим Кабилы, произошли ли изменения к политической системе страны? При сравнении двух политических режимов выясняется, что сходных черт в них больше, чем различий. Во-первых, Мобуту пришел к власти путем военного переворота, Кабила — после военной кампании. Во-вторых, поддержку и Мобуту, и Кабиле оказывали зарубежные государства. В-третьих, концентрация власти и ее персонализация, доминирование неформальных институтов характеризуют оба режима. В-четвертых, Кабила, как и Мобуту в свое время, начал свое правление с запрещения любой политической деятельности в стране. Наконец, чудовищный уровень коррупции режима Кабилы — еще один «привет» от мобутовского режима. Можно говорить о том, что смена политической системы в Конго не состоялась; фактически Кабила восстановил систему Мобуту, но уже под своим именем.

Заир — это страна, которая в течение длительного периода отличалась чрезвычайно «плохим правлением» (антоним *good governance*) в отношении всех аспектов общественной жизни — политического, экономического, образовательного, социального, культурного и др. Сильная и сплоченная команда профессионалов-технократов в правительстве могла бы начать наконец дело национального возрождения, однако все посты в правительстве были розданы Кабиллой не на основании профессиональных качеств, а в силу единственного критерия — личной преданности президенту.

Тоталитарная система Мобуту могла похвастаться хотя бы тем, что в ходе его правления Заир сохранял территориальную целостность, что поддерживало национальное единство. При Кабиле страна это единство потеряла: один из регионов страны контролируется Угандой, другой — Руандой. В остальных регионах раздробленной страны полновластные правители осуществляют полный контроль, издают свои законы, не будучи связанными ни с центральным правительством, ни

с другими территориями страны. Политика Кабилы заключается в том, что он пытается восстановить контроль над территорией страны с помощью новых союзников — Зимбабве, Анголы и Намибии, превращая тем самым внутренний конфликт в макрорегиональный.

Территориальная раздробленность в стране имеет, помимо прочих, и следующее печальное следствие: невозможно провести регистрацию избирателей, а значит, невозможно провести и выборы. Так что реальный — открытый, конкурентный и справедливый — электоральный процесс отсутствует. При проведении избирательной кампании инкубент получает резко преимущественные шансы — в силу его доступа к ресурсам центрального банка страны. Широкое распространение в ДРК имеет покупка голосов избирателей, причем вознаграждение не обязательно следует в денежном выражении, голоса продаются за еду и напитки [Ikambana, 2006].

Судан. Судан, бывшая колония Великобритании и самая крупная страна Африки по площади, получила независимость в 1956 г. В Судане проживает по крайней мере 19 этнических групп, используется более 100 языков. В Судане присутствуют и переплетаются несколько территориальных конфликтов: доминирующий конфликт севера и юга страны (между суданскими арабами-мусульманами и негроидным христианским и анимистическим населением юга страны), локальные конфликты в регионах и центропериферийные конфликты — между центром и регионами — западом (регион Дарфура), востоком и севером страны. Основная причина конфликтов заключается в слабости центральных институтов, в неспособности государства контролировать территорию страны. Предлагаемый правящим режимом проект по арабизации и исламизации страны явно не годится для столь фрагментированного общества. Этот проект построен на исключении из национального строительства огромных групп суданцев.

Фактически Судан состоит из двух «государств» с разной идентичностью: африканского юга и арабского севера. Политические элиты юга страны в течение многих лет настаивают на предоставлении региону независимости или широкой автономии; повстанческое движение на юге началось еще в 50-е годы, его лидеры стремились к созданию на юге независимого государства — «Республики Азания». Ситуация усугубляется в связи с наличием на территории юга страны крупных запасов нефти (карта 5.8).

Гражданская война в Судане началась в 1983 г. и закончилась в 2005 г. Конфликтующие стороны (фактически два авторитарных политических режима) договорились о проведении референдума о независимости Южного Судана, который должен состояться после 6-летнего переходного периода. Позитивное влияние на мирный процесс в Судане оказывают США, Великобритания, Норвегия и Кения.

По-прежнему остро стоит проблема региона Дарфур на западе Судана. В самом Дарфуре переплетаются несколько конфликтов: борьба политической элиты региона против маргинализации региона со стороны центра; конфликт за использование земли между племенами скотоводов-номадов и крестьянами-землепашцами; этнический конфликт между арабами и неарабскими группами населения.

Руанда. После обретения независимости в 1962 г. в Руанде было сформировано правительство, состоящее в основном из представителей этноса хуту (хуту составляют около 85% населения страны). Представители этноса тутси (15% населения), занимавшие ключевые посты в доколониальный и колониальный периоды, были постепенно оттеснены от власти. Напряженность между этническими группами нарастала, геноцид тутси начался в 1990 г. и достиг пика в 1994 г. В этот конфликт были втянуты многие африканские страны, вмешательство со стороны Совета Безопасности ООН было крайне неудачным.

Ситуация в Руанде далека от стабильности. Участились пограничные конфликты между Руандой и соседней Угандой. Уганда обвинила правительство Руанды в планировании агрессии против нее и создании на ее территории лагерей для «элементов, враждебных правительству Уганды» [Васильев, Потапов, 2002: 48—49].

Бурунди. Конфликт в этой стране развивался примерно по такому же сценарию, как и в Руанде: противоборствующими сторонами выступают меньшинство тутси и большинство хуту. Массовые убийства и государственные перевороты повторяются в Бурунди со времени обретения независимости в 1962 г. Мирное урегулирование межэтнического конфликта возможно лишь при отказе меньшинства тутси от монополии на политическую власть.

Сомали. Вот уже ряд лет Сомали существует без центральной власти. С начала 90-х годов в стране не прекращается борьба за власть; центральному правительству не удается контролировать территорию страны, фактически под его контролем находится лишь столица, и то не полностью. Страна распалась на регионы, контролируемые вооруженными клановыми группировками. На севере страны возникла непризнанная мировым сообществом Республика Сомалиленд (бывший Британский Сомали).

Вскоре после того, как итальянские и британские колониальные территории в Сомали обрели независимость в 1960 г., они добровольно объединились и образовали Республику Сомали. Колониальная эпоха «оставила в наследство» Сомали структуры современного централизованного государства, которые никак не «стыковались» с традиционными социальными структурами.

Тем не менее в первые годы после обретения независимости Сомали считалась моделью демократии в Африке. В стране действовали многочисленные политические партии, сформированные преимущественно на клановой основе. В период с 1961 по 1969 г. избранные правительства сменяли друг друга. В отличие от большинства других африканских государств население Сомали говорило в основном на одном языке и исповедовало одну религию. Однако сомалийцы проживали и на территориях соседних стран — Джибути, Эфиопии и Кении, что породило идею об объединении всех территорий, населенных сомалийцами в «Большой Сомали», и, естественно, привело к конфликту с соседними государствами.

В 1969 г. в результате военного переворота к власти в Сомали пришел генерал Сиад Барре; его правительство декларировало курс на создание современного национального государства, построенного на основе социалистической модели. В соответствии с этими установками была введена однопартийная система и построен авторитарный централизованный политический режим, который активно пользовался репрессивными мерами для обеспечения полного контроля над гражданами. Однако результаты такого правления оказались контрпродуктивными: в целях выживания население все больше ориентировалось на клановую идентичность.

В 1978 г. оппозиционные группы на северо-западе страны, бывшей колонии Великобритании, организовали вооруженное сопротивление репрессивному центральному правительству. В ответ правящий режим развязал кровопролитную войну, пострадавшим в которой было прежде всего гражданское население. В ходе войны экономика страны была почти полностью разрушена.

В 1991 г. военная диктатура генерала Барре рухнула, тем самым в Сомали формально завершился период существования государства, которое давно уже не обеспечивало населению ни безопасность, ни предоставление услуг. Однако за периодом диктатуры последовал период хаоса. Внешняя интервенция в форме миссии ООН (*UNOSOM*) оказалась неэффективной и через три года была завершена. Гуманитарную интервенцию ООН можно рассматривать как «естественную» реакцию международного сообщества на существование «черных дыр» на поли-

тической карте мира, однако если учесть, что кризис в Сомали есть отражение неспособности государства к внутреннему суверенитету (т. е. к обеспечению минимального уровня безопасности граждан), то едва ли можно ожидать, что внешняя интервенция способна стать конструктивным субститутотом отсутствующего суверенитета [Doombos, 2006: 185].

BOX 5.12

Сомалиленд. На территории Сомалиленда проживает около трети жителей Сомали (примерно 3 млн чел.). В 2003 г. на этой территории прошел референдум, в ходе которого около 99% участвовавших проголосовали за независимость и принятие новой Конституции Сомалиленда. С 1887 г. территория Сомалиленда называлась Британский Сомали, в 1960 г. объединились две бывшие колонии — Итальянский Сомали и Британский Сомали, однако единой страной эти две территории так и не стали. На территории Итальянского Сомали образовалось множество «удельных княжеств», а Британский Сомали пытается выстроить свою, отдельную государственность. На данный момент Сомалиленд не получил признания международного сообщества.

По мнению Й. Хипплера, Сомалиленд вполне отвечает критериям суверенного государства (хотя и никем не признан в качестве такового). Так, это государство (будем условно именовать его так) было образовано в 1993 г. в результате референдума, так что государство и его институты легитимированы решением двух миллионов человек. Созданное государство гарантирует относительно высокий уровень безопасности гражданам. Две палаты парламента формируются через процедуру прямых выборов, а правительство и оппозиция развивают отношения конструктивной политической конкуренции. В Сомалиленд имеется независимая судебная власть, активное гражданское общество, свободные СМИ и силовые агентства, которые находятся под общественным контролем. Государство имеет собственную валюту, центральный банк, международный аэропорт и порт, наконец, растущую экономику. И тем не менее международное сообщество отказывается признать Сомалиленд в качестве суверенного государства, мотивируя это принципом неизменности колониальных границ и необходимостью сохранения и защиты «национального единства» Сомали [Hippler, 2005: 65].

В Сомали возникла парадоксальная ситуация: «материковый» Сомали обладает внешним суверенитетом как при-

знанное суверенное государство, однако явно не обладает внутренним; с другой стороны, Сомалиленд, обладая всеми признаками внутреннего суверенитета, не признается мировым сообществом в качестве суверенного государства.

Сьерра-Леоне. В этой стране основной причиной конфликта между центром и Восточным регионом является контроль над обширными месторождениями алмазов, которые имеют репутацию одних из самых чистых в мире. В настоящее время гражданская война завершена, однако вопрос о будущем страны не решен.

Эфиопия и Эритрея. Вооруженный конфликт между Эфиопией и Эритреей представлял собой одну из самых крупных войн последнего десятилетия XX в. Независимость Эритреи была провозглашена в 1993 г., однако подписанный договор не определил межгосударственные границы. Так, оба порта на Красном море — Массауа и Асэб — стали принадлежать Эритрее, которая только в виде пошлин и сборов за эфиопские товары, проходившие через Асэб, стала получать около 18% всех поступлений в бюджет [Васильев, Потапов, 2002: 57]. Конфликт возник и в отношении региона Бадаме, расположенном примерно в 100 милях к востоку от Судана. В 2000 г. между Эфиопией и Эритреей началась война. К настоящему времени государства подписали мирное соглашение, однако судьба спорных территорий до конца не решена.

В самой Эритрее на окраинах действуют сепаратисты, ставящие целью образование «Великой Африки».

Сенегал. Уже более 20 лет правительство Сенегала ведет борьбу с сепаратистами на юге страны в Казамансе. Сепаратисты требуют автономии для региона, мотивируя это требование тем, что Казаманс не был колонией Франции как часть Сенегала. Движение сепаратистов представляет собой серьезную угрозу целостности страны.

Мали. На севере страны также действуют сепаратисты (представители берберского этноса туарегов), требующие независимости для Азавада — территории, включающей сахарские районы Мали, Нигера, Алжира, Ливии и Буркина-Фасо.

Отдельно следует упомянуть *проблему внешнего вмешательства* в конфликты. Несмотря на то что конфликты на Африканском континенте носят на редкость кровавый и разрушительный характер, международное сообщество гораздо больше внимания уделяет странам бывшей Югославии, Ближнему Востоку, Кашмиру. После распада Советского Союза Россия фактически устранилась от миротворчества в Африке, так что США остались единственной державой, активно вмешивающейся во внутренние дела африканских государств. Примени-

тельно к современной Африке американская концепция миротворчества была впервые реализована в Сомали в 1992 г. — и крайне неудачно, как признают и сами американские политики. После поражения США была сформулирована основная цель американского миротворчества в Африке — предотвратить распад ключевых африканских стран, поскольку большинство конфликтов возникает не между государствами, а внутри государств, угрожая их территориальной целостности.

Проблемы Африканского континента не решаются, но нарастают. Рост населения составляет около 2,4% в год. Темпы урбанизации феноменальны, следствием этого является возникновение и «расползание» громадных городских периферий — «шанти-таунов»; ужасно состояние и отдаленных сельских периферий, где центральная власть часто просто устраняется от предоставления социальных услуг или же не в состоянии их оказывать. В ряде африканских государств около 40% населения заражены СПИДом (примером является Ботсвана, в которой из 1,6 млн чел. населения около 600 тыс. являются вирусоносителями — а это одна из наиболее богатых и политически стабильных стран континента!).

Парадокс Африки состоит в громадном разрыве между масштабом ее проблем и скудостью и эфемерностью идей, на которых могла бы опираться политика по решению проблем континента. Внешнее вмешательство приносит контрпродуктивные результаты; распространение демократии, очевидно, не может служить серьезным средством предотвращения конфликтов и войн. Недаром многие исследователи пишут о том, что Африка уже безнадежно потеряна для будущего, к которому идет остальное человечество. Африканский континент остается и трагедией, и вызовом для человечества.

Литература основная

1. Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. С. 243—255.
2. Емельянов А. Л. Конфликты на Африканском континенте и пути их урегулирования // Этноты и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. М.: МГИМО, 2005. С. 32—53.
3. Oliver R., Atmore A. *Africa Since 1800*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
4. Beyond State Crises? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective. Beissinger Mark and Crawford Young, eds., Washington D.C.: the Woodrow Wilson Center Press, 2002.
5. Herbst J. *States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control*. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Литература дополнительная

1. Ган Ф. Африка. М., 2005.
2. Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В. В. Вольского. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 391—439.
3. Южно-Африканская Республика. М.: Восточная литература РАН, 1994.
4. *Rotberg R.* When States Fail: Causes and Consequences. Princeton: Princeton University Press, 2004.
5. *Havinden Michael and Meredith David.* Colonialism and Development: Britain and its tropical colonies, 1850—1960. London and New York: Routledge, 1993.

ГЛАВА 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

Латинская Америка — это общее название группы стран, расположенных в южной части материка Северная Америка (к югу от реки Рио-Гранде), в Вест-Индии (к ней относят острова Атлантического океана: Багамские, Большие и Малые Антильские) и на материке Южная Америка. Это единственный в мире регион, который занимает целый континент — Южную Америку и значительную часть другого континента — Северной Америки. Регион имеет крайне выгодное политико- и экономико-географическое положение. В его состав входят 33 суверенных государства, а также владения Великобритании, Франции, США и Нидерландов. Крайне велики контрасты между странами региона по площади, к примеру между островными государствами Вест-Индии и Бразилией, которая по площади сопоставима с континентом. На территории Южной Америки два государства — Парагвай и Боливия — не имеют выхода к морю.

Латинская Америка — зона частых природных катастроф. Практически каждый год та или иная страна региона (а зачастую несколько) страдают от самых разных природных катаклизмов. В Перу, Чили, Эквадоре, Колумбии, Никарагуа, Гватемале это землетрясения, в Гондурасе, Доминиканской Республике, Мексике — разрушительные ураганы, в Аргентине, Перу — наводнения, в Бразилии — периодические засухи.

Физико-географические условия, как и уровни социально-экономического развития различных территорий Латинской Америки, варьируют крайне существенно. Есть районы, где уровень доходов населения и его обеспеченность социальными услугами вполне сопоставимы с показателями по беднейшим африканским странам, однако имеются и города, где эти показатели ближе к уровню развитых стран (карта 6.1). Возможно, такой масштаб различий связан с географическими условиями?

Примечательно, что и на уровне отдельных стран географические условия могут быть очень различными. Так, например, территории Уругвая и Сальвадора принадлежат к одной природной зоне, в то же время Боливия, Бразилия, Эквадор, Колумбия и Перу показывают поразительное географическое разнообразие, немногие страны других континентов могут сравниться с ними в этом отношении. Такое разнообразие географических условий вызывает высокий уровень *географической фрагментации*, которая отражается в размещении населения и имеет серьезные политические последствия.

ВОХ 6.1

Индекс географической фрагментации населения. В политической науке фрагментация населения обычно определяется как возможность того, что два индивида, взятые при случайной выборке, не принадлежат к одной и той же группе. Тогда возможно определить и географическую фрагментацию как возможность того, что два индивида, взятые случайно, не принадлежат к одной природной зоне. Уровень фрагментации определяется от 0 (что соответствует тому, что все население проживает в одной природной зоне) до 1 (каждый из индивидов проживает в своей природной зоне). В политологических и экономических исследованиях уровень географической фрагментации, как правило, игнорируется, что крайне удивительно, поскольку политические и экономические размежевания часто вызваны именно географическими факторами. Так что географическая фрагментация является важным измерением социальных и политических конфликтов, и как таковая должна быть учтена при принятии политических решений [Gallup, Gavrira, Lora, 2003: 11—12].

Название региона — **Латинская Америка** — отражает «латинский» тип его колонизации, осуществленной испанцами и португальцами — народами латинской (романской) языковой группы. В странах Латинской Америки около 63% населения говорит на испанском языке и около 34% на португальском. Хотя язык и является «общим знаменателем» для жителей большей части региона, Латинская Америка — это смесь культур и традиций. Эксперты не могут прийти к общему мнению относительно степени единства региона. Чрезвычайно своеобразны нации в Латинской Америке, сложившиеся в результате длительного смешения потомков переселенцев из Европы, коренного индейского населения и африканских рабов, завезенных в период колонизации. Наиболее однородны по национальному составу переселенческие страны — Аргентина, Уругвай, Чили.

Каждое государство Латинской Америки имеет свои специфические черты. Регион в целом имеет общее наследие, укорененное в исторических связях с Испанией и Португалией, однако эти связи не привели к формированию в латиноамериканских странах культур — копий испанской и португальской, хотя они и глубоко воздействовали на культурную традицию каждой страны.

Латинская Америка обеспечена почти всеми известными видами минерального сырья. Значительны запасы нефти и газа, хотя большая часть запасов нефти досталась одному государству — Венесуэле, на территории которой находится самый мощный нефтеносный бассейн — впадина Маракайбо. Латинская Америка очень богата железными рудами высокого качества (здесь вне конкуренции Бразилия); уникальный «оловянный пояс» протянулся через Анды Боливии, Перу и прилегающие районы Бразилии [Социально-экономическая география зарубежного мира, 1998: 343—344]. Широтное положение Латинской Америки делает ее необычайно богатой агроклиматическими ресурсами; исключительны и земельные ресурсы региона.

В конце XV в. Христофор Колумб, фактически положив начало тому выдающемуся периоду, который в мировой истории получил название периода Великих географических открытий, возглавил экспедицию, снаряженную испанской короной на поиск кратчайшего пути в Индию. Однако в результате он открыл новую часть света (всего он совершил четыре экспедиции в Новый Свет). 12 октября 1492 г., день, когда экспедиция достигла одного из Багамских островов (это был Сан-Сальвадор, или Гуанахани; в настоящее время остров Уотлинг), считается официально признанной датой открытия европейцами Америки.

Колумб не первым достиг Нового Света, однако он первым вернулся назад и принес известие в Европу — и тысячи людей отправились за океан. Если бы члены Лиссабонской академии астрономии и математики умели делать правильные прогнозы, они не отклонили бы проект Колумба, который он представил еще в 1485 г., не объявили бы его расчеты фантастическими, и слава «спонсора» открытия Америки досталась бы не испанской, а португальской короне. Ученые не смогли учесть все предыдущие безуспешные попытки путешественников и увидеть, что по всем признакам точка перелома в поисках новых земель будет вот-вот достигнута.

Завоевание новых земель за океаном дало крайне мощный импульс развитию мореплавания и торговли; многочисленные экспедиции завоевателей-конкистадоров устремились за легким богатством, колонизируя новые земли и разрушая очаги ранних американских цивилизаций. (Вера в богатство открытых земель видна даже в тех названиях, которыми путешественники их наделяли: «богатый берег» (Коста-Рика), «богатый порт» (Пуэрто-Рико.) Так что большая часть современных государств Латинской Америки — это бывшие колонии Испании, а Бразилия — бывшая колония Португалии, которые получили независимость в начале XIX в. (в результате освободительных войн 1810—1825 гг. или даже ранее, как Гаити и Эквадор).

Географические факторы часто выступали препятствием для экономического развития стран региона и национальной консолидации — учреждения административных и политических институтов, легитимации власти, укоренения чувства гражданства. Распространение национальной идентичности (в отличие от местной и региональной) блокировалось физическими барьерами — горными системами, джунглями, слабо заселенными равнинами. Так, в Боливии, Перу, Гватемале большинство жителей до сих пор идентифицирует себя не со страной в целом (как боливийцы, перуанцы и т. п.), но со своим племенем, деревней, местностью [Magstadt, 2002: 370].

BOX 6.2

Федерализм в Латинской Америке. Крупные латиноамериканские государства — Бразилия, Аргентина, Мексика, Венесуэла — являются федерациями, т. е. предусматривают политическую автономию для своих территориальных единиц (штатов или провинций). Основными причинами решения в пользу федеративного порядка были автономистские настроения в регионах (режимы каудильо), необходимость объединить большие территории при отсутствии их связности (коммуникаций), наконец, влияние Конституции США и ее федеративной системы. Особенности федерализма в латиноамериканских государствах являются его связь с антиколониальным движением (это колониальные федерации) и демократизацией, а также договорной характер федераций. Установление сильной президентской власти с одной стороны и недостаточное развитие гражданской политической культуры (в отличие от США) предопределили тенденцию к централизации, постоянному возрастанию политической роли центра в ущерб политической автономии регионов (данная тенденция особенно характерна для Венесуэлы, где федерализм близок к вырождению), а также распространению института федеральной интервенции. Так, конституция Аргентины предусматривает множество оснований для вмешательства федерации в дела штатов — нападение извне или штата на штат, поддержание республиканской формы правления в штатах, восстановление в них порядка (?), обеспечение исполнения федеральных законов, нарушение штатами муниципальной автономии, неоплата налогов в федеральный бюджет и даже в случае непредоставления своевременного отчета администрацией штата федеральным властям.

Согласно существующим гипотезам коренное население Латинской Америки относится к большой монголоидной расе. Оно мигрировало 12—15 тыс. лет назад через Берингов пролив на север Америки и постепенно продвинулось на юг, вплоть до Огненной земли. Другая гипотеза рассматривает возможность миграции коренных жителей по направлению Азия — Океания — Америка. В любом случае ясно, что уже много веков назад в Латинской Америке начали формироваться индейские цивилизации — первый пласт цивилизационной стратификации этого региона Земли [Экономическая, 2003: 834].

Антропологическая пестрота сочетается в регионе с относительной монолитностью населения в религиозном и языковом отношении. В подавляющей части суверенных государств региона государственным языком является испанский; в Бразилии — португальский. В течение многих веков численность населения региона росла очень медленно, резкое изменение ситуации произошло в 50—60-е годы XX в. Для Латинской Америки характерны существенные диспропорции в размещении населения: наибольшая плотность населения в Вест-Индии и Центральной Америке, наименьшая — в Суринаме, Гайане, Боливии (карта 6.2).

Урбанизация и миграции. В странах Латинской Америки культура всегда была неотделима от городской жизни. В последние десятилетия процесс урбанизации носил бурный характер, и сегодня на территории континента больше городов с населением более полумиллиона человек, чем на территории США; 39 городов-миллионеров. Отметим, что для большинства стран характерно гипертрофированное развитие одного мегаполиса, который резко доминирует в системе расселения. Сильно урбанизированы Венесуэла, а также Аргентина, Уругвай и Чили. Во многих странах (Боливии, Перу и др.) идет процесс депопуляции сельской местности. Так, в Перу более трети населения страны живет в столице — Лиме. Популярны трансграничные миграции населения, например, после того как в начале 70-х годов в Венесуэле начался экономический бум, вызванный экспортом нефти, в страну активно (и нелегально) двинулись жители Колумбии — проблема, аналогичная существующей на американско-мексиканской границе [Magstadt, 2002: 373].

Наличие партизанских групп и партизанская война (герилья) против центрального правительства — важная составляющая политической жизни многих латиноамериканских государств. Так, в начале 90-х годов герильей были поражены Никарагуа, Гватемала, Сальвадор, Колумбия, Чили, Перу и Эквадор.

После Второй мировой войны в течение трех десятилетий Латинская Америка представляла собой регион авторитарных, зачастую военных режимов (исключения составляли до некоторой степени Коста-Рика и Колумбия). Начиная же с 80-х годов XX в. в странах Латинской Америки происходили политические и экономические трансформации не менее радикальные, нежели те, что несколько позже охватили Восточную Европу и Советский Союз. Военных лидеров стали сменять гражданские, избранные населением, и даже то, что кое-где это движение пошло вспять (не говоря уже о Кубе), не умаляет значения в целом поразительного процесса: на всей территории Латинской Америки была выбрана именно демократическая альтернатива [Киссинджер, 2002: 81].

Помимо политического выбора в пользу демократии, был сделан и экономический выбор в пользу рыночных отношений. Войны между странами Латинской Америки практически исключены: межгосударственные разногласия решаются за столом переговоров (столкновения на границах, как это случилось, например, между Перу и Эквадором в 80-е годы, являются скорее рецидивом прошлого). Государства Латинской Америки весьма активно вовлечены в региональную интеграцию: Аргентина, Бразилия, Уругвай и Парагвай создали группу МЕРКОСУР («Общий рынок стран Южного конуса»); Колумбия, Венесуэла, Эквадор, Перу и Боливия входят в Андский пакт; Мексика присоединилась к НАФТА — Североамериканской ассоциации свободной торговли. Свои региональные группы есть и у государств Вест-Индии и Центральной Америки.

Однако есть и совсем иной латиноамериканский мир — мир слаборазвитый, неспособный подключиться к процессам глобализации. Мир с огромной пропастью между политическими и экономическими реалиями, чудовишной социальной поляризацией, коррупцией, производством наркотиков. Мир, отличающийся многоукладностью хозяйства, где передовые типы хозяйствования соседствуют с архаичными. Мир, где центральные правительства не в силах противостоять партизанам, разрушающим национально-территориальное единство.

Надо отметить, что в последние годы говорить об однозначном выборе государствами Латинской Америки пути экономического развития уже не приходится. Бедность, огромный государственный долг, дефицит средств на образование и здравоохранение, неравномерное распределение доходов вызывают протест против неолиберальной экономической модели (карта 6.3, стр. 201). В результате подъема общественных движений были свергнуты пять президентов, имена которых связаны с провалами экономической политики (Аргенти-

на, 2000 г.), с использованием непопулярных мер (Эквадор, 1997 и 2005 гг.) или приватизацией водных и газовых ресурсов (Боливия, 2003 и 2005 гг.). Американские эксперты и политики пишут о подъеме «радикального популизма»: под этим выражением имеется в виду любая политика, противостоящая неолиберализму и/или преследующая цель построения латиноамериканской модели «управляемой демократии»; под идеологами «радикального популизма» понимаются политические лидеры, поддерживающие эту модель, например президент Венесуэлы Уго Чавес.

Сопrotивление политико-экономической модели, навязываемой США государствам Латинской Америки, является общей чертой таких непохожих политических режимов, как режим Чавеса в Венесуэле и Кастро на Кубе. В Каракасе была сформулирована альтернативная «Боливарианская альтернатива для Америки», суть которой в повышении независимости региона, состоящего из отдельных государств, сотрудничающих друг с другом. Этот проект противоречит планам США по созданию зоны свободной торговли в обеих Америках с либерализацией всех сфер экономики, в том числе образования и здравоохранения [Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 68].

Наконец, интересно отметить, что латиноамериканская географическая традиция тесно связана с геополитикой и военной наукой. В государствах Латинской Америки создано и работает множество военных географических институтов, где не только занимаются картографией и политической географией, но и проходят военные сборы и переподготовку офицеры. По мнению Бартон, милитаризм и карты, используемые для целей политической пропаганды, — это основы политической географии региона. Идеи традиционной геополитики, давно отвергнутые и забытые в Европе (по крайней мере, в академическом сообществе) по-прежнему популярны в Латинской Америке [Barton, 1997: 63].

Доколумбовы цивилизации

Испанцы установили новую систему правления в Латинской Америке только после того, как они уничтожили, адаптировали или ассимилировали уже существовавшие культуры и цивилизации.

В III—XVI вв. на территории Латинской Америки существовало три крупнейших цивилизации. Цивилизация *маяя* достигла расцвета в VII в.; индейцы маяя расселились на полуострове Юкатан (Мексика), Гватемале и западного Гондураса. Территориальную структуру государства маяя составляли практически независимые города-государства (по этой причине маяя называют «греками Нового Света»), наиболее известными из которых были Тикал, Паленке и Копан. *Ацтеки* зани-

мали весь север Мексики (и сами себя называли «мехика»). В 1325 г. они основали город Теночтитлан (современный Мехико), который впоследствии стал столицей империи ацтеков. Централизованная империя **инков** со столицей в Куско простиралась от юга современной Колумбии до севера Чили [Голубчик, 1998: 86—87]. В период расцвета население империи инков достигало 10—30 млн чел., большинство из которых принадлежали к завоеванным инками племенам [Barton, 1997: 34]. Каждый из доколумбовых «миров-цивилизаций» имел большую географическую протяженность (карта 6. 4).

Ацтеки и инки были воинственны: расширяя свои империи, они присоединяли новые племена, которые должны были полностью интегрироваться в их политические системы. Империи обладали отличными системами транспорта (дорожными сетями). В отличие от них майя не были воинственной цивилизацией; они (как, впрочем, и инки) были архитекторами и учеными. Майя изобрели календарь, имели свою письменность (чего не было у инков). Религия была настолько важной частью жизни майя, что их политическая система представляла своего рода теократию.

Важную роль в расселении доколумбовых цивилизаций играли географические факторы. Империи ацтеков и инков располагались в тропических плоскогорьях — эти районы были лучше приспособлены для ведения сельского хозяйства. А поскольку морскую торговлю они, как известно, не вели (и даже не знали колеса), близость к морю не давала им экономических выгод. Другой характер имело расселение майя — они занимали тропические низменности, однако значительное население полуострова Юкатан по неизвестным причинам резко сократилось еще до появления европейцев [Gallup, Gaviglia, Lora, 2003: 14].

Испано-португальская колонизация

После открытия Колумба завоевание Нового Света испанцами и португальцами пошло довольно быстрыми темпами. В 1500 г. португальской экспедицией под предводительством Педру Кабрала была открыта Бразилия; в 1501—1502 гг. к берегам Бразилии отправилась экспедиция Гонсалу Куэлью и Америго Веспуччи. Через 10 лет испанский отряд Васко Нуньеса Бальбоа пересекает Панамский перешеек и выходит к «Южному морю», т. е. к Тихому океану. В 1519—1539 гг. испанцы подчиняют себе Мексику (в 1519—1521 гг. в кровавых битвах войска Эрнана Кортеса завоевали земли ацтеков, и он был назначен испанским проконсулом в Мехико — городе, построенном на руинах Теночтитлана, великой столицы ацтеков). Освальд Шпенглер писал о гибели цивилизации ацтеков (эти слова описывают судьбу и других доколумбовых цивилизаций): «Эта история — единственный пример

насильственной смерти цивилизации. Она не угасла сама по себе, ей нанесли смертельный удар, она погибла, как подсолнух, у которого случайный прохожий сорвал головку».

В 1523—1524 гг. войско Педро де Алварado нанесло поражение майя. Почти в это же время (с 1524 по 1553 г.) испанцы открывают Перу, Чили и реки Амазонки (в 20-е годы Франсиско Писарро достиг империи инков и, получив разрешение испанского двора, завоевал и колонизовал ее); в начале 40-х годов испанцы (экспедиция под руководством Франсиску Орельяны) пересекают материк с запада на восток — от океана до океана.

Отметим, что маршруты экспедиции были не случайными и во многом определялись первым разделом мира — между Испанией и Португалией. Этот раздел был фактически произведен римским папой Александром VI Борджиа, который в 1493 г. издал свою буллу «*Inter cetera*». Булла (а также еще одна, появившаяся на следующий день) стала основой испано-португальских переговоров, которые в 1494 г. завершились договором. Отныне линия разграничения между сферами влияния обеих стран в Атлантическом океане была отодвинута далее на запад от островов Зеленого Мыса, в пользу Португалии (до этого Португалия действовала в рамках прав, предоставленных ей папами в 1452—1456 гг.). В соответствии с новым разделом в сферу Португалии попадала Бразилия [Голубчик, 1998: 89—91].

Сама метрополия — Испания — лишь недавно стала единым государством — при Фердинанде и Изабелле, после длительной войны с арабами. Вследствие этого поколения испанцев не знали ничего, кроме войны, так что они легко становились «солдатами фортуны» и отправлялись в Новый Свет за приключениями и легким богатством.

Первые испанские поселения были основаны на Карибских островах, где колонисты подавили сопротивление местного населения и установили систему, основанную на рабском труде.

ВОХ 6.3

Как климат Гаити уничтожил две армии. В 90-е годы XVIII в. Британия и Испания, воевавшие с республиканской Францией, приняли решение разделить французскую колонию Санто-Доминго (теперь Гаити) между собой. Испанские войска зашли с севера, британцы — с юга. Аборигены подняли восстание против колонизаторов. Однако желтая лихорадка и малярия оказались для колонизаторов гораздо страшнее аборигенов. Типичный случай: одно из подразделений в 700 солдат в течение одного месяца потеряло 500

из них; при этом лишь семеро были убиты в боях, остальные пали жертвами болезней. Это было первое поражение европейцев. В дальнейшем, когда Наполеон укрепил свою власть во Франции после 1799 г., он направил свои усилия на Санто-Доминго, которую намеревался использовать как перевалочную базу для укрепления французского контроля над территорией Луизианы. Но и его постигла неудача. Французские войска не могли не то что воевать — они были не в состоянии выжить в «болезнетворном» климате Гаити. В 1802 г. войска быстро оккупировали почти всю территорию острова — для того, чтобы так же быстро потерять от желтой лихорадки 80% наличного состава. Восстание на Гаити стало одним из очень немногих исторических примеров успешных восстаний рабов; при этом настоящими победителями оказались тропические болезни [Gallup, Gaviglia, Lora, 2003: 16].

Испанские владения в Америке были поделены на четыре вице-королевства:

- **Новая Испания**, которая включала Мексику, Флориду, Орегон (две последние были проданы США в 1819 г.), Техас (аннексирован США в 1848 г.), а также территории Калифорнии, Аризоны, Нью-Мексико, Невады и Юты, которые были переданы США в 1848 г.;
- **Новая Гранада** — территории современных Венесуэлы, Колумбии, Панама и Эквадора;
- **Ла-Плата** — территории современных Аргентины, Парагвая, Уругвая и Боливии;
- **Перу** — современные Чили и Перу.

В состав испанской Америки входили также Куба и восточная часть Сан-Доминго, и занимала эта колониальная империя площадь более 10 млн кв. км.

Утверждение административно-государственной системы в испанских колониях проходило в несколько этапов — с конца XV в. и до 70-х годов XVI в. На ранней, «карибской» фазе испанских завоеваний колониальной политикой в Вест-Индии занимался подкомитет Совета Кастилии, которому подчинялись губернаторы отдельных островов. После завоевания Мексики, в 1524 г., был создан специальный Совет по делам Вест-Индии. В самих колониях основной административно-территориальной единицей была провинция, управляемая губернатором. Сразу после завоевания территории губернатором, как правило, становился один из конкистадоров, который контролировал и испан-

ские, и индейские поселения. Впоследствии, когда территория полностью присоединялась к Короне, губернатором становился один из чиновников при королевском дворе. К концу XVI в. процесс завоеваний закончился: начался период колонизации.

Испанские и португальские колонисты начинали освоение территории с небольших поселений, живущих морской торговлей, и поселков при рудниках. Постепенно, однако, в империях стали развиваться городские сети, которые становились инструментами процесса дальнейшей колонизации. В 80-е годы XVI в. в колониях было уже около 250 городских центров. Городские сети росли с севера на юг: от Центральной Америки, Венесуэлы и Колумбии к Перу, Эквадору, Боливии и далее к Ла-Плате [Barton, 1997: 41—42].

В процессе колонизации изменялась относительная важность тех или иных регионов Латинской Америки. Так, на ранней стадии колонизации Андские рудники были наиболее важны и дороги для Испанской короны (серебряные рудники Потоси стали символом богатства Нового Света, а в 1600 г. Потоси был наиболее населенным городом Латинской Америки). В XVIII в. важнейшим центром становится Лима — мощный торговый порт, обеспечивающий вывоз товаров в Испанию. Затем, после истощения рудников, ключевое значение приобретают Венесуэла и территории бассейна Ла-Платы как центры сельскохозяйственного производства.

Во второй половине XVI в. испанское государство начало предпринимать попытки по «переустройству» мира индейцев с целью достижения более полного контроля над ним. Эти попытки были связаны с тем, что многие территории проживания индейцев страдали от депопуляции; индейское население проживало в крошечных по размеру поселениях, далеко отстоящих друг от друга и к тому же истощенных голодом и болезнями. Испанская администрация начинает реализацию программы по переселению индейцев, концентрируя их в городах и крупных сельских поселениях, устроенных «по испанскому образцу». Первые переселения начинаются в Перу, при этом они имеют и экономическое обоснование: на территории Перу были открыты месторождения золота и серебра, освоение которых требовало постоянного притока рабочей силы [Williamson, 1992: 90].

Испанская колонизация коренным образом отличалась от английской колонизации Северной Америки. Учредив первые тринадцать колоний на восточном побережье, английские колонисты продвигались вглубь континента медленно и постепенно, строя новую нацию и новые государственные институты. Испанцы же очень быстро, насильственным путем уничтожая прежние цивилизации, захватили огромные пространства для Испанской короны, однако захватить тер-

ритории оказалось много легче, чем колонизовать (организовать) их. Испанское имперское правление — централизованное и иерархическое — оказалось крайне неэффективным. Не забудем, однако, о том, что именно общий колониальный опыт способствовал появлению общей идентичности в регионе.

Основная проблема испанского правления заключалась в том, что Корона стремилась к прямому контролю над частями колониальной империи, однако проконсулы вынуждены были принимать решения, не дожидаясь реакции Короны (морское сообщение между колониями и метрополией занимало месяцы). Решить эту проблему должны были наместники Короны, которые издавали законы, собирали налоги, распространяли христианство и командовали испанскими войсками. Испанская администрация, будучи неэффективной по структуре, с самого начала оказалась коррумпированной: любая должность имела свою цену. Коррупция приобрела универсальный характер и в большинстве случаев оставалась безнаказанной.

Крайне важную роль играла католическая церковь — ее представители не только регистрировали рождения и смерти, но строили и управляли школами, больницами, имели свою систему судов. Постепенно церковь стала восприниматься как угроза государству; раскол между ними длился долго и после окончания периода испанского владычества. Он приобрел особенно острые формы в Мексике, Центральной Америке, Колумбии, Эквадоре [Magstadt, 2002: 379].

Помимо религии, инструментом испанского имперского правления был жесткий меркантилизм — выкачивание природных ресурсов (прежде всего золота и серебра) из колоний. Испания не только не способствовала экономическому развитию колоний, но налагала на них суровые ограничения в торговле. Только два испанских порта — Севилья и Кадис — имели право принимать колониальные товары, а весь импорт в колонии шел через Новую Испанию (Мексику) или Перу. Также жестко контролировалась торговля между колониями.

Весьма примечательно то, что одним из важных политических инструментов в период колонизации была карта, точнее, карты новых территорий, претендующие на «правильное» отражение мира, построенного конкистадорами. Карты призваны были легитимировать жесткие завоевания и жестокую колонизацию, выражая дух «открытий» и «цивилизаторской миссии» Испании.

Деколонизация

Предпосылки деколонизации Латинской Америки были созданы событиями в Европе. Завоевание Испании Наполеоном подорвало

власть проконсулов в колониях. Латиноамериканское весьма беспорядочное движение за независимость было во многом связано с хаосом, который воцарился в колониях после поражения Испании в Европе (в Бразилии ситуация была совершенно иная — это был относительно мирный переход к независимому существованию). Еще одним фактором, повлиявшим на подъем антиколониального движения, был пример «северного соседа» — образование Соединенных Штатов Америки. Симон Боливар («Освободитель»), наиболее известный из ранних борцов за независимость, в 1811 г. поднял восстание против Испанской короны. В 1813 г. он захватил Каракас, столицу Венесуэлы. Однако после поражения Наполеона в Европе в Латинскую Америку были посланы испанские войска, и восстание (как и еще несколько более ранних) было подавлено. Однако война шла не только между колониями и метрополией, колонии сражались и друг с другом в гражданских войнах — шла борьба между местными роялистами и сторонниками независимости.

Испания и Португалия лишились своих колоний в относительно короткий период — в течение 1810—1825 гг. (кроме Кубы и Пуэрто-Рико, которые Испания потеряла позже). Первыми документами, принятыми новыми независимыми государствами, были конституции Венесуэлы (1811 г.), Союза народов Колумбии (1819 г.), Аргентины (1819 г.).

Крупные вице-королевства были разделены на ряд самостоятельных государств (Соединенные Штаты Мексики, Перу, Великая Колумбия, Аргентинская конфедерация, Уругвай и др.), политически и экономически нестабильных, пораженных внутренними конфликтами и претензиями друг к другу. Выяснилось, что уход метрополии не сопровождался решением возникших в ходе ее правления проблем: первые десятилетия после обретения независимости были отмечены жестокими сражениями между *каудильо* (местными/региональными правителями). Особенно жестокой гражданская война была в Аргентине, Мексике, Колумбии, Венесуэле.

Каудильо, в отличие от Боливара, не были харизматическими лидерами, как правило, это были весьма прагматичные военные, которых мало интересовали идеи и идеалы, им важны были ресурсы и власть. Конституции принимались для легитимации захвата власти (так, в 1811 г. Венесуэла первой приняла конституцию и с тех пор имела еще по меньшей мере двадцать). Так что исторически закон подчинялся порядку, а порядок устанавливался военным, а не гражданским руководством. Важная роль военных во внутренних делах, даже при гражданском правлении, стала отличительной чертой латиноамериканских политических режимов [Magstadt, 2002: 383—384].

Еще одна отличительная черта политики в государствах Латинской Америки — *локализм*, т. е. сильная идентичность с географической областью. Милитаризм и локализм глубоко укоренились в политической культуре латиноамериканских государств и даже в их географии, которая изолировала отдельные регионы/места и затрудняла сообщение (так, Анды редко пересекают даже сегодня, а тропические леса также препятствуют коммуникации в Южной и Центральной Америке). Географическая изоляция питала тенденции к развитию местного партикуларизма и препятствовала политической интеграции государств — так что география в определенной степени объясняет, почему гражданские войны и герильи (партизанские войны) были столь часты в истории Латинской Америки.

Политическая карта Латинской Америки продолжала меняться: после обретения независимости государства с трудом достигали территориальной консолидации, а также вступали в междоусобные войны, стремясь расширить территорию и захватить земли, богатые природными ресурсами (иногда говорят даже о «балканизации» Испанской Америки). Так, на территории Аргентины в течение 10 лет существовало фактически два государственных образования — Конфедерация провинций и Провинция Буэнос-Айрес: регионы и столица не могли договориться о степени политической автономии провинций в составе единого государства. Кризис был урегулирован только в 1862 г. В 1865—1870 гг. Парагвай противостоял альянсу Аргентины, Бразилии и Уругвая, в результате чего Парагвай был практически полностью разрушен. В 1879 г. началась «селитренная война» (продолжалась до 1883 г.), которую Чили вела против Перу и Боливии и победила, а Боливия в результате лишилась выхода к морю.

Некоторые крупные государства, образовавшиеся в ходе деколонизации, распались: Великая Колумбия была разделена на Колумбию, Эквадор и Венесуэлу (государство оказалось крайне нестабильным из-за конкурирующих региональных и локальных интересов); на пять независимых государств распались Объединенные провинции Центральной Америки. Провинции, штаты, федерации, конфедерации стали своего рода строительными блоками постколониального переустройства, однако оказалось крайне трудным утвердить стабильные административно-территориальные единицы, которые отвечали бы интересам региональных элитных групп.

В отличие от испанских колоний деколонизация Бразилии прошла достаточно мирно, что было связано с особенностями развития политического процесса как в собственно метрополии, так и в Западной Европе в целом — будучи географически крайне отдаленными, они

тем не менее определили судьбу колонии. В 1807 г. король Португалии Иоанн VI, спасаясь от Наполеона, перевел свой двор в Рио-де-Жанейро. Когда же после поражения Наполеона Иоанн вернулся в Лиссабон, то передал власть над Бразилией своему сыну Педру, который в 1822 г. провозгласил независимую империю, а себя — императором. В 1889 г. монархический порядок был отменен, и страна стала федеративной республикой [Голубчик, 1998: 110—113].

«Уход» бывших метрополий — Испании и Португалии — из Латинской Америки сопровождался усилением роли США в регионе. В 1836 г. американцы вынудили Мексику оставить Техас, а в результате американо-мексиканской войны 1846—1848 гг. Мексика потеряла весь юго-запад — территории штатов Калифорния, Невада, Юта и большую часть Нью-Мексико и Аризоны. США перешли испанские владения Пуэрто-Рико и Куба, в 1898 г. США присоединили группу Гавайских островов, где в прошлом располагалось самостоятельное туземное государство. Это присоединение позволило США занять крайне важную позицию в центральной части Тихого океана. Еще более геополитически интересен случай Панамы, которая после деколонизации оставалась частью Колумбии. США, осознав стратегическую важность географического положения Панамы (центрально-американский перешеек), поддержали движение за независимость. В 1903 г. страна независимость получила, а уже через 15 дней был подписан договор с США, согласно которому им «на вечные времена» была предоставлена часть территории Панамы для строительства межокеанского канала и его последующей эксплуатации. Канал, «разрезающий» территорию страны на две части, начал работу (при его строительстве денег было разворовано столько, что слово «панамы» стало синонимом для обозначения какого-либо грандиозного мошенничества) в 1914 г., а официально сообщение по нему было открыто в 1920 г. Канал является «несущей опорой» бюджета страны: его обслуживание дает около трети ВВП Панамы.

Субрегионы Латинской Америки

На территории Латинамериканского региона выделяют следующие субрегионы:

- Мексика и Центральная Америка;
- Вест-Индия;
- Андские страны;
- Лаглатские страны;
- «Гвианский треугольник»;
- Бразилия.

Мексика и Центральная Америка. Мексика — федеративная республика, включающая 31 штат и федеральный округ (столицу страны Мехико). Мексика — одно из наиболее развитых государств в регионе. Государство имеет исключительное геополитическое положение, располагаясь между двумя океанами и двумя материками — Северной и Южной Америкой. Наиболее значительным природным богатством Мексики являются нефть и природный газ: с открытием в 70-е годы XX в. крупных нефтяных месторождений в штатах Чьяпас и Табаско и на шельфе в районе залива Кампече, Мексика заняла одно из ведущих мест в мире по запасам и добыче нефти [Социально-экономическая география, 1998: 382].

Характерной чертой урбанизации, как и во многих других латиноамериканских странах, является гипертрофированное развитие нескольких городских центров, наиболее крупные из них — Мехико, Гвадалахара, Монтеррей, Пуэбла. Город Мехико доминирует не только в стране, но и во всем субрегионе. Особый интересный тип представляют собой пограничные города-«близнецы»: они более тесно связаны с приграничными городами США, чем с внутренними районами собственной страны.

Мексика является вторым по объему торговым партнером США и пользуется всеми преимуществами особых отношений с ними. *Ни у одной страны с таким большим населением нет столь протяженной границы с таким богатым соседом!* [Киссинджер, 2002: 99].

ВОХ 6.4

«Макиладорас» — зоны экспортной переработки. Первые макиладорас появились в Мексике в середине 60-х годов. «Макила» — старый испанский термин, обозначающий плату мельнику за помол зерна. Крупные американские корпорации получили право создавать в приграничных зонах Мексики свои предприятия, используя дешевую мексиканскую рабочую силу. Они беспощадно завозили сырье, а увозили готовые изделия или узлы (прежде всего для электротехнической и автомобильной промышленности) для окончательной сборки в США. А Мексике оставалась «плата за помол» — заработная плата, оплата электроэнергии и т. п. Число макиладорас значительно превышает 2 тысячи. Эта форма сотрудничества действует сейчас не только в Мексике, но также в Коста-Рике, Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре [Социально-экономическая география, 1998: 362—363].

Благодаря соседству с США Мексика имеет возможность воспользоваться преимуществами глобализации: атрибуты новой глобализи-

рованной экономики попадают в Мексику почти одновременно с развитыми странами. В стране преобладает молодое население: 65% ее жителей моложе 30 лет. Таким образом, страна может стать важным игроком на международной арене, при условии, что она сможет эффективно решать многочисленные проблемы. А проблемами страны является очень серьезная социальная поляризация, неэффективная бюджетная система и наркоторговля. Доходы от торговли наркотиками коррумпируют полицию и правовую систему.

При испанском владычестве Мексика называлась Новой Испанией и была «флагманом» колониальной испанской империи в Новом Свете — ее ценность заключалась в том, что она снабжала ресурсами (прежде всего серебром и золотом) испанскую экономику. Когда страна обрела независимость в 1821 г., она имела наибольшую численность населения в Латинской Америке, а Мехико-сити был не только крупнейшим городом, но и крупнейшим культурным центром. Мексика продолжала поставлять в Испанию драгоценные металлы, а также хлопок, текстиль, нефть и зимние овощи. Территория Мексики была также намного больше — в нее входили юго-западные регионы США — штаты Техас, Калифорния, Невада, Юта, Аризона, Нью-Мексико.

BOX 6.5

Война за Техас. В 1835 г. жители Техаса подняли восстание против столицы — Мехико. Они нанесли поражение мексиканским войскам, и Мехико был вынужден подписать договор, гарантирующий Техасу независимость. В 1845 г. Техас был аннексирован США, хотя мексиканское правительство ясно давало понять американцам, что будет считать эту аннексию объявлением войны. Мексика атаковала США и, проиграв, подписала в 1848 г. Договор Гуадалупе Идальго, который официально превращал северо-западные территории страны (Калифорнию, Техас, Аризону и др.) в территории, принадлежащие США. Эти огромные территориальные потери были крайне болезненно восприняты мексиканской элитой [Magstadt, 2002: 390].

В 20-е годы XX в. центральное правительство вело напряженную борьбу с наиболее сильными и независимыми региональными правительствами — *каудильо*, привлекая на свою сторону членов местных политических кланов — *каси́ков*. Касики фактически становились наместниками центральной власти, поддерживая ее политические решения. К концу этого периода некоторые каудильо были убиты, другие сдались центральной власти.

ВОХ 6.6

Федерализм в Мексике. Согласно конституции 1917 г. Мексика является федеративным государством, однако фактически ее политическая система работает в режиме *политического централизма*. С конца 20-х годов происходил процесс концентрации власти в руках центрального правительства, затронувший все важнейшие политико-экономические сферы. Еще недавно считалось, что высокий уровень политического централизма является одним из факторов, объясняющих (относительную) политическую стабильность в стране, однако последние исследования показали, что политический контроль центра в регионах был не столь всеобъемлющим.

Мексика состоит из 31 штата и федерального округа Мехико, штаты разделены на муниципалитеты. Каждый следующий уровень управления: национальный — региональный, местный, слабее предыдущего с точки зрения политической и финансовой автономии. Все последние президенты страны начинали решительную «борьбу с централизмом», однако серьезная политика децентрализации проводится лишь с 1984 г. Некоторые успехи достигнуты в сферах бюджетного федерализма, образования и здравоохранения, где ряд компетенций передан на уровень штатов. Губернаторы штатов призывают внести поправки в конституцию, создав тем самым рамки для «нового мексиканского федерализма», аналогичного американскому. Противниками федерализма являются федеральные министерства и, как ни странно, сами губернаторы, поскольку эффективная административная децентрализация вплоть до муниципального уровня означает, что они должны будут поделиться с муниципалитетами существенной долей властных полномочий. [Cornelius, Weldon, 2004: 486].

Впоследствии политико-географическая неоднородность страны неоднократно выступала фактором, усиливающим политическую нестабильность в Мексике (так, на юге и севере страны неоднократно возникали восстания против центрального правительства). В середине 90-х годов правительство дважды посылало войска в юго-восточный штат Чьяпас для борьбы с повстанцами; в 1996 г. партизанское восстание началось в тихоокеанском штате Герреро.

Крайне важной задачей, имеющей политико-географический характер, является завершение процесса национальной консоли-

дации — т. е. интеграции различных частей страны. Интеграция затруднена экономическими, этническими и региональными диспропорциями. Последние связаны с наличием на территории Мексики пяти регионов, которые сильнее всего различаются по уровню социально-экономического развития. Это «Метромекс» — столица и ее окружение (Мехико дает более 1/3 ВВП Мексики); «Новая Испания» — старый колониальный хартленд; «Мексамерика» — динамично развивающийся регион на севере страны, вдоль границы с США; «Южная Мексика» — слабо развитый бедный регион, расположенный между столицей и границей с Гватемалой, и «Клуб Мекс» — богатые прибрежные курортные регионы [Magstadt, 2002: 424]. Социально-экономические — более строгие — показатели также свидетельствуют о крайне серьезных межрегиональных диспропорциях внутри страны: так, Центрально-восточный район занимает 5% площади страны, однако концентрирует треть населения и дает более 60% промышленной продукции. Наиболее отсталым районом страны является Юкатанский [Социально-экономическая география, 1998: 389—390].

Между Мексикой и Колумбией располагается группа небольших государств Центральной Америки, федеративный союз между которыми был возможен, но не состоялся. Хотя, если взглянуть на политическую карту, он прямо напрашивается: это компактный регион, все государства небольшого размера, так что, сформировав союз и передав ему часть полномочий, эти государства могли бы играть более заметную роль в Латинской Америке. Но государства не смогли договориться. Так, Коста-Рика из-за разногласий с соседними государствами вышла из состава Соединенных провинций Центральной Америки (создана в 1823 г.) в 1838 г., а в 1839 г. и другие государства, входящие в объединение — Никарагуа, Сальвадор, Гондурас и Гватемала, объявили о полной независимости.

Для ряда государств — Гватемалы, Гондураса, Сальвадора, Никарагуа — еще недавно были характерны военные режимы, сменяющие друг друга, и гражданские войны (только Сальвадор за свою 150-летнюю историю пережил около 130 (!) государственных переворотов). Другие страны субрегиона — Белиз (находится в составе Содружества), Коста-Рика (в этой стране нет регулярной армии), Панама (до 1903 г. фактически являлась провинцией Колумбии). Гватемала признала независимость Белиза только в 1991 г., а до этого рассматривала его как один своих департаментов.

Вест-Индия. Эта часть Мезоамерики¹ включает все островные государства Карибского моря — суверенные и несамостоятельные (или ча-

¹ В этот регион включают Мексику, Центральную Америку и Вест-Индию.

стично самостоятельные) территории. Вест-Индия не принадлежит ни к одному «обычному» региональному паттерну: это не иберийский (испанский) мир и не североамериканский; страны субрегиона не относятся ни к третьему миру, ни к западной культуре [Magstadt, 2002: 370].

Весьма своеобразен политический режим Острова свободы — Кубы. Куба — самый крупный остров Карибского бассейна. Испанские колонисты сделали остров перевалочной базой для экспедиций, завоевывающих Мексику и Южную Америку. В XVI—XVII вв. остров процветал. Затем претензии на остров предъявила Англия, а позже США использовали в своих интересах борьбу кубинцев против Испании. В 1902 г. Куба была провозглашена республикой.

К 1959 г. на Кубе установился прокоммунистический режим, и с тех пор между ею и США сохранялись крайне напряженные отношения. До 1991 г. правительство Кубы полагалось в основном на поддержку Советского Союза, а после его распада страна попала в тяжелую социально-экономическую ситуацию.

ВОХ 6.7

Куба: изменение внешнеполитических приоритетов. До 1991 г. Советский Союз исполнял роль «зарубежного покровителя» Кубы, снабжавшего остров жизненно важными материальными ресурсами, не требуя взамен серьезных изменений во внутренней политике Гаваны. С распадом Союза СССР кубинский режим был вынужден переориентироваться: покровителя не стало, проблема же — противодействие американской политике изоляции острова — сохранилась. Сначала Куба связывает надежды с ЕС, и неудачно: материальная помощь из ЕС на порядок меньше советской, к тому же с 2000 г. ЕС вводит против Кубы санкции за нарушение ею прав человека. В настоящее время надежды Кубы связаны с двумя государствами: это Венесуэла и Китай. Куба и Венесуэла подписали целую серию соглашений. Согласно им Венесуэла отправляет на Кубу около 92 тыс. баррелей нефти в день, для Венесуэлы это необременительно, для Кубы — бесценное средство выживания. В обмен на нефть Гавана обязалась отправить в Венесуэлу квалифицированных специалистов, в том числе около 30 тыс. врачей (Куба имеет огромный избыток врачей). Куба, безусловно, выигрывает от сотрудничества с Венесуэлой, однако эти выгоды могут носить краткосрочный характер, а в дальнейшем издержки могут превысить выгоды. У Гаваны накапливается огромная

задолженность перед Каракасом. Подписанные соглашения, удовлетворив энергетические потребности Кубы, лишают страну стимулов к пересмотру экономической стратегии. Наконец, сделки Гаваны и Каракаса вызывают растущее политическое недовольство. Китай стал вторым после Венесуэлы торговым партнером Кубы. Благодаря китайским инвестициям Куба смогла удвоить производство никеля и кобальта и вышла по этому показателю на четвертое место в мире. В ООН Китай последовательно выступает против санкций США в отношении Кубы. Гавана рекламирует свою дружбу с КНР как образец социалистической солидарности, однако идеологический раскол между двумя государствами на самом деле чрезвычайно велик. Китай последовательно проводит либерализацию своей экономики, Куба, напротив, устанавливает все более жесткий централизованный контроль над экономикой, всячески сопротивляясь переменам, которые питают грандиозный экономический рост Китая [см.: Корралес, 2007; Эриксон, Минсон, 2007].

Статус «свободно присоединившегося» к США государства с правами самоуправления имеет Пуэрто-Рико. Верховная законодательная власть в этой стране принадлежит Конгрессу США. Граждане Пуэрто-Рико не платят федеральный подоходный налог (поскольку не являются гражданами США), однако могут свободно въезжать на их территорию. Для США велико прежде всего военно-политическое значение этого острова (на его территории располагается 16 военных баз). Пуэрто-Рико называют иногда «пятьдесят первым штатом США». США принадлежит также часть Виргинских островов.

Нидерланды владеют некоторыми из Малых Антильских островов — Аруба, Кюрасао, Бонайре. Они расположены на важной стратегической трассе морских путей — между Панамским каналом и Атлантикой. Еще в начале XX в. здесь были построены крупнейшие в Западном полушарии нефтеперерабатывающие предприятия.

Доминионами Великобритании являются Британские Карибы — часть Виргинских островов, Каймановы острова, Монсеррат, Антилья и некоторые другие. Большинство из них — крупнейшие офшорные центры, где сняты почти все ограничения на регистрацию фирм и банков, размещение капитала, перевод средств.

Довольно крупные острова из группы Антильских — Гваделупа и Мартиника — являются «заморскими департаментами» Франции, по словам генерала де Голля, ее заокеанским «продолжением». Департа-

менты пользуются значительным самоуправлением и представлены во французском парламенте.

Андские страны. К этой группе принадлежат Венесуэла, Колумбия, Эквадор, Перу, Боливия и Чили. Колумбия и Венесуэла имеют некоторую традицию демократического правления (отметим, что демократическая федеративная политическая система Венесуэлы очень похожа на систему США). Однако в новейшей политической истории этих стран были периоды и потрясений, и правлений диктаторских режимов (1973—1989 гг., режим генерала Пиночета в Чили).

ВОХ 6.8

Конституция Венесуэлы. Венесуэла первой из государств Латинской Америки приняла конституцию, и хотя этот документ действовал всего шесть месяцев, он был своего рода революцией. Во-первых, потому, что он был первым. Во-вторых, потому, что дискуссии относительно содержания конституции четко выявили две конкурирующие политические позиции, которые были характерны не только для Венесуэлы, но и для других государств Латинской Америки, где была избрана федеративная форма правления. Сторонники первой позиции выступали против копирования опыта США, особенно в части федеративного устройства, поскольку федерализм, по их мнению, не отвечает особенностям латиноамериканских стран. Их противники, напротив, полагали заимствование опыта США крайне полезным для развития страны. Дискуссии и конфликты между унитаристами и федералистами при принятии основных законов разворачивались также в Бразилии и Аргентине.

В Андских странах крайне остро стоит проблема производства наркотиков.

Еще одной проблемой, имеющей выраженный политико-географический характер, является контроль над территорией и партизанская война (герилья). Так, в Колумбии центральное правительство фактически отдало контроль над рядом территорий на откуп партизанам. Фактически власти контролируют ситуацию в Боготе и в больших городах, вся же остальная территория страны поделена на зоны влияния между ультралевыми силами: революционными вооруженными силами Колумбии и Армией национального освобождения — и ультраправыми группировками: это Объединенные силы самообороны Колумбии; их боевиков называют «парамилитарес».

Перу и Эквадор также не в состоянии обеспечивать суверенитет над некоторыми территориями. В Перу маоистское партизанское движение «Сверкающий путь» (*Sendero Luminoso*) терроризировало страну в 80-е и в начале 90-х годов.

Страной, где проблемы Андского региона имеют, возможно, наиболее выраженный характер, является Колумбия. С одной стороны, она имеет историю демократического правления, с другой — для нее характерна традиция крайнего насилия и гражданских войн. Это, по крайней мере отчасти, связано с чрезвычайной территориальной неоднородностью страны. Различные культуры в разных частях страны фактически породили различные общества: это возвышенности, где проживают в основном потомки европейских переселенцев; прибрежные долины, где живут потомки рабов, завезенных в страну в XIX в.; лесные районы, где сохранилась культура индейских племен. Гражданская война тесно связана с производством наркотиков (большая их часть поступает в США и там потребляется). Наркодельцы субсидируют партизан, которые в обмен на оружие обеспечивают безопасность производства наркотиков. Все это делает Колумбию не только небезопасной для собственного населения, но и превращает ее в опасную внешнеполитическую проблему. И проблема не только в самой Колумбии. Если торговля наркотиками будет так или иначе вытеснена из этой страны, она переместится в Эквадор и Перу [Киссинджер, 2002: 85—89].

Как и у Боливии, территория Перу отличается крайней фрагментированностью; немногие страны располагаются в 28 климатических зонах! При самом общем делении территория страны включает следующие элементы: *costa* (побережье и прибрежные равнины), *sierra* (Андские хребты) и *selva* (джунгли Амазонки). Прибрежная территория Перу (11% общей площади страны, где проживает около 50% ее населения) является одной из самых сухих зон на планете. Исключительное разнообразие географических условий в сочетании с огромными межрегиональными диспропорциями делает Перу интригующим случаем для изучения характера взаимоотношений между географическими факторами и экономическим ростом и развитием.

Лаплатские страны (Аргентина, Уругвай, Парагвай). В этой группе наиболее длительный период военно-репрессивной диктатуры пережил Парагвай (с 1954 по 1989 г. режим генерала Стресснера).

Аргентина — страна уникальная и парадоксальная. Она заслуженно пользуется репутацией наиболее «культурной» и «интеллигентной» страны Латинской Америки, в определенном смысле Аргентина — образец для других латиноамериканских стран. Действительно, в ней наиболее высок уровень грамотности населения, в наибольшей степени развит средний класс. Большую часть своей истории Аргентина ори-

ентировалась не на своих соседей, но на Европу, поддерживая с ней тесные связи и принимая множество переселенцев. Однако утонченная элита оказалась не способна помешать одиозным правительствам губить прекрасные перспективы страны [Киссинджер, 2002: 106].

Аргентина — типично переселенческая страна, и это составляет одну из ее важных типологических особенностей. Немногочисленное индейское население было почти полностью истреблено в процессе испанской колонизации. Аргентинская нация сформировалась из креолов, частично смешавшихся с индейцами, а в XIX—XX вв. с многочисленными иммигрантами из Европы. Поэтому Аргентина (как и Уругвай) относится к самым «белым» странам Латинской Америки. В стране проживает значительное число потомков выходцев из России.

Для Аргентины характерны серьезные территориальные диспропорции в расселении и экономическом развитии. Так, Пампа — наиболее населенный (там проживает 3/4 населения) и экономически развитый регион страны, ядром которого являются провинции Буэнос-Айрес и Санта-Фе. Столица страны Буэнос-Айрес, которая входит в число 10 крупнейших агломераций мира, имеет явно гипертрофированное развитие. С другой стороны, полупустынная Патагония — край малонаселенный. Такая структура расселения определена в основном характером иммиграции: она направлялась преимущественно через порт Буэнос-Айрес — единственный, имевший право въезда. Неудивительно, что большая часть мигрантов оседала в прибрежном районе Пампы и столице. Под влиянием иммиграции Аргентина приобрела неповторимый культурно-этнический облик с выраженным европейским «флером», который и отличает ее от других латиноамериканских стран. Архитектурный облик городов страны сложился под влиянием испанского барокко и архитектурных традиций Франции [Социально-экономическая география, 1998: 374].

В качестве политико-географической (территориальной проблемы) отметим *проблему Фолклендских (Мальвинских) островов* — спорной территории между Аргентиной и Великобританией. Острова перешли под контроль Аргентины в 20-е годы XIX в., в 1833 г. они были захвачены английским десантом и в 1892 г. стали колонией Великобритании. На островах проживает 2,5 тыс. чел., в основном англичане и шотландцы.

BOX 6.9

Подробнее: геополитика Фолклендских/Мальвинских островов. С точки зрения наличия природных ресурсов острова отличается неплодородная почва, они пригодны лишь для овцеводства и добычи рыбы. Поэтому и заселены они

негусто. Хронический конфликт за острова между Великобританией и Аргентиной — это конфликт не за ресурсы, его причиной является важное геополитическое положение островов по отношению к Южной Атлантике, Антарктиде и вблизи от соединения Атлантического и Тихого океанов через Магелланов пролив. Пролив, этот «Гибралтар Южной Атлантики», еще во времена расцвета Британской империи считался ключом к Тихому океану, а острова, лежащие столь близко, естественно, вызывали повышенное внимание британцев.

Вопрос о принадлежности островов рассматривался на нескольких сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, которая призвала правительства обоих государств решить проблему путем переговоров. Однако переговоры успеха не имели, и в 1982 г. Аргентина высадила свои войска на островах. В ответ Великобритания начала военные действия и нанесла поражение войскам Аргентины. В том же году военные действия были прекращены. Сейчас острова являются владением Великобритании, управляются губернатором, которого назначает королева Великобритании [Голубчик, 1998: 273—274]. Однако позиция руководства Аргентины остается неизменной: острова являются исконно аргентинской территорией и в будущем будут принадлежать Аргентине.

«Гвианский треугольник» (Гайана, Суринам, Французская Гвиана). Эти территории не принадлежали ни Испании, ни Португалии: Гайана — бывшая колония Великобритании, Суринам — Голландии, Французская Гвиана — заморский департамент Франции. Эти небольшие государства образуют как бы треугольник на севере Южноамериканского континента, выходя на Атлантическое побережье и будучи слегка «утоплены» в территорию Бразилии (Гайана граничит еще и с Венесуэлой). Помимо схожего географического положения и размера, особенностью этих государств является то, что ни одно из них не имеет испано-португальского прошлого, общего для всех других государств Южной Америки.

Кооперативная Республика Гайана — член Британского Содружества наций. В конце XVI в. первыми колонизаторами территории страны стали голландцы, потом пришли французы и англичане, которые для работы на плантациях завезли рабов из Африки. С 1814 г. Гайана была колонией под названием «Британская Гвиана», обрела независимость в 1966 г. Гайана — единственное государство Южной Америки, где официальным языком является английский, в стране сохранились некоторые английские традиции и английская колониальная архитек-

тура. В целом страна имеет больше общего с государствами Карибского бассейна, нежели с другими странами Южной Америки.

Гвиана — это не самостоятельное государство, а заморский департамент Франции, в прошлом — французская колония. Как Британская империя ссылала своих заключенных за океаны — в Австралию, так и Франция сделала Гвиану местом каторги — туда более 150 лет ссылали преступников.

В Суринаме официальным языком является голландский. Первоначально на эти территории пришли англичане, но в 1667 г. Англия передала Суринам Нидерландам в обмен на Новый Амстердам (территория нынешнего Нью-Йорка). Страна оставалась колонией Нидерландов до 1975 г. [Малая энциклопедия стран, 2001: 429, 431, 440].

Бразилия. По своим масштабам страна сопоставима с целым континентом, она занимает пятое место по площади среди стран мира. В Бразилии проживает около трети населения региона, на ее территории производится около 40% его ВВП. Страна имеет развитую индустриальную экономику, она сделала гигантский шаг в направлении держав — мировых лидеров. В Бразилии нет серьезных религиозных конфликтов, а последнее вооруженное столкновение между центром и регионом относится к 1932 г., когда богатый штат Сан-Паулу отказался подчиняться центральному правительству.

И тем не менее Бразилия остается страной контрастов, в том числе географических. Современные города и сельские местности южных и центральных регионов страны по уровню развития сопоставимы с регионами Южной Европы, однако весь северо-восток остается бедным и слабо развитым. Таким образом, по масштабам социальных и межрегиональных диспропорций Бразилия принадлежит к наиболее неравномерно развитым странам региона, который и без того известен неравномерностью развития [Magstadt, 2002: 438]. Журналисты образно называли Бразилию «Белиндой» (от Бельгия-Индия), имея в виду, что мегалополисы, расположенные на побережье, уже близки к развитой Бельгии, а внутренние районы страны ближе к развивающейся Индии.

Почти половина жителей заселяет лишь 7% территории страны, узкую полосу Атлантического побережья. Число городов-миллионеров достигает 15, продолжают расти две крупнейшие агломерации — Сан-Паулу (около 20 млн жителей) и Рио-де-Жанейро (около 14 млн). Спецификой Бразилии является крайне широкое распространение самовольно создаваемых на городских окраинах трущобных поселений — фавел; в одном лишь штате Сан-Паулу в них проживает более 3 млн чел.

BOX 6.10

Амазония. «На далекой Амазонке не бывал я никогда...» (Редьярд Киплинг). Экваториальные лесные равнины Амазонии — амазонскую сельву — можно смело назвать чудом, и оно принадлежит Бразилии. Леса Амазонии называют и «зеленым адом», и «легкими планеты», и «природным Эльдорадо». Легкие — для всей планеты, ад — для путешественников. В Амазонии свыше 4000 видов деревьев (каждое четвертое дерево в мире растет в бассейне Амазонки), это царство крокодилов, насекомых, ядовитых змей, хищных рыб (пираний!) и изнурительных болезней. Красота!

Площадь лесов Амазонии сокращается с каждым годом, при этом основной причиной сведения лесов является реализация проектов транснациональных концернов. Леса выжигаются для устройства плантаций или животноводческих фабрик («превращение сельвы в пампу»). Самая ценная древесина при вырубке лесов идет на экспорт, менее ценная — на массовое производство целлюлозы и бумаги [Экономическая, 2002: 840—841].

Вплоть до второй половины XIX в. бразильцы не стремились к освоению глубинных территорий, как это делали поселенцы в Северной Америке; они жались к узкому побережью, как будто пытались сохранить связь со Старым Светом. Возможно, это было связано с тем, что до обретения независимости Бразилия была не столько колонией, сколько самой большой частью единого португальского королевства [Киссинджер, 2002: 100—101].

Первое поселение португальских колонистов возникло на побережье Бразилии в 1530 г., однако еще более ста лет (вплоть до 1654 г.) на территории Бразилии претендовали также голландцы, с которыми у португальских колонистов возникали постоянные конфликты. Интерес португальской короны к Бразилии был более чем очевиден: в 1695 г. было открыто золото, в 1729 г. — алмазы [Magstadt, 2002: 393].

Когда Наполеон завоевал Португалию в 1807 г., королевская семья нашла убежище в Бразилии. При прямом правлении португальского монарха Рио-де-Жанейро стал столицей португальской империи, колониальная культура процветала — открывались школы, библиотеки, театры, газеты и банки. (Отметим, что церковь в Бразилии была бедна и в отличие от испанских колоний не имела большого политического влияния.) В 1821 г. король вернулся в Португалию, но его сын, принц

Педру, остался в Бразилии, и в 1822 г. с криком: «Независимость или смерть!» — провозгласил себя ее императором. Деколонизация Бразилии прошла бескровно и относительно безболезненно.

В 1889 г. монархия стала республикой, в качестве образца конституции была принята конституция США. Первые годы характеризовались острыми конфликтами за власть между правителями разных штатов. Под лозунгом «Порядок и прогресс» (этот девиз по-прежнему воспроизведен на бразильском флаге) военные группировки хотели заменить империю сильным централизованным государством, однако к 1891 г. гражданским элитам крупнейших и наиболее экономически мощных штатов удалось добиться контроля над новым государством. Они выступали за децентрализованную федерацию. Конституция даровала штатам даже большую политическую автономию, нежели имели штаты США (именно американский опыт вдохновлял бразильских творцов основного закона. В «Старой республике», как она называлась, доминировали региональные олигархии сильнейших штатов — Сан-Паулу и Минас-Жерайс. Политический режим «Старой республики» пал после революции 1930 г. (межрегиональные конфликты были одним из факторов его внутренней неустойчивости), режим нового президента Варгаса — «Новое государство» — предусматривал усиление роли центрального правительства.

BOX 6.11

Федерализм в Бразилии. Бразилия — одна из наиболее децентрализованных федераций в мире. Она состоит из трех властных уровней: центрального (союзного) правительства, правительств штатов, местных правительств (муниципалитетов). Каждый из 26 штатов и федеральный округ выбирает губернатора, вице-губернатора и представителей в парламент страны. Штаты имеют собственные банки и даже корпорации.

Исторический процесс в Бразилии характеризовался почти постоянным напряжением между попытками централизации со стороны союза и центробежными усилиями штатов. До 1930 г. власть была по преимуществу в руках регионов. После этого прямые выборы губернаторов были отменены, центральная власть была усилена. Центральное правительство доминировало над штатами до 1967 г., особенно в бюджетной политике. Редемократизация постепенно восстановила автономию штатов; их усилиями «новый федерализм» был вписан в конституцию 1988 г. [Nagopian, 2004: 531—532].

В 1960 г. по инициативе президента Кубитчека был осуществлен амбициозный территориальный проект: строительство новой столицы — города Бразилиа — во внутренней части страны, на «пустом месте». Перемещение столицы из Рио-де-Жанейро в Бразилиа было одной из инициатив, направленных на освоение и заселение внутренних территорий страны.

BOX 6.12

Политика Бразилии и Мексики в отношении США. Сравнение внешней политики Бразилии и Мексики в отношении США позволяет сделать интересное наблюдение о связи внешней политики и географического фактора. Внешняя политика Бразилии развивается в направлении, во многом противоположном мексиканской. Так, на протяжении большей части истории Мексика относилась к США с изрядной долей негодования и подозрительности даже несмотря на то, что географическая близость и экономические реалии вынуждали эти страны к тесному сотрудничеству. Добрососедские отношения возникли относительно недавно. Бразилиа, напротив, до недавнего времени следовала политике особых отношений с США и традиционно была самым близким их союзником в обеих Америках (каким была Великобритания в Европе); географическая удаленность препятствовала какому бы то ни было столкновению стран. Однако с 80-х годов XX в. Бразилиа отошла от политики исключительной опоры на США; основным внешнеполитическим приоритетом стала задача выступать в качестве организующего центра для государств Латинской Америки, занимая доминирующие позиции. Бразилиа пытается притормозить развитие региональной интеграции в рамках целого полушария (обеих Америк), чтобы укрепить МЕРКОСУР, привязав к нему Аргентину, Парагвай и Уругвай, с тем чтобы вынудить США иметь дело с региональным блоком, а не с каждой страной в отдельности. Такая ситуация чревата потенциальным соперничеством Бразилии и США за будущее южной части Западного полушария [Киссинджер, 2002: 100—104].

Бразилиа, по мнению ряда экспертов, является единственной подлинной федерацией в Латинской Америке, ее 26 штатов и федеральный округ Бразилиа играют важную роль в национальном политическом

процессе. Фактически до 1930-х годов штаты были даже более могущественны, нежели центральные власти. С тех пор между центром и регионами происходит постоянное перетягивание каната, в этой борьбе нет победителей и побежденных: страна ищет баланс между национальным единством и региональной автономией.

В Бразилии пять официально выделенных экономических районов:

Юго-Восток — наиболее развитый район, его ядром является штат Сан-Паулу, который дает около 65% промышленной продукции страны;

Юг — аграрный район относительно поздней иммиграции;

Северо-Восток — район первоначальной колонизации и старого плантационного хозяйства (около 70% населения — это потомки африканских рабов);

Центр-Запад — район активного современного освоения, стимулируемого строительством новой столицы — Бразилиа;

Север (Амазония) — крупнейший по территории и наименее освоенный район сельвы [Социально-экономическая география, 198: 371—372].

Современные территориальные споры и конфликты

С целью избежать территориальных споров и конфликтов между государствами Латинской Америки в 1819 г. на Ангостурском конгрессе Симон Боливар, председатель конгресса, объявил, что новые государства конституируются в границах, соответствующих колониальному административно-территориальному делению 1810 г. Однако это не решило проблему, и сегодня на континенте по-прежнему имеется немалое число хронических территориальных и пограничных конфликтов.

Как известно, выход к морю является одним из важных факторов политического и экономического развития страны. Боливия и Парагвай, два «запертых» государства Латиноамериканского континента, демонстрируют, насколько важен выход к морю для стимулирования экономической активности; для низких социально-экономических показателей по этим странам (уровень доходов на душу населения, уровень бедности и др.) одним из объяснений является отсутствие выхода к морю. Боливия долго боролась за обретение прямого доступа к океану с Чили и Перу, однако до сих пор суверенных прав на территориальный доступ к океану она не имеет. (Примечательно, что общая беда — отсутствие выхода к морю — не является гарантией от двусторонних конфликтов, скорее наоборот. Так, в 1928 г. начался военный конфликт между Боливией и Парагваем за богатый нефтью регион Чако. В 1935 г. Парагвай победил в этой войне, сильно подорвав при этом свою экономику.)

Таблица 6.1. Территориальные и пограничные конфликты между государствами Латинской Америки

Стороны конфликта	Характер конфликта	Продолжительность конфликта
Никарагуа — Сальвадор	Пограничный	Недавний
Никарагуа — Коста-Рика	Пограничный	Недавний
Эквадор — Перу	Пограничный	Хронический
Сальвадор — Гондурас	Пограничный	Недавний
Гватемала — Белиз	Территориальный	Хронический
Колумбия — Никарагуа	Территориальный	Хронический
Боливия — Чили	Территориальный	Хронический
Перу — Чили	Территориальный	Хронический
Гаити — Доминиканская Республика	Территориальный	Хронический
Тринидад - Венесуэла	Территориальный	Хронический

Источник: Barton, 1997: 64.

На Южном конусе континента напряженные дипломатические отношения между Чили и Аргентиной связаны с длительными конфликтами относительно границ по Андам и в южной Патагонии. В 1979 г. эти два государства, тогда контролируемые военными режимами, едва не начали военные действия, и только вмешательство папы римского как посредника в конфликте разрядило ситуацию.

Постоянным очагом конфликта является граница между Перу и Эквадором. Начало конфликта восходит к началу и середине XIX в. — периоду деколонизации. В 1842 г. Эквадор предъявил претензии на две перуанские приграничные территории; военный конфликт не был начат только потому, что в Эквадоре разразился правительственный кризис. В ответ на претензии Эквадора правительство Перу выдвинуло свои претензии, а Эквадор тем временем выдвинул претензии относительно новой делимитации границы с Колумбией. В настоящее время Эквадор и Колумбия конфликтуют относительно региона Ориенте (в Амазонии), этого слабо развитого региона, редко заселенного индейскими племенами и весьма слабо связанного с другими регионами. Для обоих государств ценность его заключается в наличии значительного ресурсного потенциала, прежде всего запасов нефти [Barton, 1997: 68—70].

На территории континента много «спящих» конфликтов, которые под воздействием таких факторов, как разведка новых месторождений ресурсов, потоков миграций и просто националистической риторики, могут превратиться в действующие. Территориальные и пограничные конф-

ликты в Латинской Америке относительно редко приводили к вооруженным столкновениям, однако само их наличие является важным фактором развития отношений между государствами континента, невзирая даже на вовлеченность государств в процессы экономической интеграции.

В целом Латинская Америка демонстрирует глубокий разрыв между экономикой и политикой. Экономический рост требует реформ, а реформы нуждаются в стабильной, легитимной, демократической политической системе с транспарентными институтами и некоррупцированной правовой системой. Производство наркотиков, терроризм, коррупция, партизанские движения являются серьезными угрозами для достижения этих целей.

Литература основная

1. Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск, 1998.
2. Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны. М.: Гардарики, 2003.
3. Barton Jonathan. A Political Geography of Latin America. London and New York: Routledge, 1997.
4. Gallup John Luke, Gaviria Alejandro, Lora Eduardo. Is Geography Destiny? Lessons from Latin America. Stanford: Stanford University Press, 2003.
5. Magstadt Thomas. Nations and Governments: Comparative Politics in Regional Perspective. Boston — NY: Bedford/St. Martin's, 2002.
6. Cornelius W., Weldon J. Politics in Mexico. In: Comparative Politics Today. Ed. By G. Almond and others. Pearson — Longman, 2004.
7. Hagopian F. Politics in Brazil. In: Comparative Politics Today. Ed. By G. Almond and others. Pearson — Longman, 2004.

Литература дополнительная

1. Эрикссон Даниел, Минсон Адам. Куба и Китай // Pro et Contra, 2007. № 2 (март — апр.). С. 79—83.
2. Корралес Хавьер. «Добрый папа» для Кубы // Pro et Contra, 2007. № 2 (март — апр.). С. 70—78.
3. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002.

ГЛАВА 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Америка, или Новый Свет, состоит из двух материков — Северной и Южной Америки (поэтому ее иногда называют во множественном числе — Америки (*the Americas*)). Северная Америка включает Соединенные Штаты Америки, Канаду и расположенные в Атлантическом океане Бермудские острова, острова Сен-Пьер и Микелон и крупнейший остров на земном шаре Гренландию.

Территория Соединенных Штатов Америки (США) состоит из территорий 48 смежных штатов («собственно США»), расположенных в средней части материка Северная Америка и граничащих с Канадой и Мексикой, а также штатов Аляска и Гавайи. Аляска расположена на северо-восточном выступе Северной Америки и примыкающих островах (статус штата Аляска получила в 1958 г.). Гавайские острова (24 острова) в центральной части Тихого океана были аннексированы США в 1898 г., в 1904 г. объявлены «территорией США», в 1959 г. получили статус 50-го штата.

США являются федеративной республикой, состоящей из 50 штатов; Конституция США вступила в силу в 1789 г. Интересно, что столица страны — федеральный округ Колумбия — является самостоятельной территориальной единицей и был выделен из штата Мэриленд в 1791 г. специально для будущей столицы страны, Вашингтона. Округ находится под юрисдикцией Конгресса США, и его жители не участвуют в выборах в этот орган [Голубчик, 1998: 259].

Канада, вторая по площади страна мира (после Российской Федерации) и северный сосед США, также является федерацией, однако это не республика, а член Содружества, возглавляемого Великобританией, так что номинально главой Канады является королева Великобритании, которую «временно» представляет генерал-губернатор. Канада состоит из 10 провинций и двух территорий — Северо-Западных и Юкона.

Бермудские острова принадлежат Великобритании с 1684 г., Сен-Пьер и Микелон (9 малых островов к югу от крупного острова Ньюфаундленд) — территориальная единица Франции. Гренландия провозглашена в 1979 г. «самоуправляющейся территорией в составе Датского королевства».

Две крупные страны Северной Америки принадлежат к «большой» европейской культурной общности. Помимо этого, США и Канада имеют ряд общих черт в социально-экономическом отношении, что

определяется схожестью географического положения и взаимосвязанным историческим развитием этих стран как переселенческих: оба государства возникли на основе европейских колоний. Однако темпы экономического и политического развития были в этих странах неодинаковыми. Континентальная часть США расположена южнее Канады, поэтому она была более привлекательна для переселенцев. США отделились от метрополии, направляя энергию на создание нового государства, а Канада продолжала развиваться в основном за счет импорта британского капитала и под его контролем.

Тем не менее обе страны проходили сходные этапы социально-экономического развития — это иммиграция и строительство железных дорог для достижения «связности» территорий, освоение обширных массивов земель в степях и прериях, колонизация Горного Запада, ускоренная индустриализация [Социально-экономическая география, 1998: 297].

Соединенные Штаты Америки отличаются разнообразием природных условий и ресурсов, страна богата нефтью и природным газом, имеет большие запасы медных и цинковых руд. Помимо замечательного климата обширных береговых территорий (в некоторых районах можно выращивать по два урожая в год), и другие регионы США (такие, как Средний Запад) природа одарила превосходными агроклиматическими условиями — тучными почвами, ровной поверхностью и влажным климатом.

По численности населения США занимают третье место в мире после Китая и Индии. Около 85% населения — это *американцы европейского происхождения*. США называют «страной иммигрантов», со времени первой переписи населения в 1790 г. в страну прибыло около 55 млн чел. До 1920-х годов иммиграция была главным фактором прироста населения; с начала колонизации постоянно росло число переселенцев из Англии и других стран Западной Европы, а также ввоз рабов из Африки. Наибольших размеров иммиграция достигла в начале XX в., когда прирост составлял около 1 млн чел. в год. Затем ее размах несколько снизился, однако в настоящее время достиг рекордного уровня. Растет и нелегальная иммиграция: по оценкам американских экспертов, она составляет 5—7 млн в год. Существенно изменилась национально-этническая структура иммиграции: во второй половине XX в. резко усилилась иммиграция из стран Азии и Латинской Америки (выходцы из этих регионов составляют около 76% в структуре иммиграции). Больше всего иммигрантов въезжает сейчас в США из Мексики, Китая, Филиппин; главные штаты, принимающие иммигрантов, — Калифорния и Нью-Йорк [Экономическая, социальная и политическая география..., 2003: 736—738].

Ключевая роль в размещении населения принадлежит крупнейшим городским агломерациям: в стране восемь городов с населением более миллиона человек (крупнейшие города США — Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Чикаго). Однако если считать не города, но городские агломерации (т. е. территории городов с пригородами и городами-спутниками), то в США около 40 агломераций-миллионеров, которые расположены как на восточном (Нью-Йоркская, Вашингтонско-Балтиморская), так и на западном побережье страны (Лос-Анджелесская, Сан-Францисская). Городские агломерации в свою очередь соединяются в урбанизированные районы (*мегалополисы*); наиболее крупный (ок. 40 млн чел.) протянулся почти на 1000 км вдоль восточного побережья — от Бостона до Вашингтона («Босваш»). Мегалополисы складываются также в районе Приозерья (от Милуоки до Питсбурга), в Калифорнии (от Сан-Франциско до Сан-Диего), во Флориде.

В США отцы-основатели с самого начала поставили перед собой цель создать нечто новое, лучшее, отличное от Европы. Как показывает У. Зелински, базовыми ценностями (и одновременно движущими силами) американского общества являются интенсивный индивидуализм; мобильность и склонность к изменениям («Америка — это процесс», что обуславливает относительно слабое «чувство пространства», так называемую аспатиальность, в обществе); механистическое видение мира (читай: мир в целом просто устроен и поддается контролю человека, это восприятие мира как машины, которая может быть усовершенствована); мессианский «перфекционизм» (читай: американцы — не просто «какая-то» нация, но нация с особой миссией, миссией усовершенствования человечества. Этот «моральный империализм» существует за пределами, помимо экономической и военной мощи). Конечно, важность этих движущих сил меняется по территории страны, а также в различные исторические периоды ее развития, однако не настолько, чтобы подорвать их значимость [Zelinsky, 1973: 40—61]. Доктрина индивидуализма выражается во множестве форм, наиболее интересными из которых для нас являются «миф фронта» (продвижения на Запад), протестантская этика, «привезенная» первыми поселенцами в Новую Англию (идеи мигрировали вместе с людьми!), и этика успеха.

BOX 7.1

Открытая склонность к самосовершенствованию, упорные надежды на лучшее будущее проявляются, в частности, в названиях, которые американцы давали своим городам. Только

на карте Пенсильвании мы найдем *Concord* (Согласие), *East Freedom* (Восточная Свобода), *Edenville* (Райский город), *Effort* (Усилие), *Enterprise* (Предприятие), *Freedom* (Свобода), *Frugality* (Бережливость), *Harmony* (Гармония), *Independence* (Независимость), *Industry* (Промышленность), *Liberty* (Свобода), *New Hope* (Новая надежда), *New Jerusalem* (Новый Иерусалим), *Paradise* (Рай), *Philadelphia* (Город братской любви), *Pleasant Unity* (Приятное единство), *Progress* (Прогресс), *Prosperity* (Процветание), *Unityville* (Город единства), *Zion* (Сион) [Zelinsky, 1973: 63].

После России **Канада** — самое большое по площади государство мира, ее обширные территории отличаются большим разнообразием природных условий. Подобно России, значительные пространства Канады заняты Арктикой, зонами тундры и лесов, имеющих множество озер и рек. Канада весьма богата практически всеми основными видами полезных ископаемых. Так, на страну приходится почти 2/3 мировых запасов цинка и никеля, 2/5 урана и свинца, 1/3 железных руд, титана, меди [Экономическая, 2003: 804].

До европейской колонизации на территории Канады жили инуиты (на севере) и индейцы. Сегодня Канада — это многонациональная страна и одна из самых редконаселенных стран мира: средняя плотность населения составляет 3 чел. на кв. км. Основная масса жителей (около 90%) размещена в узкой приграничной полосе юга Канады, эту часть страны называют «канадской ойкуменой». Крайне неравномерно размещение расселения: наибольшее число жителей сосредоточено в двух провинциях — Онтарио и Квебеке (на них приходится около 61% всего населения страны). Канада высокоурбанизированная страна, около трети ее городского населения проживает в трех крупнейших городских центрах-мегаполисах — Торонто, Монреале, Ванкувере.

Начало освоения и заселения территории США

В Соединенных Штатах Америки (и Канаде) крайне важными оказались фактор метрополии и переселенческий характер нации. Северная Америка (как, впрочем, и Индия) была главным регионом столкновения интересов двух крупнейших западноевропейских стран — Великобритании и Франции.

Великое переселение европейцев в Северную Америку началось в первые годы XVII в. История английского заселения Северной Америки началась апрельским утром 1607 г., когда три корабля под коман-

дованием капитана Кристофера Ньюпорта пришвартовались у берегов Чизапикского залива. Рождение новой нации и строительство новых институтов не было развлекательным мероприятием, однако благоприятная география, которой американцы умело воспользовались, сыграла весьма существенную роль в облегчении и ускорении процесса колонизации.

BOX 7.2

Географический фактор и процесс колонизации. Взгляните на карту: изрезанность Атлантического побережья, наличие множества бухт и заливов способствовало появлению нескольких небольших колоний, а не одной крупной — 15 колоний, включая Новую Шотландию и Квебек, появились довольно быстро, и это сразу предопределило разнообразие политических институтов. За прибрежными равнинами поднимались Аппалачские горы, которые было весьма трудно пересечь. Поэтому прибрежные колонии достаточно долго «собирали силы» и строили дороги до того, как проникнуть в неизведанный мир, лежащий за горами. За ними обнаружилась гигантская плодородная равнина, по которой протекали многочисленные водные пути (речная система Миссисипи — Миссури), и поселенцы освоили эти территории с завидной скоростью. Далее к западу климат становился суше, система Скалистых гор затрудняла освоение, поэтому американцы пошли с запада, освоив Тихоокеанское побережье: Калифорния была населенным штатом еще тогда, когда широкий незаселенный пояс отделял ее и штат Орегон от более «старых» частей страны. Однако он недолго оставался незаселенным: на эти территории пошли ранчеры, территории покрывались сетью дорог, стремительно росло число ферм. К 1890 г. фронтир практически исчез, как и сам Дикий Запад. Следует добавить, что, к счастью колонистов, племена индейцев были слишком немногочисленны, чтобы представлять серьезное препятствие на пути колонизации.

Первым постоянным английским поселением в Америке был основанный в 1607 г. форт и поселок Джеймстаун в Виргинии. Первоначально прирост населения был медленным: к 1619 г. в Виргинии проживало не более 2000 чел. Это был особый год. Во-первых, из Англии пришел корабль, на котором было 90 «юных девушек», которые стали

женами тех колонистов, которые смогли заплатить за их «доставку» 120 фунтов табака. Во-вторых, пришел первый корабль, на котором были доставлены африканские рабы. Наконец, в-третьих, в церкви Джеймстауна, где несколькими годами ранее Джон Рольф заключил мир с индейцами, взяв в жены Покахонтас, впервые в истории континента состоялось заседание законодательного (представительного) собрания, в состав которого вошли губернатор, шесть советников и по два представителя от каждых 10 колонистов-плантаторов. Представительные органы власти были впоследствии учреждены во всех штатах.

Интересна и необычна история основания каждой из первых тринадцати колоний. В 1620 г. община английских кальвинистов, отплывшая из Плимута на знаменитом «Майском цветке», достигла побережья Массачусетса и основала свою колонию. В 1634 г. была основана колония Мэриленд, ставшая «домом» религиозной свободы. С именем знаменитого квакера Уильяма Пенна связано основание Пенсильвании и «города братской любви» — Филадельфии. Совсем по-иному развивалась история богатой нью-йоркской колонии: первыми на остров Манхэттен пришли голландские колонисты и основали колонию Новый Амстердам. Однако англичане не могли допустить существование «чуждого» элемента в самом сердце Британской Америки. В 1664 г. английские военные корабли осадили колонию, однако военное столкновение не было длительным. Хотя старый Петер Стайвесант объявил, что его «скорее вынесут мертвым», чем заставят сдаться, большинство голландцев не возражали сменить суверенитет, и английский флаг был поднят над городом, переименованным в Нью-Йорк (отметим, что голландская архитектура до сих пор сохранилась, а голландские семьи принадлежали к элите и сыграли важную роль в истории штата).

Большую роль как инструменты колонизации сыграли торговые компании, основавшие многие города по побережью и даже штаты, а также гранты собственности (*proprietary grants*), согласно которым представителям английской аристократии Британская корона представляла в собственность огромные массивы земли в Новом Свете: так, лорд Балтимор получил Мэриленд, Уильям Пенн, сын адмирала, получил Пенсильванию, фавориты королевской семьи получили обе Каролины. Эти «получатели» обладали большими правами относительно способа управления колониями. Так, Уильям Пенн уже в 1682 г. созвал ассамблею, все члены которой избирались колонистами, а ассамблея приняла конституцию Пенсильвании (Великую хартию).

Первые колонии были самообеспечивающимися обществами со своими выходами к морю, каждая из них стала обособленным, самостоятельным организмом. Тем не менее многие проблемы выходили за рамки отдельных колоний и требовали совместного урегулирования. Тринадцать колониями, которые впоследствии образовали Соединенные Штаты, являлись: **Нью-Гемпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания, Делавэр, Мэриленд, Виргиния, Северная и Южная Каролина** и основанная последней Джорджия.

Два основных фактора способствовали появлению особого «американского» народа уже в ходе колониального периода — новые люди (своего рода амальгама европейских наций) и огромная, богатая и почти незаселенная территория. Колонизацию облегчало и то немаловажное обстоятельство, что английский язык и английские институты сразу утвердились как доминирующие; ни германские или шведские общины, ни французские гугеноты не основывали отдельных колоний. Это сразу придавало новой стране известное единство, хотя общность языка и основных институтов сосуществовала с замечательным национальным разнообразием среди колонистов.

Учреждение колоний вызвало «великие волны» миграции из Европы, которые были направлены в Массачусетс и Виргинию (30—40 годы). Бостон становится одним из важнейших морских портов мира, был основан Гарвардский колледж. Среди мигрантов, прибывших в Новый Свет, были предки Франклина, Адамса, Линкольна. Новые поселенцы — это уже не только фермеры и торговцы, но также врачи, юристы, учителя. Новая Англия становится микроскопом «старой» Англии.

Первые поселенцы были неопытны: некоторые пилигримы ожидали неперенной встречи со львами, денди же, напротив, полагали, что они могут жить в Новом Свете совершенно так же, как в Лондоне. Однако постепенно поселенцы приспосабливались к новым условиям, накапливали опыт взаимодействия с новой средой, так что они все менее походили на бывших своих соседей, оставленных в Англии, а их дети — и того меньше. Каждый поселенец приезжал в Америку с чувством надежды и обретения новой свободы, и если первоначально они идентифицировали себя в первую очередь с Англией и империей и только потом ощущали себя виргинцами и нью-йоркцами, то постепенно старая система идентификации размывалась.

Колонии росли в экономическом и культурном отношении и постепенно накапливали опыт самоуправления. Колонисты рассматривали колонии скорее как республики или государства, слабо связанные с Лондоном. Они изначально жили по английским законам и поряд-

кам — с законодательными ассамблеями, системой представительства и с признанным обычным правом гарантии личных свобод. Однако законотворчество все больше приспосабливалось к американским условиям, все чаще происходили конфликты между избираемыми народом ассамблеями и губернаторами, назначаемыми королем. Колонистам даже удавалось лишать губернаторов возможности исполнять свои обязанности, ибо последние, как правило, получали средства на свое содержание только от ассамблей.

Создание политических институтов в колониях

Уже к началу XVIII в. во всех колониях сложилась система демократических институтов (отметим, что препятствием на пути учреждения этих институтов в ряде штатов стали попытки создания теократических режимов. Наиболее известен пример штата Массачусетс, где пуритане пытались ввести жесткий централизованный контроль церкви над обществом. Введенные правила предусматривали обязательное посещение церкви и право голоса только для членов церковной общины. Такой режим действовал на территории штата до 1691 г., когда новая конституция превратила его в королевскую провинцию). Штаты Род-Айленд и Коннектикут имели статус полностью самоуправляющихся сообществ (это были маленькие республики внутри Британской империи), однако системы институтов всюду были схожи. Губернатор назначался либо Королем, либо собственником колонии, члены совета при губернаторе также назначались (если губернатором был англичанин, то членами совета были обычно американцы). Первоначально совет выполнял административные функции, однако впоследствии он все больше трансформировался в верхнюю палату легислатуры (парламента) штата. Каждая колония имела также представительный орган (нижнюю палату легислатуры). Три основных особенности отличали политическую систему американских штатов:

- 1) писанные конституции выступали гарантами свобод штатов (отметим, что у Англии не было писанной конституции);
- 2) постоянный конфликт интересов между назначенными губернаторами и избранными членами легислатуры — фактически это был конфликт между имперскими интересами и интересами колоний;
- 3) постоянная борьба легислатур за расширение их властных полномочий.

К 1750 г. население 13 колоний составляло около полутора миллионов человек. Географически колонии делились на Новую Англию, Среднеатлантические колонии и Южные колонии.

Новая Англия — земля фермеров и моряков, земля с большой «силой экспансии», в сообществах которой особую роль играли церковь, школа и собственно городская жизнь, а преступность и пауперизм были менее выражены по сравнению с другими колониями. *Среднеатлантические колонии* были более разнообразны как в отношении состава населения (если население Новой Англии было почти полностью «белым», то в этом регионе было гораздо больше «черных»), так и в отношении специализации хозяйства. *Южные колонии*, где господствовало рабство на огромных плантациях (каждая из них почти полностью функционировала как натуральное хозяйство) и производили хлопок, рис и табак. Это были аграрные колонии (некоторое значение имели лишь города Чарлстон и Балтимор) с жесткой классовой стратификацией. [Как мы видим, Север (Новая Англия) и Юг имели принципиальные различия, а Среднеатлантические колонии имели черты и того, и другого региона]. Наконец, далее к западу — от Мэна до Джорджии — протирался фронтир — подвижная граница между освоенными и неосвоенными землями, где шла активная торговля с индейцами.

ВОХ 7.3

Фронтир — это понятие географическое, экономическое, социальное, а также политическое. Это передовая черта поселений на американском Западе, где жизнедеятельность и поведение людей испытывают мощное влияние новой природной и социальной среды. Движение фронта стало едва ли не определяющим фактором американской истории. А американские политики видят в этом процесс мирового значения: в конце XIX в. будущий президент США Теодор Рузвельт писал о том, что распространение народов, говорящих по-английски, на огромные пространства, стало поразительным явлением мировой истории, а также самым значимым по последствиям. Для американцев путь на Запад имел сакральное значение — как перемещение веры и благочестия с Востока на Запад. С геополитической точки зрения американский фронтир — это расширение зоны континентального стратегического присутствия и выхода американского Запада на мировую арену. Американскому Западу свойственна глубокая интеграция в систему мирохозяйственных связей. Движение американского фронта на Запад и русского «рубежа» на восток привело к тому, что в северной части Тихого океана они столкнулись и возникла граница цивилизации.

онного разлома. Это определило геополитическое положение России и США по отношению друг к другу [см.: Агеев, 2005].

«Колониальным наследием» США можно считать:

- английский как язык коммуникации и предпосылку создания нации;
- традицию представительных институтов и, как следствие, высокую гражданскую активность населения;
- (относительную) религиозную толерантность в колониях;
- распространение идеи демократии как равенства возможностей;
- распространение идеи «особого предназначения», миссии американского народа, которая, помимо прочего, помогла ему в продвижении на Запад.

«Проблема империи»

Победа британцев в освоении Северной Америки изначально не была бесспорной; им пришлось столкнуться с испанцами и французами, причем «призом» в этой борьбе был контроль над континентом. Первыми пришли на континент испанцы: в 1565 г. они основали первое поселение на территории Флориды, к концу XVI в. они утвердились в Нью-Мексико, позже — в Калифорнии. Испанцы не развивали представительные институты и средний класс; испанский поселенец был скорее солдатом или миссионером, нежели ремесленником или промышленником.

С севера шли французы: в 1608 г. Самюэль де Шамплейн основал Квебек, первое постоянное поселение французов в Новой Франции, однако только после 1661 г. при Людовике XIV французская монархия начала оказывать постоянную поддержку колонистам в Канаде. Основывая относительно слабые фактории, французы продвигались вдоль водных путей — реки Св. Лаврентия, Великих озер, рек Иллинойс, Висконсин, Вабаш. Монархия была строга к колонистам: она допускала лишь католическую веру. Конфликты британцев и французов за территорию Северной Америки были неизбежны, и, казалось бы, победа должна быть на стороне централизованной и более милитаризованной Новой Франции. Однако в конце концов в конфликте победили британцы — они лучше сражались, их командиры были более опытными, наконец, победе колоний способствовало их более удачное стратегическое положение. Согласно мирному договору от 1763 г. Англия получила Канаду (от Франции) и Флориду от Испании, которая тоже развязала войну с Британией. Итак, от Атлантики до Миссисипи Северная

Америка стала британской (за исключением Нового Орлеана). В это же время Луизиана отошла от Франции к Испании. Триумфальная Семилетняя война поставила 13 колоний в совершенно новое положение относительно империи — она показала их зрелость и дала колонистам военный опыт.

В то же время перед самой Британской империей в Северной Америке встала серьезнейшая проблема — проблема управления такими огромными территориями, столь отдаленными от метрополии. В середине XVIII в. империя имела по факту полуфедеративный характер (предусматривалось разделение властей между центральным и местными правительствами), однако согласно закону это была централизованная структура. Таким образом, сохранение территориальной целостности для империи было возможно только на пути гибкого приспособления и децентрализации, однако с этой задачей империя не справилась. Колонии (особенно Новая Англия) выражали все большее недовольство метрополией, которая, по их мнению, обирала их, взимая непомерные сборы и пошлины. Кроме того, возникла и углублялась еще одна конфликтная линия между метрополией и колониями. Колонисты Пенсильвании, Виргинии, Южной и Северной Каролины испытывали растущий «голод на землю». Они хотели идти на Запад, а британское правительство проводило жесткую политику в отношении новых земель. Для того чтобы обеспечить мир с индейскими племенами и удержать колонистов под английским контролем, оно объявило в 1763 г., что линия поселений должна остановиться у Аппалачей, а земли западнее этой линии считаются принадлежащими Короне [см.: Nevins, Commager, 1992].

Накал проблем и уровень взаимного непонимания постоянно нарастали. То, что Лондон считал справедливым и необходимым, будь то решение проблемы индейцев или взимание высоких налогов с колоний для обеспечения их же собственной безопасности, колонии воспринимали как политику насилия и давления, как препятствие для их саморазвития. Революция зрела постепенно; она стала необратимой тогда, когда в колониях стали возникать новые революционные легислатуры, так называемые провинциальные конгрессы (прежние представительные институты не могли быть использованы, поскольку в них заседали по большей части консерваторы, зависящие от губернаторов Короны). Первый конгресс был созван в 1774 г. в Бостоне. В 1775 г. второй Континентальный конгресс, созданный в Филадельфии, организовал войска колонистов в Американскую континентальную армию и назначил ее командующим Джорджа Вашингтона. Война за независимость продолжалась более шести лет и велась в каждой колонии. На стороне

американцев был гений Вашингтона и то, что они сражались на *своей* земле. 4 июля 1776 г. конгресс принял Декларацию независимости, однако этот документ был еще формальностью, поскольку основные бои были впереди (одним из важнейших стало сражение при Саратоге в начале 1777 г.).

Конгресс провозгласил создание нового независимого государства — *Соединенных Штатов Америки*. Государство было создано на федеративных началах, так что при широких полномочиях, которые были отданы главе государства — президенту, колонии (штаты) также сохранили политическую автономию (карта 7.5).

Новая политическая система и территория страны

С обретением независимости американцы стали задумываться о своей территории — ее размерах, топографии, ресурсах, населении; в Америке начали писать о необходимости собственной географии, написанной неевропейцами. Географические труды составляли такие значительные политические фигуры, как Томас Джефферсон и Дэвид Рэмси. Один из географов предложил даже дать стране новое имя — Фредон (а ее жители назывались бы фредонцами), которое отражало бы радость жителей от обретения независимости. Фактически «географическая лихорадка» отражала растущее осознание американцами масштабов своей страны. Понимая, что именно в силу этих масштабов они не могут объехать всю страну, американцы обращаются к картам и собственно географии, последняя тем самым становится средством сокращения расстояний между людьми.

BOX 7.4

Крупные штаты против малых: конфликт о представительстве. Для американцев того времени размер территории (штата) был проблемой политической. Новая география служила средством отражения новой идеи: обширная территория во все не является угрозой для республиканской формы правления, но, напротив, способна ускорить ее укоренение. Так, федералисты полагали, что больший размер территории выступает как фактор усиления ее политической стабильности. Более того, если система представительства справедлива, а качество его высоко, то размер территории не имеет решающего значения. Эта идея была крайне важна в практическом отношении: жители штатов с небольшой территорией и относительно низкой численностью населения полагали, что представительство должно быть основано на территориаль-

ном (пространственном) принципе, что география — это наиболее важная переменная для формирования представительных институтов. Выражением этого подхода стало, в частности, размещение столиц штатов исходя из чисто географических соображений.

С другой стороны, граждане штатов с огромными незастроенными территориями и обильным населением сталкивались с совершенно иными проблемами. Они размышляли о представительстве не с позиций географии, но с позиций демографии, располагая столицы штатов в центрах «сгущения» населения, используя пропорциональный принцип при формировании нижних палат legislatures, выступая за пропорциональное представительство в конгрессе и поддерживая принцип выборности по избирательным округам. Ситуация, в которой они находились, вынудила их прийти к пониманию того, что не территория, а население есть важнейшая переменная при структурировании представительных институтов. Таким образом, можно говорить о столкновении двух подходов к представительству — пространственного (со стороны малых штатов) и демографического (со стороны крупных).

Победа демографического подхода стала своего рода революцией в осмыслении представительства. Конечно, представительные системы содержат территориальный компонент; в конце концов, некая территориальная единица всегда будет находиться в основе представительства. Однако базовым фактором является население. Американцы изменили основу представительства, перейдя от территории к населению и введя в качестве единицы округ — как новую единицу политического сообщества, — границы которого могут быть пересмотрены. Депутаты тем самым представляют не территорию, но определенное число граждан, и одинаковое число граждан должно иметь одинаковое представительство в нижних палатах.

К середине XIX в. демографическое представительство распространилось по США. Эта концепция была принята штатами, обладающими крупной территорией и значительным населением. В 1842 г. конгресс сделал пропорциональное представительство (на основе избирательных округов) на собственных выборах обязательным для всех штатов. Так был закончен длившийся десятилетиями диспут между крупными и малыми штатами [см.: Zagarri, 1987].

Итак, в 1783 г. метрополия признала независимость нового государства, США обрели независимость. Отделение от метрополии, с одной стороны, означало развитие демократии: в колониях губернаторы теперь избирались, а не назначались Короной. Однако, с другой стороны, центральные институты нового государства еще не были «построены». В 1781 г. были приняты Статьи Конфедерации, учреждающие «лигу дружбы», однако общенациональной исполнительной власти фактически не существовало. Континентальный конгресс, состоящий из одной палаты, в котором каждый штат имел один голос, не был эффективным институтом, он не мог собирать налоги и не имел рычагов воздействия на штаты: новому государству необходимо было решить проблему федеративного устройства, и эта проблема должна была решаться безотлагательно, поскольку нарастали конфликты между отдельными штатами (прежде всего конфликты относительно границ, например между Пенсильванией и Вермонтом), в беспорядке находились отношения с индейскими племенами.

Отметим, что, несмотря на очевидную слабость, правительство Конфедерации предприняло по крайне мере один важный и мудрый шаг. Речь идет о *Северо-западном ордонансе*. Так, правительство решило открыть земли к западу от гор Аллегэни для постоянного и прогрессивного заселения и тем самым создавать новые штаты, равные по правам первоначальным тринадцати. Ордонанс 1787 г. был направлен на земли к северу от Огайо; предусматривалось создание 3—5 штатов в три стадии: 1) создание «территории» с назначенным губернатором и судьями, которые могли принимать законы, однако конгресс имел право вето; 2) когда население достигало 5 тыс. чел., создавалась двухпалатная легислатура; 3) при достижении численности населения отметки в 60 тыс. чел. «территория» получала права штата. Таким образом, США решили «проблему колоний», а алгоритм, созданный ордонансом, позволил впоследствии создать государство в составе 50 штатов. Во всех других отношениях Конфедерация была крайне слабой; Вашингтон писал о том, что штаты связаны «веревкой из песка»; гражданская война между ними была вполне возможна [Nevins, Commager, 1992: 103]. Северо-западный ордонанс создал первоначальную законодательную базу территориальной экспансии, однако не менее важно было и то, что конституция продолжила эту политику: ст. IV разд. 3 гласила: «Конгресс вправе распоряжаться территорией... принадлежащей Соединенным Штатам».

Построить эффективные национальные институты был призван Конвент (примечательно, что каждый штат имел право послать на Конвент столько представителей, сколько он бы захотел; численность

делегации не имела большой важности, поскольку штат голосовал одним голосом. Из соображений экономии штаты не посылали больших делегаций, так что всего собралось 55 представителей) [Nevins, Comptager, 1992: 106]. Задачей Конвента было создание такой системы, при которой было бы создано эффективное центральное правительство при сохранении политической автономии штатов. Отметим, что американские законодатели не имели возможности опираться на исторический опыт: созданные к тому времени федерации были либо весьма незначительны по площади (как Швейцария), либо же это были слабые распадающиеся союзы. Члены Конвента решили следовать следующему принципу: четко определить полномочия центрального правительства, а остальные считать принадлежащими членам федерации. Для разрешения конфликта между крупными и мелкими штатами (последние опасались, что их представительство будет слишком незначительным) было принято решение о создании двухпалатного парламента: в Сенате (верхней палате) все штаты получили равное представительство (по два сенатора от каждого штата), а в Палате представителей (нижней палате) количество мест, выделенных для штата, было пропорционально численности его населения. Особый институт был создан для выборов президента США.

BOX 7.5

Как выбирают президента США. Исторически федерации возникали в разное время (существуют «молодые» и «зрелые» федерации), в каждой стране возникновение и развитие федеративных отношений имеет свои особенности, более того, особенности складывания федеративной системы и сегодня могут проявляться в сохранении достаточно причудливых институциональных решений. Одно из них, о котором стоит рассказать подробнее, — институт «коллегии выборщиков» при выборах президента США. США — единственная демократическая страна в мире, где кандидат в президенты, набрав большинство голосов по стране, может проиграть выборы. Так, в 1992 г. независимый кандидат в президенты США Росс Перо получил 19% голосов избирателей и 0% (!) голосов выборщиков, на выборах 2000 года Альберт Гор набрал по всей Америке на 200 тыс. голосов избирателей больше, однако все же проиграл Бушу в пересчете на голоса выборщиков.

Как сложился такой причудливый институт, не имеющий прямых аналогов в мире, как «коллегия выборщиков», который, будучи разработанным в конце XVIII в. отцами-

основателями США, дожил до наших дней в мало изменившемся виде? На заре американской независимости вопрос о том, как следует избирать президента страны, решался в ходе ожесточенных дебатов (ясность, пожалуй, была лишь в том, что первым президентом должен стать Джордж Вашингтон). При этом объединяющиеся в свободное государство штаты стали требовать, чтобы им дали решающую роль при выборах президента — как гарантию того, что центральное правительство не лишит их самостоятельности, за которую их граждане проливали кровь в Войне за независимость. С другой стороны, отцы-основатели были убеждены, что столь важный выбор нельзя доверить массам, а непосредственное избрание президента надо поручить группе специально отобранных наиболее достойных и информированных лиц, которые смогут руководствоваться национальными интересами в высшем смысле этого слова. Итогом дебатов стало утверждение концепции «выборщиков» — здесь воплощались как идеи отцов-основателей о непрямой демократии через «лучших граждан», так и идея прав американских субъектов федерации — штатов. Вопрос о том, как «выбирать выборщиков», штаты решали самостоятельно: в одних штатах это было право всех допущенных до голосования граждан, в других это делали легислатуры штатов. Число выборщиков от каждого штата должно было быть равным числу законодателей, которые представляют данный штат в обеих палатах Конгресса.

В настоящее время «коллегия выборщиков» состоит из 538 чел., наибольшее представительство — у Калифорнии (55 чел.), наименьшее (3 чел.) — у нескольких малых штатов (Вермонта, Мэна, Вайоминга, Делавэра). Каждые десять лет число выборщиков увеличивается по итогам очередной переписи. Сейчас списки выборщиков составляют, как правило, местные отделения политических партий. Гражданин может проголосовать за список демократов или республиканцев, которые потом выразят его волю. В 48 штатах действует принцип «победитель получает все», т. е. голоса не делятся: кандидат, получивший большинство голосов, получает все голоса выборщиков в этом штате (отсюда и несоответствие результатов по голосам граждан и голосам выборщиков). Лишь в двух штатах — Небраске и Мэне — действует пропорциональная система распределения голосов выборщиков

в соответствии с голосами избирателей. Теоретически выборщик может пренебречь волеизъявлением народа, однако такие случаи крайне редки, имена «недисциплинированных» выборщиков сегодня уже никто не помнит. Отметим, что ни одно положение американской конституции не вызывало, пожалуй, столько критики, как институт «коллегии выборщиков» президента, однако он сохраняется, отражая историю становления американского федерализма.

Александр Гамильтон доказывал, что при сохранении полной самостоятельности штаты неизбежно будут вступать в частые вооруженные конфликты друг с другом. Помимо этого, отцы-основатели настаивали на сильной центральной власти и с целью обеспечения условий для дальнейшего расширения территории союза.

Конвент создал государство с сильной национальной исполнительной властью. Однако, как ни парадоксально это звучит, и штаты сохранили мощную политическую автономию. Первым президентом США стал кто? Правильно: Джордж Вашингтон.

Институциональная система была создана, Конституция написана. Следующим вопросом стал порядок ее ратификации. Конвент постановил, что документ считается действующим тогда, когда 9 штатов из 13 проголосуют за его ратификацию. К концу 1789 г. Конституция была принята в Пенсильвании, Делавэре и Нью-Джерси. В этот момент процесс ратификации отразил серьезную конфликтную линию: раскол между федералистами и антифедералистами, т. е. теми, кто хотел создания сильного национального правительства, и теми, кто настаивал на сохранении конфедерации, «лиги штатов». В результате борьбы за ратификацию в США появились классические тексты, которыми Америка гордится до сих пор: «Федералист» — 95 статей, написанных Александром Гамильтоном, Джеймсом Мэдисоном и Джоном Джеем в защиту Конституции. Конституция была принята.

В 1789 г. на территории США проживало около 4 млн чел., 3,5 млн из них были белыми. Это было преимущественно сельское население; крупнейшими городами были Филадельфия (42 тыс. чел.) и Нью-Йорк (33 тыс.). На третьем месте с большим отрывом шел Бостон (18 тыс.). Система коммуникаций была слабо развитой. Однако население прибывало быстрыми темпами — иммиграция из Европы приобрела чудовищный размах. Страна была «создана», и ее энергия была направлена теперь вперед — на Запад!

На обширной территории к западу от побережья появлялись новые государственные образования — «пионеры» переселялись через Аппа-

лачские горы и шли дальше на Запад. Перед Соединенными Штатами встала проблема империи — необходимость установления порядка заселения новых земель и управления ими. Так, на Северо-Западной территории вводилось ограниченное самоуправление, регламентированное ордонансом 1787 г. Первоначально это был единый округ под управлением губернатора и судей, назначаемых Конгрессом. Предусматривалось, однако, что, когда число совершеннолетних мужчин, проживающих в округе, достигнет 5 тыс. чел., будет учрежден собственный законодательный орган. Помимо этого, в Конгрессе округ представлял один депутат без права решающего голоса.

На Северо-Западной территории предусматривалось формирование 3—5 штатов. Как только свободное население какого-либо из них достигало 60 тыс. чел., ему разрешалось вступить в союз на тех же основаниях, что и первоначальные штаты. Тем самым проводилась новая политика колонизации, основанная на *принципе равноправия*, было признано то, что колонизация есть лишь расширение национальных границ и колонии пользуются не привилегиями, но равными с метрополией правами. Это положение ордонанса легло в основу американской политики в отношении общественных земель, на этих принципах происходило последовательное расширение американской территории до Тихого океана.

Развитие внутренней торговли сплачивало нацию. Строительство железных дорог помогало связать воедино различные районы быстро расширяющейся территории страны. На Востоке бурно росла промышленность, на Среднем Западе и Юге развивалось сельское хозяйство. Однако следует отметить, что процесс пополнения федерации новыми членами развивался достаточно сложно. Так, существовала серьезная оппозиция принятию новых членов в состав США. Антифедералисты полагали, что республиканская форма правления несовместима с большой территорией; демократия может успешно функционировать лишь в пределах относительно компактной территории. Федералисты оспаривали эти аргументы, настаивая, что небольшой размер территории отнюдь не гарантирует внутривнутриполитической стабильности. Напротив, чем больше территория, тем больше возможностей избежать навязывания местному сообществу узких интересов той или иной элитной группой. Однако даже те, кто высказывался за расширение территории США, часто были против предоставления «новичкам» того же статуса, что и штатам — основателям американской государственности. В качестве аргументов они выдвигали соображения безопасности: включение новых штатов может ослабить безопасность государства, а издержки этого лягут как раз на восточные штаты [Макарычев, 1997:

195—196]. Тем не менее в конечном итоге вопрос был решен в пользу присоединения новых штатов на принципе равноправия.

Наличие подвижной границы поселений на Западе (фронтира) оказывало огромное влияние на все американское общество. К 1800 г. бассейны рек Миссисипи и Огайо стали великим пограничным регионом. Отток населения на Запад привел к появлению новых границ: территория государства расширялась в южном и западном направлениях. В 1803 г. США купили у Франции огромную Луизиану (более 2,5 млн кв. км); в 1819 г. Испания уступила США за бесценно Флориду; в 1840—1850-х годах американцы захватили северные территории Мексики; в 1846 г. США присоединили расположенную на северо-западе территорию Орегона, расположенную между Скалистыми горами и Тихим океаном. Не будем забывать и о покупке у Российской империи в 1867 г. Русской Америки — Аляски и Алеутских островов. Произошло и отмежевание США на севере от английских владений (будущей Канады): здесь граница была установлена по 49° с. ш.

Стратегии расширения территории: покупка Луизианы, аннексия Техаса, присоединение Калифорнии и Нью-Мексико, освоение Великих равнин

Одна из инициатив президента Джефферсона практически удвоила территорию нового государства. Испания долго удерживала территории к западу от Миссисипи с важнейшим Нью-орлеанским портом. Потом Наполеон вынудил передать Луизиану Франции, сдерживая тем самым англосаксонское доминирование в Северной Америке. Однако его планы создания огромной колониальной империи к западу от США угрожали торговле и безопасности американских штатов. Но Наполеон не хотел новой войны. Он решил наполнить казну, сделать Луизиану недосыгаемой для Британии и одновременно заручиться поддержкой США; так что за 15 млн долл. огромная территория Луизианы перешла к США (отметим, что Джефферсон тем самым нарушил Конституцию, которая не предусматривала случая покупки иностранной территории, к тому же он действовал, не заручившись согласием Конгресса). Тем не менее это приобретение еще более усилило поддержку президента, и в 1804 г. он был переизбран на второй срок.

BOX 7.6

Одной из интересных и весьма загадочных фигур этого периода является бывший вице-президент и радикальный федералист *Аарон Бэрр*, выходец из Нью-Йорка, который в том же 1804 г. потерпел поражение на выборах губернатора

штата Нью-Йорк. Не последнюю роль в его поражении сыграл Александр Гамильтон, которого Бэрр вызвал на дуэль. Дуэль закончилась смертью Гамильтона. Фактически для Бэрра это означало политическую смерть, по крайней мере на востоке страны. Он переезжает на запад с целью создания своего государства и вступает в переговоры с Лондоном и Мадридом (англичанам он обещает, что его государство будет тесно связано с империей, испанцев уверяет, что создаст буферное государство между Мексикой и США). На каких землях должно было в действительности располагаться «государство Бэрра», до сих пор остается открытым вопросом. Некоторые исследователи полагают, что он хотел «оторвать» Луизиану от США. Согласно другой версии «его» землями должны были стать Техас и Мексика. Бэрр вербует отряд и отправляется в рейд по Кентукки. Однако его планам не суждено было сбыться; в 1806 г. он был арестован и предан суду. Попытка сецессии Запада не удалась, однако авантюра Бэрра показала: пока страна не создаст единого национального рынка, ей будет грозить опасность разобщения.

На волне успеха американцы попытались «отодвинуть» британцев на севере, захватив Канаду. Однако эта попытка окончилась большим провалом; война 1812 г. считается одним из наиболее «неудачных» событий американской истории. К тому же эта война резко разделила штаты: Юг и Запад выступали за военные действия, а Нью-Йорк и Новая Англия были против войны [Nevins, Commager, 1992: 140]. Помимо этого, война 1812 г. привела к конфликту между северо-востоком страны и центральным правительством: в ходе войны экономическая политика правительства нанесла ущерб торговым интересам северо-востока, и в 1814 г. представители этого региона созвали конференцию в г. Хартфорде по вопросу о выходе из состава федерации. Хотя этого и не произошло (вскоре после проведения конференции война подошла к концу), сама конференция отразила недовольство Северо-Восточного региона законностью политических решений, принятых на национальном уровне.

Вскоре после принятия в союз новых штатов сложилась политическая карта земель к востоку от Миссисипи. За пять лет появилось шесть штатов: в 1816 г. — Индиана, в 1817 г. — Миссисипи, в 1818 г. — Иллинойс, в 1819 г. — Алабама, в 1820 г. — Мэн, в 1821 г. — Миссури. Первоначальная граница поселений имела своим «тылом» Европу, следующая — приатлантическое побережье, но население долины Миссисипи уже больше смотрело на Запад, а не на Восток.

Одним из наиболее серьезных конфликтов, поставивших под вопрос территориальную целостность нового государства, был конфликт между свободными и рабовладельческими штатами. Этот конфликт стал центром политической жизни страны и надолго определил ее политическую повестку дня. Некоторое время кризис разрешался на основе применения *правила равновесия*.

ВОХ 7.7

«Миссурийский компромисс» и «правило равновесия».

В 1818 г. федеральные законодатели рассматривали вопрос о принятии в федерацию Миссури. Северяне, опасавшиеся перевеса южан в национальном правительстве, выступили с предложением предоставить Миссури права штата и принять в союз при условии отмены там рабовладения. Предложение прошло в Палате представителей, но было забаллотировано в Сенате, где южане имели равное представительство и наложили вето на предложение северян. Однако компромисс в конце концов был достигнут. Миссури был принят как рабовладельческий штат, однако одновременно Мэн был отделен от Массачусетса и получил статус штата (естественно, свободного, а не рабовладельческого); а Конгресс постановил, что рабство должно быть навсегда исключено с территории к северу от 36 гр. 30 мин. — по южной границе Миссури. Как показало будущее, кризис был не разрешен, а отложен; война между Севером и Югом была впереди.

Помимо этого, на основе «Миссурийского компромисса» было выработано «правило равновесия», в соответствии с которым права штата предоставлялись на основе равного представительства в Сенате Севера и Юга. «Правило равновесия» не только предоставляло каждому региону право вето на проведение политики, не соответствующей его интересам, оно стало основным принципом национальной политической жизни в годы, предшествующие Гражданской войне [Weingast, 1995].

Как уже было сказано выше, американский фронтир — это не просто линия на карте и даже не просто граница — это социальный процесс. Когда американцы говорят о фронтире, они говорят об освоении Запада. Однако первым фронтиром стало Атлантическое побережье, вторым — Аппалачи, третьим великим регионом фронта стали к 1800 г. долины рек Миссисипи и Огайо («*Hi-o, away we go, floating down*

the river on the O-hi-o» — пели эмигранты). К 1796 г. Кентукки и Теннесси стали полноценными штатами, Огайо должен был вот-вот последовать за ними; к 1820 г. Индиана и Иллинойс на северо-западе, Луизиана, Алабама и Миссисипи на юго-западе — все они стали штатами. Первый фронтир был тесно связан с Европой, второй — с побережьем, но жители долины Миссисипи уже не смотрели назад, они смотрели вперед — на Запад (читайте Фенимора Купера!), и войны с индейцами (с племенем крик на Юге, семинолами во Флориде и текумсе в Индиане) не могли остановить пионеров (карта 7.6).

На «ближайшем» Западе начинается сооружение дорог: первым важным путем на Запад становится Кумберлендская дорога от Мэриленда до Иллинойса (начата в 1811 г.). Однако настоящим прорывом в организации путей сообщения становится строительство Эри-канала, который соединил реку Гудзон и океан с Великими озерами, т. е. проложил водную дорогу в самое сердце континента. Вдоль канала возникли и росли города, канал утвердил Нью-Йорк в качестве лидера торговли и финансов.

Отметим, что позже в ходе Гражданской войны канал способствовал спасению Союза (Севера), поскольку своевременно связал долину Миссисипи с северными атлантическими штатами. Мигранты двигались преимущественно в широтном направлении — вдоль параллелей. Алабаму и Миссисипи заселяли южане, Мичиган и Висконсин — северяне. В Огайо, Индиане и Иллинойсе два потока соединялись (карта 7.7).

Обширные земли к западу от Миссисипи в 1803 г. исследовала посланная Джефферсоном экспедиция Льюиса и Кларка; путешественники составили подробные карты и описания земель. После возвращения Кларк создал меховую компанию Миссури, Джон Астор — Американскую меховую компанию; в 1822 г. Вильям Эшли организовал Меховую компанию Скалистых гор. Земли осваивались не только предприимчивыми торговцами; активную роль сыграли миссионеры.

ВОХ 7.8

Мормоны. Мормоны Юты — религиозная секта (базовыми ценностями ее членов являются индивидуализм и евангелизм), основанная Джозефом Смитом и сыгравшая большую роль в освоении штата. Первоначально штаб-квартира секты располагалась в Иллинойсе, потом мормоны были изгнаны оттуда и под предводительством Бригема Янга пересекли Миссисипи и двинулись на Запад. Они достигли долины Великого соленого озера и обнаружили, что она (в отличие от окружающих пустынных ландшафтов) весьма плодородна.

Там мормоны основали город Солт-Лейк-Сити, к 1850 г. Юта получила статус штата (карта 7.8). Полигамия, принятая в обществе мормонов, отложила принятие Юты в состав союза на правах штата почти на 50 лет — до тех пор, пока члены секты от нее не отказались.

Аннексия Техаса. Первоначально Техас был слабозаселенной частью Мексики, правительство которой было малоэффективным и коррумпированным. В 1835 г. американские поселенцы в Техасе подняли восстание против Мексики и добились независимости. Техасская республика процветала, привлекая множество новых колонистов. Для США Техас с его дешевым хлопком и новыми землями был крайне привлекателен, к тому же существовали опасения, что Британия попытается создать в Техасе свой протекторат. В 1845 г. Техас был аннексирован и присоединен к США. Техас и сегодня принадлежит к наиболее мощным культурно-географическим районам США, влияние техасской культуры ощущается не только в Техасе, но и к западу и юго-западу от территории штата: Майнинг называл этот штат «Техасской империей» [Meinig, 1969: 93].

Война с Мексикой и присоединение Калифорнии и Нью-Мексико. В 1845 г. Калифорния, как и Техас ранее, была весьма слабо заселена. Номинально эти территории принадлежали Мексике, однако управления практически не было: не было ни судов, ни полиции, не работали почта и школы. Коммуникации между Мехико и Калифорнией были весьма редкими; между тем американский «элемент» в регионе постоянно усиливался. Многие в США ожидали, что Калифорния упадет как «спелый персик в протянутую руку» США. Возможно, именно это и случилось бы, если бы не война США с Мексикой, которая началась в 1846 г. Непосредственным поводом к конфликту стал спор в отношении границы Техаса, однако американцы, используя этот повод, вошли на территорию Мексики и захватили столицу. Согласно мирному договору от 1848 г. США присоединили не только Калифорнию, но и огромную территорию между ею и Техасом. После этого развитие Калифорнии пошло крайне быстро даже по американским стандартам, и уже в 1850 г. она получила статус штата. Утвердившись на Тихоокеанском побережье, США развернули фронт на запад, к центральным, еще слабо освоенным районам континента.

Между тем конфликт между свободными и рабовладельческими штатами обострялся, и новому государству пришлось выдержать еще одно серьезное испытание: *Гражданскую войну* (1861—1865 гг.). Это была борьба между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом.

С приемом новых штатов в состав союза действие Миссурийского компромисса было затруднено, и в 1850 г. для сдерживания конфликта был предложен новый, еще более сложный, компромисс. В 1854 г. конфликт опять обостряется (16 октября 1854 г. президент Линкольн произнес в Пеории знаменитую речь против рабства как института, который должен быть ограничен и впоследствии полностью отменен). Однако дело двигалось к войне, и не только из-за резких расхождений в отношении к институту рабства. Север и Юг развивались согласно различным логикам — и политическим, и экономическим, и социальным. Юг был почти полностью сельским (за исключением крупного Нового Орлеана), на Севере же росли крупные урбанизированные ареалы, а население Нью-Йорка приближалось к миллиону. На Юге промышленность была развита крайне слабо, на Севере же именно этот сектор был двигателем развития.

Как ни странно, сецессию (выход южных штатов из состава союза), а следовательно, и начало военных действий, подтолкнули выборы Линкольна в качестве президента страны на второй срок. Однако Линкольн, как показал его первый срок, не мог (и даже не намеревался) сразу отменить рабство на Юге страны, он выступал за постепенную отмену, так что южанам, казалось бы, нечего было бояться. Однако в 1861 г. делегаты от восьми южных штатов собрались на конгресс в Монтгомери (штат Алабама) и провозгласили создание Конфедерации американских штатов. Чуть позже к ним присоединились еще три штата, тем самым увеличив состав Конфедерации до 11 членов.

Пример к сецессии подала Южная Каролина. В декабре 1860 г. легислатура штата приняла ордонанс об отделении, гласивший, что «союз, существующий между Южной Каролиной и другими штатами, расторгается». Через месяц из союза вышли еще 7 рабовладельческих штатов: Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана, Техас, Теннесси. Чуть позже — еще три: Арканзас, Виргиния, Северная Каролина. Отделившиеся территории составляли около 40% площади прежде единой страны. В феврале была провозглашено создание Конфедерации южных штатов Северной Америки, которую составляли суверенные независимые государства — штаты. В конституции Конфедерации рабство признавалось законным институтом не только на ее территории, но и на всех территориях, которые присоединятся к Конфедерации [Агеев, 2005: 296].

Двадцать три «звездно-полосатых» штата (Север) опережали южан по численности населения и уровню развития. Но и у южан было преимущество: им не надо было выигрывать в конфликте с Севером, непосредственно завоевывая территории, необходимо было не продви-

гаться вперед, но только удерживать свои территории. Война между Севером и Югом имела своих великих героев: северянина Абрахама Линкольна и южанина Роберта Ли. Конфедерация проиграла в войне с Севером, однако ненависть между двумя частями страны сохранялась еще десятилетия. Порядок восстановления послевоенного Юга предусматривал военное управление и разделение штатов Конфедерации на 5 военных округов. Однако постепенно южным штатам возвращались их права. Помимо ненависти к Северу, последствиями войны было создание секретных обществ радикального толка, таких как печально известный ку-клукс-клан. Отмечу, что период с 1855 по 1870 г. мог быть не таким конфликтным и кровавым, если бы рабство на Юге было бы отменено постепенно, как это предлагал сделать Линкольн.

Победа Севера привела к отмене рабства и способствовала развитию страны с огромной территорией, быстро растущим населением и богатыми природными ресурсами.

После войны США оставалось освоить только одну территорию — Великие равнины (современные штаты Невада, Колорадо, Монтана, Вайоминг, Северная и Южная Дакоты). Эти земли стали «королевствами» угледобычи и скотоводства, было создано великое множество городов, преимущественно мелких. Некоторые из них процветали, другие пришли в запустение и превратились в «города-призраки»; только в штате Канзас около двух тысяч названий городов, созданных в ходе освоения, к настоящему времени исчезли с географической карты. К 1900 г. на новых землях проживало более 800 тыс. чел. Последний американский фронтир исчез (карта 7.9).

В последней четверти XIX в. почти вся страна была поделена на штаты и территории. Заселение Запада значительно ускорилось благодаря Акту о гомстедах 1862 г. (гомстед — земельный участок для строительства фермы, при его получении уплачивалась пошлина в 10 долл.), согласно которому гражданам бесплатно раздавались участки земли в 64 гектара — при условии их занятия и обработки. К 1880 г. к частным владельцам перешло 22,4 млн га земли. К 1890 г. граница поселений практически исчезла (карта 7.10).

BOX 7.9

Американское «географическое воображение» и мир. Географическое воображение американцев обычно связывают с идеей расширяющегося фронта, который не только определяет историю Америки (в отличие от европейской истории), но и служит основной метафорой для описания американских инициатив за пределами территории США. Амери-

канские географы говорят о дуализме этого воображения: с одной стороны, это идея огромного национального континентального пространства, освоенного людьми с цивилизаторской миссией, с другой — идея национального проекта вне географических границ, основанного на проецировании в мир ценностей, восходящих к фронтирному опыту нации. Президенты Мак-Кинли и Теодор Рузвельт были первыми, воспринявшими США как *агента глобального порядка*, основанного на американском опыте освоения и управления собственной страной. Американский опыт освоения фронта и его проекция на мир воплотились в двух важных политико-экономических принципах: 1) экспансия рынка необходима для политического и социально-экономического благополучия; 2) экономическая свобода есть производная от свободы вообще. Первым важным институциональным воплощением этих принципов стала Конституция США [см. American Space / American Place, 2002].

Освоение территории и формирование территориальной структуры Канады

Контуры Канадской конфедерации сложились в результате борьбы представителей двух великих держав — Англии и Франции. В 1497 г. первое английское судно с капитаном Джоном Каботом достигло Ньюфаундленда; в 1534 г. первый француз Жак Картье вошел в залив Св. Лаврентия. В 1663 г. Канада стала официальной колонией Франции, однако расширялась и английская колонизация, что во многом было связано с созданием английской Мехоторговой компании Гудзона залива. После Семилетней войны согласно договору Канада стала колонией Англии, а французы составили ядро франко-канадской провинции Квебек. (С тех пор отношения англо- и франкоканадцев, территориально выраженные в «проблеме Квебека», стали основной политико-географической «интригой» страны). Иммигранты из Англии заселяли Атлантическое побережье и центральную часть страны (Великие равнины). Освоению срединных Степных провинций в Канаде во многом способствовал аналогичный принятому в США Закон о гомстедах 1872 г.

В колониальной политике Франции XVI—XVIII вв. четко прослеживаются два основных этапа — восходящий, продолжавшийся вплоть до начала XVIII в. и соответствующий периоду подъема и расцвета французского абсолютизма, и нисходящий, соответствующий периоду нарастания кризиса старого порядка. Если в ходе первого этапа

проводилась достаточно активная колониальная политика, хотя и не всегда последовательная, то на втором этапе наблюдался спад колониальной активности и чисто утилитарный подход к эксплуатации уже имевшихся колоний — XVIII в. стал временем падения первой французской колониальной империи.

Отмечу, что характер французской колониальной экспансии принципиально отличался от колониальной политики Англии. Так, масштабы территориальной экспансии англичан были невелики, они освоили лишь сравнительно небольшую полосу Атлантического побережья Северной Америки, однако по численности населения английские колонии многократно превосходили французские. В английских колониях интенсивно развивались буржуазные отношения, колонизация осуществлялась людьми, приехавшими в Америку в поисках религиозной и политической свободы. Проводилась весьма жесткая политика в отношении коренного индейского населения.

Французская колониальная империя имела совершенно иной характер: ее территория была огромна, а население ничтожно мало; господствовали феодальные порядки. Французская колонизация носила четко выраженный *государственный характер*, большую роль в ней играла католическая церковь.

Основная роль в колонизации и освоении Канады принадлежала абсолютистскому государству, которое преследовало чисто политические цели, в то же время это государство никогда не придавало колонизации Канады первостепенного значения. Это объясняет специфическую структуру французской колониальной империи. На первом месте всегда стояла территориальная экспансия, в результате благодаря усилиям горстки энтузиастов французы смогли включить в состав своих владений половину Североамериканского континента. Однако поскольку экспансия не была подкреплена экономическими интересами (пушной промысел, логика развития которого требовала постоянного включения новых территорий, не мог «переварить» всей этой территории), а поддержка французского правительства была совершенно недостаточной, империя была в значительной степени эфемерной.

В результате Новая Франция представляла собой небольшую переселенческую колонию в долине реки Св. Лаврентия, окруженную со всех сторон огромными малонаселенными пространствами, формально считавшимися французскими владениями, где были разбросаны отдельные французские форты, миссии и торговые фактории и где свободно кочевали индейские племена. В Канаде, где большое значение в системе колониальной эксплуатации играл пушно-меховой промысел, индеец был «обязательным элементом» системы, без

которого пушной бизнес не мог существовать. Однако впоследствии, с заселением канадских западных территорий, колониальные власти осуществляли особенно безжалостную политику в отношении индейцев [Агеев, 2005: 231].

Первая половина XVIII в. характеризовалась соперничеством Франции и Англии за утверждение своего господства в Северной Америке. После образования в 1670 г. Компании Гудзонова залива Новая Франция оказалась зажатой между английскими владениями, соперничество между ними обострилось на почве торговой конкуренции.

В 1791 г. британский парламент одобрил проект закона о Канаде, который получил название Конституционного акта. Все оставшиеся английские колонии на континенте объявлялись единым владением под названием Британская Северная Америка во главе с генерал-губернатором с резиденцией в Квебеке. С тех пор довольно часто применительно ко всей территории стало употребляться понятие «Канада». Бывшая колония Квебек делилась на две провинции: Верхнюю (английская) и Нижнюю (французская) Канаду. Британскую Северную Америку составляли Верхняя и Нижняя Канада, Новая Шотландия и Нью-Брансуик. Британская корона обладала огромным земельным фондом в Канаде.

В 1840 г. английский парламент принял Акт о Союзе, объединившем Верхнюю и Нижнюю Канаду в одну колонию под названием «Провинция Канада».

Интересы хозяйственного развития Британской Северной Америки требовали более тесной связи ее территорий, устранения внутренних тарифных барьеров. Расширение и объединение внутреннего рынка требовали формирования новой политической структуры на месте разобщенных колониальных провинций. Складывание союза колоний началось только в 50-х годах XIX в. В 1862 г. межпровинциальная конференция в Квебеке приняла решение о введении свободы торговли готовыми промышленными изделиями. Продолжалось открытие новых земель и освоение Североамериканского континента. Были открыты огромные территории вплоть до Тихого океана, однако поселенцев там почти не было. Чтобы предотвратить присоединение к США британских владений на Дальнем Западе, английское правительство в 1858 г. выкупило у Компании Гудзонова залива остров Ванкувер и основало колонию Британская Колумбия. К этому времени государственная граница между Канадой и США по Орегонскому договору 1846 г. по 49-й параллели была доведена до Тихоокеанского побережья. Вступление Британской Колумбии в 1871 г. в состав Канадской федерации на правах провинции обозначило наряду с южной и дальние западные

рубежи нового государства. В центре же континента лежало «мертвое пространство».

Федеративный союз в Канаде был оформлен по инициативе приатлантических провинций: в 1867 г. палата общин в Вестминстере приняла Акт о Британской Северной Америке. В единый федеративный доминион под Британской короной объединились образованные из провинции Канада франкоязычный Квебек и англоязычный Онтарио, Новая Шотландия и Нью-Брансуик. В 1870 г. Компания Гудзонова залива уступила доминиону Канада обширные территории — от Великих озер до Скалистых гор. На этой территории в том же году было образована провинция Манитоба, а позднее — Саскачеван и Альберта. В 1871 г. в Канаду вошла Британская Колумбия, в 1873 г. — остров Принца Эдуарда.

Фактически Канада была полусуверенной, полуавтономной федерацией бывших колониальных провинций. Образование доминиона в составе четырех провинций положило начало складыванию единого общеканадского государства, ядром которого явилась первоначальная территория доминиона, прежде всего провинции Онтарио и Квебек — ось территориальной структуры современной Канады.

BOX 7.10

Проблема: Квебек в Канаде. Широко известна проблема регионального сепаратизма в Квебеке, которая делает вероятность распада Канады в ближайшие десятилетия весьма высокой [Захаров, 1997: 204]. Основная «интрига» заключается в объединении в одном государстве двух наций — англо- и франкоканадцев, при этом многие из последних, компактно проживающие на территории провинции Квебек, хотят отделиться от «остальной» Канады.

Вернемся к истории: до прихода британцев Канада была просто одной из провинций, составлявших Французское королевство. Интересно, что, несмотря на малое население, Новая Франция изумляла исследователей высоким уровнем развития культурной и духовной жизни. Ситуация радикально изменилась после того, как контролировать Канаду стала Британия — после Парижского договора 1763 г. французская элита покидала Канаду, на ее место приходила новая, британская элита. Однако постепенно развивалась и особая, франко-канадская элита, которая представляла собой группу, не имеющую политического контроля над территорией своего проживания. Британцы использовали политические,

правовые, административные институты для достижения и последующего воспроизводства контроля над территорией Канады; ее франкоязычное население стало к середине XIX столетия меньшинством. Лишь долина реки Св. Лаврентия оставалась преимущественно франкоговорящей и стала политическим ядром Квебека. Однако в то же время в Квебеке проживали не все канадцы, говорящие на французском языке: диаспора простиралась в прерии, на север и восток Онтарио, а также в Новую Англию (территорию США). Фактически сохранение автономии Квебека в той или иной форме стало вопросом выживания франко-канадской культуры, не имеющей государственности [Berdoulay, 1994: 188—189].

С уходом Квебека страна потеряла бы 25,3% своих граждан и 15,5% территории. Сепессия Квебека приведет к разрушению давно устоявшегося равновесия территориальной структуры: провинция Онтарио, в которой проживает около половины населения страны, окажется «супергигантом», полностью доминирующим в новой федерации. Это в свою очередь может привести к попыткам обособления со стороны со стороны как Британской Колумбии, так и небольших Атлантических провинций (они будут полностью изолированы от остальных частей страны), и страна станет классической конфедерацией [Захаров, 1997: 207]. Лидеры Квебекской партии, «мотора» сепаратизма, утверждали, что их целью является ликвидация экономической и культурной несправедливости по отношению к Квебеку. Надо заметить, что федеральное правительство прилагало немало усилий для «умиротворения» сепаратистов: с 1964 г. Квебек имел «специальный статус» в федеральных программах, в 1989 г. по инициативе премьер-министра Малруни было выработано конституционное соглашение, признававшее Квебек *особым сообществом* — *distinct society* (правда, две провинции — Манитоба и Ньюфаундленд — его так и не ратифицировали). Фактически со стороны федерального центра был развернут процесс *асимметричной деволуции* (см. ниже), однако к успеху он до сих пор не привел.

В мире нет других стран, где к сепаратистам относились бы столь же терпимо, как в Канаде. С одной стороны, очевидно, что последствия сепессии Квебека будут если не катастрофическими, то по крайней мере достаточно тяжелыми для остальной Канады. Однако принципы демократии не-

поколебимы, политическая элита страны в целом разделяет убеждение в том, что Канада останется единой лишь в том случае, если ее граждане пожелают жить вместе *добровольно*. Страна не должна и не может строиться на силе — эта идея крайне важна, и канадцы реализуют ее, возможно, ценой территориальной целостности своей страны.

Процесс заселения страны пошел крайне быстрыми темпами. Только за 10 лет, с 1872 по 1882 г., было роздано 42 тыс. гомстедов в провинции Манитоба и на территории будущих провинций Саскачеван и Альберта. Много земельных угодий было распределено также в провинциях Онтарио и Квебек (карта 7.11).

Интересен вопрос о взаимосвязи характеристик территории и политического единства канадского государства. Так, некоторые канадские географы считают, что сама физико-географическая среда способствовала единству страны, точнее, гидрографическая система — река Св. Лаврентия, Великие озера, реки Саскачеван, Маккензи и Фрэнсис. Как только стала развиваться торговля мехами, купцы использовали эти естественные коммуникации для освоения территории и объединения страны. Однако другие исследователи полагают, что география «играла» против объединения страны, в которой три крупных региона — Британская Колумбия, Западные равнины и более фрагментированный Восток развивались автономно, почти изолированно и, более того, испытывали постоянное притяжение не друг к другу, но к США. Лишь один регион избежал магии притяжения могучего южного соседа — собственно Лаврентийский регион, земля франко-канадцев [Berdoulay, 1994: 189—190].

США: региональные различия

Американская нация складывалась в исключительно своеобразной географической среде. Американской культуре (в том числе политической) присуще на редкость яркое региональное самосознание граждан, в силу которого они четко ассоциируют себя с определенным районом страны, адресуя ему свой патриотизм и противопоставляя себя, порой весьма жестко, другим районам страны и их жителям. По результатам своего исследования США известный географ Смирнягин приходит к выводу о том, что «в особой роли географического фактора заключена одна из главных специфических черт американского народа» [Смирнягин, 1989: 355]. Современные американцы имеют в головах достаточно выпуклые ментальные карты США; региональное самосознание не отрицает — эта форма идентичности «сечет» границы этнических сообществ и объединяет людей разных поколений.

Регион — это территория и климат; это определенный тип отношений между социальными группами; это тип хозяйствования и отношения с федеральным правительством, наконец, это набор институтов и особых культурных норм [Ayers, Limerick, Nissenbaum, Onuf, 1996: 5]. Сосуществовая, дополняя друг друга на карте страны, регионы объединяют людей, их корни лежат во взаимосвязи человеческой общности и определенной территории. Размышления в региональном ключе, по-видимому, наилучшим образом отвечают вызовам американского разнообразия.

С самых первых шагов колонизации на территории США стали складываться районы с резкими различиями между ними. Северная часть страны заселялась в основном мелкими фермерами, южная — плантаторами. Поэтому сразу возник конфликт (который вылился потом в Гражданскую войну) между буржуазным капиталистическим *Севером* и рабовладельческим *Югом*. Граница между ними официально проходила по границе между штатами Пенсильвания и Мэриленд (37° с. ш.). Помимо этого, за линией сплошного освоения начал складываться новый крупный регион — *Запад*. Три главных региона страны окончательно оформились к началу XX в.; их названия насыщены для американцев особым смыслом. Так, *Север* — это мощная промышленность и большие города, предприимчивость, демократизм, особая (протестантская) трудовая этика. В свое время Север далеко опережал другие районы по темпам развития, однако сейчас темпы развития хозяйства гораздо выше на Юге и Западе. *Юг* — это не только и не столько жара, но и стереотипы эпохи рабовладения, большая доля чернокожих в населении, жесткое классовое расслоение общества. *Запад* олицетворяет огромные горизонты и почти безграничные возможности человека, упрощенные правила жизни и быта. Районы страны самоопределялись в том числе и друг через друга так, Север определял свою идентичность прежде всего как принципиально отличную от Юга, и наоборот. Надо отметить, что деление Север — Юг характерно для почти любой крупной страны, достаточно упомянуть такие европейские страны, как Германия, Франция, Италия.

Региональная структура США постоянно усложнялась, и сейчас Бюро переписей США выделяет в стране девять районов. Это:

Новая Англия — самый маленький по площади и населению район (3/4 его территории приходится на три штата — Мэн, Вермонт и Нью-Гемпшир, однако в них живет менее 1/3 его населения). Это «совершенный» регион США с продолжительной по американским меркам и гордой историей. Исторически это был край мелких фермеров, моряков, торговцев, которых называли *янки*. Именно здесь в конце XVIII в. началась американская промышленная революция. Интересно заме-

чание историков о том, что если бы Америка заселялась с запада, то Новая Англия, вероятно, осталась бы незаселенной. Однако поскольку заселение шло из Европы, то Новая Англия оказалась самым близким к ней районом. Сегодня ее сердцем является штат Массачусетс (его столица — Бостон — имеет репутацию культурной столицы всей страны) с мощной промышленностью и знаменитыми университетами.

Среднеатлантические штаты — район, во многом похожий на Новую Англию: та же ранняя колонизация, цепь крупных городов на побережье, а за ними — Европа. Но масштабы здесь больше. По всему восточному побережью протянулся «сверхгород» — мегаполис и расположен самый крупный город страны — Нью-Йорк. Еще в 1825 г. между озером Эри и рекой Гудзон был проложен Эри-канал, который сразу и резко оживил экономическую жизнь района, а вдоль канала выросла цепочка крупных городов. В южной части района расположена Филадельфия, город, в котором были написаны Декларация независимости и Конституция США.

Северо-восточный центр (Приозерье) — это район с превосходными условиями для фермерства и хорошими транспортными условиями — река Огайо на юге и Великие озера на севере. Этот район был заселен быстро и плотно, возникли крупные промышленные центры — Цинциннати, Кливленд, Детройт, Чикаго.

Северо-западный центр — Великие равнины — лежит между рекой Миссисипи и Скалистыми горами. Этот обширный район — настоящая фабрика зерна и мяса, край «хлебов и хлевов». Трудно поверить, что этот край долго имел название «Великой американской пустыни»: колонистов пугал огромный безлесный океан травы.

Южноатлантические штаты (Черный Юг, Юго-Восток) — представляют собой три различных по характеру освоения и деятельности территории. Во-первых, на севере района находятся столица США Вашингтон и фактически сросшийся с ней портовый и промышленный центр Балтимор. Во-вторых, это неофициальная столица американского Юго-Востока Атланта. В-третьих, это Флорида — знаменитый курортный район.

Юго-восточный центр (Пограничный и Глубокий Юг) лежит по обе стороны Аппалачей между Мексиканским заливом и рекой Огайо, а на западе выходит к Миссисипи. Его северную часть (штаты Кентукки и Теннесси) называют Пограничным югом, имея в виду переходный характер региона: пониженную долю чернокожего населения и обилие промышленности в городах вдоль Огайо. Южные штаты Алабаму и Миссисипи называют Глубоким Югом в силу резкой выраженности негативных сторон жизни на юге: расовой сегрегации, бедности,

отсталости хозяйства. Когда американцы в социологических опросах указывают на отсталость Юга как его характерную черту, они подразумевают именно этот регион.

Юго-западный центр — это часть Юга, которая была освоена лишь в середине XIX в. Она включает Луизиану, а также весьма динамично развивающиеся на богатых ресурсах нефти и газа Техас и Оклахому. Некоторые территории района весьма своеобразны: это так называемый Каджунский галф, заселенный предками переселенцев из Франции (каджунами) с главным городом Нью-Орлеаном (до того как он пострадал от урагана, считался одним из красивейших в США), и юг Техаса — самый «мексиканский» район страны.

Горный Запад — его иногда называют «пустой четвертью» — на 23% территории страны живет лишь около 5% ее населения. Эта часть страны известна также как Дикий Запад, расселение здесь очаговое, людей привлекают богатейшие ресурсы недр (лучшие из месторождений уже отработаны). Здесь же располагается мормонский регион — это штат Юта с главным городом мормонов всего мира Солт-Лейк-Сити. Весьма интересен и так называемый Внутренний юго-восток (штаты Аризона и Нью-Мексико), где соседствуют, не смешиваясь, несколько культурных ареалов — самые крупные в стране индейские резервации, «староиспанцы», потомки испанцев, прибывших сюда задолго до американцев, в долине реки Рио-Гранде, мексиканский ареал вдоль границы с Мексикой.

Тихоокеанские штаты (Дальний Запад). Здесь расположена Калифорния — наиболее населенный штат США, города которого Сан-Франциско и Лос-Анджелес привлекают внимание всей страны. Хорошо развиты и северные штаты США — Орегон и Вашингтон.

Важно отметить, что наличие крупного развитого района на западной окраине — огромное преимущество США. Сравним эту ситуацию с российской, где восточные и северные окраины заселены несравненно реже западных. Это создает диспропорции в территориальной структуре, в США же, напротив, оба предела страны хорошо развиты, что балансирует и укрепляет территориальную структуру страны.

Два штата территориально оторваны от 48. Это Аляска — «край белого безмолвия», выходящий на Северный Ледовитый океан, на берегу которого открыты крупные месторождения нефти, и Гавайи — другая крайность — цепочка тропических островов, знаменитых своими пляжами, вулканами, отелями и разноязычным населением [Социально-экономическая география..., 1998: 333—341].

Районы, перечисленные мною выше, пока сохраняют свое значение. Однако в США постепенно формируется новая пространственная «геометрия». Принцип деления территории на «куски» (районы, при-

легающие друг другу, как в паззле) заменяются гиперпространством, которое представляет собой своего рода многослойный сэндвич, в котором каждый слой, имея различную толщину, тем не менее обнимает всю территорию страны [Zelinsky, 1973: 134].

Канада: региональные различия

В Канаде выделяют четыре крупных района и Север — территорию нового освоения. Велики межрегиональные контрасты.

Центральный район (южные части провинций Онтарио и Квебек) — концентрирует большую часть населения и экономической деятельности страны. Район расположен вблизи промышленного Северо-востока США, с которым его связывают Великие озера и река Св. Лаврентия. Мегалополис Торонто — Монреаль — это индустриальное ядро страны, важнейшая ось ее развития.

Степной район (провинции Манитоба, Саскачеван, Альберта) — главный поставщик сельскохозяйственной и минеральной продукции.

Дальний Запад, или *Тихоокеанский район* (провинция Британская Колумбия) — горный район относительно недавнего освоения, его столица — Ванкувер — считается одним из красивейших городов мира.

Атлантический район (провинции Ньюфаундленд, остров Принца Эдуарда, Новая Шотландия, Нью-Брансвик) — депрессивный и самый небольшой по числу жителей район; имея 10% жителей, он дает лишь около 3,5% продукции страны.

Наконец, *Север* — эти территории занимают 2/5 площади Канады, они слабо заселены и мало освоены [Социально-экономическая география... 1998: 306—308].

BOX 7.11

Трансграничные районы. Такие районы сложились вдоль американо-канадской границы — это объединение соседних провинций Канады и штатов США, которое характеризуется значительным развитием межрегиональных экономических связей, относительной однородностью социокультурной среды и наличием особых институтов. Выделяют четыре подобных района: Западный (провинции Британская Колумбия и Альберта и штаты Вашингтон, Айдахо, Орегон и Монтана), район Великих равнин (провинции Альберта, Саскачеван, Манитоба и штаты Монтана, Вайоминг, Северная Дакота, Южная Дакота, Миннесота), район Великих озер (провинция Онтарио и штаты Мичиган, Индиана, Огайо), Восточный район, который разделяется на два подрайона —

Квебекский (провинция Квебек и штаты Вермонт, Мэн, Нью-Хэмпшир, Нью-Йорк) и Атлантический (провинции Нью-Брансуик, Новая Шотландия, остров Принца Эдуарда, Ньюфаундленд и штаты Мэн, Нью-Хэмпшир, Массачусетс, Род-Айленд, Коннектикут). Видно, что в отличие от штатов США все провинции Канады формируют трансграничные районы с соседними американскими штатами.

В целом можно сказать, что «геометрия» канадской культуры сильно отличается от американской: в США культурные «зерна» (регионы) сменяют друг друга с востока и запад, а в Канаде — с юга на север. Более того, каждый канадский регион изолирован друг от друга и более тесно связан с соседними территориями США.

Литература основная

1. *Смирнягин Л. В.* Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989.
2. *Голубчик М. М.* Политическая география. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
3. Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В. В. Вольского. М.: Крон-Пресс, 1998. С. 297—341.
4. *Бусыгина И. М.* Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006.
5. *Nevins Allan, Commager Henry.* A History of the United States. N.Y — London, 1992.
6. *American Space / American Place. Geographies of the Contemporary United States.* Ed. by John Agnew and Jonathan Smith. Edinburgh University Press, 2002.
7. *Gilbert Martin.* Atlas of American History. London and New York: Routledge, 2006.

Литература дополнительная

1. Американский характер. Очерки культуры США. М.: Наука, 1998.
2. *Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.
3. *Макарычев А. С.* Регион в составе федерации: ранний американский опыт в сравнительной перспективе // Сравнительный регионализм: Россия — СНГ — Запад. Нижний Новгород, 1997.
4. *Ayers Edward, Limerick Patricia, Nissenbaum Stephen et al.* All Over the Map. Re-Thinking American Regions. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1996.

5. *Zelinsky Wilbur*. The Cultural Geography of the United States. N.J. Prentice-Hall, 1973.
6. *Markusen Ann*. Regions: The Economics and Politics of Territory. N.J. Rowman and Littlefield, 1987.
7. *Zagarri Rosemarie*. The Politics of Size: Representation in the United States, 1776—1850. Cornwell University Press, 1987.
8. *Berdoulay Vincent*. Stateless National Identity and French-Canadian Geographic Discourse. In: Geography and National Identity. Ed. by D.Hooson, Oxford: Blackwell, 1994. P. 184—196.

ГЛАВА 8. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ

А почему аборигены съели Кука?
Вот так загадка. Молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука:
Хотели кушать — и съели Кука!
В. Высоцкий

Австралия, Новая Зеландия и многочисленные острова в центральной и юго-западной частях Тихого океана (Океания) рассматриваются нами как особый макрорегион. Территориальная структура макрорегиона весь своеобразна: он включает как очень крупное по размеру государство — Австралийский Союз, так и множество небольших и мелких островных государственных образований.

Австралия — государство в составе Содружества, возглавляемого Великобританией, и занимающее материк Австралия, остров Тасмания и множество мелких островов. По размерам территории материк равен США без Аляски, а в одной только Западной Австралии могли бы уместиться все страны Западной Европы. Более 40% территории страны лежит к северу от тропика Козерога в области тропиков, почти вся остальная территория — субтропики. Только остров Тасмания находится в умеренном поясе.

Почти треть территории страны, в основном это внутренние районы, представляет собой пустыню или полупустыню, не занятую сельскохозяйственными угодьями. 60% территории бессточны, лишь одна крупная речная система — Муррей-Дарлинг на юго-востоке страны используется для судоходства и орошения.

Основное природное богатство Австралии — полезные ископаемые. Континент находится на первом месте в мире по запасам бокситов (1/3 мировых), циркония; на одном из первых мест по запасам железной руды, никеля, золота, олова. На шельфе и в штате Квинсленд открыты месторождения нефти, в штате Западная Австралия — месторождения газа. Австралии также принадлежит не менее 1/3 мировых запасов урана (в Северной территории, Южной и Западной Австралии) [Социально-экономическая, 1998: 550].

К моменту появления европейцев Австралия была заселена племенами аборигенов, предки которых прибыли из Южной Азии, предположительно в период позднего палеолита. Первыми европейцами, добравшимися до Австралии, были голландцы Янсзон (1606 г.) и Тасман

(1642 г.), так что первоначально Австралия получила название Новой Голландии, однако начало европейской (британской) более планомерной колонизации положили англичане, наиболее известным из них был Джеймс Кук, несчастная судьба которого общеизвестна. Кук во время своей первой кругосветной экспедиции открыл восточный берег (1770 г.) Австралии, назвал его Новым Южным Уэльсом и объявил собственностью британского короля Георга III. Первая британская колония (каторжная) была основана на территории современного Сиднея в 1788 г.

BOX 8.1

Судьба капитана Джеймса Кука. Песня Владимира Высоцкого повествует о том, что Кука по непонятным науке соображениям съели австралийские аборигены. Однако Кук погиб не в Австралии, а на Гавайских островах. Но и гавайцы его не ели. Во время своей последней, трагически закончившейся экспедиции (1776—1779 гг.) Кук обследовал и нанес на карту Северотихоокеанское побережье Америки и открыл острова Сандвичевой группы, включая Гавайские. 14 февраля 1779 г. с одного из судов Кука украли шлюпку, и Кук принял решение о захвате вождя гавайцев. В стычке между моряками и местными жителями Кук был убит. С телом мореплавателя поступили согласно местным обычаям, в соответствии с высшими почестями, поскольку Кук пользовался большим уважением у островитян.

Итак, Австралия — страна переселенческая: первоначально ее территории служили местом ссылки уголовных преступников из метрополии (в общей сложности до 1868 г. — даты завершения использования континента как места ссылки — в Австралию было сослано около 150 тыс. чел. Открытие замечательных по богатству месторождений в конце XIX в. (прежде всего золота: «золотая лихорадка» 1851—1861 гг.) привело к резкому увеличению потока мигрантов. К середине 1880-х годов большинство населения, проживающего на территории Австралии, было рождено на этом континенте, так что первоначальное чувство ссылки, оторванности от корней, несколько ослабло. Коренных жителей (аборигенов) сгоняли с их территорий и переселяли в резервации (численность аборигенов составляет менее 1% населения страны).

Примечательно, что метрополия была крайне плохо осведомлена о природных условиях, характере развития и особенностях населения своих дальних колоний. Материалы парламентских (вестминстерс-

ких) слушаний XIX в. показывают, что Англия собиралась создать в Австралии «маленькие Англии», населенные «просвещенными йоме-нами».

До конца XIX в. Австралия была континентом, но не государством. Ее шесть колоний развивались как далекая периферия империи, снабжающая метрополию сырьем и получающая от нее излишки населения. В 1901 г. шесть британских колоний объединились в Австралийский Союз (доминион Великобритании), в 1911 г. в федеративной структуре страны появилось два новых образования: Северная территория (перешла под управление федерации от штата Южная Австралия) и Столичная территория: последняя была приобретена федеральным правительством у штата Новый Южный Уэльс. Для того чтобы Столичная территория имела выход к морю, в 1915 г. правительство приобрело у штата Новый Южный Уэльс и территорию залива Джервиса (в 1988 г. она была выделена из Столичной территории и находится под управлением Департамента транспорта).

Политики колоний — будущих штатов — понимали необходимость объединения прежде всего в силу экономических преимуществ, которые оно давало, однако создание Австралийского Союза стало трудной задачей и совершалось в несколько этапов. Огромная территория континента и низкая плотность населения обусловили то, что до образования федеративного союза шесть штатов, его сформировавших, были крайне слабо связаны между собой — и экономически, и политически. Как писала газета «Нью-Йорк таймс» в 1889 г., колонии выглядели так, как будто «представляли собой отдельные независимые государства... между ними было больше ревности и претензий друг к другу, чем между старыми американскими колониями. Они проводили разные налоговые политики и находились в состоянии постоянной тарифной войны между собой; у них не было общих позиций по вопросам безопасности, и их монеты и почтовые марки также отличались друг от друга». Помимо этого, колонии по-разному видели свое место в составе будущего союза. Так, политические элиты Нового Южного Уэльса, наиболее развитой колонии, были готовы принять существование только такого союза, где Новый Южный Уэльс займет господствующее положение, или вообще никакого.

Первые две попытки договориться об объединении оказались неудачными. Третья попытка началась в 1890 г. с предложения выработать проект федеральной конституции. В 1891 г. конференция, в которой принимали участие делегаты, назначенные колониями, принимает первый конституционный проект, однако только в 1897 г., через шесть лет, второй конвент, состоящий уже из избранных гражданами де-

путатов, принимает вариант конституции, в котором учтены все поправки. Этот документ направляется в парламенты штатов на голосование. И опять парламент Нового Южного Уэльса голосует против. Конституция принимается лишь в 1899 г., после того, как специально созванный съезд премьер-министров колоний принимает еще одну, исправленную, версию конституции, согласно которой политическая роль Нового Южного Уэльса увеличивается, включая, в частности, положение о том, что столица нового государства — федеративного союза — будет располагаться на территории именно этого штата [Filipov, Ordeshook, Shvetsova, 2004: 199—200].

В 1931 г. союз получил полный суверенитет. Ослабление связей с Великобританией, особенно после Второй мировой войны, усилило национальную идентичность Австралии и привело к переориентации во внешних связях. Сегодня ее основными торговыми партнерами являются США, Япония, Великобритания (только на третьем месте), Новая Зеландия, Корея и Германия. Одним из факторов, способствовавших объединению колоний и превращению этого объединения в устойчивое политическое образование, стала активизация колониальной политики Франции в Океании и усиление военного присутствия Японии в Азии.

Английские колонисты не создавали в Австралии промышленно развитую демократию; они импортировали ее элементы извне, из метрополии. Австралия — это федерация с писанной конституцией, которая определяет разделение полномочий между союзом и его субъектами. В Австралийскую федерацию входит шесть штатов — Новый Южный Уэльс, Виктория, Квинсленд, Южная Австралия, Западная Австралия, Тасмания, и две территории — Северная и Столичная, сложившаяся вокруг г. Канберры (карта 8.1). Таким образом, федерация в Австралии формировалась «снизу», как союз колоний. Штаты и территории имеют свою законодательную власть — парламенты, исполнительную власть — правительства, и располагают значительной политической автономией. Штаты имеют представительство в верхней палате федерального парламента — Сенате, который насчитывает в своем составе 76 депутатов: по 12 от каждого штата и по 2 от двух территорий (с 1975 г.).

Сенаторы от территорий избираются раз в три года, сенаторы от штатов — на шесть лет с перевыборами половины из них каждые три года. Во главе штатов находятся назначаемые британским монархом по представлению правительств штатов губернаторы. Сохранение института губернатора в «старой» форме определяется тем, что штаты и после создания Австралийского Союза стремились сохранить независимую от федерации связь с Британской короной.

BOX 8.2

Австралия и Канада. Эти два государства называют иногда «братскими» и часто сравнивают. Действительно, и Австралия, и Канада — это переселенческие страны, это колониальные федерации. Для обоих государств характерны резкие диспропорции в размещении населения и хозяйства, хотя географически эти диспропорции выглядят по-разному: если для Канады характерно смещение населения и хозяйственной деятельности к югу, к границе с США, то в Австралии полоса повышенной плотности населения протянулась по восточному побережью. Наконец, в обоих государствах есть «проблемные» регионы, склонные к сепаратизму. В Канаде это провинция Квебек, в Австралии — штат Западная Австралия, который в 1933 г. предпринял попытку выхода из состава Союза. После референдума, на котором граждане штата поддержали идею выхода, правительство штата обратилось к королю и парламенту Великобритании с просьбой о признании этого акта. Однако британский парламент отказался одобрить выход Западной Австралии из состава Австралийского Союза.

Для Австралии характерны резкие межрегиональные диспропорции в размещении населения. Так, более 60% населения проживает в пяти крупных городских центрах или же вблизи них. Более 3/4 населения сосредоточено на восточном побережье, в Новом Южном Уэльсе, Виктории и Квинсленде. Около 85% австралийцев проживает не далее 80 км от моря, в этой же полосе расположены крупные города. Каждые двое из пяти австралийцев живут либо в Сиднее, либо в Мельбурне; каждые три из пяти — в столицах штатов [Социально-экономическая география, 1998: 551].

Качество территории, которая является первичным параметром для национального строительства, для Австралии представляет собой определенную проблему. Для национальной консолидации крайне важна связность территорий, горизонтальные связи между ними. В Австралии в силу природных причин (огромных засушливых территорий) достижение этой связности представляет собой серьезную проблему.

Население и проблема аборигенов. В составе населения Австралии резко преобладают переселенцы из Великобритании и Ирландии, а также иммигранты из других стран (в частности, стремительно растет иммиграция из азиатских государств, например, из Вьетнама и Китая,

с тех пор как в 1973 г. Австралия отменила «белую» иммиграционную политику. Помимо этого, в городах имеются уже хорошо укоренившиеся греческие и итальянские сообщества. Все это объясняет мультикультурализм австралийского общества). Австралийские аборигены составляют весьма незначительную долю в населении страны: около 250 тыс. из 20,3 млн чел. (данные 2005 г.). Большая часть аборигенов проживает в штатах Квинсленд, Западная Австралия и Северная территория.

Европейцы оттеснили аборигенов из всех районов, которые они считали пригодными для освоения. Только в северных и западных частях континента остались относительно нетронутые сообщества. Так что 100 лет европейской колонизации почти полностью уничтожили 40 000 лет традиций аборигенов [Diamond, 2005: 320]. До 1967 г. аборигены даже не учитывались переписью населения.

Интересно, что в 90-е годы Верховный суд Австралии, отвечая на вопрос: «Вправе ли аборигены требовать возвращения земель, которые кормили их тысячелетиями, а потом были отторгнуты европейскими колонизаторами?», дал положительный ответ. В постановлении суда указано, что организации аборигенов, племенные союзы могут в судебном порядке оспаривать право собственности на земли, которые они традиционно считали своими. Теперь предстоит совместить право местных племен на владение землями с действующими в стране законами о разработке недр и сельском хозяйстве. Это будет непросто, ведь требования аборигенов охватывают 42% территории страны [Голубчик, 1998: 277—278]. Тем самым Верховный суд отменил известное положение о том, что, когда капитан Кук в 1770 г. объявил о британском суверенитете над Восточной Австралией, эта территория никому не принадлежала (была так называемая *terra nullius*).

Австралия — это единственный континент, где в настоящее время аборигены живут почти без всяких «признаков цивилизации» — без государственных структур, без оседлых занятий, без письменности, даже без железных орудий. Они до сих пор пользуются каменными орудиями. В отличие от австралийских аборигенов папуасы Новой Гвинеи занимаются выращиванием различных культур и свиноводством. Почему? Почему новогвинейские новации не мигрировали в Австралию, когда эти территории отделены друг от друга только проливом Торреса шириной в 90 миль?

Существует и еще один вопрос, уже относительно Новой Гвинеи. Когда европейцы приступили к ее колонизации в конце XIX в., ее жители были поголовно безграмотны, использовали каменные орудия и за редким исключением не были политически организованы даже в

племенные союзы. Так что если считать папуасов Новой Гвинеи «более развитыми» по сравнению с аборигенами Австралии, то почему они были значительно менее развитыми по сравнению со многими азиатскими, африканскими и индейскими сообществами?

Приступаем к ответам. Традиционные общества Австралии и Новой Гвинеи развивались в изоляции от тех азиатских обществ, которые когда-то их основали (это прежде всего общества островов Индонезии). Однако в дальнейшем общества Австралии и Новой Гвинеи — оба изолированные — пошли разными путями, и во многом эти пути определили природно-географические факторы. Во-первых, Новая Гвинея лежит близко к экватору, а Австралия далеко уходит в зону умеренного климата. Во-вторых, Новая Гвинея — страна гористая, Австралия — преимущественно равнинная. В-третьих, Новая Гвинея — одно из самых влажных мест на земле, Австралия — одно из наиболее засушливых (непредсказуемые засухи могут длиться годами). Наконец, почвы Новой Гвинеи — это молодые плодородные вулканические почвы, а Австралия покрыта старыми, вымытыми, неплодородными почвами. В результате в Новой Гвинее получают высокие урожаи сладкого батата, таро, бананов, ямса, а в Австралии сельское хозяйство малопродуктивно, австралийская дикая флора имеет единственный «пригодный» для употребления вид (правда, очень вкусный) — орех макадамия. Поэтому жители Новой Гвинеи ведут оседлый образ жизни, а австралийцы приучены к непредсказуемости и переменам: когда местные природные условия ухудшаются, они просто перемещаются туда, где условия кажутся им лучше. Именно природные условия определили то, что австралийские аборигены так и остались охотниками и собирателями. Однако и Австралия неоднородна: в ее составе остров Тасмания представляет собой регион-уникум, квинтэссенцию «простоты» материальной культуры. Основная территория Австралии более населена и менее изолирована, чем Тасмания, однако тем не менее представляет собой *наименьшую группу наиболее изолированного населения среди всех континентов*.

Преимущества Новой Гвинеи перед Австралией понятны, необходимо теперь сказать о ее недостатках по сравнению с другими обществами. Ограничения на развитие Новой Гвинеи накладывали такие факторы, как низкий протеин, содержащийся в традиционной пище; ограниченность территорий, пригодных для обитания (из-за гористой местности). Территория Новой Гвинеи в высшей степени фрагментирована: там говорят на 1000 различных языков, причем около половины из них имеют не более 500 пользователей. Жители соседних деревень не понимают друг друга, а население страны раздроблено на огромное множество микросообществ.

В отличие от Австралии, обеих Америк и Южной Африки европейское население Новой Гвинеи крайне незначительно, сегодня страна заселена преимущественно коренным населением. Основным препятствием на пути заселения европейцами Новой Гвинеи до 1880-х годов были малярия (страна имела ужасную репутацию в этом отношении) и другие тропические болезни. Кроме того, европейские сельскохозяйственные культуры и породы скота плохо приживались в природе и климате Новой Гвинеи [Diamond, 2005: 295—321].

Районы Австралии. На материковой части Австралии сформировалось четыре экономико-географических района (Юго-восточный, Северо-восточный, Западно-центральный, Северный) и отдельный район занимает остров Тасмания. Межрегиональные различия проявились еще в ходе колонизации; специализация районов отражает особенности природных условий (карта 8.3).

Юго-восточный район (штаты Новый Южный Уэльс, Виктория, юго-восток Южной Австралии и территория федеральной столицы) — это главный экономический район страны. На него приходится 20% территории и 70% населения страны; район дает 4/5 стоимости продукции обрабатывающей промышленности. Важнейшие промышленные центры — Сидней, Мельбурн, Аделаида, Ньюкасл. Район играет также ведущую роль в сельском хозяйстве (60% сбора пшеницы, 65% поголовья овец).

Северо-восточный район (штат Квинсленд) расположен в тропическом поясе. Район занимает 1/5 площади, имеет 1/6 населения, однако дает 1/4 продукции горнодобывающей промышленности (добыча бокситов, алюминия, нефтедобыча) и продукции сельского хозяйства. Из городских центров выделяется Брисбен.

Западно-центральный район (север штата Южная Австралия, Западная Австралия) — самый значительный по площади (2/5 территории страны) и наиболее засушливый. Заселен слабо. Крупнейший город — Перт.

Северный район — наименее освоенная территория страны, расположенная в зоне тропического влажного климата и пустынь. На площади в 17% от общего размера континента проживает всего 1% населения. Крупнейший город — Дарвин.

Тасмания — остров в умеренном поясе, занимает 1% площади Австралии. Имеет развитую горнодобывающую промышленность (добыча вольфрама, пиритов, меди, свинца, цинка) и сельское хозяйство. Главный экономический центр — г. Хобарт [Социально-экономическая география, 1998: 555—557].

Государство **Новая Зеландия** входит в состав Британского Содружества. Расположено на двух больших островах — Северном и Южном, и

ряде мелких. С 1840 г. Новая Зеландия была колонией Великобритании, в 1907 г. получила статус доминиона, в 1931 г. — суверенитет.

Автохтонное население Новой Зеландии носит название маори и принадлежит к полинезийской группе. Большинство маори проживает на Северном острове, на более холодном — Южном — никогда не проживало более 5% маори. После первых контактов с европейцами население маори начало катастрофически сокращаться из-за принесенных европейцами вирусов гриппа и венерических болезней, из-за внутренних межплеменных войн (обретенные маори ружья обусловили гораздо большее число жертв), наконец, из-за психологической деморализации. Уровень смертности среди маори был настолько высок, что само существование этого народа оказалось под вопросом, однако кризис удалось преодолеть, и теперь маори (в отличие от аборигенов Австралии) имеют стабильную численность населения. В настоящее время большинство маори имеют и полинезийских, и европейских предков; многие жители Новой Зеландии, идентифицирующие себя как маори, внешне похожи скорее на европейцев, нежели на жителей Полинезии.

Процесс адаптации маори к европейской культуре далеко не всегда был легким; некоторые ее аспекты они принимали, а от других отказывались. Так, маори приняли христианство в качестве своей веры, однако категорически отказались от христианских обрядов похорон. В целом, видимо, культуру маори нельзя назвать «завоеванной» или «подавленной»; эта самобытная культура не более «завоевана» европейской, чем японская (отличием будет являться лишь то, что для большинства маори языком общения является английский и они плохо знают родной язык, в то время как японцы как раз несильны в английском и общаются исключительно на родном языке). Судьба была более милостива к маори, чем к аборигенам Австралии: договор Вайтанги от 1840 г., заключенный маори с англичанами, гарантировал им владение своими землями и сохранение культурных традиций [Уоп, 1994: 295—296].

В состав этого региона входит и **Океания** — крупнейшее на планете скопление островов — около 10 000 (к Океании относят обычно и Новую Зеландию).

Колониальный раздел Океании завершился относительно поздно — к концу XIX в.; в 60-е годы XX в. начинается процесс деколонизации. Так, в 1962 г. независимость получило Западное Самоа (до этого находилось под управлением Новой Зеландии), в 1968 г. — остров Науру (был под совместным управлением Великобритании, Австралии и Новой Зеландии), в 1970 г. — Королевство Тонга (бывший протекторат Великобритании) и острова Фиджи (бывшая колония Великобрита-

нии). Далее в 80-е годы изменяется статус Каролинских, Маршалловых и Марианских островов — они становятся «ассоциированными с США» государствами.

Однако ряд островов по-прежнему остается во владении западных государств:

- США (Восточное Самоа, остров Гуам);
 - Франции (Новая Каледония, Французская Полинезия: острова Общества, Туамоту и др., острова Уоллес и Футуна);
 - Великобритании (остров Питкэрн, Хендерсон).
- Во владении «ближлежащих» государств находятся:
- острова Рождества, Кокосовые, Норфолк и др. (принадлежат Австралии);
 - острова Кука, Ниуэ, Токелау (принадлежат Новой Зеландии);
 - остров Пасхи (принадлежит Чили).

Океанию традиционно подразделяют на три историко-географические области: Меланезию, Микронезию и Полинезию.

Меланезия расположена в западной части Океании, большая часть ее приходится на Новую Гвинею, этот «микроматерик» Меланезии. «Микроматерик» поделен на две части: западная его часть входит в состав Индонезии, а восточную часть занимает государство Папуа — Новая Гвинея, член Содружества, возглавляемого Великобританией. В состав Содружества входят также Соломоновы острова (государство обрело независимость в 1978 г.) и Республика Вануату (1980 г.). На востоке Микронезии лежит Республика Фиджи, которая стала независимой и вошла в Содружество в 1970 г., однако в 1987 г. из-за переворотов и отмены конституции была из его состава исключена.

Микронезия занимает северо-западную часть Океании и включает три основных архипелага — Каролинские, Марианские и Маршалловы острова и острова Гилберта. Здесь расположены государства: Содружество Северных Марианских Островов, Федеративные Штаты Микронезии, Республика Маршалловы Острова, Республика Палау. Особое значение имеет остров Гуам в группе Марианских островов — крупнейшая военно-стратегическая база США.

Полинезия протянулась от юга-запада Океании до ее восточных пределов. В ее состав входят острова: Новая Зеландия, Тонга, Самоа, Уоллис, Тувалу, Токелау, Кука, Общества, Туамоту, Маркизские, Гавайские, Пасхи и др. Во второй половине XX в. в Полинезии были образованы независимые государства — Западное Самоа, Кирибати (примечательно, что острова, входящие в состав этого государства, расположены в четырех полушариях — Северном и Южном, Западном и Восточном!), Науру, Королевство Тонга, Тувалу [Голубчик, 1998: 281—282].

«Полинезийский эксперимент» позволяет понять влияние природно-географической среды на человеческое общество. Итак, Полинезия — это скопление островов, сильнее всего различающихся по площади, степени изоляции, высоте над уровнем моря, климату, характеру почвенного покрова, биологическим ресурсам. При этом предки полинезийских народов были схожи по культуре и языку.

Что же мы видим сегодня? Казалось бы, одни и те же люди населяют разные острова, а типы обществ кардинально различаются. Например, в холодном климате островов Чэтэм для жителей не было иной альтернативы, кроме как оставаться охотниками и собирателями. Это общество просто не могло позволить себе содержать тех, кто ничего не давал в общий «котел»: военных, чиновников, начальников... Кроме того, острова Чэтэм — это относительно небольшие и отдаленные острова, которые в состоянии прокормить не более 2000 охотников-собираателей. Результат: малая мирная община с примитивными технологиями и слабой общественной иерархией.

Совершенно другим примером является Северный (более теплый) остров Новой Зеландии. Это самый крупный остров Полинезии, вполне пригодный для сельского хозяйства. Численность аборигенов Северного острова (маори) увеличивалась до 100 000 чел., излишки урожая позволяли кормить солдат, так что племена маори постоянно воевали друг с другом, племена отличались жесткой иерархической структурой.

Таким образом, мы видим, что полинезийские общества весьма многолики: от эгалитарных деревенских обществ до сложных сутобо стратифицированных иерархических обществ, где каждая страта непроницаема для других. С точки зрения политической организации полинезийские общества также разнообразны: от мелких независимых единиц (объединяющих одно племя или одну деревню) до протоимперий, охватывающих множество островов и «прираставших» войнами и захватами территорий.

Даймонд выделяет шесть природных переменных, объясняющих разнообразие полинезийских обществ: климат (от тропического до умеренного и субантарктического), геологический тип острова (вулканическое происхождение, коралловый атолл, осколок континента), доступность морских ресурсов, площадь острова (от крошечного острова Анута до огромных островов Новой Зеландии), фрагментация (разделенность на долины) поверхности острова и изолированность. К этому списку следует добавить продуктивность сельского хозяйства: наиболее эффективным на островах Полинезии является таро на полях ирригации, кроме того, ямс, хлебное дерево, сладкий батат, бананы, кокосы. В результате действия всех этих факторов плотность насе-

ления на островах различается самым кардинальным образом: от 5 чел. на кв. км на островах Чэтэм до 210—250 чел. на кв. км на Тонге, Самоа, островах Общества и 300 на Гавайях. Хозяйство наиболее примитивно на мелких островах с низкой плотностью населения, специализация хозяйства развита на более заселенных островах — это опять-таки Самоа, Тонга, Гавайях [Diamond, 2005: 53—66].

Так, ко времени появления европейцев в XVIII в. *Тонга* была морской проимперией, охватывающей целый архипелаг. Этот архипелаг состоял из нескольких крупных островов с нерасчлененными поверхностями, на каждом был свой вождь. Потом вождь самого крупного и мощного острова — Тонгатапу — объединил все острова: так и возникла протоимперия.

Как и Тонга, *Гавайи* стали политической общностью, объединяющей несколько населенных островов. Ко времени открытия островов европейцами в 1778 г. каждый крупный остров уже был внутренне объединен и предпринимались первые попытки межостровного объединения.

Полинезия представляет собой весьма убедительный пример диверсификации обществ, определяемой природно-географическими переменными.

Когда европейцы появились на островах Океании, они установили над ними временное колониальное господство, однако не заселили эти острова массовым порядком. Только Новая Зеландия, Новая Каледония и Гавайи — самые крупные и наиболее удаленные острова, лежащие далеко от экватора и, следовательно, имеющие наиболее умеренный (похожий на европейский) климат, имеют крупное европейское переселенческое население. Так что в отличие от Австралии и обеих Америк Океания заселена преимущественно выходцами из Восточной Азии и местными народностями [Diamond, 2005: 353].

Изучая вопрос о формировании идентичности жителей островов Океании, Рон Крокомб разделил острова на три крупные группы, в зависимости от степени влияния метрополии на формирование идентичности жителей островов.

1. Наивысшая: свободный доступ в государство-метрополию.

1) Все острова, расположенные к северу от экватора, и Восточное Самоа, — в США.

2) Острова Кука, Ниуэ, Токелау и Норфолк — в Новую Зеландию и Австралию.

3) Новая Каледония, Французская Полинезия, острова Уоллис и Футуна — во Францию.

4) Остров Питкэрн — в Великобританию и Новую Зеландию.

5) Остров Пасхи (Рапануи) — в Чили.

II. Средняя: острова со значительным доступом в одну или несколько государств-метрополий.

1) Западное Самоа имеет особый доступ в Новую Зеландию и далее в Австралию; через Восточное Самоа многие жители получают грин-карту или гражданство США.

2) Тонга имеет доступ в Австралию, Новую Зеландию и США.

3) Тувалу и Кирибати имеют специальный ограниченный доступ в Новую Зеландию.

4) Население островов Фиджи мигрирует в Канаду, США, Австралию, Новую Зеландию, а также в Индию и Европу.

5) Населению острова Науру был предложен свободный доступ в Австралию, однако предложение было отклонено.

III. Крайне ограниченный доступ к внешнему миру.

Государства центральной Меланезии — Папуа — Новая Гвинея, Соломоновы Острова и Вануату [Croscombe, 1994: 311—330].

Для жителей островов Океании характерны так называемые *множественные идентичности*, причем это явление приобретает все более широкое распространение. Так, жители островов к северу от экватора имеют американскую идентификацию в той или иной степени: через статус ассоциированного с США государства они имеют свободный доступ в США — право на въезд, работу и жительство. Жители островов Кука, Ниуэ и Токелау имеют такие же права в Новой Зеландии. Многие жители Самоа, Тонга, Фиджи имеют двойное гражданство и соответственно два (и иногда и три) паспорта.

В среднем на каждом из языков Океании говорит около 5000 чел. Основным для общения является английский язык, который изучается в школах во всех странах Океании. Что касается религий на островах, то в конце 1940-х годов на смену испанским миссионерам сюда пришли американские, сохранялось и множество миссий из Великобритании. Так что на островах присутствует множество христианских течений. Помимо этого, в Тувалу, Тонга, Кирибати наиболее быстрыми темпами растет численность приверженцев ислама.

Литература основная

1. Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
2. Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В. В. Вольского. М.: Крон-Пресс, 1998.
3. Croscombe Ron. The Continuing Creation of Identities in the Pacific Islands:

Blood, Behavior, Boundaries and Belief. In: *Geography and National Identity*. Ed. by David Hooson, Oxford and Cambridge: Blackwell. 1994. P. 311—331.

4. *Yoon Hong-key*. Maori Identity and Maori Geomentality. In: *Geography and National Identity*. Ed. by David Hooson, Oxford and Cambridge: Blackwell. 1994. P. 293—311.

Литература дополнительная

1. *Кузнецов А. В.* Микронезия — последняя подопечная территория. М.: Знание, 1987.
2. *Diamond Jared*. Guns, Germs and Steel: the Fates of Human Societies. New York / London: W.W. Norton and Co, 1999 (Chapters 2, 15, 17).

ГЛАВА 9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ

Какой во всем простор гигантский!
Какая ширь! Какой размах!
Б. Пастернак

Россия традиционно представляла собой понятие географическое. Ее внешние границы определяли ее идентичность, а организация территории и ее размер были (и остаются) тесно связанными с характером политического режима и структурой политических институтов. Территория и границы традиционно воспринимались в России как нечто сакральное, предназначенное для России или Богом, или самой судьбой. Россия, по словам философа Константина Леонтьева, «историей была обречена расти, даже *вопреки себе*» [цит. по: Тренін, 2002: 29]. Так что роль «географического фактора» в истории России огромна, покорение пространств — ее ключевая идея. «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит через всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бесилия: это — факт географический» [Чаадаев, 1992: 48].

Для многих других народов была в прошлом характерна претензия на то, что они существуют «без пространства». В России было наоборот: пространство без народа; огромные массивы степей и лесов, которые требовали освоения. Действовал своеобразный пространственный императив, открывавший «за далью даль» [Гулыга, 2002: 204—205]. Недаром знаменитый историк В.О. Ключевский утверждал, что колонизация есть «основной факт» русской истории: «История России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский, 1956: 31]. Действительно, не поняв специфики центростремительной российской колонизации, нельзя всерьез говорить ни о понимании истории страны, ни о понимании природы и истоков политической власти.

Огромность российских пространств, пушкинские «необозримые равнины» и гоголевский «необъятный простор», а главное, ее географическое местоположение между Западом и Востоком породили разделение общественной мысли России в XIX веке на два интеллектуальных лагеря — славянофилов и западников. Те и другие желали процветания своей родине, однако достижение оно видели на разных путях. Так,

славянофилы акцентировали внимание на национальном своеобразии России, западники, напротив, подчеркивали важность восприятия опыта Европы для России. Дискуссии между представителями обоих лагерей актуальны и в наше время.

ВОХ 9.1

Россия как живой организм. Выдающийся русский философ, политический мыслитель и публицист Иван Ильин был убежден в том, что Россия — это не механическая сумма территорий и народностей, а *органическое целое*, причем важной и первичной составляющей этого органического единства является сама география страны. Единство России было прежде всего *«географически предписано и навязано нам землею»*. С первых же веков своего существования русский народ оказался на *отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине*. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий «проходной двор», через который валили «переселяющиеся» народы, — с востока и юго-востока на запад... Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен, или давать им отпор, *замирать равнину оружием и осваивать ее*. Это длилось веками...

«Издревле же Россия была *географическим организмом больших рек и удаленных морей*. Среднерусская возвышенность есть ее живой центр: сначала «волоки», потом каналы должны были связать далекие моря друг с другом, соединить Европу с Азией, Запад с Востоком, Север с Югом. Россия не могла и не должна была стать путевой, культурной и торговой баррикадой; ее *мировое призвание* было прежде всего — творчески-посредническое между народами и культурами, а не замыкающееся и не разлучающее... Россия не должна была превращаться, подобно Западной Европе, в «кочечно-каморочную» систему мелких государств с их заставами, таможнями и вечными войнами...»

И далее Ильин переходит к выводам геополитического характера. «Российский простор, — утверждает он, — *не может жить одними верховьями рек, не владея их выводящими в море низовьями*. Вот почему всякий, всякий народ на месте русского вынужден был бы повести борьбу за устья Волги, Дона, Днепра, Днестра, Западной Двины, Наровы, Волхова, Невы, Свири, Кеми, Онеги, Северной Двины и Печоры.

Хозяйственный массив суши всегда задыхается без моря. Заприѣте французам устье Сены, Луары или Роны... Перегородите германцам устье Эльбы, Одера, лишите австрийцев Дуная — и увидите, к чему это поведет. А разве их «массив суши» может сравниться с русским массивом?...» [Ильин, 1992: 431—432].

И тем не менее, несмотря на общее признание исключительного значения географического фактора в истории страны, а также и для современного развития России, ее пространство остается до сих пор малоизученным объектом. Карта России для многих так и остается «контурной».

Россия — страна контрастов, страна удивительного территориального разнообразия и одновременно жесткой централизации политической и духовной жизни.

ВОХ 9.2

Николай Бердяев о контрастах, противоположностях и величии России. «Россия — страна великих контрастов... Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. ... Незрелость глухой провинции и гнилость государственного центра — вот полюсы русской жизни. И русская общественная жизнь оттеснена к этим полюсам. А жизнь передовых кругов Петрограда и Москвы и жизнь глухих уголков далекой русской провинции принадлежит к разным историческим эпохам. Исторический строй русской государственности централизовал государственно-общественную жизнь, отравил бюрократизмом и задавил провинциальную общественную и культурную жизнь. *В России произошла централизация культуры, опасная для такой огромной страны.* Русская культурная энергия не хочет распространяться по необъятным пространствам России, боится потонуть во тьме глухих провинций, старается охранить себя в центрах. Есть какой-то испуг перед темными и поглощающими недрами России. Явление это — болезненное и угрожающее. Россия — не Франция. И во Франции исключительное сосредоточение культуры в Париже порождает непомерную разницу возраста Парижа и французской провинции... В России же такая централизация совсем уж болезненна и удерживает Россию на низших стадиях разви-

тия. В России существенно необходима *духовно-культурная децентрализация...*» [Бердяев, 1990: 73].

Гигантская роль Москвы — наиболее яркое выражение централизации российского пространства. У Москвы нет городов-конкурентов, однако на статус «второй столицы России» претендует по крайней мере семь городов: Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Пермь, Самара, Санкт-Петербург. Возможно, извечная российская централизация пространства была бы преодолена при переносе столицы государства в город, который более близко расположен к географическому центру страны?

ВОХ 9.3

Нужно ли переносить столицу России? Гиперцентрализация российского пространства, выдающаяся во всех отношениях роль столицы, — причина периодически обостряющихся дискуссий о необходимости переноса столицы на новое место, например поближе к географическому центру страны. Однако, как показывает опыт ряда крупных стран (США, Аргентины, Китая), столица может лежать и «у края». Перенос столицы из Москвы едва ли будет эффективен и экономически: ни один другой город в России не имеет столь высокой степени контактности с другими городами, как Москва. Она лучше других городов оснащена для выполнения столичных функций. Так что переносить столицу едва ли целесообразно. Необходимо разгрузить Москву от несвойственных столичному городу функций, в частности от «рядовой» промышленности, усилить подлинно столичные виды деятельности. Помимо этого, следует развивать другие городские центры: в России должно быть два-три десятка крупных городов, образующих «суперкаркас» страны [Лаппо, 2002: 386—387].

Общие сведения. Россия занимает 1-е место в мире по площади (17,1 млн кв. км) и 6-е по численности населения (около 145,5 млн чел.). Вторая по площади страна мира — Канада — располагает территорией в 10 млн кв. км. Территория России составляет около 11,4% суши на Земле. Европейская часть России — это 42% Европы, азиатская — 19% Азии. Протяженность российских рубежей составляет более 60,9 тыс. км.

Страна располагается на севере Евразийского континента; на северо-западе она граничит с Норвегией и Финляндией, на западе — с

Эстонией, Латвией и Белоруссией (эксклав России — Калининградская область — имеет общую границу с Литвой и Польшей). На юго-западе Россия граничит с Украиной, Грузией и Азербайджаном, юго-восточными и восточными соседями являются Казахстан, Монголия, Китай, Южная Корея. Россия имеет выход к Балтийскому, Азовскому, Черному и Каспийскому морям. На Дальнем Востоке Россия выходит к морям Тихого океана. Россия — северная страна: зона Севера (зона многолетней мерзлоты) составляет около 11 млн кв. км и имеет экологическое значение планетарного масштаба.

Особенности географического положения нашей страны связаны с протяженностью ее территории с запада на восток почти на 10 тыс. кв. км и на 4 тыс. кв. км с севера на юг. Внутренние районы страны находятся на большом удалении от морских акваторий. Размеры территории порождают неизбежную проблему «преодоления пространства», которая проявляется в сложности управления территориями, больших транспортных затратах. Одной из основных для России является проблема *единства государственной территории*.

Следует указать на изменение экономико- и политико-географического положения страны после распада Союза ССР и провозглашения ее суверенитета. Так, прежние административные границы между союзными республиками изменили статус — стали межгосударственными границами. Россия потеряла ряд портов на Балтийском и Черном морях. В срединной части страны единое экономическое пространство оказалось разорванным. Казахстан как бы «вклинился» в территорию России в основной полосе расселения, так что важные коммуникации, связывающие ранее восточные и западные территории страны (например, часть Транссибирской магистрали, основной транспортной артерии Запад — Восток), ныне проходят по территории Казахстана. Разделение акватории Каспийского моря привело к тому, что наиболее богатые районы Каспия оказались принадлежащими другим странам.

ВОХ 9.4

Территориальная проблема в отношениях между Россией и Японией. Эти территориальные разногласия являются причиной отсутствия мирного договора между Россией и Японией, речь идет о нескольких островах Курильской гряды (8,5 тыс. кв. км), на возвращении которых настаивает Япония. Согласно Симодскому договору (1855 г.) о торговле и границах оба государства признавали, что 18 Курильских островов до острова Уруп принадлежат России, а острова Итуруп, Кунашир, гряда Хабомаи и остров Шикотан — Япо-

нии. Сахалин считался территорией совместного проживания японцев и русских. По Петербургскому договору 1875 г. весь Сахалин отошел к России, а Курильские острова — к Японии. После окончания Второй мировой войны согласно Сан-Францисскому договору 1951 г., в подписании которого Россия не участвовала, Япония отказалась от прав на острова, однако договор не определил их государственной принадлежности. В 1956 г. была подписана совместная декларация СССР и Японии, которая является лишь протоколом о намерениях. Главным аргументом японской стороны сегодня является то, что четыре острова не входят в Курильскую гряду, а являются продолжением Японских островов.

После распада Союза ССР по периметру границ России возникли очаги конфликтов — в Южной Осетии и Абхазии, Чечне. С точки зрения этнической композиции населения в состав России не входят такие регионы, как Крым или Северный Казахстан, где проживают преимущественно этнические русские; с другой стороны, Россия включает республики Северного Кавказа, которые этнически, культурно и лингвистически гораздо дальше от Москвы, нежели Киев и тем более Минск.

Природные ресурсы. Россия имеет значительный и разнообразный ресурсный потенциал. Общемировое значение имеют топливно-энергетические ресурсы: на территории страны находится около 13% мировых запасов нефти, 35% природного газа, 12% угля. На долю России приходится также 20—25% мировых запасов древесины. Большое значение имеют запасы урановых руд, золота, железных и медных руд, никеля, вольфрама, молибдена и других металлов. Крайне важная особенность размещения ресурсов по территории страны заключается в том, что *большая часть ресурсного потенциала находится в восточной (азиатской) части страны, а промышленное производство и население концентрируется главным образом в западной (европейской) ее части.*

Население. Крайне большим разнообразием отличается этнический состав населения страны. Русские составляют 82% населения страны, кроме них, еще шесть народов имеют численность населения более миллиона: украинцы, белорусы, татары, чуваша, башкиры, мордва. Всего на территории страны проживает более 100 этнических групп. Из 85 субъектов Федерации русские составляют абсолютное большинство в 75.

Распад Союза ССР породил мощные миграционные потоки, которые сильно затрагивают и Россию. Так, с начала 90-х годов шел отток

русского населения из союзных республик (больше всего из Средней Азии) в Россию; все активнее переезжают в Россию и лица титульных национальностей Закавказья и Средней Азии, в том числе беженцы. В 90-е годы в пределах страны шел значительный отток населения из районов Севера, Дальнего Востока и Восточной Сибири в европейскую часть страны.

Население размещено по территории страны крайне *неравномерно*. Подавляющая часть населения (93%) проживает в так называемой главной полосе расселения площадью около трети территории страны. Ее границы представляют собой клин с вершинами в Санкт-Петербурге на севере, Новороссийске на юге и Красноярске на востоке, далее полосой до Приморского края. Здесь же сосредоточены все крупные российские города. Главный принцип расселения по территории России — концентрация населения вокруг ресурсов и их переработки.

Еще викинги звали Русь Гардарикой — царством городов на пути «из варяг в греки». Урбанизация в России, т. е. рост роли и значения городов в жизни общества, была относительно поздней, но имела взрывной, лавинообразный характер. Так что Россию можно назвать страной новых городов.

В России действует общее правило: чем крупнее город, тем ближе он к историческому ядру страны, т. е. в целом западнее. Такая асимметрия обитаемого пространства — не редкость, однако в России в отличие от США, Канады, Бразилии эту асимметрию дополняет *глубинность расположения главных центров и их удаленность от побережий*. Одним из наиболее ярких свидетельств этого является тот факт, что России в отличие от Канады и особенно США не удалось создать мощных городских полюсов на Тихом океане.

Оси пространственных различий. В целом в пространстве России можно выделить четыре типа пространственных различий, каждый из которых не является уникальным, однако их совокупность порождает уникальную структуру российского пространства.

Тил 1. Межконтинентальная граница между Европой и Азией, которая проходит по Уральским горам и спускается к Каспийскому морю. Этот так называемый градиент Запад — Восток возник как продукт исторической асимметрии освоения территории. Фактически речь идет о «несопряженности» размещения площади, населения и ресурсов. Так, на европейскую часть страны приходится около 80% населения страны, но лишь четверть площади страны. Основные месторождения природных ресурсов расположены в восточной части страны.

Тил 2. Различия Север — Юг как продукт широтной зональности. Россия — северная страна, Север занимает более половины террито-

рии страны и является ее основной экспортной базой. Российский Юг, напротив, невелик и небогат, однако относительно плотно заселен.

Тип 3. Центр — периферия — наиболее распространенный тип контрастов и различий. Центропериферийные различия присутствуют и воспроизводятся не только на национальном уровне (между столичным регионом и остальной территорией страны), но и на уровне регионов (между региональным центром и другими территориями региона).

Тип 4. Различия этнического характера: между русским ядром расселения (восточноевропейским, православным по генезису культурным кругом) и этнорегионами, т. е. интегрированными в Россию фрагментами других локальных цивилизаций (все они имеют «центры притяжения» за пределами России). Так, основное великорусское ядро — это плотно заселенный ареал Центральной России с московским мегаполисом. Второе ядро — русские области Урала и Западной Сибири. Малые ядра располагаются в Восточной Сибири и на юге Дальнего Востока. Этнокультурные регионы включают Горный Кавказ, Урало-Поволжский регион (оба принадлежат к исламскому культурному кругу), Южно-Сибирский тюрко-монгольский пояс и ареалы расселения малочисленных коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, наконец, анклавы в русском мегаядре (Якутия, Коми, Карелия) [Артоболевский, Трейвиш, 1999].

На территории страны выделяют 11 крупных **социально-экономических районов**.

Центральный район занимает ведущее положение в хозяйственном комплексе страны, его развитие происходит под определяющим влиянием федеральной столицы — Москвы.

Волго-Вятский район располагается к востоку от Центра, занимая выгодное положение на пересечении транспортных путей. Это старопромышленный район, имеющий многие сходные с Центром историко-географические особенности. Районоорганизующим центром является Нижний Новгород.

В *Центрально-Черноземном районе* богатые почвы (черноземы) создали условия для развития многоотраслевого сельского хозяйства (здесь производят зерно, подсолнечник, сахарную свеклу и другие культуры). Кроме этого, на базе Курской магнитной аномалии, уникального железорудного бассейна, развита черная металлургия. Центром района является Воронеж.

Северо-Западный район «выдвинут» в Европу и имеет благоприятное экономико-географическое положение. Определяющую роль в его развитии играет Санкт-Петербург. В составе этого района находится Калининградская область, представляющая собой единственный в России

полуанклав: территорию государства, со всех сторон окруженную сухопутными границами других государств и имеющую выход к морю.

Северный район (или *Европейский Север*) — это старый район славянской колонизации. К его отраслям специализации относятся топливная промышленность, цветная металлургия, рыбная промышленность. В районе нет единого организующего центра, он имеет скорее полицентрическую структуру.

Северо-Кавказский район располагается на Кавказском перешейке. Через его территорию проходят транзитные пути из России в Закавказье. Геополитическое положение района достаточно сложно. Развито сельское хозяйство, в структуре промышленности ведущее место принадлежит пищевой. Районоорганизующим центром выступает Ростов-на-Дону.

Поволжский район имеет исключительно благоприятное экономико-географическое положение; «осью» района выступает важнейшая для страны транспортная артерия — река Волга. Ведущей отраслью промышленности является машиностроение, которое развито преимущественно в крупных городах, формирующих полицентрический «каркас» района, — Самаре, Саратове, Волгограде, Казани и др.

Уральский район долгое время был форпостом освоения Сибири и Дальнего Востока, для европейской части страны Урал остается источником сырья. Помимо этого, Урал — это основная металлургическая база России. Районоорганизующий узел района — город Екатеринбург.

Западно-Сибирский район — это территории крупнейших месторождений нефти и газа (на севере), крупнейшего в стране каменноугольного бассейна Кузбасса и обрабатывающей промышленности, центры которой располагаются в южной части района.

Главной особенностью *Восточно-Сибирского района* является наличие крайне разнообразных и богатых природных ресурсов (топливно-энергетические ресурсы и руды цветных металлов). Второе направление специализации хозяйства — развитие лесопромышленного комплекса. В западной части района районоорганизующим центром является Красноярск.

Дальневосточный район — наиболее крупный по площади и наименее заселенный. Он наиболее удален от развитых центров европейской части; расстояние от Москвы до Владивостока составляет 9,3 тыс. км. Здесь проблема «преодоления пространства» стоит особенно остро (северный завоз). Огромные транспортные издержки ограничивают участие Дальнего Востока в общероссийском разделении труда. Важной особенностью географического положения района является его выход широким фронтом к побережьям морей Тихого океана [Экономическая ..., 2003: 205—223].

История освоения российских пространств

Феодалное дробление **Киевской Руси** со второй половины XI в. привело к образованию на ее территории ряда крупных самостоятельных княжеств. Преодолеть эту раздробленность удалось удельному **Московскому княжеству**, выделившемуся из Владимиро-Суздальского великого княжества. Ко времени разгрома великим князем всея Руси Дмитрием Ивановичем войска Золотой Орды (в 1380 г.) это княжество было самым крупным и сильным на Руси; позже к нему были присоединены Новгород, Тверь, Псков и Рязань. Население Московского государства сложилось в результате упадка Киевской Руси, что вызвало перемещение людей от среднего Днепра на юго-запад и северо-восток, т. е. от центра Киевской Руси к ее окраинам. Движение на северо-восток шло также с запада. Государство «шло» как за переселенцами, так и впереди их, пытаясь заселить захваченные территории [Ахиезер, 2002: 72—73].

Так, на рубеже XV—XVI вв. сложилось **единое Русское государство**. Первоначально приращение территорий шло на Европейском Севере и в Поволжье, однако создание единого государства и усиление его централизации способствовало социально-экономической и политической консолидации территории и позволяло проводить активную внешнюю политику. Взятие Казани и присоединение Астраханского ханства поставило под русский контроль важнейший торговый путь по Волге и открыло возможности для продолжения территориальной экспансии в восточном направлении.

Быстрое расширение территории государства на северо-восток в XVI—XVII вв. было связано с походами русских землепроходцев. «Русские веками шли на Северо-Восток. Славянская волна катилась по Евразийскому континенту, пока не добралась до Америки. ...Каждая новая ступень (освоения) усугубляла ощущение Севера в российской истории и географии. Поморские земли, Урал, наконец, Сибирь...» [Вайль, Генис, 1996: 80].

Территориальное расширение или «территориальный императив» — логика развития всех империй; с освоением и колонизацией новых территорий Россия постепенно превращалась в своего рода универсум, практически полностью самодостаточный мир. В историко-географическом контексте в российском пространстве можно выделить первичное русско-православное ядро, сложившееся в северных и северо-восточных землях Древней Руси к XIV—XV вв., и фронтиры освоения, наиболее важными из которых были северный (восходящий к новгородской колонизации), восточный (за Волгу и Урал, в Сибирь) и южный (за Дикое поле, в Новороссию, на Степной Кавказ) [Стрелецкий, 1999]. Южные и восточные границы империи с полным

смысле слова были рубежами, целью которых было воспрепятствовать вторжению в пределы империи других народов.

Как показывает А. Ахиезер, история колонизации земель в России позволяет взглянуть на российское пространство как на способ выявления специфики общества. Так, решения, принимаемые людьми, были мотивированы возможностью вовлечения в оборот все большей массы, «бесконечного изобилия» на потенциально бесконечной территории экстенсивно поглощаемых ресурсов. Иными словами, колонизация открывала возможности освоения территорий уже сложившимися методами, через экстенсивные формы деятельности, и тем самым представляла собой *механизм, парализующий развитие*. Шло постоянное воспроизводство исторически сложившегося традиционно пассивного, ориентированного на статику отношения к институтам государства. Помимо этого, история колонизации свидетельствует о том, что постоянное стремление к неосвоенным территориям шло в ущерб развитию «тыла», т. е. уже ранее освоенных территорий.

Освоение гигантских пространств препятствовало развитию механизмов интеграции (хозяйственных, межрегиональных, культурных), но усиливало значение административных механизмов. Так, в отличие от Западной Европы торговля в России не превратилась в основу хозяйственной деятельности, образа жизни; она не стала «мотором» для дальнейшего развития экономики. Ресурсы, необходимые для интеграции государства на постоянно расширяющейся территории, оказывались постоянно недостаточными. В конечном итоге освоение гигантских территорий оказалось неэффективным с точки зрения развития общества, поскольку люди не были вынуждены развивать способности к интенсификации своей деятельности. Фактически те, кто колонизовал территории для России, оставлял потомкам все более сложные проблемы; колонизация шла за счет будущего [Ахиезер, 2002: 74—76].

В 1654 г. произошло воссоединение Украины и России. В XVIII—XIX вв. в состав Российской империи вошли часть Речи Посполитой и Финляндии на западе; Закавказье, Крым, Казахстан и Средняя Азия стали южными «приращениями»; на востоке в состав империи вошли Приамурье и Приморье, Сахалин. К концу XIX в. Россия превратилась в многонациональную империю огромной площади (около 22,4 млн кв. км) с населением 128,2 млн чел. (по итогам первой все-русской переписи 1897 г.). Россия была преимущественно аграрной страной: доля городского населения составляла не более 13%.

Перечислим особенности Российской империи с точки зрения ее территориальной композиции:

1) «колонии» России были фактическим продолжением ее территории (в отличие от Британской империи, которая совершала свои территориальные приобретения «за морями», далеко от метрополии);

2) территории империи, лежащие на Западе от «ядра» (Польша, Финляндия), были более развиты экономически и политически, нежели само «ядро» империи;

3) территориальное единство огромной империи держалось на многочисленной армии и государственной бюрократии, а не на взаимной торговле;

4) лояльность империи поддерживалась, помимо прочего, тем, что местные колониальные элиты кооптировались в состав элиты «ядра» — метрополии и могли занимать высокие позиции в правительстве; нерусское население ассимилировалось.

По сути, Российская империя имела больше сходных черт с традиционными Австро-Венгерской и особенно Османской империей, нежели чем с морскими Британской или Французской империями [Trenin, 2002: 80—81].

Тренин выделяет **три модели территориальной экспансии** в истории России:

(1) *модель «собирания земель»* (согласно этой модели в XIV — начале XVI в. собирались земли вокруг Москвы; в ходе многочисленных войн с Польским государством в XVII в. Под лозунгом «освобождения братьев-славян от польского католического ига» присоединялись территории Украины и Белоруссии);

(2) *модель «движения границ» (колонизации)* — эта модель использовалась с XVI по XIX в. В ходе присоединения к России территорий Сибири, Дальнего Востока, Северного Казахстана и областей Дона и Кубани.

(3) *модель «стратегических границ»* — во все периоды истории Россия аннексировала территории исходя из чисто стратегических соображений, начиная с Казанского и Астраханского ханств (1552 и 1556 гг. соответственно) и Крыма (1783 г.). Россия создавала «буферные государства», часть которых впоследствии присоединялась к империи (Финляндия, Закавказье, территории Центральной Азии), а часть, как Афганистан, стала зоной, разграничивающей сферы влияния империй — Российской и Британской [Trenin, 2002: 36—51].

ВОХ 9.5

Город-государство: судьба Новгородской республики.
Новгород впервые упоминается в летописях в 859 г. как крупный политический и торговый центр; этот год и счи-

тается официальной датой возникновения города. В IX в. в этом регионе сталкивались потоки западно-славянской и восточно-славянской колонизации, кроме того, Новгород находился в зоне варяжской колонизации. В 860 г. славяне, уставшие от бесконечных распрей, пригласили на княжение варяжских князей — Рюрика, Синеуса и Трувора. После смерти последних Рюрик стал единоличным правителем Новгорода. После смерти Рюрика князь Олег захватил Киев и в 882 г. перенес туда столицу Древнерусского государства, с тех пор возникло соперничество трех городов — Новгорода, Киева и Полоцка. Становление города-государства в Новгородском крае происходило в условиях длительной борьбы новгородцев за независимость от Киева. Независимая Новгородская республика просуществовала с 1136 по 1478 г. Это было крупное по площади государственное образование. Новгород вел интенсивную колонизацию нынешнего северо-запада России «военно-промышленным» путем (определение Ключевского), основывая торговые поселения и обращая в христианство финно-угорские племена. Новгород имел тесные торговые связи с городами Ганзейского союза.

С точки зрения внутреннего устройства Новгород был своего рода федерацией пяти самоуправляющихся городских районов, каждый из которых имел собственное вече, старост, казну, церкви. Республика вела самостоятельную внешнюю политику, соперничала с Владимиро-Суздальским княжеством, боролась со шведами и крестоносцами.

В середине XIV в. началось возвышение Москвы, а к середине XV в. Москва подчинила себе большую часть княжеств северо-востока Руси. В 1460—1462 гг. власть Москвы признала Псковская республика, и это позволило ей на некоторое сохранить республиканские институты. Однако независимость Новгорода находилась в явном противоречии с процессом объединения земель вокруг Москвы; новгородские институты власти к этому времени не выдерживали конкуренции с молодым агрессивным централизованным государством с его более совершенными механизмами управления и мобилизации ресурсов.

В 1471 г. московские войска вторглись на Новгородскую землю, и после семилетней войны Новгород утратил независимость; Москва, опасаясь возрождения республики, реши-

тельно уничтожала самобытность города-государства. Правда, несмотря на потерю независимости, Новгород еще долго сохранял свое значение; в XV — начале XVI в. он был третьим по численности населения городом Русского государства (после Москвы и Пскова).

С 1708 г. Новгородчина входит в состав Ингерманландской губернии, переименованной в 1710 г. в Санкт-Петербургскую; в 1727 г. была образована самостоятельная Новгородская губерния [Люхтерхандт, Рыженков, Кузьмин, 2001: 31—39].

До XVII в. русские земли пользовались немалой автономией, единой системы административно-территориального деления не существовало; земли (княжества) складывались на протяжении веков из системы вассальных владений. Новые территории были отвоеваны у Золотой Орды и ее наследников. В результате княжества резко отличались по размерам территории и населения, имели причудливые, неудобные границы.

Важнейшая черта российской колонизации — центральная роль государства и его администрации в управлении, развитии и даже заселении нерусских территорий. Освоение, постоянное расширение территории империи — это ведущий региональный процесс России, что сближает ее с переселенческими странами (США, Канадой). За 400 лет, с XVI по начало XX в., государственная территория увеличилась в 36 раз!

Россия — «территориально-протяженная» континентальная империя, сложносоставное государство, где метрополия господствует над периферией, между ними складываются отношения неравенства и субординации. Фактически имперское строительство России началось задолго до Петра I завоеваниями Казанского и Астраханского ханств (царств) Иваном Грозным. Важнейшим фактором легитимации империи выступала имперская идеология, основанная на риторике завоевания и божественного промысла. Отметим, что стратегия имперских элит по присоединению и дальнейшей инкорпорации территорий была в высшей степени разнообразной, единая система управления периферией отсутствовала, а методы зависели от местных особенностей [Большакова, 2003].

Присоединение Сибири

Известное высказывание Ломоносова о том, что могущество России будет прирастать Сибирью, имело имперский смысл: в его времена могущество державы могло прирасти только новыми, колонизуемыми территориями. Главным стимулом продвижения на восток

была добыча ценной пушнины, так что с конца XVI в. за Каменный пояс (Урал) ушли сотни предприимчивых людей, прежде все это были поморы, которые не знали крепостного права (они составляли более 80% русских переселенцев) [Агеев, 2005: 92]. Первую русскую экспедицию, достигшую Тихого океана, вел томский казак Иван Москвитин: в 1639 г. казаки вышли к Охотскому морю, в 1640 г. вышли в устье Амура. Присоединение Сибири было, бесспорно, выдающимся событием в процессе создания империи.

Важное значение при продвижении на восток имел характер отношений русских с местными народами. В Сибири было множество свободных территорий, так что русские землепроходцы не стремились сгонять местное население с их земель, к тому же от него они получали помощь, торговали, получали дань-ясак и ценную информацию о новых богатых землях. Конфликты, естественно, были, однако не такие, чтобы помешать русским двигаться на восток. Фактически присоединение «пограничных» народов было задано логикой «собираания земель», логикой, следующей из задачи построения централизованного государства с хорошо охраняемыми границами. Таким образом, присоединение (Западной) Сибири было схоже с присоединением Поволжья и других территорий.

Огромные пространства Сибири были пройдены российскими землепроходцами в невероятно короткие сроки. Однако, как писал Л.Н. Гумилев, в XVII в. землепроходцы прошли всю Сибирь, а заселили лишь лесостепную окраину тайги и берега рек — т. е. ландшафты, сходные с местами проживания предков. И в России в целом, а еще в большей степени в Сибири характер жизнедеятельности и освоения территории определяла *природно-климатическая ситуация*. Особенности климата Сибири определяются ее географическим положением. Сибирь — это часть северной Азии, очень удаленная от теплых морей и находящаяся под воздействием Северного Ледовитого океана. Скудность почв и кратковременность цикла земледельческих работ требовали крайнего напряжения сил для получения минимального прибавочного продукта.

Земледельцы шли туда, где почвы были плодородны, где был теплый климат и обилие воды. Как американцы охотно заселяли бассейн Миссисипи и берега ее притоков, так русские заселяли бассейны Волги, Дона, Яика и Кубани. Переселенцы шли и далее — в относительно плодородные лесостепи Западной Сибири, однако очень неохотно — в Восточную Сибирь с ее резко континентальным климатом, где почвы неплодородны, а амплитуда температур достигает 100 градусов. Разница в природно-климатических условиях между американским Западом

и Сибирью огромна [Агеев, 2005, 45]. По мнению Д. Агеева, «Сибирь не стала объектом соперничества колониальных держав и в считанные десятилетия была «покорена» Россией именно в силу исключительно неблагоприятных природно-климатических условий. «Открытие» Сибири произошло в эпоху Великих географических открытий. На земле оказалось так много благодатных, теплых и богатых мест. Холодная и не отличавшаяся особыми богатствами Сибирь не могла привлечь внимание европейских колониальных держав» [Агеев, 2005: 94].

ВОХ 9.6

Роль казачества в освоении Сибири. Казачьи формирования — атрибут крупных империй, обеспечивающий их безопасность. Это регулярное, профессиональное и мобильное войско (конница). До XVI в. казакам запрещалось заниматься хлебопашеством, в их задачу входила не только оборона рубежей империи, но и их расширение. Казачьи формирования, которые прошли по Сибири, стоят в самом начале ее истории как части Российского государства, так что если говорить о «фронтире» применительно к Сибири, то следует добавлять «казачий» — «казачий фронтир» [Агеев, 2005: 95—96].

Помимо природы и климата, медленные темпы освоения Сибири определялись *огромными расстояниями*, отделяющими ее территории от европейских центров страны, и *сверхдальними транспортно-экономическими связями*. В таких обстоятельствах проблема транспорта, строительства дорожных путей становилась ключевой. Однако вопрос о строительстве Великого Северного пути с целью заселения и развития Сибири и Дальнего Востока, а также укрепления военно-стратегических позиций России, который обсуждался еще с начала 70-х годов XIX в., был решен только при министре С.Ю. Витте, в 90-е годы. После постройки Транссибирской магистрали на ней появлялись мелкие центры и короткие ответвления к северу, однако определяющего влияния на развитие больших территорий дорога не оказала: на юге проходила государственная граница, а на севере была вечная мерзлота. Так что «русский фронтир» выглядел в отличие от американского как узкая длинная колонна, сдавливаемая границей с юга и суровым климатом с севера.

В отличие от американского Запада, который был глубоко интегрирован в систему мирохозяйственных связей, Сибирь по завершении процесса колонизации была, в соответствии со схемой И. Валлерстайна, «дальней периферией полупериферийной страны» (России).

Существовала ли целенаправленная политика в отношении Сибири? Екатерина II определенно высказывалась в том смысле, что приоритеты русской политики лежат не в этом направлении [Агеев, 2005: 105]. Для России традиционно главным направлением было западное, позже юго-западное, свои ресурсы (людские и материальные) империя использовала для продвижения к западным и южным морским коммуникациям. Определяющее значение ориентации России на запад находит символическое выражение в перенесении столицы империи на крайний северо-запад, где она и пребывала более двухсот лет. Колонизация Сибири направлялась государством и жестко им регламентировалась, однако реальная политика освоения началась поздно и не отличалась последовательностью; налицо была хищническая эксплуатация огромных территорий. При этом правительство стремилось эксплуатировать Сибирь монопольно, предельно ограничивая иностранное присутствие. Наиболее известными в политике освоения Сибири являются «столыпинские переселения», ставшие попыткой повторить опыт английских переселенческих колоний. Однако эти попытки не увенчались успехом, поскольку для Русского государства и русского капитализма задача заселения Сибири не могла сравниться с тем значением, которое имела Северная Америка для Англии и всей Европы. В отличие от США в случае Сибири в основе политической экспансии не лежала экспансия хозяйственная. Так, главной отраслью Сибири в XIX в. была золотопромышленность. А, как известно, для золота не надо искать рынки сбыта, оно оседает в казне и не требует больших усилий по транспортировке и усилий по комплексному развитию территорий.

Такое положение Сибири не могло не вызвать к жизни движение за расширение ее автономии или даже отделение Сибири от России. Это движение во второй половине XIX — начале XX в. получило название «сибирское областничество» (Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев и др.), и вокруг него возник своего рода романтический ореол. В 1917 г. областники развивают активную деятельность по созданию «Сибирского государства» под лозунгом «Сибирь для сибиряков». Был создан Временный Сибирский областной совет, затем Временное правительство автономной Сибири. В последующие годы таких «правительств» в Сибири и на Дальнем Востоке было создано много, и все они были связаны с интервентами. Однако, по мнению Агеева, идеи областников представляют собой заурядный партикуляризм, который увековечивает изолированность Сибири и консервацию там архаичных социальных и культурных отношений. «Изживание» колониального статуса Сибири следует искать не на пути изоляции, а, напротив, на пути ее

интеграции в общероссийские экономическую и социокультурную систему. При отсутствии такой интеграции, при слабом влиянии центра Сибирь может стать сферой влияния других государств [Агеев, 2005: 286—287].

В советское время Сибирь фактически продолжала оставаться переселенческой колонией. «Систематическая колонизация» Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера государством была выстроена на принуждении: через систему лагерей, оргнаборы, принудительные выселения после коллективизации, наконец, голод как основной стимул к переселению. В 20—30-е годы XX в. в СССР сложилось разделение труда, в котором Сибирь в хозяйственном отношении занимала место колонии. И до сих пор Сибирь сохраняет колониальные черты, положение, которое уже закрепились в территориальном разделении труда в стране.

Сказанное в большой степени относится и к Дальнему Востоку. Первые шаги российского правительства по освоению Дальнего Востока (1850—1860 гг.) — учреждение нового казачьего войска, попытка насаждения земледелия на левобережье Амура, учреждение ряда льгот для переселенцев из староосвоенных районов — были по большей части малоэффективны. В дальнейшем усилия были направлены на разработку нового, более дробного административного деления Дальнего Востока, учет геополитического аспекта присутствия России на Дальнем Востоке, основание города Владивостока, создание крупной тихоокеанской военно-морской базы, развитие политических и хозяйственных связей Дальнего Востока с европейской частью России [Замятин, 2003: 313]. И тем не менее Дальний Восток оставался дальней периферией империи. В каком-то смысле судьба Дальнего Востока более благоприятна, чем судьба Сибири: Дальний Восток был хотя и крайне далеким, но геополитическим рубежом и уже в силу этого требовал внимания, Сибирь же была «мертвым пространством» в центре Евразии.

В целом в истории русского продвижения на Восток можно выделить три основных прорыва: выход землепроходцев к Тихому океану, «столыпинские переселения» и создание угольно-металлургической и энергетической базы на востоке страны. И американский Запад, и Сибирь требовали особых механизмов выживания, однако для Сибири он должен был бы быть значительно более мощным.

К концу XIX в. геополитическое пространство России приобрело те параметры, которые и до настоящего времени определяют его динамику. Огромные географические размеры территории Российской

империи вели, с одной стороны, к «разреженности» российского пространства (слабой инфраструктурной связанности), а с другой — способствовали его резко поляризованной структуре.

Как «организовать» пространство: административно-территориальное деление в Российской империи и Советском Союзе

Основы современного административно-территориального деления (АТД) в России были заложены Петром I, который упразднил прежние феодальные территориальные единицы. Целью реформы была централизация управления государством и концентрация власти в руках монарха. В 1708 г. было образовано восемь огромных генерал-губернаторств, в 1719 г. их число было увеличено до 11, а сами они разделены на провинции (сначала — 47, позже — 50).

Огромное влияние на становление российских регионов, особенно в европейской части страны, оказали реформы Екатерины II, растянувшиеся до 1785 г. В это время были разработаны и внедрены четкие критерии деления страны на губернии и уезды (так, численность населения губернии была установлена в пределах от 300 до 400 тыс. душ мужского пола). Таким образом, созданные еще в XVIII в. губернии просуществовали вплоть до преобразований после революции 1917 г. Более того, *нынешние границы областей нередко следуют рубежам, начертанным более двухсот лет назад*. 54% границ областей Центрального района повторяют губернские границы. Они устоялись в сознании местного населения. К 1785 г. в Российской империи насчитывалось 41 наместничество (так поначалу назывались новые губернии), 3 губернии, одна область на правах наместничества. К 1796 г. число губерний возросло до 51. Впоследствии екатерининская сетка АТД менялось в основном на периферии империи, и число губерний медленно увеличивалось.

В XIX в. территория империи продолжала почти непрерывно расширяться; на новых территориях формировались административные регионы: губернии, края, генерал-губернаторства и наместничества, делившиеся на области; при этом территориальная структура центральной части оставалась в целом стабильной.

К 1913 г. в Российской империи насчитывалось 77 губерний, в том числе 49 — управляемых по Общему учреждению, 4 — сибирских, 10 — царства Польского, 7 — кавказских, 8 — финляндских; 18 областей, из них 5 — кавказских, 3 — туркестанских, 5 — «степных», 4 — сибирских, Закаспийская область и Область войска Донского; один округ в составе Кавказского края и остров Сахалин; а также 4 города, выделенные в градоначальства — Петербург, Одесса, Севастополь, Керчь-Еникале.

К началу XX в. основным недостатком системы административно-территориального деления было игнорирование этнических рубежей. Так, компактный регион расселения татар на Средней Волге был разделен на пять губерний. Политические партии того времени предлагали различные варианты решения территориального вопроса, однако поступательное развитие событий было прервано Октябрьской революцией 1917 г.

Поражение в Первой мировой войне, революционные события 1917 г. и свержение самодержавия привели к распаду Российской империи. В декабре 1922 г. был заключен договор между РСФСР, Белоруссией, Украиной и Закавказской Федерацией о создании Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Впоследствии к союзу присоединялись другие республики (всего — 15 союзных республик). Тем самым было создано централизованное вертикально интегрированное государство с жесткой системой административно-партийного управления.

Первые десятилетия советской власти стали периодом почти непрерывных экспериментов с территориальной структурой — это было время чередования волн укрупнения и нового дробления регионов.

1917—1924 гг. — образование большинства национально-государственных образований; слияния и новые разукрупнения созданных республик.

1924—1930 гг. — попытка создания крупных краев на основе экономических районов (так, на Урале из пяти прежних губерний была образована Уральская область). В 1929 г. постановлением ВЦИК все остававшиеся к тому времени губернии были ликвидированы и преобразованы в края и области. Всего на территориях с относительно однородным русским населением было создано шесть крупных областей, а на территориях с компактным проживанием национальных меньшинств — семь краев, подразделявшихся на АССР, автономные области и области.

1930—1941 гг. — разукрупнение краев, образование большей части ныне существующих российских областей. Конституция 1936 г. предусматривала в РСФСР 17 АССР, она упразднила в РСФСР семь краев, вместо которых было создано много областей.

1941—1958 гг. — ликвидация части национально-государственных образований (например, Чечено-Ингушской АССР), связанных с депортацией титульного населения, или изменение их границ. (В 1957 г. репрессированные народы были реабилитированы, однако территориальная реабилитация была неполной — не была восстановлена государственность немцев Поволжья и крымских татар.)

Разворачивается новый процесс разукрупнения областей. В 1943—1944 гг. в РСФСР было создано 14 новых областей. На Дальнем Вос-

токе была создана Магаданская область, которой передали Чукотский АО, а Амурская область была выведена из состава Хабаровского края. В 1954 г. было образовано пять областей, три из которых оказались нежизнеспособными и были ликвидированы. В 1956 г. была образована Камчатская область с Корякским АО.

После этого территориальная структура в целом стабилизировалась. Незадолго до распада СССР, в 1990 г. большинство автономных образований в одностороннем порядке повысило свой статус.

В качестве причин распада Союза ССР можно назвать экономическую стагнацию, кризис коммунистической партийной системы управления и коммунистической идеологии, фиаско советской внешней политики и др. В 1990 г., из состава Советского Союза вышли и образовали суверенные государства Латвия, Литва и Эстония. В 1991 г. Беловежские соглашения привели к распаду Союза. 12 июня 1991 г. в России была принята Декларация о суверенитете. Сейчас Россия — это федеративное государство с республиканской формой правления, состоящее (согласно Конституции 1993 г.) из 89 субъектов, в том числе 21 республика, 6 краев, 49 областей, 10 автономных округов и одной автономной области. Статус субъекта Федерации имеют также города Москва и Санкт-Петербург.

Сказанное подводит нас к выделению **особенностей организации пространства в России (территориально-политического строительства).**

1. Освоение и захваты огромных и разнообразных пространств: «Россия с одной стороны граничила с цивилизацией, а с другой — с бесконечностью» [Вайль, Генис, 1996: 80].

2. Изначальное разнообразие статусов регионов/территорий (не было принципа равноправия, как в США!) — гибкость системы АД: учет этнических и культурных особенностей населения, географического положения и т. д. Система АД в России отличалась гибкостью, но при этом крайней сложностью и запутанностью.

3. Постоянные эксперименты с сеткой АД в советский период: волны укрупнения и дробления регионов.

4. Сочетание в российской территориальной структуре «старых» (национальные образования, регионы европейской части страны) и «молодых» регионов, образованных в советский период в 40—50-е годы.

Регионализация в России

Оценки *российской регионализации* — одной из существенных характеристик посткоммунистической России — полярны: от восприятия ее как нормальной реакции общества на советский сверхцентрализм до признания ее итогом формирования на территории страны неофео-

дальных региональных политических режимов. Очевидно, однако, что лавинообразный рост российского регионализма превратился в 90-е годы в политическую проблему, которая, в свою очередь, явилась следствием фундаментальных системных сдвигов на рубеже 80—90-х годов. Таким образом, системный кризис в России может быть описан, в частности, через процессы развивающейся регионализации государства и хаотической политической и экономической децентрализации.

BOX 9.7

Регионализация — процесс перераспределения полномочий между центром и регионами в пользу последних, учет интересов и нужд регионов в политике, экономике, управлении, планировании. Общие причины регионализации заключаются в стремлении сделать власть более эффективной, удовлетворить стремление региональных сообществ к самоуправлению, а также в том, чтобы переложить на региональные власти часть ответственности за принимаемые государством решения.

Отметим, что регионализация не была абсолютно новым феноменом для России. Так, в ходе советской истории выделяются два цикла регионализации «по-советски» (внедрение территориального принципа управления экономикой): в конце 20-х годов (нэповская практика местного хозяйствования на базе огромных по площади «административно-экономических областей») и в 50-е годы (хрущевские совнархозы и территориальные комплексы). Однако индустрия и военно-промышленный комплекс не вписывались в рамки регионов, уже поэтому советская регионализация — чисто экономического характера, естественно, — была изначально ущербной и не состоялась.

На рубеже 80—90-х годов требования экономической регионализации (прежде всего регионального хозрасчета) со стороны союзных республик переросли в экономический (отказ от уплаты налогов союзному центру), далее — в политический сепаратизм [Тревиш, 1999: 50—51]. Попытки союзного центра «умиротворить» республики посредством экономической регионализации оказались запоздалыми и не смогли предотвратить территориальную дезинтеграцию Советского Союза.

Важнейшими характеристиками российской регионализации 90-х годов были (1) ее лавинообразный, стихийный характер, что стало возможным в силу правового вакуума на федеральном уровне и политического кризиса самого федерального центра; (2) ее этнический

характер, поскольку этнические различия оставались в СССР одним из ключевых факторов культурно-территориальной дифференциации, таким образом, пионерами российской политической регионализации стали крупные, экономически и политически мощные республики — Татарстан и Башкортостан. Регионализация стала одной из причин усиления *неоднородности, фрагментированности российского пространства*.

Следует различать *внутренние и внешние* причины развертывания процессов регионализации в России в начале 90-х годов. К *внутренним причинам* относятся слабость федерального центра, разрушение вертикально организованной системы политического, хозяйственного и идеологического контроля, децентрализация общественной жизни, экономический кризис, с другой стороны — быстрое развитие и усиление региональных элит, обострение межнациональных отношений, наконец: сам фактор разнообразия российских регионов.

Внешние причины регионализации страны складываются:

- а) из геополитических и геоэкономических факторов (географического положения региона, его ресурсов, близости к коммуникациям, внешнеэкономических и внешнеполитических предпочтений);
- б) военно-стратегических факторов (военные альянсы, военные конфликты вблизи российской территории, характер размещения иностранных вооруженных сил), влияющих на развитие приграничных регионов;
- в) территориальных и этнических конфликтов, которые также оказывают мощное воздействие на развитие российских приграничных регионов [Сергунин, 1997: 130—149].

С 1999—2000 гг. берут начало новые процессы:

1) экономическая и политическая рецентрализация России, падение роли регионального фактора в российском политическом пространстве. Оценить итоги этого пока еще незаконченного цикла крайне трудно, очевидно, однако, что подобная дерегионализация чревата опасностью резкого усиления центробежных тенденций при любом ослаблении федеральной власти;

2) «новая регионализация» России, суть которой в потере административными регионами политической, экономической и социально-культурной активности и формировании новых «культурно-экономических» регионов, ориентированных на переход к постиндустриальной экономике, границы которых не совпадают с внутренними административными границами. «Новая регионализация» не замыкается границами России, в данном случае страна выступает как участник процесса глобализации [Княгинин, Щедровицкий, 2003: 84—107].

Федерализм в России: исторические корни

В России размер страны и ее география тесно связаны со структурой политической власти, с характером институтов, регулирующих отношения между центром и территориями (регионами). Поэтому рассмотрение этих институтов крайне важно. Согласно федеральной Конституции Российская Федерация является федеративным государством, так что отношения между центром и регионами должны носить федеративный характер. Так ли это? И существовала ли в истории России федеративная традиция?

BOX 9.8

Федерализм фиксирует отношения между центральными и региональными (или групповыми) органами власти и управления, построенные на основе разделения властей и наличии права на самоуправление для территорий (регионов) и/или социальных групп в рамках объединенной политической системы. «Сущностью федерализма как нормативного принципа является взаимопроникновение единства и децентрализации в одно и то же время» [Watts, 1999: 6—9].

Принято считать, что на протяжении всей своей истории Россия имела жестко централизованную унитарную форму государственного устройства. Это преувеличение. Так, происхождение Киевской Руси было конфедеративным — это был весьма рыхлый союз племен, державшийся во многом на единстве крови их князей (Хомяков пишет даже о «федерации областей независимых, охваченных одной цепью охранной стражи» [Хомяков, 1992: 61]). Именно эта конфедеративность не позволила Орде покорить Русь: полицентричность помогла ей выжить как культурной общности.

Начиная с Московского царства, Россия отличалась жесткой централизацией государственной власти, российская государственность стала символом предельного унитаризма. Однако окраины державы обладали реальной автономией. В XVII—XVIII вв. путь из Санкт-Петербурга или Москвы в Якутск занимал не один месяц, поэтому жестко управлять Сибирью из центра было практически невозможно. Автономия была неизбежной платой за беспрецедентное расширение границ государства, способом поддержания стабильности и лояльности новых частей страны [Баранов, Вартумян, 2004: 235].

Отметим, что в условиях самодержавия Россия превращалась в «совокупность сатрапий», поскольку самодержавие воспроизводило себя во всех административно-территориальных клетках державы. Вместе с

тем губернатор, посаженный столицей, находился в двойственном положении: отвечая перед государем, он всегда вынужден был учитывать местные интересы.

Многотомные законы Российской империи начинались с положения: «Государство Российское едино и нераздельно», однако автономия для территорий существовала. В Российской империи наиболее высокий уровень автономии был предоставлен Великому княжеству Финляндскому и царству Польскому. Ко времени включения в состав империи оба эти региона имели формы управления, сложившиеся в соответствии с европейской культурно-политической традицией. Финляндия находилась в составе Российской империи с 1809 по 1917 г., оформив личную унию с российской монархией. Император получил статус великого князя Финляндского. Он имел исключительную компетенцию в вопросах обороны и внешней политики княжества, в Финляндии сохранялись собственная полиция, система образования, валюта, официальный язык; поступления от пошлин и налогов полностью использовались на территории княжества. Царство Польское стало частью Российской империи в 1815 г., российский император стал также королем Польши, а Конституция 1815 г. закрепила квазигосударственный статус Польши, который даже повысился по сравнению с периодом наполеоновского господства [Баранов, Вартумян, 2004: 238—239]. Так, будучи империей, Россия имела и «протофедеративные» элементы, которые обеспечивали необходимую гибкость государственной системы.

Революции 1905—1907 и 1917 гг. предельно обнажили все противоречия в стране, в том числе и противоречия между интересами центра и территорий. Основные политические партии России не предлагали фундированной концепции построения федеративного порядка, не желали превращать империю в федерацию, их предложения сводились к автономии для окраин, в наибольшем объеме — для Финляндии, Украины, Польши. В 1917 г. Временное правительство также оказалось не в состоянии возглавить процесс политических преобразований, так что реальный политический процесс в условиях системного кризиса пошел по пути фрагментации страны. С октября 1917 по 1920 г. на территории бывшей Российской империи было провозглашено более чем 100 «государств».

Несмотря на то что целостной системы федерализма в «досоветской» истории России не состоялось, тем не менее в ней присутствовало два важных федералистских сюжета:

- конфедеративные истоки российской государственности;
- сосуществование власти центра с автономией окраин.

Советская модель федерализма

Для основателей советского государства федерализм (советского же образца) был нежеланным, но неизбежным решением, способом умиротворения «национальных окраин» с целью создания государства диктатуры пролетариата. С самого начала советский федерализм был способом решения национального вопроса, что оказалось несостоятельно на практике и заложило одну из коренных проблем российского федерализма.

Уже 2(15) ноября 1917 г. Совет народных комиссаров в Петрограде принял Декларацию прав народов России. Этот документ провозгласил принципы равенства и суверенности народов, их право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. III Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая была включена в Конституцию РСФСР 1918 г. Согласно декларации Советская российская республика учреждалась «на основе *свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик*». Так, Россия юридически стала федерацией.

После завершения Гражданской войны начинается формирование Союза ССР. В 1920—1921 гг. были подписаны союзные договоры между РСФСР и остальными советскими республиками — Украиной, Белоруссией, Грузией, Азербайджаном, Арменией. Несмотря на формальное признание суверенности сторон, на практике шло складывание не федеративного, но унитарного, централизованного государственного порядка. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов утвердил образование союзного государства — Союза Советских Социалистических Республик. Конституция СССР 1924 г. определила систему федеральных органов власти, законодательным органом стал Съезд Советов СССР, который открытым голосованием избирал Центральный исполнительный комитет СССР. В свою очередь Комитет состоял из Союзного совета и Совета национальностей в составе 130 чел. (по 5 чел. от союзных и автономных республик, по 1 — от автономных областей РСФСР). Конституция впервые в мире закрепила за союзными республиками право на самоопределение, хотя унитарная по сути форма государственного устройства не предполагала, естественно, реальной инициативы по выходу из Союза ССР [Баранов, 2004: 255]. Важно отметить, что в РСФСР субъекты Федерации (автономии различного статуса) создавались в местах компактного проживания этнических сообществ, территории же, заселенные преимущественно русским — государствообразующим — этносом, статуса субъектов Федерации не получили. Совет

национальностей формировался исключительно из представителей национальных регионов.

В 1920—1930 гг. территория Союза ССР расширяется. Согласно Конституции 1936 г. в состав Союза входит уже 11 союзных республик. Законодательная власть осуществлялась Верховным Советом СССР, состоящим из двух палат: Совета союза и Совета национальностей (выборы в этот орган по-прежнему проходили только в этнотерриториальных образованиях). В дальнейшем принятая в 1977 г. Конституция СССР закрепляла принцип *демократического централизма* как основу организации и деятельности Советского государства. Глава 1 «Политическая система» не оговаривала федеративного характера Советского государства. Право на самоопределение сохранялось: ст. 72 Конституции предусматривала право свободного выхода из состава СССР для каждой союзной республики, однако никакого механизма реализации этого права предусмотрено не было.

С течением времени договорное начало в союзном государстве все более отступало на задний план. При отсутствии механизмов защиты прав союзных республик декларативный характер обрели и нормы, закрепляющие их суверенитет. Конкретные полномочия ни союзных республик, ни автономных образований перечислены в Конституции не были [Абдулатипов, Болтенкова, Яров, 1993: 12—15].

Советский Союз имел крайне сложную территориальную структуру: накануне распада он включал 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей, 10 автономных округов, 6 краев и 123 области. Советское государство являлось федерацией по некоторым формальным признакам (наличие квазигосударственных институтов в регионах, двухпалатный парламент), однако реально оно характеризовалось предельно высоким уровнем централизации властных полномочий и жестко иерархической структурой управления.

Федералистское начало («Единство в разнообразии») не присутствовало в советской идеологии, которая была нацелена, напротив, на выравнивание всех и всяческих различий. Негативное отношение к региональному разнообразию, игнорирование региональной специфики прекрасно иллюстрирует тусклый, бедный топонимический ландшафт Советского Союза, который во многом сохраняется и до сих пор. Элементы реальной территориальной автономии в советское время возникали в основном явочным порядком, существовали неявным для Москвы образом (Москва могла снять первого секретаря обкома партии, но не могла жестко контролировать его повседневную работу) и осуждались ею как проявления местничества. В силу этого сложи-

лась традиция относиться к территориальной автономии как к чему-то незаконному, тому, что существует скрытно, за ширмой централизованного унитарного порядка.

Перестройка, становление и развитие федерализма в 90-е годы

Большинство экспертов сходится на том, что реальный российский федерализм отсчитывает свое рождение с момента принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. А что же было до этого, как «ломалась» советская модель федерализма, каким был переходный период от унитаризма к федерализму?

Весной 1990 г. Литва, а затем Латвия, Эстония, Грузия, Молдавия декларировали свою независимость. Фактически разворачивается процесс постепенного распада союзного государства — СССР. Попытки спасти ситуацию — принятие законов об экономической децентрализации, в частности Закона «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик», расширяющего права союзных и автономных республик, — были запоздалыми и успеха не имели. Принятие Декларации о суверенитете Российской Федерации 12 июня 1990 г. и последовавший референдум о независимости на Украине сделали распад Союза ССР необратимым. 12 декабря 1991 г. Верховный Совет России ратифицировал Беловежские соглашения и денонсировал Союзный договор 1922 г.

В это же время внутри Российской Федерации разворачивается процесс, получивший название «парада суверенитетов». Речь идет об одностороннем повышении статуса национальных автономий. Вскоре после принятия Декларации о суверенитете, выступая в Татарстане, Президент России Б.Н. Ельцин произнес фразу, получившую самую широкую известность: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Автономии начинают принимать собственные декларации о суверенитете. Все автономные области, кроме Еврейской АО, декларировали свой статус республик в составе РФ. Автономные округа в свою очередь заявили о прямом вхождении в состав России, выйдя из-под подчинения краям или областям.

Многие декларации республик нарушали принцип верховенства федерального закона. Так, некоторые республики заявили о возможности выхода из состава России (Коми, Татарстан) либо провозгласили себя суверенными государствами (Удмуртия, Калмыкия). Две республики не употребили в своих декларациях слова «в составе Российской Федерации» (Татарстан и Чечено-Ингушетия) [Баранов, Вартумян, 2004: 273]. Фактически многие республики оформляли не федеративный, но конфедеративный тип отношений с Российской Федерацией.

Таким образом, *в самом начале 90-х годов лозунги федерализма служили прикрытием и оправданием стихийной децентрализации, т. е. массового присвоения регионами функций и полномочий федерального центра.* Реформа федеративных отношений в России была неизбежной, при этом пути переустройства предлагались в начале 90-х годов следующие:

- создание национальных республик и так называемой Русской республики;
- отказ от национального принципа выделения субъектов Федерации и создание территориальных единиц на основе губернизации;
- создание Федерации национальных республик и русских земель, обладающих равными правами.

Отметим, что выбор федеративной формы государственного устройства в России был обусловлен тремя основными причинами:

- необходимостью предотвратить территориальную дезинтеграцию страны по образцу Союза ССР;
- необходимостью реформировать национальные отношения;
- необходимостью «ввести в рамки» расширяющийся процесс стихийной экономической децентрализации.

31 марта 1992 г. между федеральным центром и регионами был заключен Федеративный договор, включенный в Конституцию РФ и представляющий собой по сути первый документ, описывающий федеративный порядок России. Фактически договор представлял собой три группы договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, поскольку федеральные органы исполнительной власти подписывали договоры с органами исполнительной власти: 1) «суверенных республик в составе РФ»; 2) краев, областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга; 3) автономной области и автономных округов. Договоры были подписаны главами 87 субъектов РФ, не подписали этот документ главы Республики Татарстан и Чеченской Республики.

ВОХ 9.9

Чеченский «тупик». История отношений русских и чеченцев драматична, она включает и колониальное завоевание в XIX в., и депортацию чеченцев в феврале 1944 г. Все это наложило отпечаток на представление народов друг о друге. Фактически получив независимость после прихода к власти в Чечне генерала Дудаева, республика стала единственным примером выхода региона из состава России. «Восстановление конституционного порядка» обернулось вторжением российских войск в конце 1994 г. и войной, которая длилась восемнадцать

месяцев. В 1996 г. было подписано перемирие, однако ситуация не стабилизировалась. В 1999 г. под знаменем борьбы с терроризмом началась вторая война. Используя разногласия в чеченском обществе, Кремль сформировал в июне 2000 г. лояльную власть под руководством Ахмада Кадырова; в мае 2004 г. он был убит. Президентом был избран сын Ахмада, Рамзан Кадыров. Ситуация в республике по-прежнему неустойчивая, перестрелки и похищения гражданских лиц продолжают [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 132—133].

И сегодня, по прошествии более чем десятилетнего срока, Федеративный договор вызывает неоднозначные оценки специалистов. С одной стороны, подписание этого документа позволило достичь компромисса между центром и регионами, сняв угрозу для территориальной целостности страны. Помимо этого, договор распространил федеративные отношения на *все* регионы (а не только национальные), закрепив их положение в качестве субъектов Федерации. Тем самым национальный принцип выделения субъектов Федерации был дополнен территориальным (региональным), изменилась природа федеративных отношений — Федерация стала «полной».

С другой стороны, документ узаконил асимметричный характер российского федерализма, разделив субъекты Федерации на «классы» с точки зрения объема политических и экономических прав — наибольший объем прав получили республики. Договор оставил нерешенными крайне важные вопросы, такие как сущность и основные принципы федеративного устройства России, механизм взаимодействия уровней власти в области совместного ведения. Федеративный договор был временным и противоречивым документом, он отразил отсутствие опыта федеративного строительства у российской политической элиты. Договор следует рассматривать не столько как некий результат, сколько как необходимый и очень важный этап процесса федеративного строительства, как некую «декларацию о намерениях» строить общий проект под названием «федеративная Россия».

Асимметрия, закрепленная Федеративным договором, естественным образом привела к нарастанию противоречий между федеральным центром и областями, которые стремились повысить свой статус посредством провозглашения на своей территории республик. Наиболее известная и «реальная» попытка — провозглашение Уральской республики на территории Свердловской области. Впоследствии глава областной администрации Э.Э. Россель был отстранен Президентом РФ от должности.

Объективным препятствием для развития федеративных отношений в России стала развернувшаяся осенью 1992 — летом 1993 г. острая борьба за верховную власть между Президентом РФ и Верховным Советом РФ; фактически федеральный центр в стране в это время отсутствовал. Осенью 1993 г. после антиконституционного и насильственного разрешения ситуации с двоевластием — победы президентской коалиции — основной политический актор (Президент РФ) резко усиливает свое влияние. 12 декабря 1993 г. на референдуме была принята новая Конституция России, которая заложила основы федеративных отношений, хотя и не разрешила ряда уже существующих проблем.

Конституция определила основы российского федерализма. Так, согласно п. 1 ст. 1 Российская Федерация — это федеративное государство. Суверенитет России распространяется на всю ее территорию (ст. 4), федеральная Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории страны. Конституция страны не предусматривает право сепарации — выхода субъектов из состава Федерации (данное положение соответствует мировой практике). Российская Федерация состоит из 89 субъектов: 21 республики, 6 краев, 49 областей, 1 автономной области, 10 автономных округов, 2 городов федерального значения (Москвы и Санкт-Петербурга).

Интересы регионов в федеральном центре представлены в верхней палате российского парламента — Федерального Собрания — Совете Федерации, который на переходный период (с 1993 по 1995 г.) избирался по региональным округам посредством прямых выборов. Конституция РФ в ст. 102 определила следующие предметы ведения Совета Федерации:

- утверждение изменений границ между субъектами РФ;
- утверждение указов Президента РФ о введении чрезвычайного либо военного положения;
- решение вопроса о возможности использования Вооруженных сил за пределами территории РФ;
- назначение выборов Президента РФ;
- отрешение Президента РФ от должности по представлению Государственной Думы;
- назначение и освобождение от должности Генерального прокурора РФ, заместителя председателя Счетной палаты и 1/2 состава ее аудиторов;
- назначение судей Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда РФ.

Совет Федерации располагает, таким образом, крайне важными полномочиями; решения по этим вопросам могут сыграть принципиальную

роль в жизни страны. Помимо этого, федеральные законы, принятые Госдумой, в течение пяти дней должны быть переданы в Совет Федерации (ст. 105). Закон считается одобренным, если за него проголосовало более 1/2 членов Совета (если принимается федеральный конституционный закон, необходимо одобрение 3/4 депутатов этого органа) или если в течение 14 дней Совет Федерации не рассмотрел данный закон.

Споры между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов РФ, а также между высшими государственными органами субъектов РФ разрешает Конституционный Суд РФ. Конституционный Суд проверяет соответствие законов Конституции РФ и дает толкование Конституции РФ.

Федеральная Конституция разграничивает полномочия и предметы ведения между Федерацией и ее субъектами. Так, в Конституции выделяется исключительная компетенция Российской Федерации (ст. 71), совместная компетенция Федерации и ее субъектов (ст. 72), компетенция субъектов РФ. По ст. 73 субъекты Федерации обладают всей полнотой государственной власти вне пределов ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения. Субъекты Федерации имеют право на законотворчество — принятие законов и иных нормативных правовых актов (ст. 76). Субъекты имеют право самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти регионального уровня (ст. 77), при этом эта система должна соответствовать основам конституционного строя РФ, федеральным законам об общих принципах организации органов власти. Отметим, что в федеральной Конституции предметы ведения субъектов РФ не перечислены.

Новая Конституция заложила основы федеративного порядка в стране, однако оставила некоторые важные проблемы неразрешенными. Наиболее существенная из них касается вопроса о равенстве субъектов Федерации. Так, ст. 5 ч. 1 Конституции провозглашает принцип равенства субъектов Федерации. В то же время ряд других статей Основного закона фиксирует их неравенство. Подобная казуистика провоцировала лишь дополнительные сложности как в отношениях регионов с федеральным центром, так и в их отношениях между собой. Новая Конституция еще раз подтвердила уже сложившуюся практику российских федеративных отношений — предоставлять республикам существенные привилегии, основанные на правах титульных наций в регионах компактного проживания того или иного титульного этноса. Между тем со времен реализации принципов сталинской национальной политики (а выделение таких доменов для титульной нации было ее ключевым элементом) карта расселения коренным образом изменилась, и сегодня большинство жителей национальных территорий

составляют, как правило, не представители титульной нации, но русские; в то же время около 40% титульных наций проживает вне «своих» регионов [Смирнягин, 1998: 18].

Еще одной существенной проблемой, не нашедшей разрешения в Конституции, является так называемый парадокс матрешки, который состоит в том, что девять субъектов Федерации (автономных округов) входят в состав семи других субъектов (краев и областей). Конституция РФ обходит эту проблему с помощью ст. 66 ч. 4, оставляя разрешение проблемы за самими ее участниками [Смирнягин, 1998: 22—23]. Конституционный Суд также оказался бессилён в разрешении проблемы.

Следующим этапом развития федеративных отношений стали двусторонние (или, как их еще называют, внутрифедеральные) договоры о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти РФ и субъекта Федерации. Изначально заключение подобных договоров было задумано в качестве вынужденной меры, исключения из общего правила. Первый договор, которому предшествовала длительная и кропотливая работа, был заключен с Татарстаном в феврале 1994 г. В июле того же года (т. е. уже после заключения первого договора) была создана Комиссия при Президенте России по заключению договоров. В целом за период с 1994 по 1999 г. было заключено 50 двусторонних договоров. Особо резкую критику в Москве вызывал договор с Татарстаном, в котором отсутствовало положение о том, что Татарстан является республикой в составе Российской Федерации, а также положение о верховенстве федеральных законов. Этот документ закладывал не федеративный, но конфедеративный тип отношений региона с центром.

Среди политиков и экспертов отношение к договорной практике было полярным. Суммируем аргументы «за» и «против» этого процесса.

Договоры между центром и регионами в российских условиях полезны, поскольку:

- обеспечивают единство страны в условиях правового вакуума и базируются на Федеративном договоре 1992 г.;
- отражают специфику российской территориальной структуры — крайне существенные различия и диспропорции между регионами, в этих условиях федеральный центр должен устанавливать отношения с регионами не единообразно, но исходя из их специфики.

Договоры между центром и регионами есть вредная практика, поскольку:

- они изменяют природу Российской Федерации, превращая ее из конституционной в договорную, а в конечном счете ведут к конфедерализации страны;

— эти документы не имеют серьезной проработанной основы, но являются результатом политического торга между центром и регионами.

Все эти аргументы выглядят обоснованными, однако в целом значение договоров не следует преувеличивать. Эти документы не ратифицировались ни российским парламентом, ни законодательными собраниями регионов, так что значение их оставалось ограниченным. Договорная практика отразила политическую и экономическую слабость федерального центра.

Характеристики федерализма 90-х годов определялись сочетанием исторических влияний и политических обстоятельств переходного периода. В качестве основных можно выделить следующие.

Первое. При внешней институциональной и отчасти правовой оформленности федеративных отношений в России они оставались незрелыми и нестабильными. Нестабильность коренилась в ряде основных моментов: большом числе субъектов Федерации и ее крайне сложной иерархической структуре; наличии сложносоставных субъектов (на территории которых располагаются богатые запасы минерально-топливных ресурсов); наконец, слабости федерального центра, который к окончанию периода практически полностью исчерпал возможности влияния на ситуацию в регионах. Отсутствовали механизмы федерального вмешательства — это была типичная уступка ослабленной и разобщенной федеральной власти региональным элитам. Между тем институт федерального вмешательства предусмотрен правовыми нормами большинства федераций, он заключается в имеющихся в распоряжении федерального руководства чрезвычайных полномочиях по временному ограничению действия региональных законов и применению силовых методов в специально оговоренных обстоятельствах.

Федерализм «эпохи Президента Ельцина» был неустойчивым, его трансформация в сторону высокоцентрализованного союза или, напротив, рыхлой конфедерации была лишь вопросом времени.

Второе. Для развития федеративных отношений была характерна опора президента Ельцина на систему эксклюзивных отношений с регионами, развитие политического фаворитизма, когда неформальные институты и правила игры стали либо замещать новые формальные институты, либо заполнять существующий институциональный вакуум. Доминирование неформальных институтов стало основной структурной характеристикой российского федерализма. Россию называли даже «Федерацией без федерализма».

Третье. Правовые противоречия: в «ельцинское» десятилетие расхождения между федеральной Конституцией и федеральными законами, с одной стороны, и конституциями (уставами) и законами субъ-

ектов Федерации — с другой, стали болезненной проблемой. В ряде случаев в отсутствие федерального законодательства регионы принимали собственные законы, которые впоследствии неизбежно вступали в противоречие с принятыми позже законами федеральными.

Четвертое, и, может быть, главное. Российский федерализм не стал общественным, он остался «насажденным», «верховым», предметом дизайна, элементы которого выстраивались в зависимости от политической конъюнктуры. Население не восприняло федерализм как общественное благо. Как подчеркивал Д. Элазар, «федерализм — это нечто большее, нежели просто структурное построение; это также особый способ политического и социального поведения, включая обязательство к партнерству и активному сотрудничеству со стороны частных лиц и институтов...» [Elazar, 1987: 479].

Вместе с тем необходимо отметить и положительные стороны формирования российского федерализма. Так, новые условия самостоятельности дали региональным элитам колоссальный опыт, который проявлялся, в частности, в поиске самостоятельных путей выживания и роста в новых политических и экономических условиях. В 90-е годы начали складываться договорные отношения — новая для России практика, шли поиски компромиссов между интересами центра и регионов, что как раз отвечает сути федеративного процесса.

Мотив предопределенности федерализма как адекватного для России способа усиления демократических качеств политической системы был отчетливо замечен с самого начала 90-х годов [Каменская, 1998: 96—109]. Несмотря на перечисленные выше серьезные «огрехи» российского федерализма, он заслуживал самых лестных слов со стороны демократически настроенной общественности. По состоянию и скорости развития федеративных отношений стали «мерить температуру» российской демократии вообще, иными словами, так велика была у демократически настроенной интеллигенции ненависть к извечной российской гиперцентрализации, что «недофедерализм» (со всеми его искажениями и ошибками) стал мерилom демократического транзита.

Подобный подход оказался ошибочным, что и доказала российская практика, развеяв мифы. Что же это были за мифы? Прежде всего миф о том, что федерализм со своей системой «сдержек и противовесов» станет мощным препятствием для злоупотреблений властью на местах. Напротив, на практике оказалось, что в регионах злоупотребления властью и нарушения прав человека даже усилились. В подавляющем большинстве регионов консолидация политических режимов произошла не на демократических, но на авто-

ритарных началах. В политологическую литературу вошел термин «феодализация»; речь шла о появлении региональных «феодалов», ставивших задачей монополизацию административных и финансовых ресурсов. Таким образом, федерализм в России не усилил открытость общества, не повысил проницаемость политической системы, но, напротив, привел к тому, что региональная власть отгородилась от федеральной, отгородив от последней к тому же и систему местного самоуправления.

Одновременно была утрачена и надежда на то, что федерализм приведет к повышению гражданской активности, развитию структур гражданского общества.

В качестве общего вывода приходится констатировать то, что те федеративные отношения, которые были выстроены в России, либо вообще не способствовали демократизации в регионах, либо способствовали ей в крайне ограниченной мере. Такая ситуация привела к появлению новых настроений — разочарованию в российском федерализме, который якобы не выполнил своих обещаний. Необходимость реформы федеративных отношений стала очевидной, обсуждались различные ее варианты — как конституционной, так и административной, однако эти дискуссии имели в основном академический характер. Реформа была реализована в короткие сроки, при этом в основе политических изменений лежало стремление к усилению государства как одной из главных задач власти после его ослабления в предшествующий период.

Реформы российского федерализма: с 2000 г. по настоящее время

Реформа федеративных отношений, проведенная под руководством и по инициативе Президента В.В. Путина, многосоставна и включает несколько измерений. Ее основными элементами являются:

- введение поста полномочного представителя Президента в семи созданных согласно Указу Президента федеральных округах;
- введение института федерального вмешательства в регионах;
- реформа Совета Федерации;
- наконец, гармонизация законодательства в смысле приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным.

Рассмотрим последовательно каждый элемент.

А. Федеральные округа

Указ Президента от 13 мая 2000 г. о создании федеральных округов был первым шагом реформирования федеративных отношений в России. Появление подобного документа было вполне закономерным, поскольку идея федеральных округов оформилась в Администрации Президента еще в 1994 г. В дальнейшем после замены назначаемых

губернаторов выборными об этом («разрушении властной вертикали») в Москве заговорили еще активнее. К тому же стало очевидно, что прежний институт представителя Президента изжил себя. Фигура представителя Президента в регионах изначально задумывалась как практически равная губернатору по политическому статусу, между тем уже к 1995 г. стало ясно, что в большинстве регионов представитель оказался полностью подавлен последним.

Крупной проблемой стало и то, что федеральные службы в регионах были слабо координированы между собой и находились под влиянием региональной исполнительной власти, были фактически «приватизированы» ею. В ряде регионов федеральные структуры полностью обслуживали интересы местного руководства. Между тем речь шла о более чем 380 тыс. чел. — именно такое количество федеральных служащих находится в регионах [Смирнягин, 2000: 22].

Таким образом, Указ стал попыткой оторвать местные федеральные ведомства от региональной исполнительной власти, резко усилить присутствие Президента в регионах.

Б. Институт федерального вмешательства в регионах

Оформление этого института было проведено Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», принятом Государственной Думой 19 июля 2000 г. Этот первоначальный закон имел весьма непростую судьбу и был принят лишь в октябре 1999 г. Будучи крайне необходимым в регионах, он тем не менее долгое время находился без движения — сначала у Президента РФ Б. Ельцина, а потом в Совете Федерации.

В результате закон был принят уже после того, как в регионах были приняты конституции и уставы, а региональные политические режимы в основном оформились. Результатом столь явного запаздывания федерального центра стало принятие закона, который лишь зарегистрировал ситуацию, сложившуюся в большинстве регионов с разделением властей (подчиненное положение власти законодательной по отношению к власти исполнительной), и оформил практику работы региональных депутатов на непостоянной основе (совмещение депутатской работы с предпринимательской деятельностью или работой в муниципальных органах). Крайне невнятно в законе прописаны процедуры отставки губернаторов (законодательной властью) и роспуска legislatures (властью исполнительной) [Гельман, 1999: 18].

Что же касается взаимоотношений федеральных и региональных властей, то закон не предусматривал процедуру федерального вмеша-

тельства и ответственность региональных органов власти за свои действия. Иными словами, Закон от 6 октября 1999 г. — свидетельство того, что ко времени завершения ельцинского периода центр практически исчерпал возможности влияния на положение в регионах.

Подобное положение призван был исправить Федеральный закон от 19 июля. Закон предусматривает:

- ответственность органов государственной власти субъектов Федерации за нарушение Конституции РФ и федерального законодательства;
- возможность роспуска регионального законодательного органа Президентом РФ (при условии одобрения со стороны Государственной Думы);
- отрешение от должности главы исполнительной власти субъекта Федерации указом Президента в случае издания главой исполнительной власти нормативного правового акта, противоречащего Конституции РФ и федеральному законодательству;
- временное устранение Президентом РФ главы региональной исполнительной власти от должности в случае мотивированного представления Генерального прокурора РФ (т. е. предъявления указанному лицу обвинения в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления).

Как видно, данный закон закрывает пробелы предыдущего. Действительно, трудно отрицать необходимость появления института вмешательства со стороны федеральных властей. Подобный закон (как и указ о федеральных округах) резко усиливает присутствие федерального центра в регионах и понижает статус губернаторов, изменяя тем самым всю логику предшествующего периода развития федеративных отношений. В то же время проявление политической воли Президента было необходимо для того, чтобы препятствовать дальнейшей консолидации авторитарных региональных политических режимов, которые слабость институтов гражданского общества делала практически неуязвимыми.

В. Реформа Совета Федерации

Совет Федерации — верхняя палата российского парламента — крайне важный институт в системе федеративных отношений, поскольку он представляет интересы регионов на федеральном властном уровне. В ходе короткой истории существования принцип формирования этого института уже в третий раз подвергся изменениям. Так, в 1993 г. депутаты Совета Федерации были напрямую избраны населением, в 1995 г. после долгих дебатов порядок был изменен, и главы исполнительной и законодательной власти каждого субъекта Федерации заняли депутатские

кресла по должности, без выборов. Наконец, в июле 2000 г. принимается федеральный закон, согласно которому в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта Федерации — по одному от законодательного и исполнительного органов государственной власти субъектов РФ. При этом представитель от законодательной ветви власти избирается из числа депутатов региональной легислатуры, а представитель от исполнительной ветви власти назначается главой исполнительной власти региона (назначение вступает в силу в случае, если две трети депутатов региональной легислатуры не проголосуют против этой кандидатуры).

Изменение порядка формирования этого института представляется контрпродуктивным. Во-первых, налицо несоответствие Совета Федерации по «политическому весу» его депутатов конституционным полномочиям этого органа. Реформа нанесла ощутимый вред авторитету не только Совету Федерации, но и авторитету российского парламента в целом. Во-вторых, изменилась природа Совета Федерации, депутатами которого ныне являются «наемные служащие», в большинстве своем не связанные с регионами, которые они представляют.

Д. Гармонизация законодательства

Этот элемент административной реформы не проводится специальным федеральным законом или указом Президента, однако уже обсуждавшиеся новые федеральные законы относительно местного самоуправления и общих принципах организации государственной власти в субъектах Федерации содержат положения, согласно которым уже принятые региональные правовые акты, противоречащие Конституции РФ и федеральному законодательству должны быть приведены в соответствие этим документам, а нормативные акты органов местного самоуправления соответственно должны быть приведены в соответствие с федеральным и региональным законодательством. Для этой цели оба закона устанавливали один срок — шесть месяцев.

Проблема противоречий в законодательстве разных уровней не нова, она активно обсуждается уже ряд лет. Подобные противоречия стали считать одной из характеристик российского федерализма. Масштаб противоречий действительно чрезвычайно велик, так что проявление политической воли Президента на этом направлении выглядело вполне оправданным. Однако этот процесс шел крайне неравномерно, некоторые регионы (среди них Москва) активно сопротивлялись административному давлению центра.

В целом реформа преследовала цель ослабления региональных элит и концентрации ресурсов (административных и финансовых) в руках федеральной бюрократии. Но это только часть задачи. Другая ее часть

такова: федеральная бюрократия должна была стать тем локомотивом, который обеспечит экономический рост любой ценой. Так что эльцинский федерализм пал жертвой цели достижения экономического роста, и административную реформу Президента Путина следует рассматривать не саму по себе, но в первую очередь как средство создания рамочных условий для обеспечения роста экономики. Равнодушная (а во многих случаях даже позитивная) реакция общества на трансформации такого рода свидетельствует, что более чем за десять лет реформ федерализм так и не приобрел реальной цены для граждан России.

Второй срок президентства В.В. Путина ознаменовался дальнейшей централизацией и расширением мер федерального вмешательства. 13 сентября 2004 г. на расширенном заседании правительства в качестве мер по борьбе с терроризмом обозначил новые подходы к государственному управлению. Была провозглашена необходимость (и реализована через федеральный закон, принятый Госдумой) перехода к избранию глав исполнительной власти субъектов РФ законодательными собраниями регионов по представлению Президента РФ. Речь идет фактически о «мягком» варианте назначения губернаторов. Следует специально отметить, что такой порядок не используется ни в одном из федеративных государств мира: назначаемые федеральным центром губернаторы в таких федерациях, как Канада, Индия, Малайзия, *лишь представляют интересы центра в регионах, но не осуществляют функции руководства исполнительной властью.*

У Российской Федерации нет аналогов в мире по числу регионов — субъектов Федерации. Административно-территориальное деление России не было стабильным и многократно подвергалось реформированию. Мировой опыт свидетельствует о том, трансформации системы АТД в федерациях, т. е. увеличение и уменьшение числа субъектов, представляет собой весьма редкий случай для стабильно функционирующих федеративных политических систем. Подобные трансформации меняют институциональное равновесие политической системы, снижают степень ее стабильности, так что в большой долей вероятности можно предположить, что стабильные федерации будут избегать пересмотра структуры. Если же трансформации имеют место, то это объясняется либо особыми обстоятельствами, либо же незрелостью федеративных отношений, когда преемственность институтов еще не сложилась.

В России уменьшение числа субъектов Федерации посредством их слияния имеет прямое отношение к проблеме сложносоставных субъектов Российской Федерации. В соответствии со ст. 66 Конституции РФ один субъект фактически входит в другой, являясь при этом юри-

дически самостоятельным. Семь субъектов Российской Федерации имели в своем составе девять других субъектов: Коми-Пермяцкий округ АО в составе Пермской области, Агинский Бурятский округ АО в составе Читинской области, Корякский округ АО в составе Камчатской области, Ненецкий АО — в составе Архангельской области, Усть-Ордынский Бурятский АО — в Иркутской области, Ханты-Мансийский АО и Ямало-Ненецкий АО — в составе Тюменской области, Таймырский АО и Эвенкийский АО — в составе Красноярского края.

Начало процессов объединения относится к концу 2003 г. С тех пор объединительные референдумы прошли целом ряде субъектов РФ. 7 декабря 2003 г. за объединение в Пермский край проголосовали жители Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа. Вслед за Прикамьем процесс объединения российских регионов получил развитие в Сибири и на Дальнем Востоке. 17 апреля 2005 г. состоялся референдум по объединению Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) и Эвенкийского округов 23 октября 2005 г. — Камчатской области и Корякского округа, 16 апреля 2006 г. — Иркутской области и Усть-Ордынского округа. В марте 2007 г. состоялся референдум об объединении Агинского Бурятского автономного округа и Читинской области. В декабре 2007 г. одновременно с думскими выборами прошел референдум в Республике Алтай и Алтайском крае, в марте 2008 г. одновременно с выборами президента — Ненецкого округа с Архангельской областью.

Фактически на сегодняшний момент процесс объединения идет в рамках пяти проектов. При этом юридически образование Пермского края и нового Красноярского края завершилось 31 января 2007 г. и 31 декабря 2007 г. соответственно, Камчатского края — 31 декабря 2008 г. Федеральный конституционный закон «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта РФ в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» — подписан 30 декабря 2006 г. Создание Иркутского края завершилось в 2008 г. Активно действует Читинская область и Агинско-Бурятский округ. Таким образом, к началу 2009 г. будут считаться образованными уже четыре новых субъекта Федерации, к 2010 г. их число планируется довести до 7. Общее количество субъектов Российской Федерации станет равным 81 — и Россия сохранит свое беспрецедентное лидерство по количеству субъектов среди федераций мира.

Литература основная

1. *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в истории России. Книги первая и вторая.* М.: Республика, 1993.

2. Баранов А. В., Вартумян А. А. Политическая регионалистика. Курс лекций. Вып. 2. М., 2004.
3. Политико-правовые ресурсы федерализма в России / под ред. Р. Хакимова. Казань, 2006.
4. Регионализация в развитии России / под ред. А. Трейвиша, С. Артоболевского, М.: УРСС, 1999.
5. Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005.
6. *Trenin Dmitri. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. Washington D.C. and Moscow: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.*

Литература дополнительная

1. Макарычев А. С. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма // Сравнительный регионализм: Россия — СНГ — Запад, Нижний Новгород, 1997.
2. Княгинин В., Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России // Россия между вчера и сегодня / под ред. В. Преображенского, Д. Драгунского. М., 2003.
3. Магомедов А. Мистерия регионализма. М.: МОНФ. № 114. 2000.
4. *Heinemann-Grueder A. Why did Russia not Break Apart? Legacies, Actors and Institutions in Russia's Federalism. In: Federalism Doomed? European Federalism between Integration and Separation. A. Heinemann-Grueder (ed.). N.Y. — Oxford: Berghahn Books, 2002. P. 146—166.*
5. *Unity or Separation: Center-Periphery Relations in the Former Soviet Union. Ed. by D.R. Kempton and T.D. Clark. London, 2002.*

ГЛАВА 10. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

В этой главе от рассмотрения становления современной системы государств и границ между ними на разных континентах я перехожу к рассмотрению групп государств — региональных интеграционных группировок. Такой переход обусловлен тем, что в начале XXI в. изучение политической карты, поделенной на блоки — государства, оказывается уже недостаточным: с середины прошлого столетия в мире развиваются интеграционные процессы, которые к настоящему времени по крайней мере в одном случае (речь идет о Европейском союзе) привели к формированию политической системы и политического пространства нового типа. Границы, отделяющие это новое политическое пространство от «внешнего мира», также непохожи на «жесткие» межгосударственные границы.

Регионализация и региональная интеграция

Сначала следует остановиться на определении регионализации и региональной интеграции и тех критериях, которые позволяют говорить о состоявшемся региональном объединении.

Регионализацию можно определить как «образование и развитие экономических объединений *географически близкими* государствами, при этом основой таких группировок являются соглашения преференциального характера» [Проблемы региональной интеграции, 2007: 5]. Постоянное экономическое и политическое взаимодействие между странами — членами таких объединений создает *пространство*, на котором частично снимаются внутренние торговые барьеры и может формироваться общая таможенная политика. В конце XX в. в мире относительно успешно функционировали пять интеграционных группировок: Европейский союз (ЕС), АТЭС, МЕРКОСУР, НАФТА, ОЭС, в которые входили более 150 государств (региональных торговых соглашений в мире существует гораздо больше — около 160) [Проблемы региональной интеграции, 2007: 8]. Важно понимать, что региональные объединения не следует рассматривать как точное отражение некой общей идентичности (ясно, например, что понятие «Европа» шире понятия «Европейский Союз»), однако каждое из объединений, безусловно, имеет свою региональную специфику. Иными словами, каждая региональная «версия» интеграции в случае успеха соответствует конкретным условиям прежде всего в том, что относится к формам интеграционного взаимодействия, его динамики и условий.

Таблица 10.1. АСЕАН и Европейский союз в сравнении

Данные и показатели	АСЕАН (основана в 1967 г.)	Европейский союз (основан в 1951 г.)
Цели создания	Стимулирование экономического роста, социального прогресса и культурного развития региона	Мир, процветание и свобода для граждан Союза в более справедливом и безопасном мире
Страны-основатели	Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Таиланд	Франция, Германия (Западная), Италия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург
Присоединившиеся страны	Бруней (1984), Вьетнам (1995), Лаос и Бирма (1997), Камбоджа (1999)	Великобритания, Дания, Ирландия (1973), Греция (1981), Испания и Португалия (1986), Швеция, Финляндия, Австрия (1995), Кипр, Мальта, Чехия, Латвия, Литва, Эстония, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Словения (2004), Болгария и Румыния (2007)
Наблюдатели и партнеры	Папуа—Новая Гвинея, Китай, Япония, Южная Корея, США, Австралия, Канада, Индия, Новая Зеландия, Россия, Пакистан, ООН, ЕС	Исландия, Лихтенштейн, Норвегия, Швейцария, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина, Узбекистан, Египет, Израиль, Ливан, Сирия, Иордания, Палестина, Мексика, Чили, Япония, Южная Корея, Австралия, Новая Зеландия, Китай, АСЕАН, МЕРКОСУР
Страны-кандидаты	Восточный Тимор	Хорватия, Македония, Турция
Население (2006)	564,986 млн	492,975 млн
Плотность населения	127 чел. на кв. км (2006)	114 чел. на кв. км (2008)
Ежегодный прирост населения	1,6% (2006)	0,16% (2006)
ВВП на душу населения (2007)	2,041 долл. США	33,482 долл. США
Основные торговые партнеры	Япония, США, ЕС, Китай, Южная Корея	США, Китай, Япония, Канада, Южная Корея
Экономический рост (2007)	6,0%	2,7%

Термин «интеграция» имеет мощный позитивный резонанс среди большинства международных и политологов; обычно он ассоциируется с прогрессом, справедливостью, преимуществами для всех участников, хорошим управлением (*good governance*) и здоровым сообществом. Однако есть и другая точка зрения, хотя и разделяемая немногими: интеграция — это угроза для свободы и процветания граждан государства, ей необходимо сопротивляться, поскольку она ведет к усилению богатства богатых и бедности бедных государств [The Future of North American Integration, 2002].

Некоторые эксперты считают **достаточными признаками** интеграции явно *выраженную ее участниками волю к многостороннему сотрудничеству для решения общих проблем, подтверждаемую регулярностью встреч для решения вопросов, выходящих за рамки обычного международного общения* [Beeson, 2007: 218]. Представляется, что данное определение описывает не «достаточные», но минимальные признаки. Так, эти признаки, возможно, достаточны для интеграции в Азии, но явно недостаточны для процессов, развивающихся в Западной Европе. А может быть, интеграция имеет столь сильную региональную специфику, что необходима своя версия самого термина «интеграция» для каждого ее случая (или группы случаев)?

Хеттне приводит более подробный список «достаточных признаков» интеграционного объединения, важнейшими среди которых от считает:

- высокий уровень сотрудничества в культурной, политической, экономической и в меньшей степени военной областях;
- наличие эффективных институтов принятия решений;
- наличие институтов, занимающихся обеспечением региональной безопасности;
- частичное и выборочное применение наднациональных методов принятия решений;
- способность регионального объединения выступать в качестве консолидированного субъекта международного общения, обладающего легитимностью в глазах других акторов мировой политики [Hettne, 1999: 3—24].

Определяя характер взаимоотношений между терминами «регионализация» и «интеграция», следует сказать, что для первого из них наиболее существенна география, т. е. территориальный (региональный) аспект — обособление в той или иной степени крупных регионов; второй же термин описывает происходящие процессы, т. е. то, что происходит внутри регионов, сущностно.

Интеграция и глобализация

Интеграционные процессы необходимо отличать от процессов глобализации. Оба процесса действительно имеют некоторые общие внешние проявления: трансформация роли государства, повышение проницаемости его внешних границ, создание новых наднациональных институтов. Однако смысл этих процессов принципиально различен. Если региональная интеграция есть результат сознательных усилий, проявление политической воли с целью достижения компромисса, то глобализация — это порождение процессов естественноисторических, следствие новой ступени развития коммуникаций, новых технологий и пр.

Жакоб и Жен выдвинули и проранжировали по степени значимости десять факторов, наиболее существенных для политической интеграции, при этом на первом месте оказался фактор географической близости (*geographical proximity*), который действительно является начальной предпосылкой для развития интеграционных процессов [Jacob, Jeune, 1964]. И напротив, система взаимосвязей будет иметь глобальный характер только при трансконтинентальных расстояниях, принципиально превышающих дистанции взаимосвязей между членами регионального объединения.

Отличие между интеграцией и глобализацией коренится и в отношении к государству. Если постепенное углубление интеграции, как мы это видим на примере Евросоюза, реализуется только по согласию государств-членов, то глобализация, действуя поверх границ, может «взломать» государство. Так, голод в слаборазвитых африканских странах можно связать не только с эрозией почв и скверным управлением, но и со «взломом» слаборазвитых аграрных экономик силами международной конкуренции. В отличие от глобализации для интеграции несвойственно игнорирование интересов слабых территориальных сообществ и социальных групп, напротив, она предполагает реализацию структурной и социальной политики, направленной на выравнивание шансов всех сообществ и групп.

И интеграция, и глобализация обостряют межнациональную конкуренцию. При этом глобализация не заботится о равенстве ее условий; глобальная конкуренция бескомпромиссна и приобретает монопольный характер. В условиях же (западноевропейской) интеграции признается необходимость проведения особой конкурентной и антимонопольной политики, препятствующей концентрации экономической мощи.

Наконец, углубление интеграционных процессов ведет к выстраиванию сложной институциональной системы, в то время как глобализация в состоянии создавать лишь отдельные координирующие институты.

Обзор региональных объединений на карте мира

Объединительные идеи на *Африканском континенте* были первоначально связаны с процессами деколонизации. Созданная в 1963 г. и включавшая в свой состав более 50 государств *Организация африканского единства (ОАЕ)* сыграла роль в процессе ускорения деколонизации континента, однако оказалась не в состоянии урегулировать многочисленные конфликты. К тому же объединяющая — антиколониальная — идея постепенно теряла актуальность. В 2002 г. лидерами 52 африканских государств было провозглашено создание *Африканского союза*, пришедшего на смену ОАЕ. При создании этой организации сделана попытка использовать опыт Европейского союза — формируются панафриканский парламент, валютный фонд, центральный банк (Африканский банк развития). Союз возглавляет высший орган, в состав которого входят главы государств. Однако европейцы выстраивали свою институциональную систему, основанную на компромиссе и постепенном преодолении недоверия сторон, шаг за шагом, так что перспективы заимствования Африкой европейских институциональных «находок» весьма сомнительны.

Африканская модель интеграции развивается не по отраслевому (функциональному) пути, как это имело место в Западной Европе, но по пути создания субрегиональных группировок (состав государств фактически совпадает с составом африканских субрегионов). Так, существуют Экономическое сообщество государств Западной Африки (ЭКОВАС), Союз арабского Магриба, Восточно-Африканское сообщество, Экономический и валютный союз Западной Африки, Общий рынок стран Юго-Восточной Африки, Южно-Африканское сообщество развития [Проблемы региональной интеграции, 2007: 126—127]. Примечательно, что сотрудничество между государствами развивается и с целью совместного решения конкретных проблем, имеющих большое значение, в частности проблемы водопользования. Так, созданы и работают Союз государств реки Мано, Комиссия государств реки Нигер, Организация по развитию реки Сенегал.

Азиатско-Тихоокеанский регион является активной зоной взаимодействия между государствами, имеющего прежде всего экономический характер при отсутствии (в отличие от Евросоюза) ориентации на наднациональность. С одной стороны, азиатский стиль интеграции можно считать более гибким по сравнению с интеграцией в ЕС, для него не характерна четкая институционализация и регламентация, однако такой подход свидетельствует о том, что стороны (государства-члены) не связаны значимыми обязательствами.

В основе объединительных тенденций в экономике Азиатско-Тихоокеанского региона — «интеграционное ядро» государств АСЕАН, так

что все остальные проекты и инициативы представляют собой «оболочки» вокруг этого ядра. Основы Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) заложила Бангкокская декларация, подписанная министрами иностранных дел Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин в 1967 г. и дополненная в 1976 г. Договором о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии. Ассоциация должна была стать платформой, дискуссионным форумом с целью минимизации разногласий, координации вопросов безопасности и стимулирования экономического развития и кооперации стран-участниц. Поскольку одной из базовых целей вступающих в ассоциацию стран было приобретение «иммунитета» к коммунизму, их «совместное предприятие» носило отчасти проамериканский характер. Однако затем эта ситуация стала меняться: члены АСЕАН все более осознавали свои собственные национальные и региональные интересы, а США перестали поддерживать проект регионализации Юго-Восточной Азии [Sumsky, 2008: 91—92].

В настоящее время организация объединяет 10 государств: Бруней, Вьетнам, Индонезию, Лаос, Малайзию, Мьянму, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Камбоджу. В 2003 г. страны АСЕАН приняли решение о создании к 2020 г. региональной зоны свободной торговли (позже этот срок был отодвинут до 2025 г.). Сегодня АСЕАН имеет репутацию наиболее успешного регионального альянса в «незападном мире», несмотря на существующие между ее членами огромные диспропорции в уровнях социально-экономического развития и незавершенность национальной консолидации практически во всех государствах — членах АСЕАН. Крайне несхожи политические режимы государств-членов: от абсолютной монархии Брунея и коммунистического режима Вьетнама до демократии Филиппин (подобно совершенно непредставимо для европейской интеграции, первейшим условием которой выступает демократический политический режим присоединяющегося государства).

АСЕАН находится в самом центре региональной «архитектуры» Юго-Восточной Азии, на нее замкнуты все другие важные региональные интеграционные группы — АТЭС (*Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество*, объединяющее 21 страну и территорию), «АСЕАН плюс три» (Китай, Южная Корея, Япония) и АРФ (Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности). К ним примыкает не оформленная пока официально интеграционная схема Восточно-азиатского сообщества (ВАС). Все эти организации институционально базируются на механизмах АСЕАН. Подобно тому, как интеграция в Европе первоначально строилась вокруг компромисса по решению «германского вопроса», у государств Юго-Восточной Азии также была

общая задача — не допустить возвращения диктата внерегиональных «великих держав», прежде всего проникновения советского и китайского коммунизма, военного вмешательства западных держав. Помимо этого, стояла задача разрешить историческое соперничество и территориальные споры Индонезии и Малайзии. Таким образом, импульс к интеграции в Юго-Восточной Азии возник только после завершения деколонизации, фактически закончившейся с уходом США из Вьетнама в 1973 г. [Байков, 2007: 11].

По сравнению с Европой интеграционный процесс в Азии характеризуется медлительностью, выжидательностью — даже расширение группировки происходило не на основе формальных встреч, как это происходит в Европейском союзе, но на основе неторопливых неформальных переговоров. Спецификой интеграции в АСЕАН является то, что экономическое сотрудничество здесь движется группой средних и малых стран (как известно, в ЕС моторами интеграции выступали и выступают крупные страны) (табл. 10.1).

В *Латинской Америке* первым объединительным проектом был проект Симона Боливара, лидера борьбы за независимость в Южной Америке. Проект предполагал создание конфедерации латиноамериканских государств с целью совместной защиты от внешних врагов и ускорения экономического развития континента. Однако планы Боливара не были реализованы, и первые шаги к региональной интеграции относятся только к началу 60-х годов XX в. Для южноамериканской интеграции характерно наличие нескольких субрегиональных интеграционных центров (среди них: Центральноамериканский общий рынок, Ассоциация Карибских государств, Андский пакт, Ла-Платская группа, Амазонский пакт, Общий рынок стран Южного конуса (МЕРКОСУР) — наиболее эффективная в Западном полушарии интеграционная группировка), а это означает, что практически каждая страна Южной Америки является одновременно членом нескольких интеграционных блоков. В 2004 г. главы 12 государств Южной Америки подписали Декларацию Куско, которая провозглашала создание Южно-Американского сообщества наций (ЮАСН). В новый блок вошли страны — члены трех группировок: МЕРКОСУР (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай), Андского сообщества наций (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу, Эквадор), Карибского сообщества (Гайана, Суринам) и Чили как ассоциированный член МЕРКОСУР. Мотором этого интеграционного движения выступает Бразилия, подход которой заключается в развитии именно латиноамериканской интеграции (без участия северных соседей).

В *Северной Америке* переговоры между США, Канадой и Мексикой привели к подписанию в 1992 г. соглашения о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). Отметим, что в данном случае речь идет об особом интеграционном проекте: экономическом сближении высокоразвитых государств (США и Канады) с развивающейся страной (Мексикой), т. е. о новой модели сотрудничества между Севером и Югом, в основу которой положен принцип *асимметрии*. Так, Мексика получила право беспошлинно экспортировать 70% своих товаров в США и Канаду, в то время как лишь 40% товаров этих стран освобождались от пошлин в Мексике [Проблемы региональной интеграции, 2007: 103—104].

В отличие от Бразилии подход США заключается в создании объединения, охватывающего государства обеих Америк. С целью поэтапной реализации этого подхода в 1994 г. в Майами главы 34 государств Западного полушария (США, Канады, всех государств Латинской Америки и Карибского бассейна, кроме Кубы) приняли решение создать к 2005 г. Панамериканскую зону свободной торговли Америк (АЛКА). Однако Всеамериканский саммит 2005 г. показал, что не все государства готовы разделить идею США: лидеры пяти крупных государств (Бразилии, Аргентины, Венесуэлы, Уругвая и Парагвая) отказались подписать основную декларацию. По их мнению, единое торговое пространство от Аляски до Патагонии не несет им экономических выгод, но усилит политическое влияние США. Фактором, объективно затрудняющим создание интеграционного объединения, охватывающего обе Америки, является доминирование США: интеграция требует определенного равенства среди членов объединения для создания равновесной системы, иначе интеграция рискует стать эвфемизмом для гегемонии США.

Европейский союз: политическая система и политическое пространство нового типа

∴

На карте Европы мы увидим множество региональных организаций, однако только одна из них достигла исключительного прогресса и, хотя и не совпадает с понятием «Европа», все же часто с ней ассоциируется (схема 10.1).

Создание и развитие Европейского союза (ЕС, Союз) — это многоступенчатый процесс взаимодействия национальных лидеров демократических государств Европы по поиску взаимоприемлемых компромиссов. Компромисс и поиск компромиссов — как между странами, так и между различными интересами внутри стран — это ключевая характеристика европейской интеграции, объясняющая и историю ЕС,

и характер его институтов. С подписанием Договора об учреждении Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. начинается первый этап европейской интеграции. За это время Евросоюз прошел беспрецедентный путь — от зоны свободной торговли через таможенный союз и единый внутренний рынок до экономического и валютного союза. Количество участников объединения увеличилось с 6 до 27. Сегодня Западная Европа интегрирована в такой степени, которая позволяет воспринимать ее как единое целое, как консолидированного актора нового типа.

Вместе с тем западноевропейское пространство никогда не было единым, так что говорить о единой политической культуре ЕС было бы неверно. Население стран ЕС слишком разнородно, политическая культура различна, различны и политические режимы, наконец, различен уровень и характер экономического развития государств, входящих в Союз. Достаточно указать на то, что в ЕС-27 40 языков используются группой более 300 тыс. чел., а из 27 государств-членов 20 представляют собой республики, а 7 — монархии; 22 государства имеют парламентскую систему, при которой глава исполнительной власти избирается парламентом, а в 5 государствах президент избирается всеобщим голосованием и имеет существенные полномочия.

Важно подчеркнуть, что лидеры разных стран ЕС (или даже лидеры одной и той же страны) всегда преследовали разные цели в процессе интеграции. Фактически за пределами самых общих деклараций единства целей никогда не было, поэтому для успеха интеграционного процесса было крайне важно *выстроить институциональный механизм*, позволяющий находить компромисс и развивать интеграцию, не взвизывая на противоречия между участниками.

В разные периоды основа компромисса была принципиально разной. Так, изначальным стимулом для интеграции послужила проблема послевоенной Германии. Государства Европы, и прежде всего Франция, столкнулись в этот период с дилеммой: как создать условия для скорейшего восстановления Германии и как при этом не потерять над ней контроль? Возникла необходимость найти новую форму взаимоотношений государств в Европе, которая была бы способна гарантировать то, что сильная Германия не станет в очередной раз угрозой для Европы и мира. Непосредственным (техническим) решением этого вопроса стала постановка под общий контроль производства угля и стали, которые в то время были основным стратегическим сырьем. Впоследствии интеграция долгие годы строилась вокруг решения глубоко прагматических экономических задач, таких как стабильность денежной политики, сокращение дефицита бюджетов, снижение раз-

дутых социальных гарантий и расходов. В последние годы в Западной Европе все чаще раздаются призывы развивать интеграцию в Европе как противовес доминированию США на мировой арене.

Европейский Союз, безусловно, более институционально структурирован чем любая международная организация, однако его нельзя рассматривать как государство, тем более как государство классического вестфальского типа. Однако ряд критериев позволяет говорить о ЕС как о политической системе.

Во-первых, ЕС имеет сложившуюся и развитую систему институтов.

Во-вторых, процесс интеграции в целом ряде областей предполагает делегирование компетенций с национального уровня на уровень наднациональный. Таким образом, распределительной и регулирующей инстанцией становятся органы ЕС, а не государства-члена.

В-третьих, ЕС оказывает серьезное влияние на социально-экономическое и политическое развитие своих членов: сфера компетенции ЕС постоянно расширяется. Правовые нормы ЕС имеют прямое действие, т. е. они не требуют инкорпорации в национальное законодательство. Членство в ЕС оказывает самое серьезное влияние на национальную экономику.

В-четвертых, между социально-экономическими и политическими процессами в ЕС и его институциональной системой существуют устойчивые обратные связи. Фактически есть лишь один критерий, отсутствие которого, казалось бы, не позволяет считать ЕС политической системой: инструменты принуждения, прежде всего силовые органы, остаются на национальном уровне. Недаром ЕС называют *civilian power* (гражданской силой), которая действует через экономические механизмы и институты. Однако сейчас исследователи не считают силовое принуждение и государственный аппарат безусловно необходимыми условиями существования политической системы. Государство как форма политической организации возникло в определенном географическом, культурном, политическом, социально-экономическом контексте и, видимо, является не единственной формой территориальной организации общества. Евросоюз можно рассматривать как новый тип общественного устройства, который в будущем (возможно) будет рассматриваться не как нечто исключительное, но как «нормальная» форма организации общества [Нix, 2005].

Основная проблема любой попытки интеграции между суверенными странами заключается в преодолении недоверия сторон. Для этого необходимы надежные и добросовестные гарантии выполнения достигнутых договоренностей. Если договоренности в самом деле выполняются, то с течением времени доверие сторон возрастает. Практическая слож-

ность заключается в том, что необходимо одновременно выработать компромисс по созданию достаточно эффективных форм интеграции и гарантий сохранения контроля каждого государства-участника над деятельностью Союза. Другими словами, необходимо создать и поддерживать достаточно «сильные» наднациональные органы, которые тем не менее оставались бы под контролем национальных лидеров.

BOX 10.1

Успешно продолжающийся уже более 50 лет процесс европейской интеграции уникален и трудно объяснить теоретически. Две главные теории конкурируют друг с другом, пытаясь по-разному объяснить реальные успехи европейской интеграции и ее возможные пределы в будущем. **Теории европейской интеграции** фокусируются на стимулах политиков поддерживать процесс интеграции или выступать против ее дальнейшего развития. Либеральный межправительственный подход (МПП) — это теория делегирования государственных полномочий, а неофункционализм — это теория постепенного перетекания государственных полномочий с национального на наднациональный уровень. Теории европейской интеграции опираются на классические труды Карла Дойча и Эрнста Хааса [Deutsch, 1957; Haas, 1958].

Классический МПП подчеркивает роль государственных руководителей в процессах интеграции, но исходит из того, что руководители мотивированны главным образом «интересами» своих стран. Только в той мере, в которой стратегические или тактические интересы разных стран сходятся к «*общему знаменателю*», возможна интеграция. Пределы интеграции весьма ограничены и, что важнее всего, нестабильны. Согласно классической версии МПП в случае Европейского союза, по существу, речь идет не более чем об еще одной, пусть и относительно успешной, форме международной организации, к которой применимы все законы и ограничения международных отношений.

Либеральная модификация МПП фокусируется на тех группах, которые определяют конкретную политику государства по отношению к внешнеполитическим партнерам. При этом подчеркивается роль внутривластной конкуренции за реальную возможность формулировать «интересы государства». Согласно либеральной версии МПП интеграция следует требованиям конкретных *специальных интересов*

внутри каждой страны — таких как большой бизнес, транснациональные корпорации, фермеры и т. д. «Общий знаменатель», необходимый для интеграции, возникает, когда близкие по интересам группы оказываются способны влиять на политику своих национальных правительств и при этом находят общий интерес.

В отличие от МПП неофункционализм подчеркивает непосредственную роль элит, заинтересованных в интеграции. Первая версия этого теоретического подхода — функционализм — подчеркивала необходимость любой ценой избегать политического конфликта и фокусироваться на интеграции тех функций государственного управления, которые менее всего политизированы и очевидно взаимовыгодны. Однако даже там, где интеграция, безусловно, взаимовыгодна, политики едва ли смогут найти общий язык и достичь компромисса, поэтому решения по интеграции обязательно должны быть делегированы экспертам и профессионалам в конкретных областях интеграции.

Главное в этой теории состоит в том, как обеспечивается непрерывность процесса углубления интеграции. Важнейшая роль здесь принадлежит начальным условиям интеграции и так называемому эффекту переливания (*spillover effect*). Как только европейские институты начинают контролировать достаточно значимые властные функции, становится очевидным, что для достижения более полной эффективности желательно затронуть интеграцией дополнительные смежные области. К примеру, эффективная совместная координация производства угля и стали невозможна без координации правил внешней торговли или, скажем, железнодорожных перевозок. Координация железнодорожного транспорта, в свою очередь, потребует координации правил автомобильных перевозок и т. д. Таким образом, эффект переливания может обеспечить непрерывность процесса расширения интеграции. По существу, национальные государственные лидеры оказываются заложниками интеграции и вынужденно соглашаются на дальнейшее ее расширение, после того как пройден определенный рубеж.

Эрнст Хаас обобщил концепцию функционализма и предложил ее существенную модификацию, получившую название «неофункционализм». Если традиционный функционализм подчеркивал неполитическую, технократическую

составляющую интеграции, то неофункционализм признал ведущую роль национальных политиков в интеграции. Без поддержки национальных политиков интеграция не может быть успешной. Недостаточно обеспечить экономическую и технократическую эффективность интеграции, необходимо также поставить национальных политиков в ситуацию, при которой они будут вынуждены связать свою политическую судьбу с достижениями интеграции.

Договор, учреждающий ЕОУС — первое европейское объединение, был подписан в Париже в 1951 г. и вступил в силу в 1952 г. В него первоначально вошли Франция, ФРГ, Бельгия, Голландия, Люксембург и Италия.

В 70-е годы привлекательность интеграционного проекта отразилась в первом расширении ЕС: в 1973 г. к нему примкнули Великобритания, Дания и Ирландия. Однако сам процесс несколько застопорился, наступил период «малых шагов». Тем не менее ЕС оказал политическую поддержку странам молодой демократии и в 1981 г. принял в свой состав Грецию, в 1986 г. — Испанию и Португалию, хотя это расширение существенно обострило структурные проблемы объединения.

Новый подъем интеграции начался в середине 80-х годов: в 1985 г. Комиссия опубликовала «Белую книгу», в которой содержался конкретный план по созданию Единого внутреннего рынка. Предложения Комиссии составили Единый европейский акт (ЕЕА), вступивший в силу в 1987 г. ЕЕА раздвинул рамки интеграции, включив новые сферы, чем фактически проложил путь принятию договоров 90-х годов.

В начале 90-х годов Европейский союз претерпел крайне существенные трансформации, которые стали переломным моментом в развитии процессов европейской интеграции, при этом стратегия развития ЕС определялась как практическая задача перехода к созданию экономического и валютного союза, так и изменениями политических режимов в странах Центральной и Восточной Европы, что открывало новые перспективы пространственного расширения интеграционного объединения. Поэтому в Сообществе была разработана стратегия одновременного *углубления и расширения*.

На начало 90-х годов пришелся пик развития интеграции вглубь, что было зафиксировано подписанием в декабре 1991 г. Договора о Европейском союзе (Маастрихтского договора). В 1995 г. к объединению присоединились Швеция, Финляндия и Австрия (карта 10.1).

BOX 10.2

Институты ЕС

Согласно ст. 7 Договора об учреждении Европейского сообщества «осуществление задач, возложенных на Сообщество, обеспечивают:

- Европейский парламент;
- Совет министров или Совет Европейского союза;
- Комиссия Европейских сообществ;
- Европейский суд.

Комиссия ЕС — это высший орган исполнительной власти ЕС. **Совет министров** — основной законодательный орган ЕС. Он собирается на уровне министров национальных правительств, и его состав меняется в зависимости от обсуждаемых вопросов. Решения в Совете принимаются единогласно или — реже — квалифицированным большинством.

Европейский парламент — представительный институт Союза. Его депутаты избираются в государствах-членах прямым всеобщим голосованием. **Европейский суд** согласно Римскому договору (ст. 164) представляет собой независимый правовой орган, необходимый для гарантии соблюдения права ЕС.

Важнейшие институты ЕС — это по сути регулируемая формальными и неформальными правилами площадка для обсуждения и принятия ключевых решений национальными руководителями и их министрами. Все важнейшие решения принимаются во время регулярных встреч (саммитов) высших руководителей и профильных министров стран — членов ЕС.

Неформально саммиты высших руководителей стран-участниц проводились начиная с Парижского и Римского договоров, но формально были учреждены в 1974—1975 гг., получив название Европейского совета (*the European Council*)¹. Только в 1987 г. функции Совета были определены в самых общих чертах положениями единого европейского акта. Функции председательствующего Президента Европейского совета в течение шести месяцев по очереди выполняют главы всех стран — членов ЕС.

¹ Европейский совет не следует путать с другой международной организацией, членом которой с 1996 г. является и Россия, — Советом Европы.

В настоящее время в состав Евросоюза входит 27 государств. Беспрецедентное расширение Союза состоялось в 2004 г., когда к ЕС-15 присоединились сразу 10 государств Центральной и Восточной Европы, Кипр и Мальта, причем три из этих государств — Латвия, Литва и Эстония — были ранее республиками в составе Советского Союза. В 2007 г., в ходе «второй волны», к ЕС присоединились Болгария и Румыния.

Европейский союз в контексте подхода «центр—периферия»

Подход «центр-периферия» является одним из наиболее популярных в политической науке, географии, геополитике, теории международных отношений. «Принцип центральности» — есть в данном случае базовая черта видения мира. Подход «центр-периферия» основан на предположении о том, что, как бы сложно ни был устроен мир, в нем всегда есть некое *центральное место*, обладающее особой значимостью, причем эта значимость складывается из разного рода характеристик — политических, экономических, культурных, демографических, — взятых в различных комбинациях. «Центральным местом» может быть мегаполис, регион, государство, макрорегион. Он может носить название ядра, зоны, центра гравитации, наконец хартленда (в геополитике).

А если существует «центральное место», то должно быть и другое место (места), где характеристики меняются на противоположные — периферия. Если центр — это концентрация мощи, то периферия, напротив, зависима. Все географические места можно расположить на воображаемой шкале: от абсолютной центральности до абсолютной периферийности.

Неравномерность экономического роста, разные темпы и направления развития политических институтов и пространственная поляризация приводят к существованию и воспроизводству диспропорций между центром и периферией.

Важно понимать, что расположение «центрального места» может меняться (и неизбежно меняется) в ходе исторического процесса, однако сама идея, сам принцип центральности остается неизменным. Да и само восприятие центральности может быть весьма субъективным. Древние греки считали Дельфы центром ойкумены, Геродот называл саму Грецию центром мира. Британские географы в свое время потратили массу усилий на то, чтобы с картами и цифрами доказать центральность положения Британских островов в мире [Parker, 2002].

Для анализа расширений Европейского союза можно использовать модель «центр—периферия». Исторически экономическая деятельность и квалифицированные человеческие ресурсы были сконцентрированы в наиболее центральных регионах ЕС.

Несмотря на расширения и углубление интеграции, *пространственный паттерн* Евросоюза принципиально не меняется: экономическая, политическая, социальная активность остается в значительной степени сконцентрированной на относительно небольшой центральной зоне. Изначально эта зона или ядро представляла собой треугольник сосредоточения тяжелой промышленности, расположенный на территориях Франции, Германии и государств Бенилюкса; формирование данного ядра было связано с промышленной революцией XVIII—XIX вв. В настоящее время исследователи полагают центральной зоной Западной Европы полосу между крупными транспортными артериями Глазго — Манчестер — Лондон — Париж — Лион — Марсель и Рамштадт/Холланд — Рейн/Рур — Цюрих — Рим — Неаполь.

Каждое расширение усиливало периферизацию Евросоюза, порождая новые формы периферийности и создавая новые региональные проблемы. Первоначально ЕЭС-6 объединил страны близкого уровня развития; настоящей большой периферией был лишь юг Италии — Меццоджорно. Первое расширение ЕЭС состоялось в 1973 г. — к Общему рынку присоединились Великобритания, Ирландия, Дания. Это расширение сразу поставило перед Сообществом проблему западной периферии, не случайно в 1975 г. был создан новый финансовый инструмент — Европейский фонд регионального развития (ЕФРР), задачей которого стало финансирование мероприятий коммунитарной региональной политики. Наиболее неблагополучными и периферийными регионами Общего рынка были все районы Ирландии, районы юга Италии, Северная Ирландия, Шотландия, Уэльс, северная и северо-западная Англия, а с 1980 г. — все районы Греции (кроме Афин и Фессалоники). Огромная средиземноморская периферия добавилась к ЕС в середине 80-х годов — с присоединением Португалии и Испании. Присоединение в 1995 г. к Евросоюзу Австрии, Швеции и Финляндии несколько увеличило северную периферию ЕС за счет северных слабозаселенных территорий Финляндии и Швеции.

Расширение Евросоюза на Восток (на 12 государств) увеличило площадь этого объединения приблизительно на 35% (наиболее существенным приращением стала Польша).

Периферийность присоединившихся стран — это отражение их географического положения и социально-экономических показателей, таких как ВВП на душу населения по отношению к среднему по ЕС, уровню безработицы, доле сельского хозяйства в производстве ВВП и уровню занятости населения в сельском хозяйстве. Так, средний показатель ВВП на душу населения по десяти новым странам составляет 40% среднего по ЕС.

Сказанное выше позволяет сформулировать ряд важных выводов относительно сущности и характера взаимоотношений центра и периферии (или периферий) на территории Европейского союза.

1. С точки зрения концентрации экономической деятельности Европейский союз представляет собой централизованную пространственную структуру, при этом паттерн пространственного развития (в данном случае дихотомия «центр—периферия») за годы существования Союза существенно не менялся.
2. Разнообразие территориальных структур представляет собой важную характеристику Союза, однако расширение усиливает не только разнообразие, но и гетерогенность регионального объединения.
3. В соответствии с логикой последнего расширения к существующей южной, морской периферии добавилась новая, восточная континентальная периферия.
4. Расширение не только резко увеличило периферию ЕС; важно то, что периферия становится также все более сложной, гетерогенной, неоднородной.
5. Можно ожидать, что в будущем Союз ожидает конкуренция периферий, причем конкурировать между собой будут не только южная и восточная периферии, но и внутри восточной периферии, в силу ее неоднородности, конкуренция будет обостряться. Экономическая конкуренция будет неизбежно иметь важные политические последствия.
6. Нельзя недооценивать опасность периферизации Союза. Представляется вероятным расширение социальных групп, недовольных последствиями углубления интеграции, следовательно, возможны неблагоприятные политические последствия — сопротивление углублению интеграционных процессов и усиление социальной напряженности, появление новых конфликтных линий и размежеваний.

Произошедшее в 2004 и 2007 гг. расширение ЕС на страны ЦВЕ означает масштабную перестройку европейского политического, социально-экономического и культурного пространства; к Евросоюзу присоединился этнически разнородный регион. Политическая карта этого региона неоднократно перекраивалась, на его территории присутствуют множество этнических групп, которые либо не имеют собственной государственности, либо имеют диаспоры на территории соседних государств. Расширение на Восток означает и появление новых альянсов внутри ЕС. Так, новый член ЕС — Польша — выступила сугубым ревнителем христианских ценностей в ЕС наряду с такими католическими странами, как Испания, Италия, Ирландия и Мальта. Франция и Бельгия, напротив, выступили активными про-

тивниками официального указания в документах ЕС на его христианскую природу.

Сегодня географический «фокус» расширения ЕС переместился в Западные Балканы: в 2005 г. ЕС открыл переговоры о присоединении с Хорватией и предоставил Македонии статус страны — кандидата на вступление. Однако одним из «хронически дискуссионных» является вопрос о вступлении в ЕС **Турции**. В 1999 г. эта страна была внесена в список кандидатов на вступление в Союз. За последние годы в Турции был проведен ряд реформ, приближающих страну к европейским политическим стандартам (отмена смертной казни в мирное время, телевидение и радиовещание на курдском языке, некоторые свободы для немусульманских религиозных групп), хотя многие важнейшие экономические и политические проблемы (например, оккупация Северного Кипра) не решены. Значительная часть европейской элиты возражает против принятия Турции в Союз, мотивируя это не только нерешенностью ряда проблем, но и тем, что ЕС должен быть ограничен только странами европейской цивилизации. Вероятным результатом торможения вступления Турции в Союз может стать постепенное разочарование турецкой элиты в европейской интеграционной модели, сопровождающееся ростом популярности исламистов [Проблемы региональной интеграции, 2007: 55].

ЕС открыл переговоры о вступлении Турции в ЕС только в 2005 г., хотя начало официальных отношений между этой страной и ЕС относится к 1963 г., когда было подписано Анкарское соглашение. Однако на самом деле в это время ни одна сторона не была готова к ведению переговоров о присоединении Турции к Союзу. С подписанием Соглашения о таможенном союзе в 1995 г. ожидания и надежды турецкой стороны возросли.

Турция представляет собой уникальный случай: в случае вступления в Евросоюз это была бы самая крупная страна в ЕС по численности населения, самая бедная страна в ЕС, единственная страна в ЕС, где ислам является господствующей религией. Наконец, ни одно расширение ЕС не вызывало в Союзе столь враждебного отношения. Все эти факторы заставили противников присоединения Турции (среди них канцлер Германии и лидер ХДС Ангела Меркель, бывший президент Франции Валери Жискар д'Эстен, президент Франции Николя Саркози) задуматься об альтернативных вариантах формата отношений ЕС — Турция.

В качестве аргументов противники вступления Турции выдвигают следующие: а) присоединение Турции углубит разрыв между углублением и расширением интеграции и «похоронит» планы создания политического союза; б) граждане ЕС настроены против этого проекта

(согласно Евробарометру даже общественная поддержка вступлению Украины больше, нежели Турции); в) если переговоры о вступлении окажутся неудачными, отношения между Турцией и ЕС резко ухудшатся; г) Турция — не европейская страна, ее язык не принадлежит к индоевропейской языковой семье. Итак, в качестве альтернативы вступлению Турции предлагается «привилегированное партнерство», которое подразумевает укрепление экономических отношений, сотрудничество в области безопасности, сфере внутренних дел, облегчение визовых процедур. Между тем правовая база ЕС не предусматривает «привилегированного партнерства», к тому же, что бы ни включал в себя этот проект, он однозначно менее привлекателен для Турции, нежели членство в Евросоюзе [Iscenec, 2007].

К вопросу о границах: где «кончается» Европейский союз?

Европейский союз не имеет закрытого списка настоящих и будущих членов. Действительно, начав с шести государств-членов, сегодня ЕС объединяет 27 европейских государств, и еще несколько «стоят в очереди» на вступление. Расширения ЕС (увеличение числа его членов) — это самый мощный инструмент его внешней политики. Если вслед за Коломмером рассматривать ЕС как «демократическую империю», то его восточные пределы очевидны — логическим пределом должна быть другая, соседняя «империя», т. е. Россия [Colomer, 2007: 65].

Между тем вопрос о внешних границах ЕС имеет жизненно важное значение не только для самого Союза, но и для всей международной системы. Если внутренние границы между странами — членами Евросоюза благодаря единому внутреннему рынку и Шенгенской зоне становятся все более прозрачными и постепенно исчезают, то внешние границы объединения, напротив, ужесточаются; жесткая граница отделяет страны-члены от стран, не принадлежащих ЕС. Таким образом, границы становятся важными политическими институтами. Однако *где* же должна проходить граница новой политической системы? И здесь возникает дилемма: с одной стороны, ЕС не может расширяться бесконечно, а с другой — не существует рационального или «естественного» способа четко обозначить будущие границы ЕС, поскольку Европа не может быть четко определена как культурный и/или географический регион (вспомним: когда ЕЭС использовали аргументы культурно-географического характера, для того чтобы отклонить заявку Марокко о присоединении к Сообществам, они были обвинены в колониализме и расизме). Более того, само представление о Европе менялось: классическая Европа была средиземноморской, включавшей Элладу (Грецию) и Италию, однако Европа XIX столетия была западной, ее ядро

формировали Великобритания, Германия, Франция. Римский договор, конституировавший создание ЕЭС-6, заложил противоречие: с одной стороны, речь в нем шла об определенной географии — Европе, однако с другой — критерии для членства в объединении — демократия и экономика, способная к интегрированию, — имеют универсальный характер и не относятся к определенному региону.

Можно предположить, что будущие границы ЕС не будут жесткими и фиксированными. Вместо Вестфальского «супергосударства» мы скорее увидим «демократическую империю» с накладывающимися друг на друга правлениями, разделенным суверенитетом, разнообразными институциональными соглашениями и множественными культурными идентичностями [Europe Unbound, 2002: 13]. Для того чтобы ЕС оставался работающей системой, необходимо все же «закрыть» список участников и формировать для соседних стран, не входящих в ЕС (Украины, России, Белоруссии), взаимовыгодный режим ассоциации/взаимодействия/партнерства, с тем чтобы эти государства могли «разделить» с ЕС все, кроме институтов. Помимо этого, внешние границы ЕС должны быть прозрачны и открыты для трансграничного сотрудничества.

Интеграция на постсоветском пространстве

Как и ЕС, объединение в рамках *Содружества Независимых Государств* (СНГ) бывших республик Советского Союза относится к «слабым» союзам, к союзам без полномочных наднациональных органов. Однако для случая ЕС наблюдаемое различие между областями интеграции может быть в общем виде описано как «усиливающаяся» (нарастающая) интеграция в экономической сфере (единый внутренний рынок, единая валюта, свобода перемещения инвестиций и трудовых ресурсов) и «слабая» (ограниченная) интеграция в других сферах [Бусыгина, 2007]. Применительно к СНГ речь идет о «слабой» интеграции во всех сферах, но при этом делаются постоянные попытки начать развивать все сферы сотрудничества одновременно.

21 декабря 1991 г. президенты Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Российской Федерации, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины подписали Алма-Атинскую декларацию об образовании Содружества Независимых Государств и прекращении существования Советского Союза. Особое внимание в декларации обращает на себя стремление участников Содружества избежать любой формы зависимости или давления со стороны сильнейшего участника — России, а также подчеркнутое нежелание иметь какую-либо наднациональную структуру [Зиновьев, 2004: 17].

В 1991—1993 гг. были образованы общеполитические координирующие органы СНГ — Совет глав государств и Совет глав правительств (СГГ и СГП). СГГ и СГП сохраняют свои функции и значение как высшие политические органы Содружества и в настоящее время. По сравнению с первым периодом существования СНГ более серьезную роль играют Межпарламентская ассамблея и основной исполнительный орган, координирующий внешнюю политику стран СНГ, — Совет министров иностранных дел.

Шесть государств СНГ приняли решение о более тесном сотрудничестве в области обороны, образовав *Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)*. В 1992 г. Договор о коллективной безопасности подписали Россия, Армения, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан, в 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Грузия и Белоруссия. Договор предусматривал коллективные действия в случае агрессии против одного из государств-членов. В 1999 г. Азербайджан, Грузия и Узбекистан отказались от подписания продления Договора, но в 2006 г. Узбекистан восстановил членство в ОДКБ. Высшим органом организации является Совет коллективной безопасности. Фактически ОДКБ — это договор об оборонительном союзе.

В январе 1993 г. был принят Устав СНГ, который в целом отразил состояние отношений его членов в период наибольшего «отталкивания», стремления подчеркнуть свои суверенные права. В течение года Устав не подписали Украина, Молдова и Туркменистан. Таким образом, в январе 1993 г. членами СНГ стали лишь восемь государств. Осенью 1993 г. к Содружеству присоединилась Грузия, весной 1994 г. — Молдова. Во второй половине 90-х годов СНГ переживал серьезный организационный кризис: известно, что за первые восемь лет существования СНГ «произвел» более 800 соглашений, большинство из которых так никогда и не были реализованы.

Современное состояние отношений между Россией и Грузией делает сомнительным сохранение членства Грузии в составе Содружества даже с учетом того, что экономические риски для Грузии в этом случае неизбежно возрастут.

Как следует оценивать роль СНГ? По мнению Д. Тренина, Содружество обычно упрекают в том, чего оно изначально не имело возможности достичь, при этом не признают его реальных и очевидных достижений. Исторической ролью СНГ стала роль «поглотителя шока» (от распада СССР), и с этой ролью оно справилось блестяще. Таким образом, в СНГ надо видеть инструмент не интеграции, но скорее «цивилизованного развода». Содружество было не в состоянии стать двигателем постсоветской интеграции в силу ряда причин: существующей

оппозиции любой форме наднациональной организации со стороны элит; превалирующих внешних экономических и политических ориентаций постсоветских государств; различий в уровнях социально-экономического развития и принадлежности к различным культурно-цивилизационным «кругам». В то же время создание СНГ позволило решить такие важнейшие задачи, как признание суверенитета всех постсоветских государств в пределах существовавших советских административных границ, без их пересмотра, что могло бы привести к возникновению военных конфликтов. Беспрецедентный распад ядерной сверхдержавы не привел к гонке вооружений. Наконец, посредством СНГ элиты смогли сохранить прежние каналы коммуникации, а гражданам создание СНГ, т. е. сохранение в их глазах общего пространства, позволило уменьшить шок от разрыва прежних связей [Trenin, 2002: 90—92].

Помимо СНГ, бывшие советские республики входят в состав других региональных группировок. Одной из организаций, динамично развивающихся и привлекающих все более пристальное внимание, является *Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)* в составе Российской Федерации, Китая, Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана. Основной сферой деятельности ШОС с самого начала была борьба с международным терроризмом, спецификой которой является акцент на связи терроризма с сепаратизмом и религиозным экстремизмом с целью обеспечения территориальной целостности государств-членов и сохранения у власти в центральноазиатских государствах светских режимов. Существуют опасения, связанные с доминированием Китая в этой организации. Что касается позиции США, то после того, как статус наблюдателя в ШОС в 2005 г. получили две ключевые азиатские страны — Индия и Пакистан, США выразили обеспокоенность возможностью маргинализации их роли в Центральной Азии. Действительно, ШОС объективно становится структурой, альтернативной американским проектам.

Очевиден некий дисбаланс в составе ШОС. Ее внутреннюю структуру можно (при обязательном консенсусе всех членов) описать как «3 + 3», при этом первая тройка — Россия, Китай и Казахстан — это явные лидеры, выдвигающие инициативы для общего утверждения.

Мировой рейтинг ШОС быстро растет, желание присоединиться к этой организации выразили Индия, Пакистан, Иран и Монголия. В 2006 г. руководство ШОС объявило мораторий на дальнейшее расширение организации, решив направить усилия на консолидацию уже созданного объединения. Привлекательность ШОС для лидеров входящих в ее состав государств состоит, в частности, в том, что в задачи организации не входит радикальная демократизация их политических

режимов по западному образцу. К тому же менее развитые члены организации (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан) получают дополнительные возможности для экономического развития за счет ресурсов «первой тройки». Сферой геополитических интересов ШОС является Центральная и Северо-Восточная Азия, а в среднесрочной перспективе — Южная Азия и Средний Восток.

В 2006 г. в Астане главы пяти государств — России, Казахстана, Белоруссии, Киргизии и Таджикистана — подписали Договор об учреждении *Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС)*. В 2006 г. к этой организации присоединился Узбекистан. Задачами сообщества являются оформление режима свободной торговли между государствами-участниками, формирование единого таможенного тарифа, установление общих правил торговли товарами и услугами, создание унифицированной системы таможенного регулирования. Институтами, регулирующими деятельность сообщества, являются Межпарламентская ассамблея, в состав которой государства делегируют своих парламентариев (от России, в частности, в составе ассамблеи работают 28 депутатов) и Интеграционный комитет, в котором решения принимаются большинством в 2/3 голосов, а количество голосов соответствует взносу каждого члена в бюджет сообщества.

В 2006 г. на саммите ЕврАзЭС было принято решение о создании Таможенного союза в составе трех из шести государств — членов сообщества: России, Казахстана и Белоруссии. Создание союза одобрили все шесть членов объединения, однако этот шаг разделил его членов на лидеров и аутсайдеров: Киргизия и Узбекистан отстали в создании и унификации необходимой для Таможенного союза нормативно-правовой базы, а Таджикистан продвинулся дальше на этом пути, однако это государство не имеет общих границ с тремя лидерами.

Руководство России готово рассматривать политическую интеграцию на постсоветском пространстве *вокруг России* как приоритетное направление внешней политики. Возникает вопрос: в том случае, если независимые государства согласятся на политическую реинтеграцию вокруг России, каким образом можно будет гарантировать им сохранение их национального суверенитета и эффективного контроля над наднациональными органами. Без таких гарантий национальные лидеры независимых государств скорее всего будут сопротивляться любым попыткам создать эффективные («сильные») наднациональные институты. В частности, опираясь на опыт европейской интеграции, можно предположить, что национальные лидеры будут отвергать все попытки реформ, потенциально ведущих к федеративному союзу постсоветских государств.

С одной стороны, объективная российско-центричность постсоветского пространства продолжает питать оптимизм тех, кто верит в возможность реинтеграции. С другой стороны, российско-центричность действует и против интересов России: можно предположить, что очевидный дисбаланс между потенциалами России и остальных государств — членов СНГ, вместе взятых, будет вести к постоянному воспроизведению одной и той же ситуации, когда доминирующему государству будут противостоять бывшие «братские республики» Советского Союза.

Одним из способов противостояния российско-центричности постсоветского пространства является создание *Организации за демократию и экономическое развитие (ОДЭР)* — бывший ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова). ОДЭР объявила о создании зоны свободной торговли и позиционирует себя как альтернативу СНГ. Главная цель организации — избавиться от энергетической зависимости от России и политически дистанцироваться от нее, а решение этой проблемы видится в переброске каспийской нефти в обход России. Выдвинутая задача делает критически важным для ОДЭР членство Азербайджана — единственного экспортного источника углеводородного сырья.

Как выглядят перспективы этой организации? Шансов расширения у организации практически нет: на Востоке, за Каспийским морем, лежат центральноазиатские государства, подтвердившие свою лояльность России, а на Западе Румыния и Болгария уже вступили в Евросоюз. Также нет перспектив и с точки зрения формирования политического и военного союза. Так что ОДЭР, при помощи Запада, может состояться только как экономическая организация. У организации нет шансов подорвать российские позиции в сфере энергетического экспорта, создать реальную альтернативу российским поставкам в страны ЕС. Ее создание — это скорее попытка выживания в условиях, когда со стороны России этим государствам может грозить экономическая блокада.

С точки зрения лидеров независимых государств, российские политики могут воспользоваться любой значимой формой интеграции для усиления доминирования России на постсоветском пространстве. Об этом свидетельствует как опыт советского федерализма, так и развитие отношений между регионами и центром в самой России. Стоит напомнить, что попытки выстраивания Российско-Белорусского союзного государства на принципах доминирования России встретили активное сопротивление белорусского руководства.

«Ресурсы» интеграции на постсоветском пространстве ограничены множеством как объективных, так и субъективных обстоятельств. Как свидетельствует опыт интеграции в ЕС, более перспективными будут

не попытки развивать все сферы сотрудничества при как можно более широком составе государств-участников, а деятельность «целевых», функциональных объединений (объединений «по интересам») — при участии России или без него — и при отказе от масштабных проектов и заявлений о политическом сотрудничестве и проведении общей внешней политики.

Литература основная

1. Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / под ред. Ю. Н. Гаврилова и Л. О. Терновой. М.: Издательство РАГС, 2007.
2. *Зиновьев В. П.* Страны СНГ и Балтии: Учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2004.
3. Европейский союз. Справочник-путеводитель / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко, И. Д. Иванова. М.: Издательский дом «Деловая литература», 2003.
4. Расширение Европейского союза и Россия / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2006.
5. *Hix Simon.* The Political System of the European Union. The European Union Series. Palgrave — Macmillan, 2005.
6. *Sumsky Victor.* The Art of the Possible in ASEAN's Future // *Global Asia*. Vol. 3. № 1. 2008. P. 91—100.
7. The Future of North American Integration: beyond NAFTA. P. Hakim and R. Litan (eds.). Washington: Brookings Institution Press, 2002.

Литература дополнительная

1. *Deutsch Karl* (et al.) Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press, 1957.
2. *Haas Ernst.* The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950-1957. Stanford: Stanford University Press, 1958.
3. *Бусыгина И. М.* Центр и периферии в Европейском союзе // *Космополис*. 2004. № 2.
4. *Бусыгина И. М.* Асимметричная интеграция в Евросоюзе // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 3. С. 18—28.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И БУДУЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

Сегодня политологи, экономисты и другие представители общественных наук заново открывают для себя географию. География возрождается: после десятилетий забвения приходит понимание того, что «география говорит неприятную правду, в частности о том, что природа, как и жизнь, несправедлива в предоставлении своих благ, и эту несправедливость нелегко поправить... Игнорирование не избавит нас от этой проблемы и не поможет нам ее решить» [Landes David, цит. по: Gallup, Gaviglia, Lora, 2003: 1]. Географические условия влияют на развитие и рост государств, их способность строить и развивать институты. Так что более пристальный, внимательный и, главное, частый взгляд на карту подсказал бы политологам и экономистам, насколько разнообразны географические условия и какое важное значение они имеют.

География задает начальные условия для институционального развития государства и/или региона. А это означает, что она имеет непосредственное отношение к таким важнейшим для мирового сообщества темам, как «перенос» институтов с одной территории на другую, как проблемы государственного строительства. Посмотрите сами: окончание холодной войны привело к появлению целого ряда несостоявшихся и слабых государств на Балканах, Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной и Южной Азии. В ряде случаев это привело к серьезнейшим международным кризисам и потрясениям. Так, в Афганистане государство было настолько слабо, что территория страны стала базой глобального терроризма. Кризис политико-территориального порядка в одних частях света может стать реальной угрозой для других, отдаленных от первых на значительное расстояние.

По мнению Фукуямы, после 11 сентября 2001 г. основной вопрос глобальной политики состоит уже не в том, как сократить государство, но как восстановить его. Для отдельных государств, как и для мирового сообщества, сокращение государства — это прелюдия не к утопии, а к хаосу. Для множества бедных государств препятствием для экономического развития является неадекватный уровень развития институционального. Им нужно не «слишком большое» государство, проникающее во все сферы, им нужно сильное и эффективное государство с ограниченным набором функций, которые исполнялись бы адекватным образом [Fukuyama, 2005: 162]. При решении этой критически важной задачи одну из главных ролей играют географические паттерны развития конкретного государства.

Читая учебник, вы наблюдали за трансформациями политической карты на разных континентах в разные исторические периоды. А как изменится политическая карта мира в будущем, на сколько единиц (если считать таковой государство) будет разделена земная суша? Согласно некоторым прогнозам в XXI столетии число суверенных государств достигнет четырехсот. Сторонники этой точки зрения говорят: посмотрите, число территориальных государств пока еще растет, и будет возрастать до предела, который пока еще не очевиден. Получило независимость Косово. Какое-то решение будет принято относительно Южной Осетии и Абхазии. Есть вероятность того, что федерализация Ирака — предоставление политической автономии его территориям — приведет к распаду страны. Межгосударственные границы множатся, земная поверхность дробится, фрагментируется.

Прогноз других исследователей прямо противоположен: «размножению» государств приходит конец, тенденция к государствообразованию, достигшая пика в XX веке, неизбежно пресечется [No More States, 2007: 279]. В новом столетии на повестке дня стоит не мультипликация государств, но их объединение — создание таможенных союзов, оборонных и торговых блоков. Мы видим это на примере (кстати говоря, единственном) Европейского союза — объединение государств заметно способствует смягчению сепаратистских настроений в государствах — членах ЕС, препятствуя фрагментации пространства и росту числа государственных образований.

Какая точка зрения ближе к истине? Полагаю, что в этом споре нет совсем правых и совсем неправых. Обе тенденции будут сосуществовать, захватывая разные части мировой суши. Для нас важно то, что обе точки зрения предусматривают серьезные трансформации политической карты мира в будущем.

Помимо изучения трансформаций мировой политической карты политическая география содержит немало перспективных и важных тем и направлений научных исследований.

Например: есть ли будущее у стран-гигантов?

К странам-гигантам (речь в данном случае идет о территории) относятся такие государства, как Россия, Китай, США, Индия, Бразилия, Канада, Австралия. Внутреннее строение большинства этих государств географически асимметрично, что отражает историю освоения и развития их территорий. В ряде государств присутствуют сепаратистские движения. Есть ли у гигантов будущее? Широко известно, насколько различны мнения по поводу «избыточности пространства» — это дара истории и географии. По мнению Трейвиша, время стран-гигантов уходит, что следует это честно признать [Трейвиш, 2006: 25].

Однако признавая это, мы одновременно должны признать и то, что уход стран-гигантов вызовет серьезнейшие изменения политической карты мира, — как они будут выглядеть, готовы ли мы к ним?

Есть и другая точка зрения: страны-гиганты не уходят, напротив, они становятся «зонтиками» для более мелких территориальных образований. В будущем основными территориально-политическими конструкциями будут крупные империи (гиганты) и небольшие, территориально компактные демократические общности — малые нации. Как показывает Коломер, оказалось, что вестфальская модель государства-нации далеко не универсальна; будучи рожденной в Западной Европе в совершенно особых исторических обстоятельствах, она не привилась в Северной Америке, России, большей части Азии. Так что большая часть населения этих макрорегионов проживает в территориально протяженных (демократических или недемократических) империях. Более того, процесс деколонизации (особенно на Африканском континенте) показал, что, освободившись от колониального господства, население этих территорий потеряло преимущества, которые давала им принадлежность к империи — безопасность, обширный рынок и пр. Сегодня «провал» государственного строительства на многих территориях очевиден, характеристиками большого числа африканских, латиноамериканских и азиатских государств являются неполный контроль над территорией страны, крайне низкий уровень социальных услуг, рост насилия и преступности, пограничные конфликты и этнические войны. С другой стороны, опыт Европейского союза показывает, что строительство экономических и военных крупных демократических «империй» может выступать предпосылкой для стабильности и прогресса на тех территориях, которые оказались вовлеченными в бесконечный процесс строительства государств-наций. Именно «имперские сети», а не государства-нации открывают путь к стабильной демократии, миру и процветанию [Colomer, 2007: 100—101].

Исследования, посвященные размеру государств, представляют собой весьма перспективное научное «поле», объединяющее политологов и географов. Почему поверхность суши разделена именно таким образом, то есть приблизительно на 185 «кусков» и «кусочков»? А почему не на 85 или 850? Задайте себе такой вопрос, и при всей его кажущейся простоте вы на него не ответите. Ведь эти «кусочки»-государства имеют совершенно разный размер: от крошечного Сингапура, точки на политической карте, до огромной России.

Хикокс и Лейк провели крайне интересное исследование, связав размер государства со структурой политических институтов. Если кратко: они показали, что наименьшим размером в системе государств об-

ладают унитарные демократии. Крупными размерами территорий будут обладать либо унитарные автократии, либо федеративные демократии [Hiscox and Lake, 2002]. Эти выводы имеют вполне конкретные практические следствия. Так, если выводы исследователей верны, то Россия может сохраниться как страна-гигант (и при этом страна демократическая), только будучи федерацией. Отмена федерализма приведет к усилению авторитаризма или же к территориальной дезинтеграции.

Еще одна перспективная тема политической географии — исследование границ и приграничных территорий.

Мы живем в мире границ и разделительных линий. Мы можем их не видеть, не обращать на них внимания, однако именно границы определяют нашу повседневную жизнь, определяя наши идентичности, наши привязанности и антипатии. Многие радикальные глобалисты говорят и пишут о мире без границ (и без территории). Однако мир без границ и без территории просто непредставим — границы упорядочивают социум, а одна из основ упорядочивания по-прежнему имеет территориальный характер. В мире более 300 межгосударственных границ (если даже считать только сухопутные), что гораздо больше, чем число государств, вместе составляющих политико-географическую мозаику современной системы международных отношений.

Лимология (научное направление, изучающее границы) прошла большой путь, и прошла его крайне быстрыми темпами. Еще два десятилетия назад «классическими» исследованиями границ занимались политгеографы и состояли эти исследования преимущественно в дескриптивном анализе границы, ее расположения и того политического и исторического процесса, который привел к ее появлению. Этот подход был основан на восприятии границы как географического «следствия» политико-исторического процесса и отличался статичностью и детерминизмом [Newman, 2006: 145]. Сегодня наука о границах переживает настоящий бум, и эта тенденция имеет все основания сохраниться и в будущем. Границы рассматриваются в динамике и воспринимаются не как барьеры, которые воздвигнуты с целью сделать «невидимой» и неизвестной другую сторону, но скорее как мембраны, как места контакта, сотрудничества и рождения различных форм сосуществования. Особое внимание уделяется трансграничному сотрудничеству и приграничным регионам, а также роли границ в формировании идентичности. Лимология объединяет географов, политологов, историков, социологов, экономистов, международников-правоведов и культурологов.

Становится ли в мире больше границ или же, напротив, их число сокращается? По-видимому, имеют место оба процесса, одновремен-

но развивающиеся и затрагивающие разные территории: где-то границы исчезают, в других местах — конструируются. Но помимо этого существует и третий процесс: трансформация уже существующих границ под воздействием новых угроз. Конечно, скажут нам глобалисты, речь идет о повышении проницаемости границ под воздействием процессов глобализации (которая, по их мнению, отменяет и границы, и территорию, и само государство). Однако речь об обратном: об ужесточении режима границ (т. е. о снижении их проницаемости) — под воздействием того же процесса — глобализации. Потому что глобальный терроризм — это тоже следствие глобализации, и он порождает новые угрозы. И средством борьбы с новыми угрозами становится, в частности, закрытие границ. Так, граница между США и Канадой, традиционно воспринимаемая как «мягкая», проницаемая, стала гораздо жестче. Хорошие заборы не обязательно рожают добрых соседей, однако они являются минимальным средством защиты от злых соседей: границы становятся институциональными механизмами, защищающими то, что внутри, от того, что снаружи. Не имеет смысла обсуждать, становится ли мир «безграницным», — смысл и перспективу имеет междисциплинарное изучение границ.

Интересные, новаторские исследования в области лимнологии не только возможны, но ожидаемы. Вот только один пример. Исследовав 53 случая появления межгосударственных границ в XX столетии в результате разделения государств или сепарации их территорий, Картер и Романе доказали, что в большинстве случаев (70%) при проведении новых границ ключевым аргументом относительно того, где именно должна проходить граница, является наличие уже существовавшей прежде границы — внутренней или межгосударственной, а не аргументы из области этничности, национализма или военной стратегии, как полагали ранее. Иными словами, новые границы в большинстве случаев проводятся поверх старых, уже существовавших ранее [Carter and Goemans, 2006].

Я надеюсь, что учебник, который вы прочитали, показал и убедил вас в том, что сюжеты политической географии крайне разнообразны, что без знаний географии, без географического воображения политолог превращается в схоласта, что география может и должна быть использована как один из ключей для входа в политическую реальность. Если это так, то я могу надеяться и на то, что, возможно, именно вы внесете вклад в изучение упомянутых мною разнообразных сюжетов — в курсовых и дипломных работах и исследовательских проектах.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. Книги первая и вторая. М.: Республика, 1993.
- Агеев А. Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Агирречу А. В.* Население Канады на рубеже веков: трансформация территориальной структуры // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 132—145.
- Американский характер.* Очерки культуры США. М.: Наука, 1998.
- Атлас. Monde Diplomatique.* М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007.
- Ахиезер А.* Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки. 2002. № 6.
- Байков А.* «Интеграционные маршруты» Западно-Центральной Европы и Восточной Азии // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3.
- Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза.* Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006.
- Баранов А. В., Вартумян А. А.* Политическая регионалистика. Курс лекций. Вып. 2. М., 2004.
- Баранский Н. Н.* Избранные труды. Становление советской экономической географии. М., 1980.
- Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Белокреницкий В. Я.* Этнические, религиозные и сектантские конфликты в Пакистане // Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.
- Бердяев Николай.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.
- Бобраков-Тимошкин Александр.* Проект «Чехословакия». М.: Новое литературное обозрение, 2008.
- Большаков А.* Непризнанные государства европейской периферии // Международные процессы. 2007. Т.5. № 3. С. 83—88.
- Большакова О. В.* Российская империя: система управления. М., 2003.
- Бродель Фернан.* Что такое Франция? Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994.
- Бродель Фернан.* Время мира. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.
- Бусыгина И. М.* Центр и периферии в Европейском союзе // Космополис. 2004. № 2.
- Бусыгина И. М.* Регионы Германии. М.: РОССПЭН, 2000.

Бусыгина И. М. Политическая регионалистика. М.: РОССПЭН, 2006.

Бусыгина И. М., Захаров А.А. Sum ergo cogito: политический мини-лексикон. М.: Московская школа политических исследований, 2006.

Бусыгина И. М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // *Международные процессы*. 2007. Т. 5. № 3. С. 18—28.

Вайль-П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. М.: Н.Л.О., 1996.

Васильев А. М., Потапов А. А. Военные конфликты в Африке // *Страны Африки* 2002. М., 2002.

Вся Азия: географический справочник. М.: Муравей, 2003.

Ган Ф. Африка. М., 2005.

Гейне Генрих. К истории религии и философии в Германии. М., 1994.

Гельман В. Я. Закон о региональной власти: сохранение статус-кво // *Российский региональный бюллетень*. 1999. Т. 1/22. Ноябрь.

Гладкий Ю. Н. Сравнительный подход к оценке географического положения африканских стран // *Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы*. Л., 1984. С. 127—145.

Граница: понятия и термины // *Отечественные записки*, 2002. № 6.

Грицай О. В., Иоффе Г. В. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.

Глобализация и постсоветское общество / под ред. А. Согомонова и С. Кухтерина. М., 2001.

Голубчик М. М. Политическая география мира. Смоленск, 1998.

Гулыга А. В. Русская идея как постсовременная проблема // *Самосознание России*. Вып. 2. Философские рефлексии. М., 2002.

Дружиловский С. Б. Курдская проблема в Турецкой Республике // *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие* / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Дэвис Нортон. История Европы. М.: Транзиткнига, 2005.

Ефимова Л. М. Этнорелигиозные конфликты в современной Индонезии // *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие* / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Европейский Союз: справочник-путеводитель / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко, И. Д. Иванова. М.: Деловая литература, 2003.

Емельянов А. Л. Конфликты на Африканском континенте и пути их урегулирования // *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие* / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Жигалина О. И. Проблемы этнокультурной конфликтности в современном Иране // *Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие* / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003.

Захаров А. Квебекские аналогии // Pro et Contra. Т. 2. № 3. 1997.

Звягельская И. Д. Палестино-израильский конфликт: проблемы трансформации // Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Зиновьев В. П. Страны СНГ и Балтии: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского университета, 2004.

Зурабишвили Саломе. Косово как позитивный прецедент // Россия в глобальной политике. 2007. Т. 5. № 2. С. 169—180.

Иванова И. С. Феномен постиндустриального Сингапура // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 238—254.

Ильин И. А. Россия есть живой организм // Русская идея. М.: Республика, 1992.

История Франции / под ред. А.З. Манфреда. М.: Наука, 1972.

История южных и западных славян: курс лекций. М.: Издательство МГУ, 1979.

Каганский В. Л. Невменяемое пространство // Отечественные записки, 2002. № 6.

Каганский В. Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы / под ред. Б.Б. Родомана и Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 7—19.

Казимиров Владимир. Два хельсинкских принципа и «атлас конфликтов» // Россия в глобальной политике. Т. 5. 2007. № 2. С. 180—186.

Каледин Н. В. Политическая география. СПб., 1996.

Каменская Г. Федерализм: мифология и политическая практика. М., 1998.

Категории политической науки. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002.

Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2002.

Ключевский В. О. Соч.: в 8 т. М., 1956. Т. 1.

Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001.

Колосов В. А. Политическая география: основные концепции и идеи // Региональная политика. 1994. № 6. С. 39—51.

Колосов В. А. Политическая география: проблемы и методы. Л., 1988.

Корралес Хавьер. «Добрый папа» для Кубы // Pro et Contra № 2. 2007. Март — апр. С. 70—78.

Корсун В. А. Поиски и находки в решении проблем этнического сепаратизма Китая / Этнос и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Княгинин В., Щедровицкий П. На пороге новой регионализации России // Россия между вчера и сегодня / под ред. В. Преображенского и Д. Драгунского. М., 2003. С. 84—107.

Кржен Ян. Центральная Европа в европейском историко-географическом контексте // Неприкосновенный запас. 2007. № 6 (056). С. 25—32.

Кротов А. В. Вольная Африка. Практический путеводитель по 40 странам Африки. М.: Гео, 2005.

Лалетин Ю. П. Этнотерриториальные проблемы в Афганистане: напряженность взаимоотношений // Этнотерриториальные проблемы на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Лаппо Г. Итоги российской урбанизации к концу XX века // Россия и ее регионы в XX веке. М.: ОГИ, 2005. С. 187—215.

Лаппо Г. Города в пространстве России // Отечественные записки. 2002. № 6.

Ле Руа Ладюри. История регионов Франции. М.: РОССПЭН, 2005.

Лузянин С. Г. Этнотерриториальные и пограничные проблемы в Центральной Азии: внутренние и внешние факторы влияния на стабильность региона // Этнотерриториальные проблемы на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО, 2005.

Люхтерхандт Г., Рыженков С., Кузьмин А. Политика и культура в российской провинции. М., 2001.

Магомедов А. Мистерия регионализма. М.: МОНФ, 2000. № 114.

Майергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск, 1986.

Макарычев А. С. Регион в составе федерации: ранний американский опыт в сравнительной перспективе // Сравнительный регионализм: Россия — СНГ — Запад. Нижний Новгород, 1997.

Макарычев А. С. Влияние зарубежных концепций на развитие российского регионализма // Сравнительный регионализм: Россия — СНГ — Запад. Нижний Новгород, 1997.

Малая энциклопедия стран. М.: Торсинг, 2001.

Мамонов М. «Стратегия профилактики опасности» во внешней политике Китая // Международные процессы. М., 2007. Т. 5. № 3.

Манн Майкл. Государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002.

Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Москва — Смоленск, 1998.

Мироненко Н. С. Страноведение: теория и методы. М.: Аспект-Пресс, 2001.

Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М.: Аспект-Пресс, 2004.

Мотыль А. Пути империй. Упадок, крах и возрождение имперских государств. М.: Московская школа политических исследований, 2004.

Мукиджанова Р. М. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. М.: Научная книга, 2005.

Павлюк С. Г. Формирование пространственной самоидентификации: опыт США // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 90—105.

Патрушев Андрей. Проблема независимости Косово в системе международных отношений // Космополис. 2008. № 1 (20). С. 113—124.

Пименова Р. А. Аргентина — неустойчивость зависимого развития // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 145—164.

Политико-правовые ресурсы федерализма в России / под ред. Р. Хакимова. Казань, 2006.

Политическая география и современность: региональные и прикладные аспекты: сборник статей. СПб., 1991.

Политические системы и политические культуры Востока / под ред. А. Д. Воскресенского. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.

Попеску Н. Абхазия и Южная Осетия: независимость или выживание // Pro et Contra. 2006. № 5—6.

Приграничные конфликты и споры: справка // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 285—287.

Проблемы региональной интеграции: политические, экономические и культурные процессы / под. ред. Ю.Н. Гаврилова и Л.О. Терновой. М.: Издательство РАГС, 2007.

Расширение Европейского Союза и Россия / под ред. О. В. Буториной, Ю. А. Борко. М.: Издательский дом «Деловая литература», 2006.

Родионова И. А. Политическая карта мира. М.: Московский лицей, 2001.

Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005.

Рейснер Л. Афганистан. М., 1925.

Родионова И. А. Политическая карта мира. М.: Московский лицей, 2001.

Родоман Б. Б. Основные типы географических границ // Географические границы / под ред. Б. Б. Родомана и Б. М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 19—33.

Родоман Б. Б. Позиционный принцип и давление места // Вестник Московского университета. География. 1974. № 4.

Сергунин А. А. Внешние факторы регионализации России / Сравнительный регионализм: Россия — СНГ — Запад. Н. Новгород, 1997. С. 130—149.

Сили Дж., Крэмб Дж. Британская империя. М.: ЭКСМО, 2004.

Смирнягин Л. В. Районы США: портрет современной Америки. М.: Мысль, 1989.

Смирнягин Л. В. Великолепная семерка // Российский региональный бюллетень. 2000. Т. 2/10. Май.

Смирнягин Л. В. Районирование США в американской науке и практике // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 105—132.

Смирнягин Л. В. Российский федерализм: парадоксы, противоречия, предрассудки. М.: Московский общественно-научный фонд, 1998.

Соколова Екатерина. Босния и Герцеговина: опыт несuverенной демократии // Неприкосновенный запас. 2007. 6 (056). С. 145—156.

Социально-экономическая география зарубежного мира / под ред. В. В. Вольского. М.: Крон-Пресс, 1998.

Степанова Н. В. Шиитская проблема в Ираке // Этноты и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский, М.: МГИМО-Университет, 2005.

Степанова Н. В. Проблема курдов в Ираке // Этноты и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / отв. ред. А. Д. Воскресенский. М.: МГИМО-Университет, 2005.

Стрелецкий В. Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Регионализация в развитии России / под ред. А. Трейвиша, С. Артоболевского. М.: УРСС, 1999.

Стретерн П. Кант. М.: АСТ, 2005.

Тихоцкая И. С., Саркисов К. О. Географический фактор в социально-экономическом развитии Окинавы // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 254—269.

Трейвиш А. И. Страны-гиганты: выделение, основные параметры и динамика // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 16. М., 2006. С. 7—29.

Трейвиш А. И. Региональное развитие и регионализация России: специфика, дилеммы и циклы / Регионализация и развитие России / под ред. А. Трейвиша, С. Артоболевского. М.: УРСС, 1999.

Тренин Дмитрий. Казус Косово // Pro et Contra № 5—6. 2006. С. 6—22.

Туровский Р. Ф. Политическая география. Москва — Смоленск, 1999.

Хабермас Юрген. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм.* М.: Праксис, 2002.

Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

Хартшорн Р. Политическая география // *Американская география* / под ред. Н. Н. Баранского, М., 1957.

Хомяков А. С. О старом и новом // *Русская идея.* М.: Республика, 1992.

Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск: Русич, 2000.

Цымбурский В. Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы. М.: РОССПЭН, 2007.

Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // *Русская идея.* М.: Республика, 1992.

Челлен Р. Государство как форма жизни. М.: РОССПЭН, 2008.

Шимов Ярослав. Центральная Европа: небольшие народы в поисках «большой родины» // *Неприкосновенный запас.* 2007. № 6 (056). С. 32—40.

Экономическая, социальная и политическая география мира. Регионы и страны. М.: Гардарики, 2003.

Эриксон Даниел, Минсон Адам. Куба и Китай // *Pro et Contra* № 2. 2007. Март — апр. С. 79—83.

Южно-Африканская Республика. М.: Восточная литература РАН, 1994.

Язькова Алла. Юго-Восточная Европа в эпоху перемен // *Неприкосновенный запас.* 2007. № 6 (056). С. 134—145.

Agnew J. Place and Politics in Modern Italy. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.

Agnew J. Making Political Geography. London: Arnold, 2002.

Agnew J. Bordering Europe and bounding states: the «civilizational» roots of European national boundaries. In: Kaplan, D. and Hakli, J., editors. Boundaries and place. Boston, MA: Rowman and Littlefield, 2002.

Agnew J. Territory. In: Johnston, R.J., Gregory D. and Pratt, G., editors. The dictionary of human geography. Oxford: Blackwell, 2000.

Agnew J. Geopolitics: Re-Visioning World Politics. London and New York: Routledge, 1999.

Agnew J., Rogers A., Livingston D.N. Human Geography. London: Blackwell Publishers, 1996.

Agnew J. Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987.

Albert M., Jakobson D. and Lapid Y., editors. Identities, borders, orders;

new direction in international relation theory. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001.

Alesina Alberto, Spolaore Enrico. On the Number and Size of Nations. Quarterly Journal of Economics. 1997. № 112. P.1027—1056.

American Space / American Place. Geographies of the Contemporary United States. Ed. by John Agnew and Jonathan Smith. Edinburgh University Press, 2002.

Almond Gabriel, Powell Bingham, Strom Karen et al. Comparative Politics Today: A World View. New York: Pearson Longmann, 2004.

Amin A., Thrift N. Globalization, socio-economics, territoriality, In R. Lee and J. Wills (eds) Geographies of Economies. London: Arnold, 1997.

Anderson Ewan. International Boundaries: A Geopolitical Atlas. NY: Routledge, 2003.

Anderson M. Frontiers: territory and state formation in the modern world. Cambridge: Polity Press, 1996.

Axtmann R. State Formation and Supranationalism in Europe: the Case of the Holy Roman Empire of the German Nation // Europe without Borders. Ed. By M. Berezin and M. Schain. The John Hopkins University Press, 2003.

Ayers Edward, Limerick Patricia, Nissenbaum Stephen, Onuf Peter. All Over the Map. Re-Thinking American Regions. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1996.

Beeson M. Regionalism and Globalization in East Asia. Palgrave Macmillan, 2007.

Barton Jonathan. A Political Geography of Latin America. London and New York: Routledge, 1997.

Berdoulay Vincent. Stateless National Identity and French-Canadian Geographic Discourse. In: Geography and National Identity. Ed. by D. Hooson. Oxford: Blackwell, 1994. P. 184—196.

Beyond State Crises? Post-Colonial Africa and Post-Soviet Eurasia in Comparative Perspective. Beissinger Mark and Crawford Young, eds. Washington D.C.: the Woodrow Wilson Center Press, 2002.

Biersteker Th. Beyond States or State? In: Regional Integration and Democracy. J. Anderson (ed.). Boston, 1999.

Bolton Patrick, Roland Gerard, Spolaore Enrico. Economic theories of the break-up and integration of the nations // European Economic Review. 1996. № 40. P. 697—705.

Buchanan A. and Moore M. States, nations and borders: the ethics of making boundaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Calvert Peter, ed. Border and Territorial Disputes of the World. London, UK: John Harper, 2004.

Carter David and H.E. Goemans. The Making of the Territorial Order: How Borders Are Drawn. Manuscript. 2006. September 26.

Cherkaoui M. Morocco and the Sahara: Social Bonds and Geopolitical Issues. Oxford: The Bardwell Press, 2007.

Chew Allan. An Atlas of Russian History: Eleven Centuries of Changing Borders. New Haven, CT: Yale University Press, 1970.

Claval P. From Michelet to Braudel: Personality, Identity and Organization of France. In: Geography and National Identity. D. Hooson (ed.), UK: Oxford, 1994.

Cohn B. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1996.

Cole K. Sustainable Development for a Democratic South Africa. New York: St. Martin's, 1994

Colomer J. Great Empires, Small Nations: The Uncertain Future of the Sovereign State. London and New York: Rutledge, 2007.

Cooper R. The Post-Modern State and the World Order. London: Demos, 2000.

Cornelius W., Weldon J. Politics in Mexico. In: Comparative Politics Today. Ed. By G. Almond and others. Pearson — Longman, 2004.

Countries of the World. And Their Leaders. Yearbook 2008. Thomson, 2008.

Crocombe Ron. The Continuing Creation of Identities in the Pacific Islands: Blood, Behavior, Boundaries and Belief. In: Geography and National Identity. Ed. by David Hooson, Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994. P. 311—331.

Dahl Robert, Tufte Edward. Size and Democracy. Stanford: Stanford University Press, 1973.

Davidson B. Africa: History of a Continent. New York: Macmillan, 1972.

Das Gemeinsame Haus Europe. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999.

Deutsch Karl, et al. Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press, 1957.

Dhavan R., Saxena R. Republic of India. In: Legislative, Executive, and Judicial Governance in Federal States. Ed. by Katy Le Roy and Cheryl Saunders. A Global Dialogue on Federalism. Vol. 3. McGill-Queen's University Press, 2006.

Diamond J. Guns, Germs, and Steel: The Fates of Human Societies. NY — London: W.W. Norton and Co, 1999.

Dicken P. Global Shift: Reshaping the Global Economic Map in the Twenty-first century, London: Sage, 2003.

Dodds K. Geopolitics in a Changing World. London: Prentice Hall, 2000.

Dodgshon R. Society in Time and Space: A Geographical Perspective on Change. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Doornbos Martin. Global Forces and State Restructuring: Dynamics of State Formation and Collapse. London: Palgrave Macmillan, 2006.

Doyle Michael. Empires. Ithaca: Cornell University Press, 1986.

Eisenstad S.N. The Political Systems of Empires. Glencoe: Free Press, 1963.

Elazar Daniel. Exploring Federalism. Tuscaloosa, 1987.

Ekwueme A. Nigeria's Federal Constitutions and the Search for «Unity in «Diversity»». Paper presented at the International Conference on Federalism. Mont-Tremblant, Canada, 1999. October 6.

Eskilinen H., Liikanen I. and Oksa J., ditors. Curtains of iron and gold: reconstructing borders and scales of interaction. Aldershot: Ashgate, 1999.

Europe Unbound. Enlarging and reshaping the boundaries of the European Union. Ed. by Jan Zielonka. London and New York: Routledge, 2002.

Ferguson N. Empire: How Britain Made the Modern World. London: Penguin Books, 2004.

Filippov Mikhail, Ordeshook Peter, Shvetsova Olga. Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Fukuyama Francis. State Building: Governance and World Order in the Twenty-First Century. London: Profile Books, 2005.

Gallup John Luke, Gaviria Alejandro, Lora Eduardo. Is Geography Destiny? Lessons from Latin America. Stanford: Stanford University Press, 2003.

Geiss I. Die deutsche Frage: 1806—1990. Mannheim, 1992.

Giddens A. The Nation State and Violence. Cambridge: Polity Press, 1985.

Gilbert Martin. Atlas of American History. London and New York: Routledge, 2006.

Gordon A. and D. Gordon. Understanding Contemporary Africa. Boulder, Colo.: Lynne Rienner, 1997.

Haas Ernst. The Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950—1957. Stanford: Stanford University Press, 1958.

Hagopian F. Politics in Brazil. In: Comparative Politics Today. Ed. by G. Almond and others. Pearson — Longman, 2004.

Hartshorne R. Political Geography, in P.E.James and C.F.Jones (eds.). American Geography: Inventory and Prospects. Syracuse N.Y.: Syracuse University Press, 1954.

Hartshorne R. The functionalist approach in political geography // Annals of the Association of American Geographers. 1950. № 40. P. 95—130.

Harvey D. Spaces of Capital. Towards a Critical Geography. Edinburgh University Press, 2001.

Harvey D. The Condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1989.

Havinden Michael and Meredith David. Colonialism and Development: Britain and its tropical colonies, 1850—1960. London and New York: Routledge, 1993

Heilbrunn J. Paying the Price of Failure: Reconstructing Failed and Collapsed States in Africa and Central Asia. Perspectives on Politics. 2006. March. Vol. 4. № 1. P. 135—150.

Heinemann-Grueder A. Why did Russia not Break Apart? Legacies, Actors and Institutions in Russia's Federalism. In: Federalism Doomed? European federalism between Integration and Separation. A. Heinemann-Grueder (ed.). N.Y. — Oxford: Berghahn Books, 2002. P. 146—166.

Hensel Paul. Territory: Theory and Evidence on Geography and Conflicts. In: What Do We Know About War? Ed. by John A. Vasquez. Lanham, MD: Rowman and Littlefield. P. 57—84.

Herbst J. States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Hettne B. Globalization and the New Regionalism: The Second Great Transformation / Hettne B., Inotai A., Sunkel O. (eds.). Globalization and the New Regionalism. London: Macmillan, 1999. P. 3—24.

Hinsley F.H. Sovereignty. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Hippler Jochen. Nation-Building: A Key Concept for Peaceful Conflict Transformation. London: Pluto Press, 2005.

Hiscox M., Lake D. Democracy, Federalism and the Size of States. Manuscript. Harvard University. 2002. January.

Hix Simon. The Political System of the European Union. The European Union Series. Palgrave — Macmillan, 2005.

Hobsbawm E. The Age of Empire, 1875-1914. New York: Pantheon, 1987.

Huntington Samuel. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

Icener E. Privileged Partnership: An Alternative Final Destination for Turkey's Integration with the European Union? // Perspectives on European Politics and Society. 2007. Vol. 8. № 4. P. 415—438.

Ikambana Peta. Mobutu's Totalitarian Political System. An Afrocentric Analysis. London: Routledge, 2006.

Jacob P.E., Jeune H. The Integrative Process: Guidelines for Analyses of the Bases of Political Community. In: Jacob P.E., Toscano J.V. (eds.). The Integration of Political Communities. Philadelphia: Lippincot, 1964.

James A. Sovereign Statehood: The Basis of International Society. London: Allen and Unwin, 1986.

Jones M., Jones Rh., Woods M. An Introduction to Political Geography: Space, Place and Politics. London and New York: Rutledge, 2004.

Kahler Miles and Barbara F. Walter. Territoriality and Conflict in an Era of Globalization. New York: Cambridge University Press, 2006.

Kern S. The Culture of Time and Space 1880—1918. Cambridge: Harvard University Press, 1983.

Lake David. The Rise, Fall, and Future of the Russian Empire: A Theoretical Interpretation. In: The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective, ed. by Karen Dawisha and Bruce Parrott. Armonk, NY: M.E.Sharpe, 1997.

Lane David. In or Out of Europe? What Prospects for Ukraine? // Perspectives on European Politics and Society. 2007. Vol. 8. № 4. P. 495—505.

Lieven D. Empire on Europe's Periphery: Russian and Western Comparisons. / Imperial Rule. Ed. by A. Miller and A. Rieber. Central European University Press, 2004.

Lieven D. The Russian Empire and Its Rivals. New Haven: Yale University Press, 2003

Linder Wolf and Isabelle Steffen. Swiss Confederation. In: Legislative, Executive, and Judicial Governance in Federal Countries. Edited by Katy Le Roy and Cheryl Sounders. A Global Dialogue on Federalism. Vol. 3. Montreal: McGill's University Press, 2006. P. 289—316.

Luong P. Institutional Change and Political Continuity in Post Soviet Central Asia. New York: Cambridge University Press, 2002

Mann M. The autonomous power of the state: its origins, mechanisms and results // European Journal of Sociology. 2004. № 25. P. 185—213; Reprinted 1997 in J. Agnew (ed.) Political Geography: A Reader. London: Arnold.

Magstadt Thomas. Nations and Governments: Comparative Politics in Regional Perspective. Boston — N.Y.: Bedford/St.Martin's, 2002.

Magstadt Thomas. Contemporary European Politics: A Comparative Perspective. Belmont CA: Thomson, 2007.

Markusen Ann. Regions: The Economics and Politics of Territory. N.J. Rowman and Littlefield, 1987.

Masson Paul and Pattillo Catherine. The Monetary Geography of Africa. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2005.

Mazrui A. The African Condition: A political Diagnosis. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Migdal J. Strong societies and weak states: state — society relations and state capabilities in the third world. Princeton: Princeton University Press, 1988.

Meinig D. Imperial Texas. Austin: University of Texas Press, 1969.

Monmonier M. How to Lie with Maps. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1996.

Murthy A. The Sovereign State as Political-Territorial Ideal, In: State Sovereignty as Social Construct. Ed. by Th. Biersteker and S. Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Nevins Allan, Commager Henry. A History of the United States. N.Y. — London, 1992.

Newman David. The lines that continue to separate us: borders in our “borderless” world // Progress in Human Geography. 2006. № 2. P. 143—161.

Newman D. and Paasi A. Fences and neighbors in the post-modern world: boundary narratives in political geography // Progress in Human Geography. 22. 1998. P. 186—207.

Newman M. Democracy, Sovereignty and the European Union. London: Hurst and Co., 1997.

No More States? Globalization, National Self-determination, and Terrorism / R.N. Rosencrance, A.A. Stein (eds.). Lanham etc.: Rowman & Littlefield Publishers, 2006.

Ohmae K. The End of the Nation State. London: HarperCollins, 1996.

Oliver R., Atmore A. Africa Since 1800. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Osieke E. Federal Republic of Nigeria. In: Legislative, Executive, and Judicial Governance in Federal States. Ed. by Katy Le Roy and Cheryl Saunders. A Global Dialogue on Federalism, Vol. 3. McGill-Queen's University Press, 2006.

O'Tauthail G. Critical Geopolitics. London: Routledge, 1996.

Parker G. Geopolitics: Past, Present and Future. London: Pinter, 2002.

Pavlovic Zoran. Europe. Modern World Culture Series. Chelsea House Publishers, 2006.

Place and the Politics of Identity. Ed. by M. Keith and S. Pile, London and New York, 1993.

Political Geography: A Reader. Agnew John (ed.) London: Arnold, 1997.

Pounds N. J. G. Political Geography. N.Y., 1963.

Powell J. M. Coming to Terms with Australia. In: Geography and National Identity. Ed. by David Hooson, Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994. P. 259—277.

Pye L. The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1992.

Restructuring Territoriality: Europe and the United States Compared. Ed. by Ch. Ansell and G. di Palma. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Rokkan Stein. State Formation, Nation Building and Mass Politics in Europe. Oxford: Oxford University Press, 1999.

Rotberg R. When States Fail: Causes and Consequences. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Sack R. D. Homo Geographicus: A Framework for Action, Awareness and Moral Concern. Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1997.

Schraeder P. African Politics and Society: A Mosaic in Transformation. Boston: Bedford/St. Martin's, 2000.

Shofield C., Newman D., Drysdale A. and Allison-Brown J., editors. The razor's edge: international boundaries and political geography. London: Kluwer, 2002.

Simpson Andrew (ed.). Language and National Identity in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Smith D. M. Moral Geographies. Ethics in a World of Difference. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2000.

Soja E. W. Thirdplace. Journeys to Los Angeles and Other Real and Imagined Places. Oxford: Basil Blackwell, 1996.

Spruyt Hendrik. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of Systems Change. Princeton NJ: Princeton University Press, 1994.

Spykman N. The Geography of the Peace. N. Y.: Harcourt Brace, 1944.

State Sovereignty as Social Construct. Ed. by Th. Biersteker and S. Weber. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

State/Space. A Reader. Neil Brenner, Bob Jessop, Martin Jones and Gordon McLeod (eds.). Oxford: Blackwell, 2003.

Sukhval B. L. India: A Political Geography. Bombay: Allied Publishers, 1971.

Sumsky Victor. The Art of the Possible in ASEAN's Future. Global Asia. 2008. Vol. 3. № 1. P. 91—100.

Tilly Charles. Coercion, Capital, and European States, AD 990-1990. Cambridge MA: Basil Blackwell, 1990.

Toft M. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and Indivisibility of Territory. Princeton: Princeton University Press, 2003.

The Future of North American Integration: beyond NAFTA. P. Hakim and R. Litan (eds.), Washington: Brookings Institution Press, 2002.

Trenin Dmitri. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. Washington D.C. and Moscow: Carnegie Endowment for International Peace, 2002.

Unity or Separation: Center-Periphery Relations in the Former Soviet Union. Ed. by D. R. Kempton and T.D. Clark, London, 2002.

van Valkenburg S. Elements of Political Geography. N. Y., 1939.

Vohra R. The making of India: A Historical Survey. Armonk, N.Y.: Sharpe, 1997.

Watts Ronald. Comparing Federal Systems. 2nd ed. Montreal, 1999.

Weingast B. R. Institutions and political commitment: A new political economy of the American Civil War era // Mimeo. Stanford University, 1995.

Williamson Edwin. The Penguin History of Latin America. London: The Penguin Press, 1992.

Wolff Stefan. Disputed territories: The Transnational Dynamics of Ethnic Conflict Settlement. New York, Oxford: Berghahn Books, 2003.

Yeung H. Capital, State and Space: Contesting the Borderless World // Transactions of the Institute of British Geographers. 1998. № 23. P. 291—309.

Yoon Hong-key. Maori Identity and Maori Geomentality. In: Geography and National Identity. Ed. by David Hooson, Oxford and Cambridge: Blackwell, 1994. P. 293—311.

Zagarri Rosemarie. The Politics of Size: Representation in the United States, 1776—1850. Cornwell University Press, 1987.

Zelinsky Wilbur. The Cultural Geography of the United States. N.J., Prentice-Hall, 1973.

НЕКОТОРЫЕ ПОЛЕЗНЫЕ ИНТЕРНЕТ-ИСТОЧНИКИ:

www.institute-for-afghan-studies.org (Институт афганских исследований)

<http://orpheus.uscd.edu/chinesehistory/index.html> (сайт Калифорнийского университета в Сан-Диего по изучению истории Китая)

www.africaeconomicanalysis.org (Экономическая ситуация в Африке)

www.irmcmaghreb.org (Институт стран Магриба)

www.columbia.edu/cu/lweb/indiv/africa/cuvl/West.html (Департамент африканских исследований Колумбийского университета)

www.demos.uci.edu/germany.html (Калифорнийский университет: сведения о политике в обществе в Германии)

<http://www.lanic.utexas.edu/la/mexico> (Информационная сеть по Латинской Америке: Мексика)

<http://www.lanic.utexas.edu/la/Brasil> (Информационная сеть по Латинской Америке: Бразилия)

<http://www-sul.stanford.edu/depts/ssrg/africa/guide.html> (Информационная сеть: Африка к югу от Сахары)

www.alternativabolivariana.org (Боливарианская альтернатива для Америк)

www.alainet.org (Латиноамериканское агентство информации)

www.cierpac.org (Центр экономических и политических исследований кооперации)

www.misseoneco.org/publications/revue-elargissement.asp (журнал «Расширение Европейского союза»)

www.info-europe.fr/elargissement (Информационный центр по проблемам Европы)

www.europa.eu.int/pol/enlarg/index_fr.htm (Европа — Политические инициативы ЕС)

www.iprog.ru (Институт проблем глобализации)

www.observer.strana.ru (интернет-портал о российской политике)

www.kavkazcenter.com/eng («Кавказ-Центр»)

www.un.org/russian/peace/decolonization (Специальный комитет ООН по деколонизации)

<http://balkans.courriers.info> (журнал «Балканский курьер»)

www.alb-net.com/index.htm (Кризисный центр Косово)

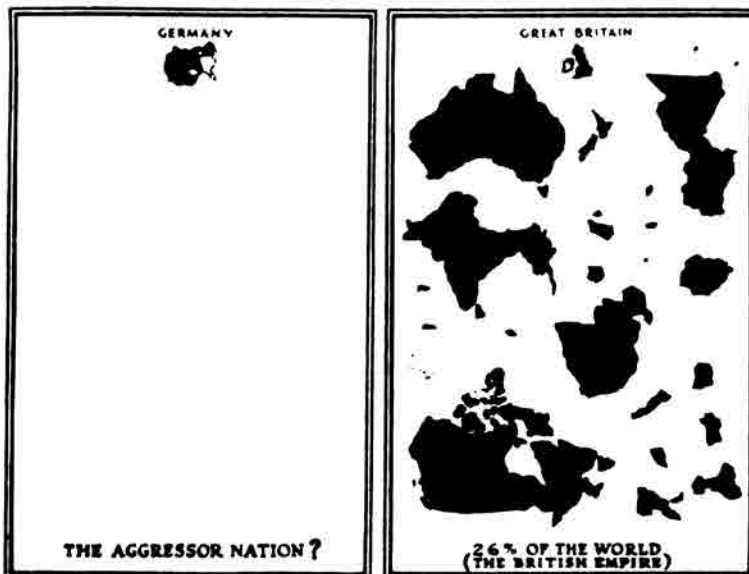
www.transdniestria.com (интернет-сайт Приднестровья)

www.un.org/russian/peace/decolonization (Специальный комитет ООН по деколонизации)

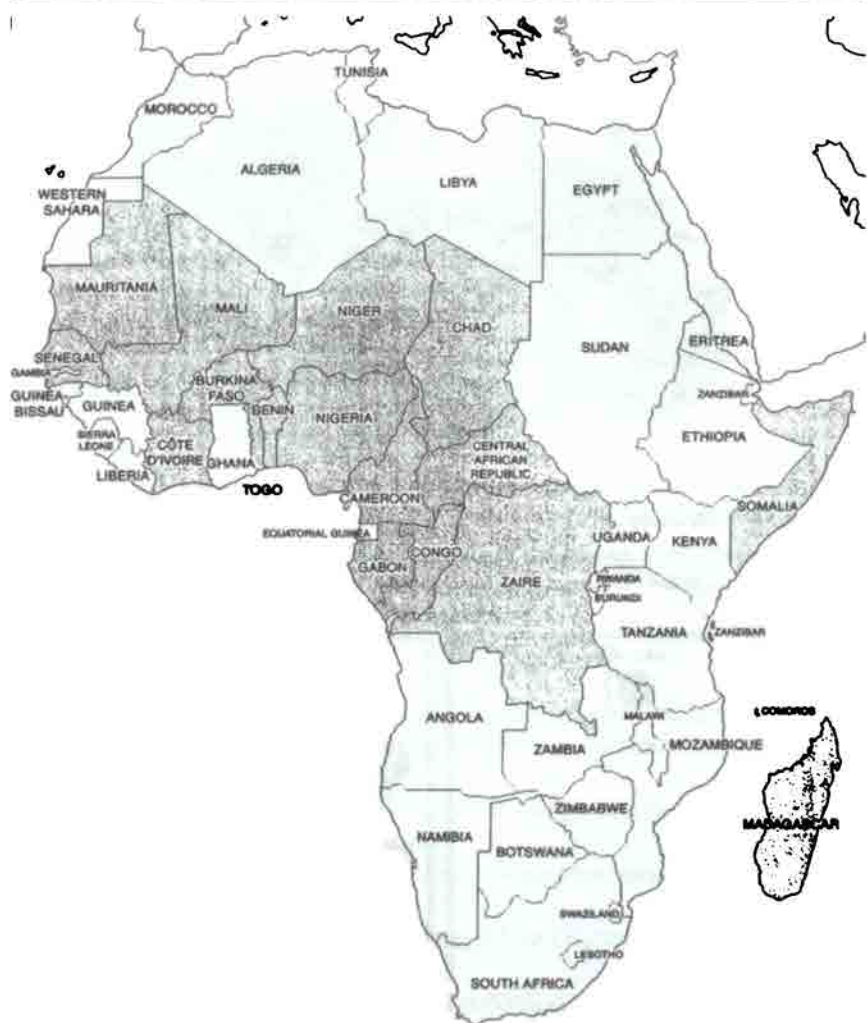
ПРИЛОЖЕНИЯ

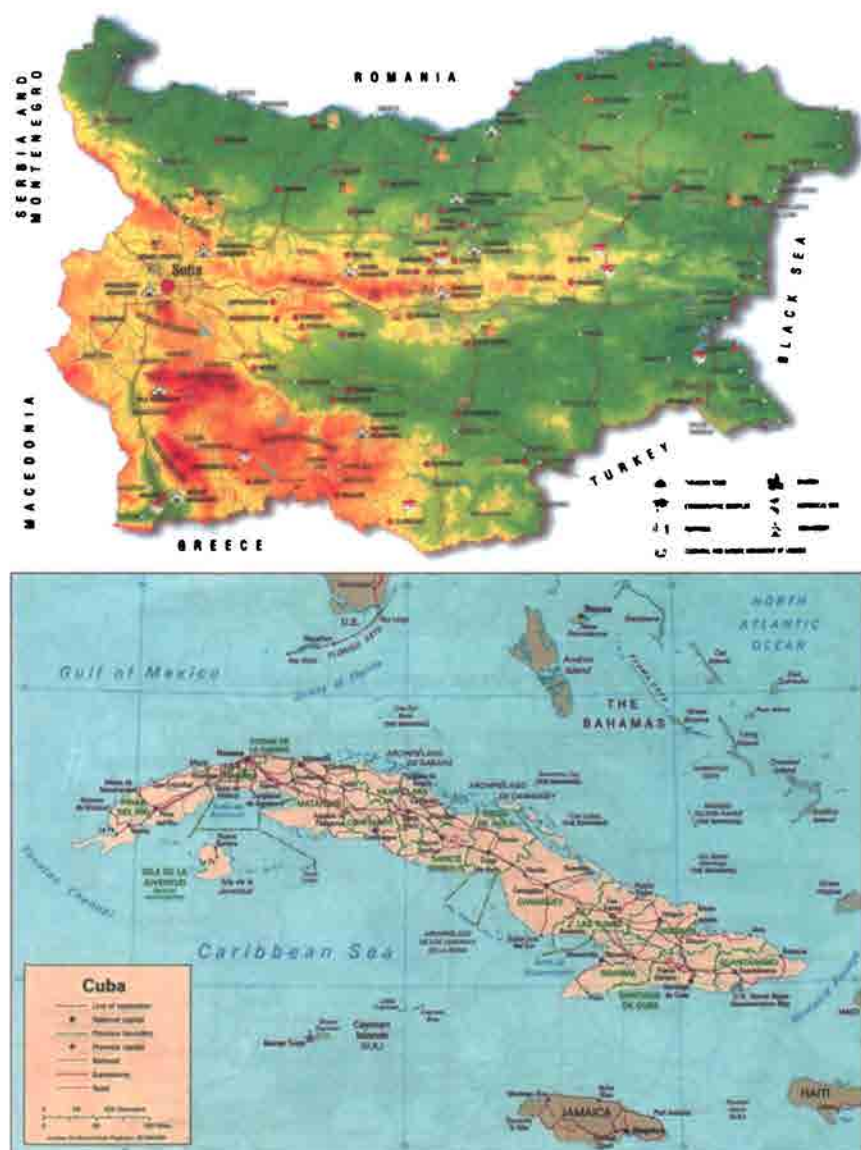
Карта 1.1. Карта показывает, что маленький Израиль со всех сторон окружен арабскими государствами. Надпись наверху карты: «Визуальное доказательство арабской лжи относительно израильской «агрессии»
[Источник: Monmonier, 1996: 95]

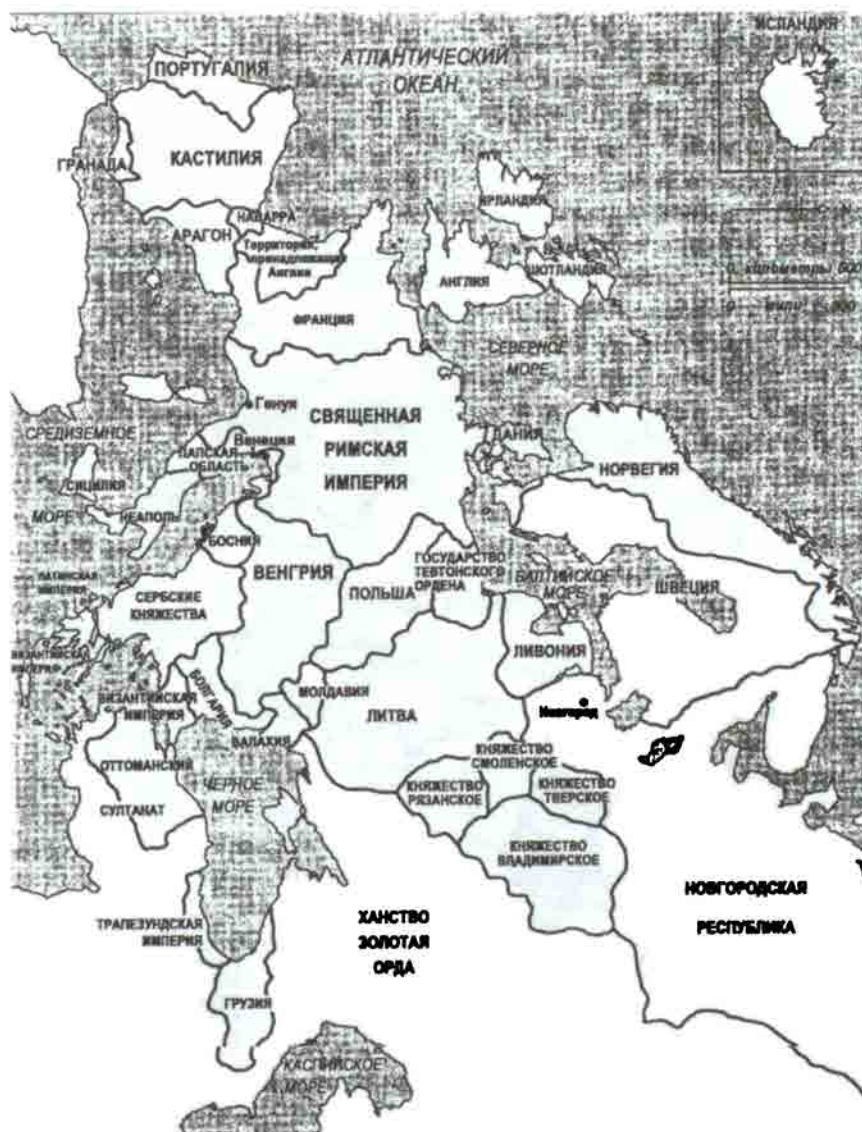
Карта 1.2. Карта, опубликованная в Германии в 1940 г., показывает площади Германии и Британской империи в сравнении. Надпись на карте слева «Нация-агрессор?», на карте справа — «26% мира. Британская империя»
[Источник: Monmonier, 1996: 102]

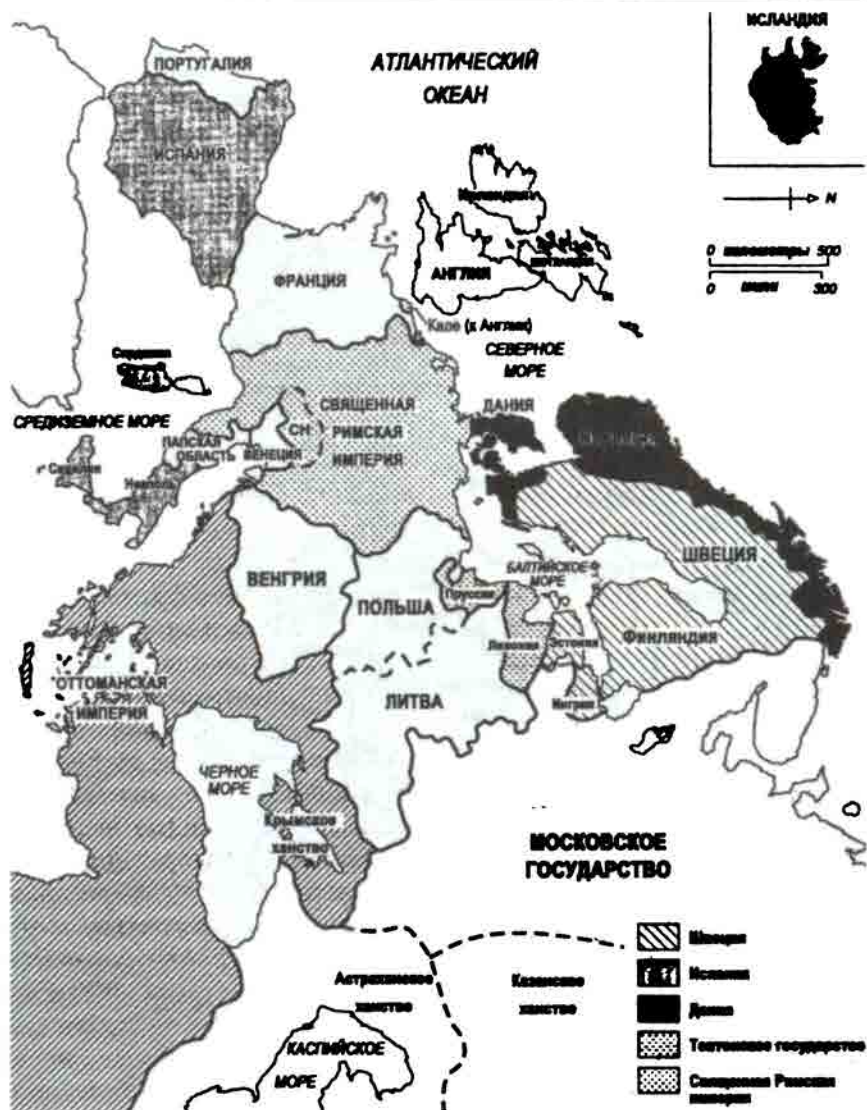
Карта 2.1. Образование новых государств в Африке — 1960 г.

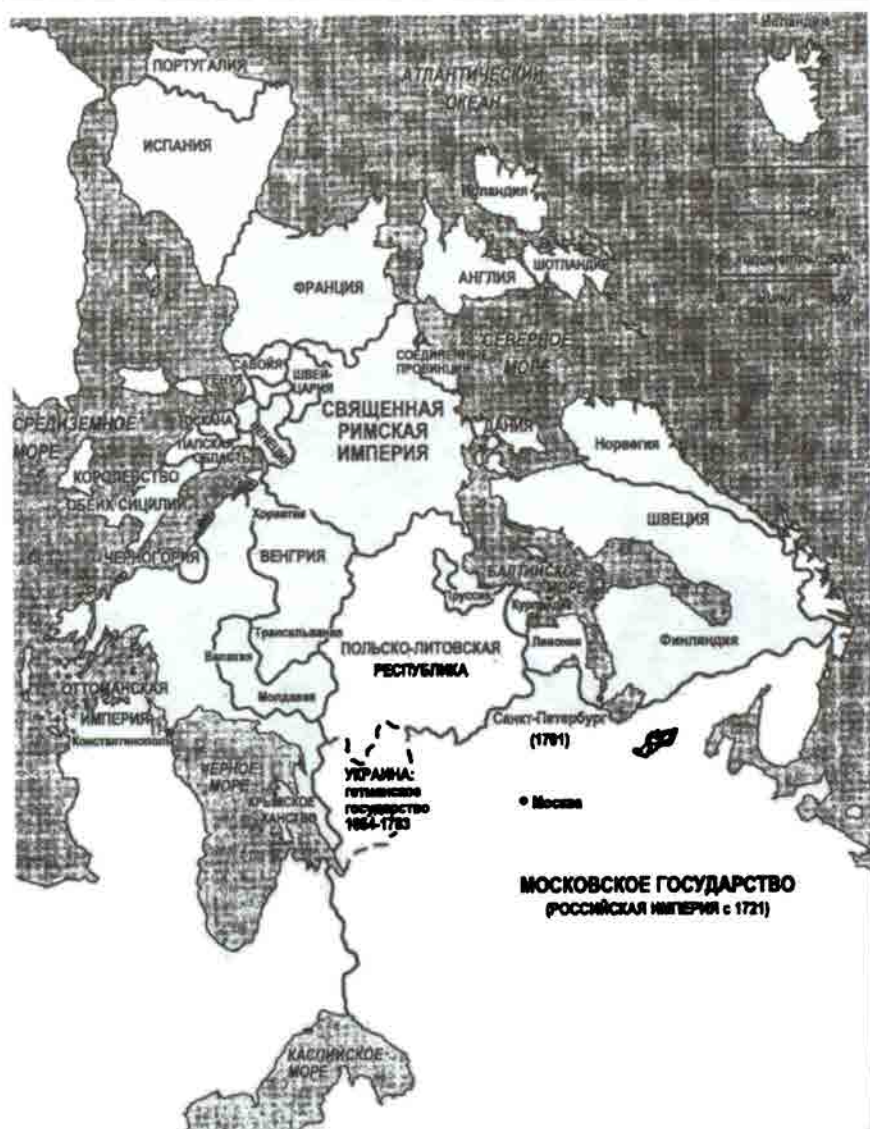
Картохема 2.2. Конфигурации територии Болгарии и Кубы

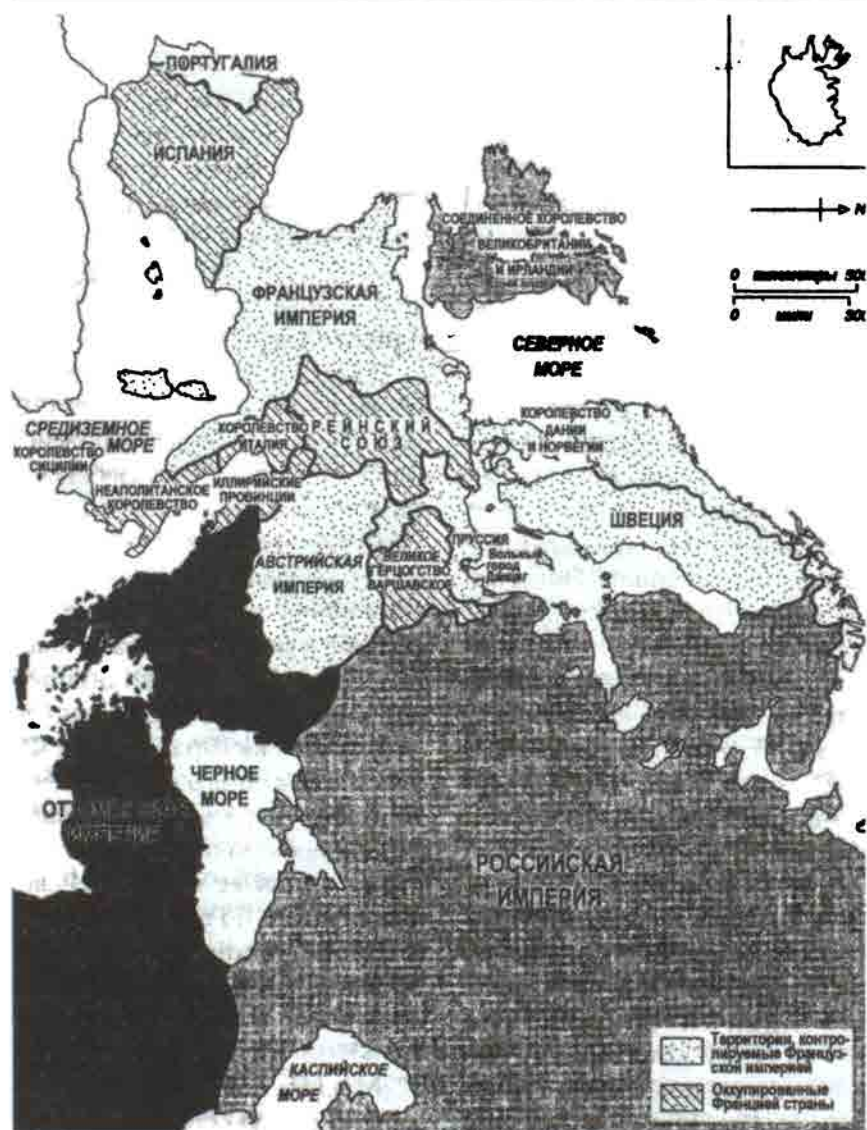
Карта 3.2. Политическая карта Европы: XIII—XV вв.
 [Источник: Дэвис, 2005: 281]

Карта 3.3. Политическая карта Европы: начало эпохи Ренессанса
 [Источник: Дэвис, 2005: 344]

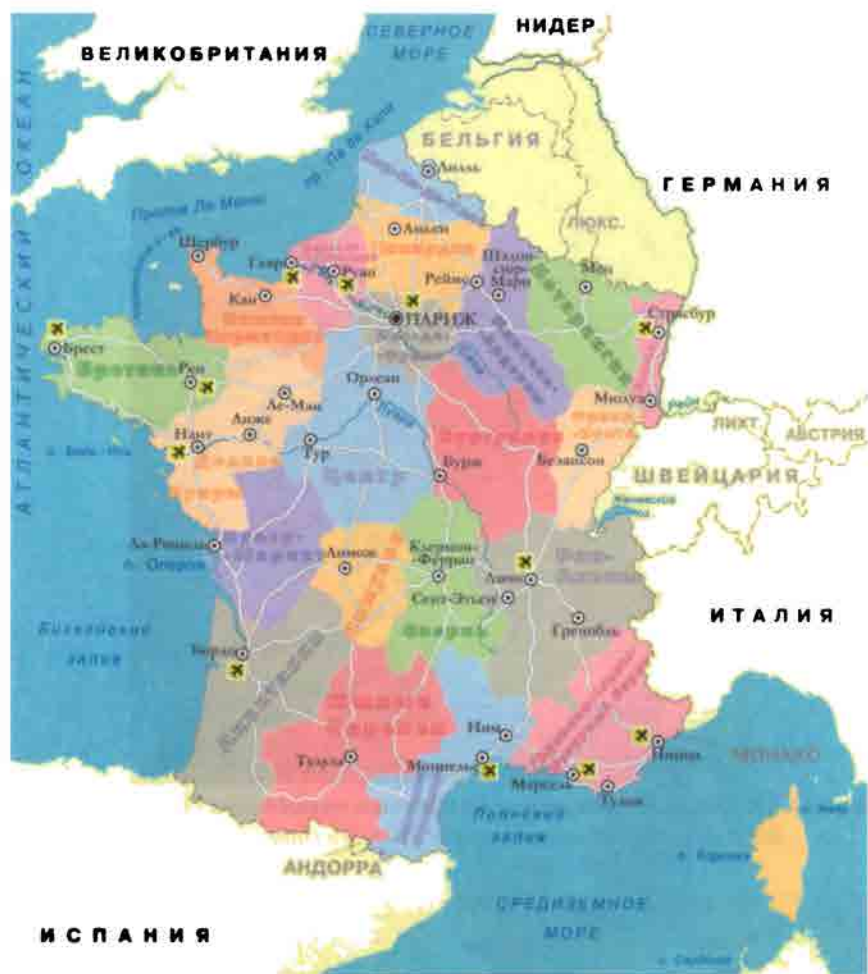
Карта 3.4. Политическая карта Европы: середина XVII в.
 [Источник: Дэвис, 2005: 423]

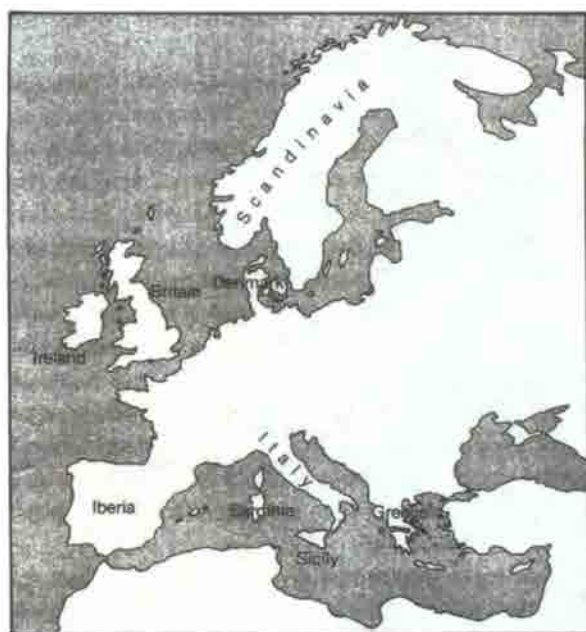
Карта 3.5. Империя Наполеона [Источник: Дэвис, 2005: 499]

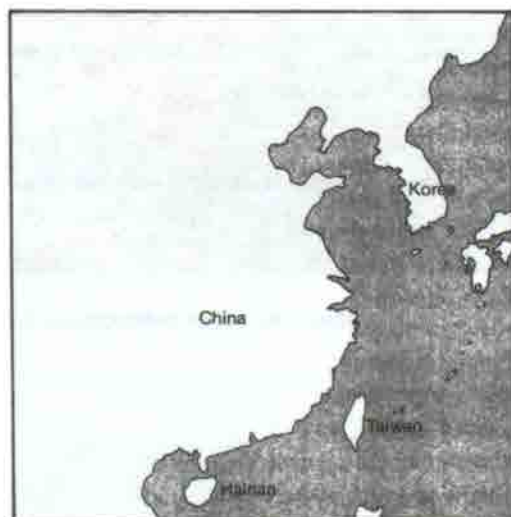
Карта 3.6. Карта Европы после Наполеона [Источник: Дэвис, 2005: 558]

Карта 3.8. Регионы Франции

500 miles

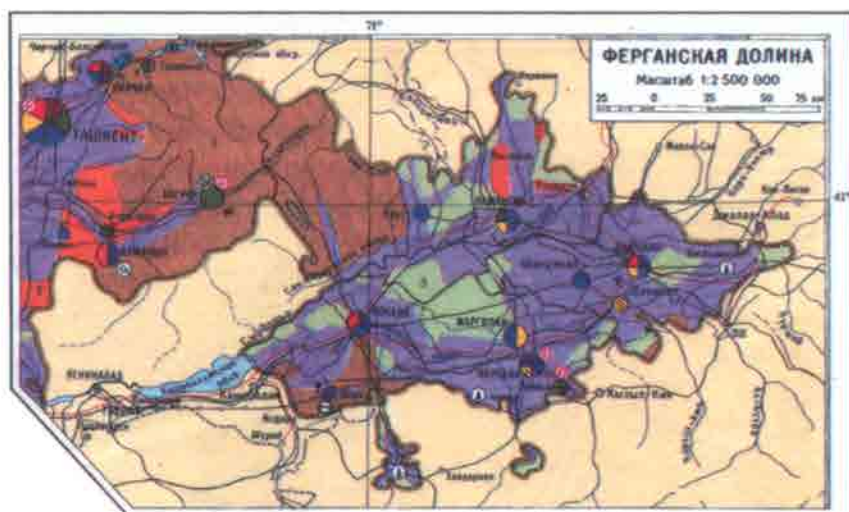
Карта 4.1. Береговые линии Европы и Китая
 [Источник: Diamond, 1999: 415]

Карта 4.2. Кашмир между Индией, Пакистаном и Китаем
 [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, с. 175]

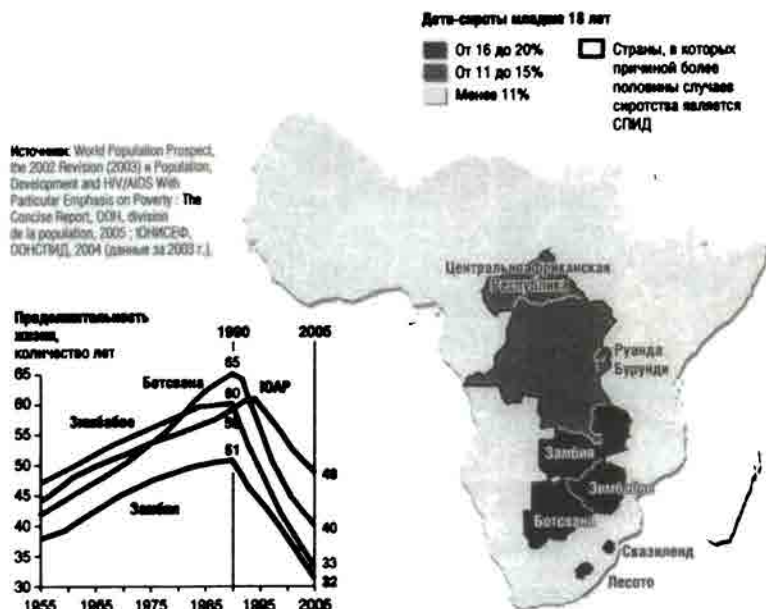
Карта 4.3. Внутренняя территориальная структура Ирака

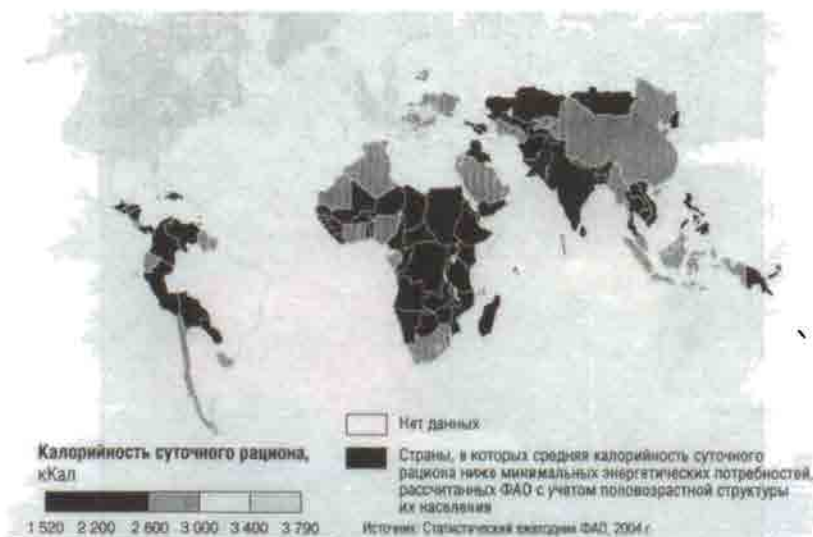
Карта 4.6. Ферганская долина

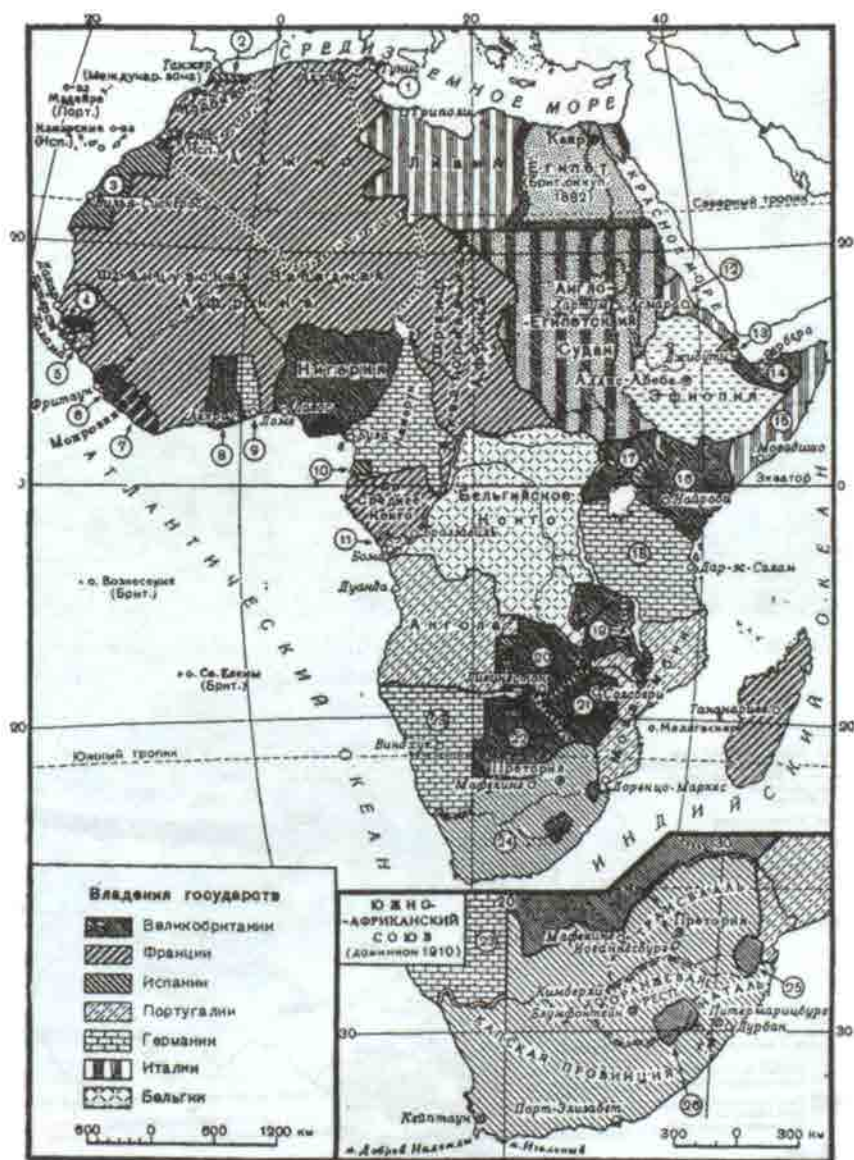
Карта 4.7. «Расколотый» Таджикистан [Источник: сайт «Географо-этнографический справочник GEOGRAPHY.SU» (<http://geography.su>)]

Карта 5.1 «Выкошенные» СПИДом [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 66]

Карта 5.2. Неравномерность потребления продуктов питания [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 34]

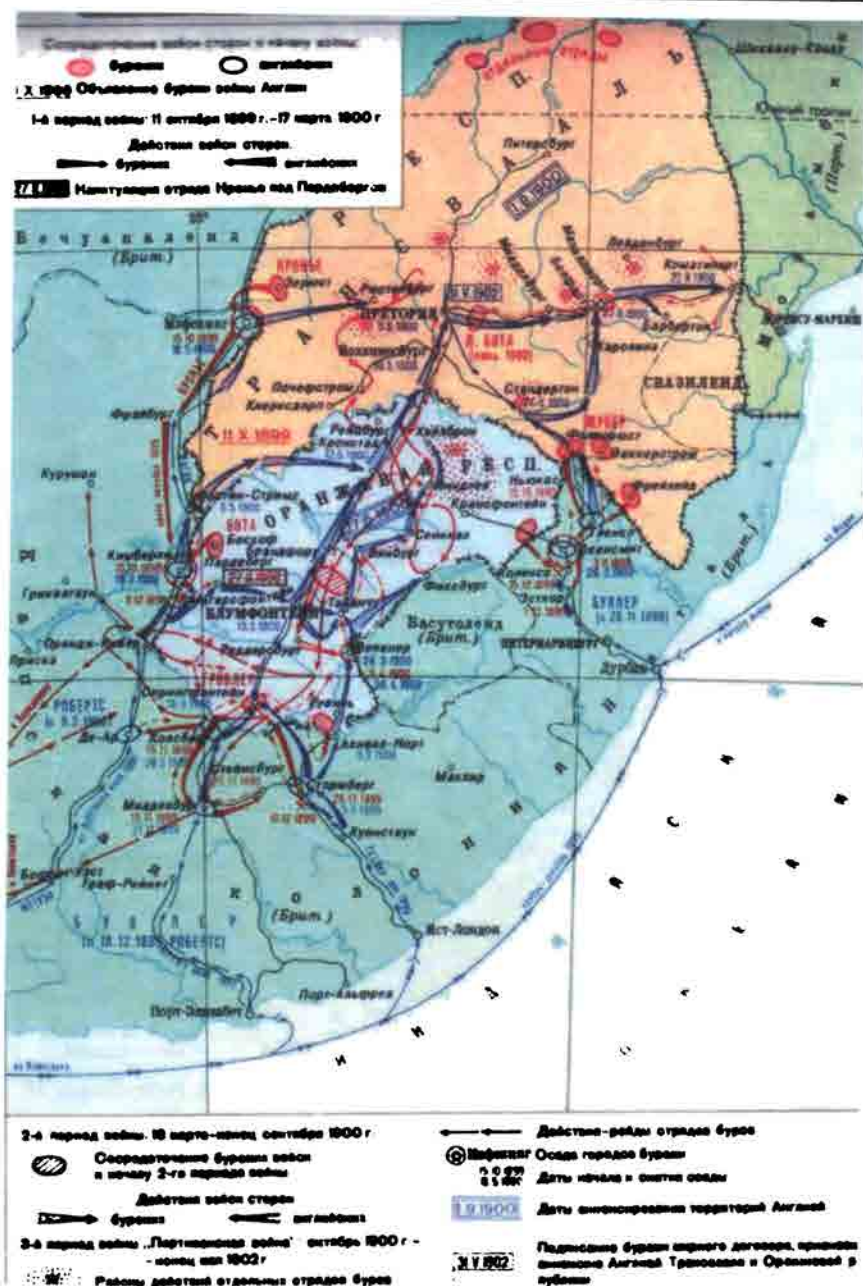
Карта 5.3. Раздел Африки к 1914 г. [Источник: Голубчик, 1998: 119]

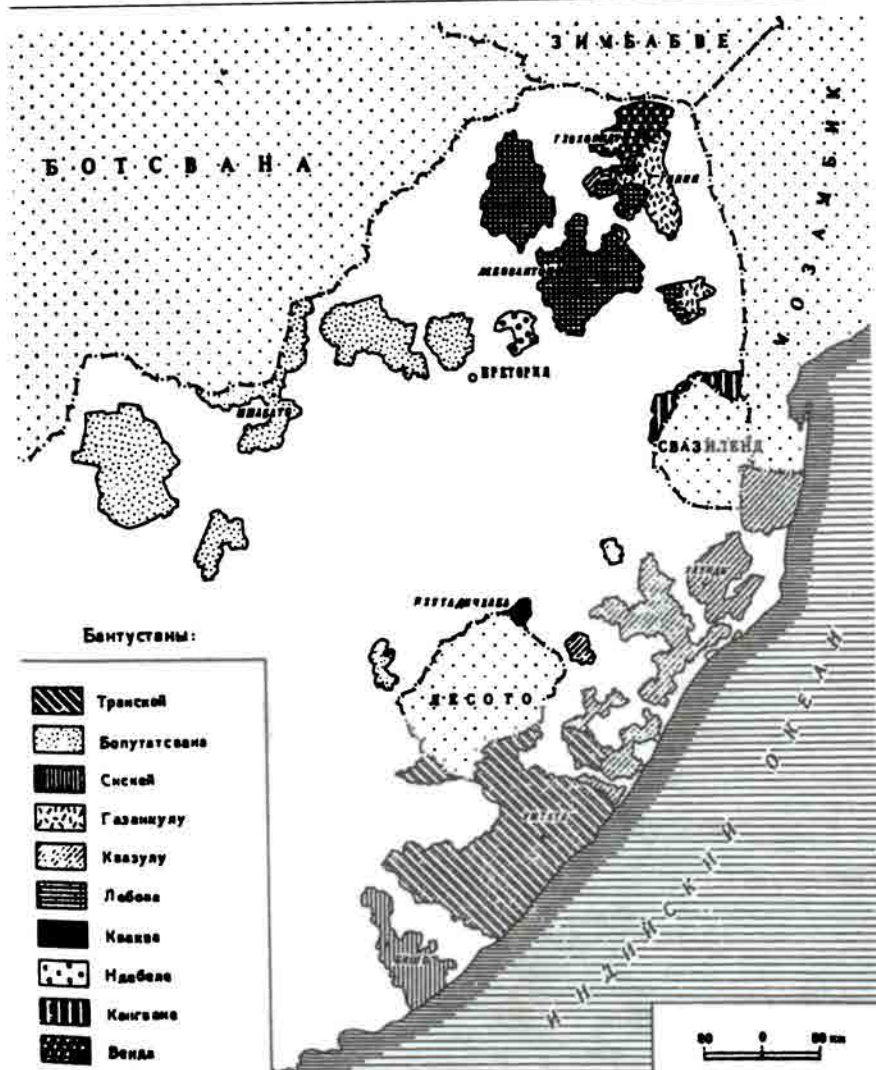
Карта 5.4. Побережье Западной Африки [Источник: сайт «Мир путешествий» (<http://www.tur-ru.ru>)]

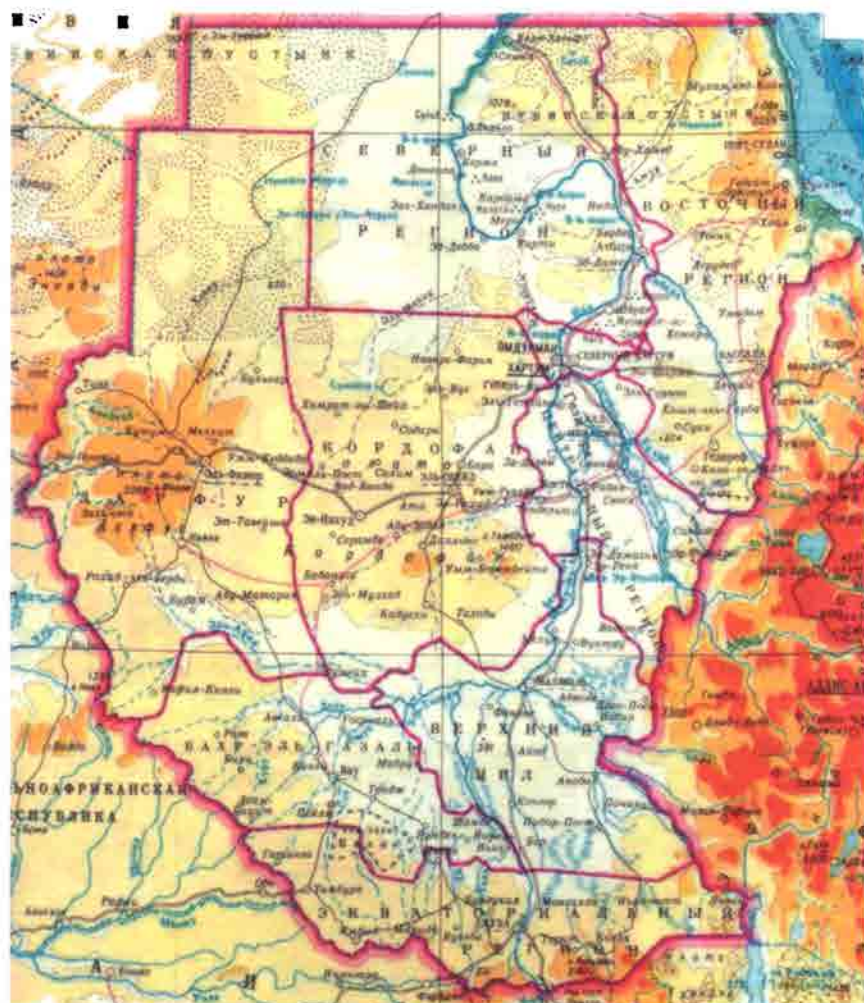
Карта 5.5. Регионы Нигерии [Источник: сайт «Карты мира» (<http://map-site.narod.ru>)]

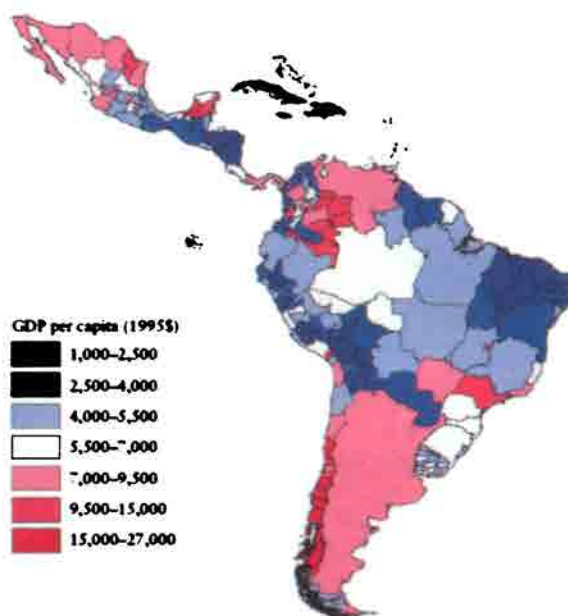
Карта 5.6. Бурские колонии [Источник: сайт «Хронос» (<http://hronos.km.ru>)]

Карта 5.7. Бантустаны [Источник: Южно-Африканская Республика. М: «Восточная литература» РАН, 1994]

Карта 5.8. Регионы Судана [Источник: сайт «География» (<http://www.geografia.ru>)]

Карта 6.1. ВВП на душу населения: межрегиональные различия
 [Источник: Gallup, Gaviria, Lora, 2003: 22]

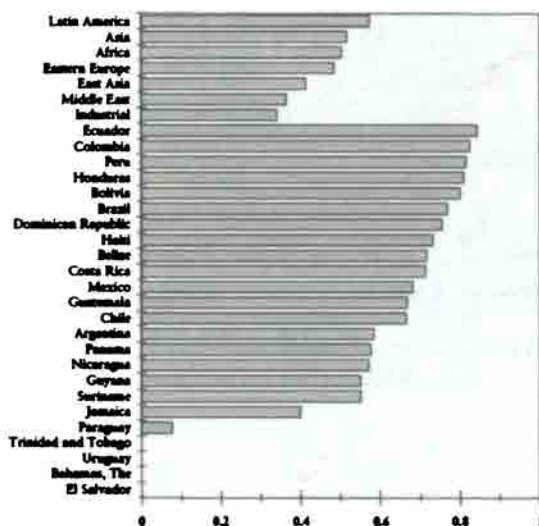
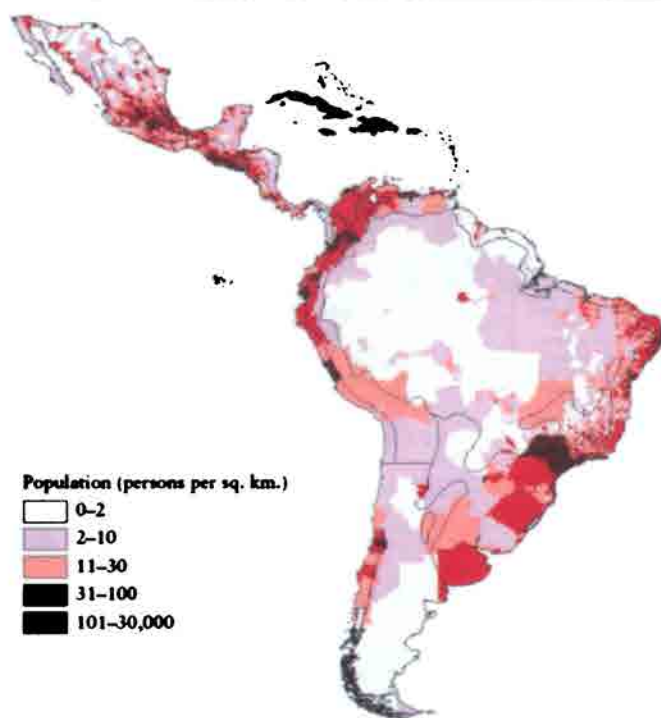
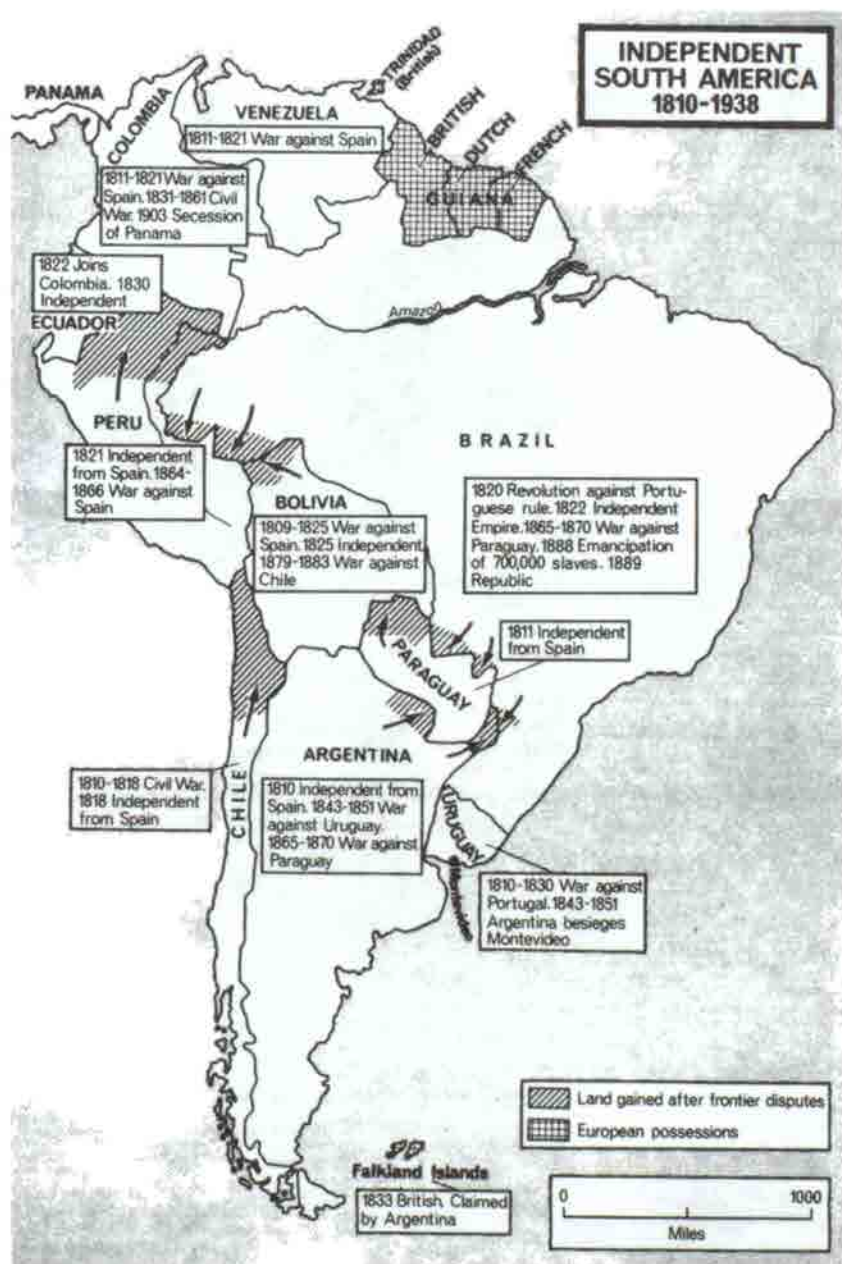

Диаграмма 6.1. Индекс географической фрагментации
 [Источник: Gallup, Gaviria, Lora, 2003: 12]

Карта 6.2. Плотность населения на территории Латинской Америки
 [Источник: Gallup, Gaviria, Lora, 2003: 21]

Карта 6.6. Независимость Южной Америки, 1810—1938 гг.

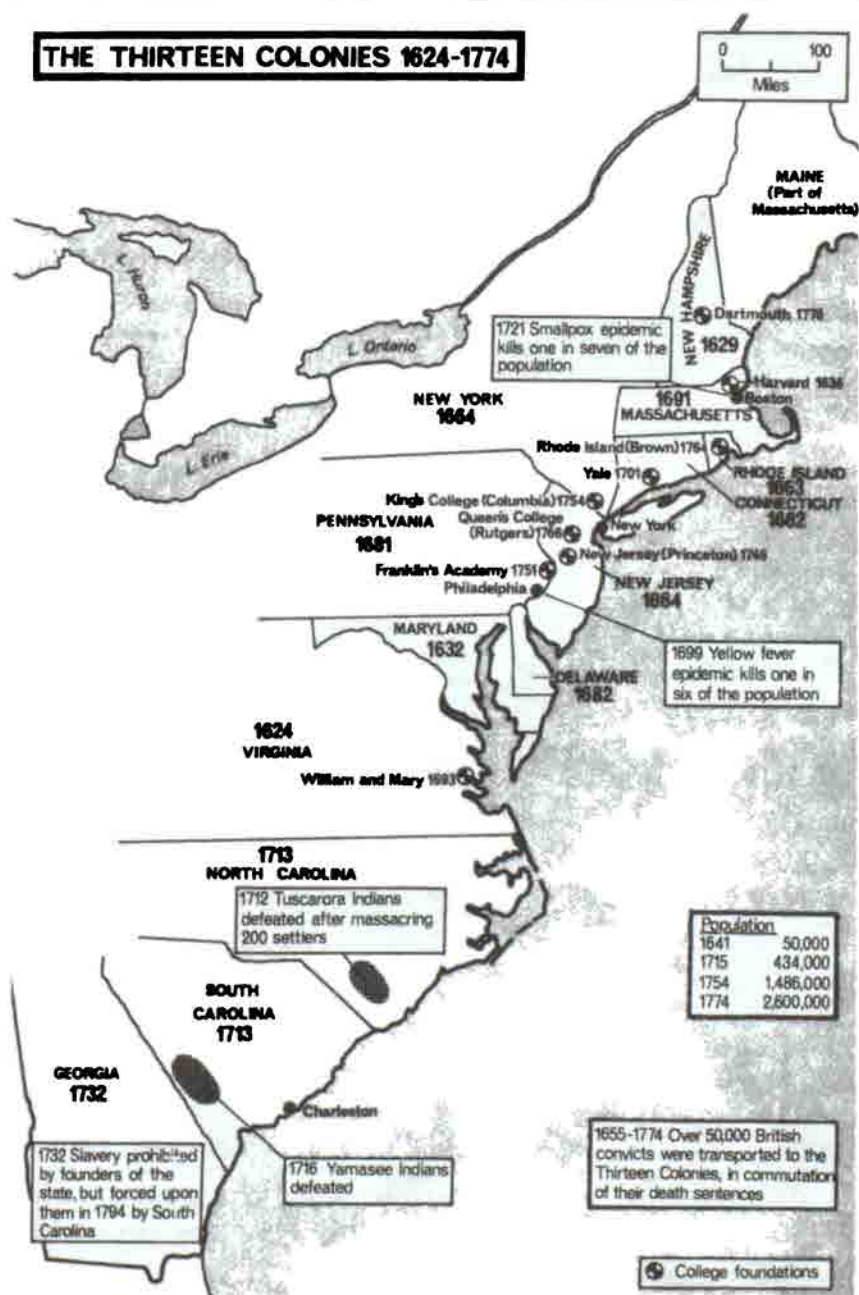
[Источник: Gilbert, 2006: 34]

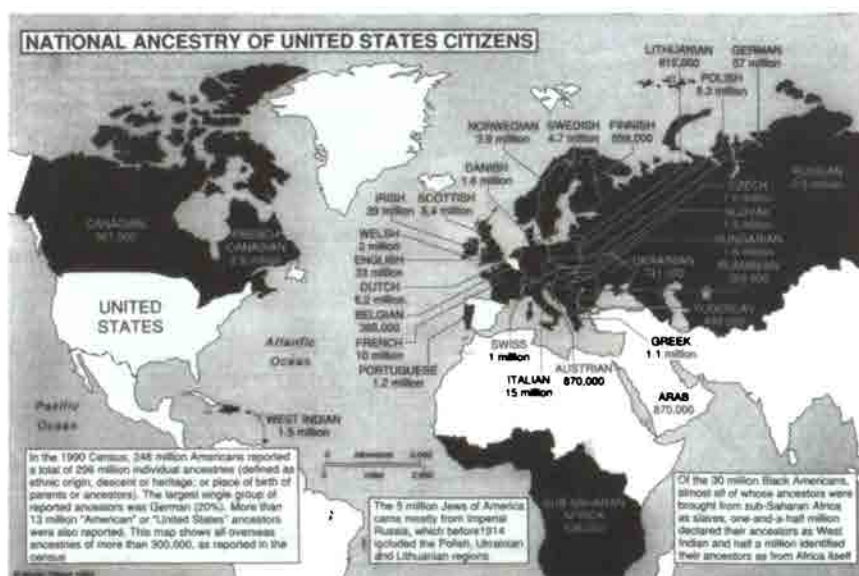
Карта 6.7. Штаты Мексики: различия в уровнях ВВП на душу населения
 [Источник: Gallup, Gaviria, Lora, 2003: 99]

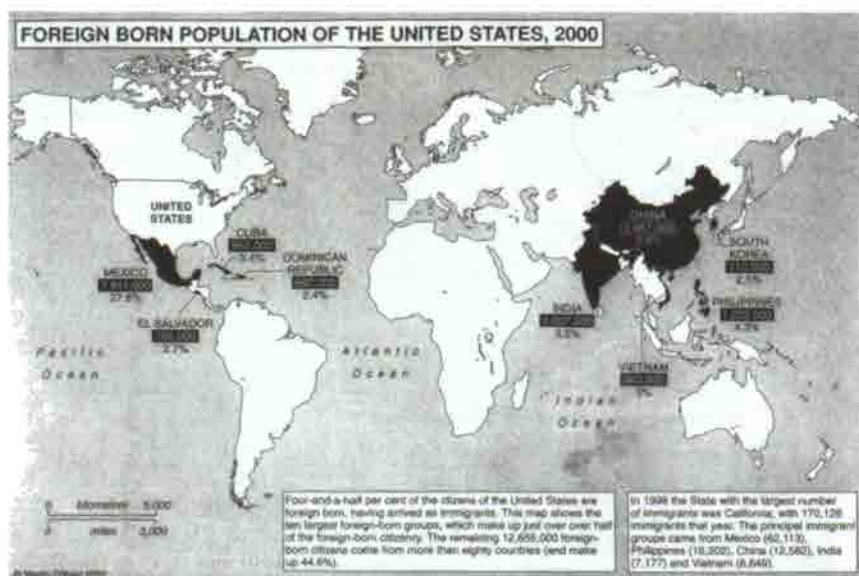
Карта 6.8. Партизаны и боевики в Колумбии [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 151]

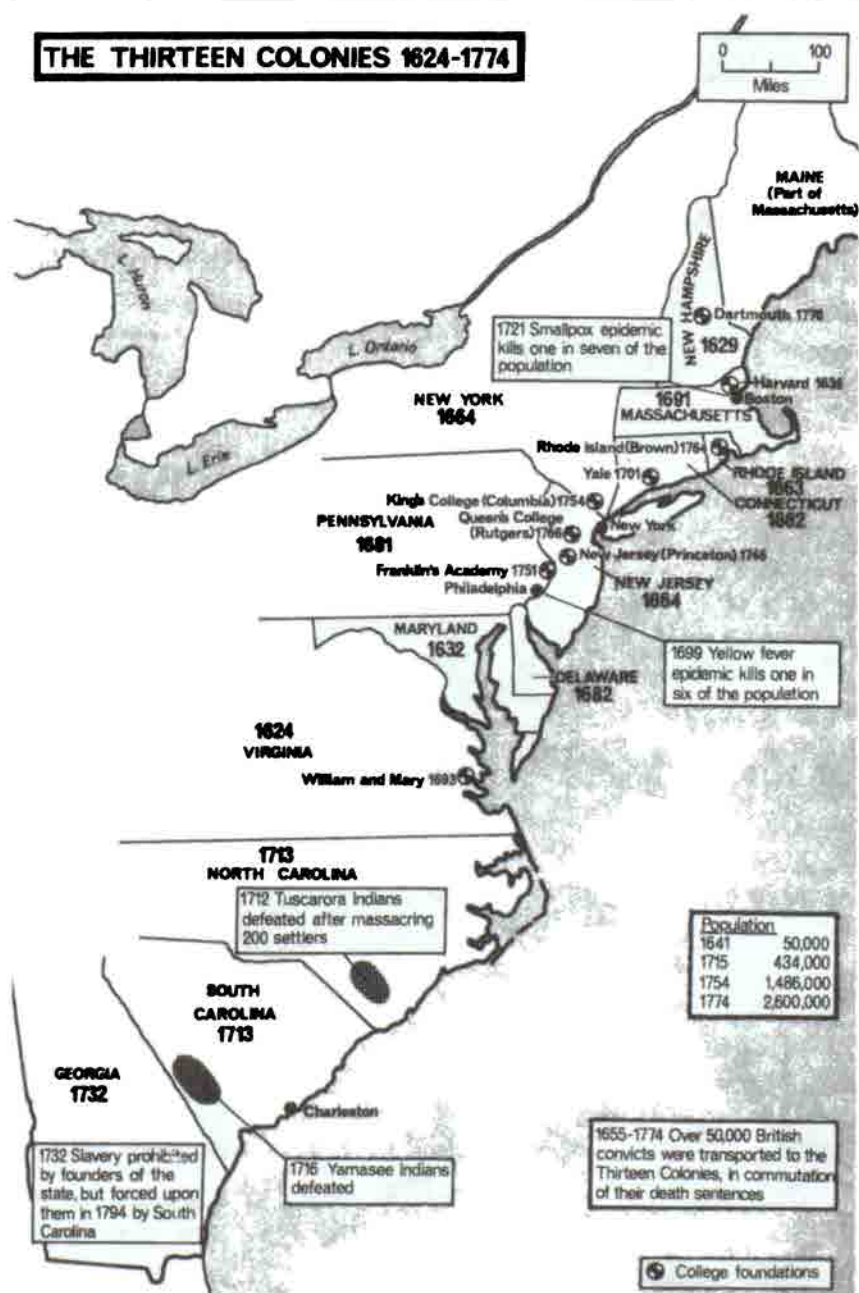
Карта 7.3. Тринадцать колоний, 1624—1774 гг. [Источник: Gilbert, 2006: 15]

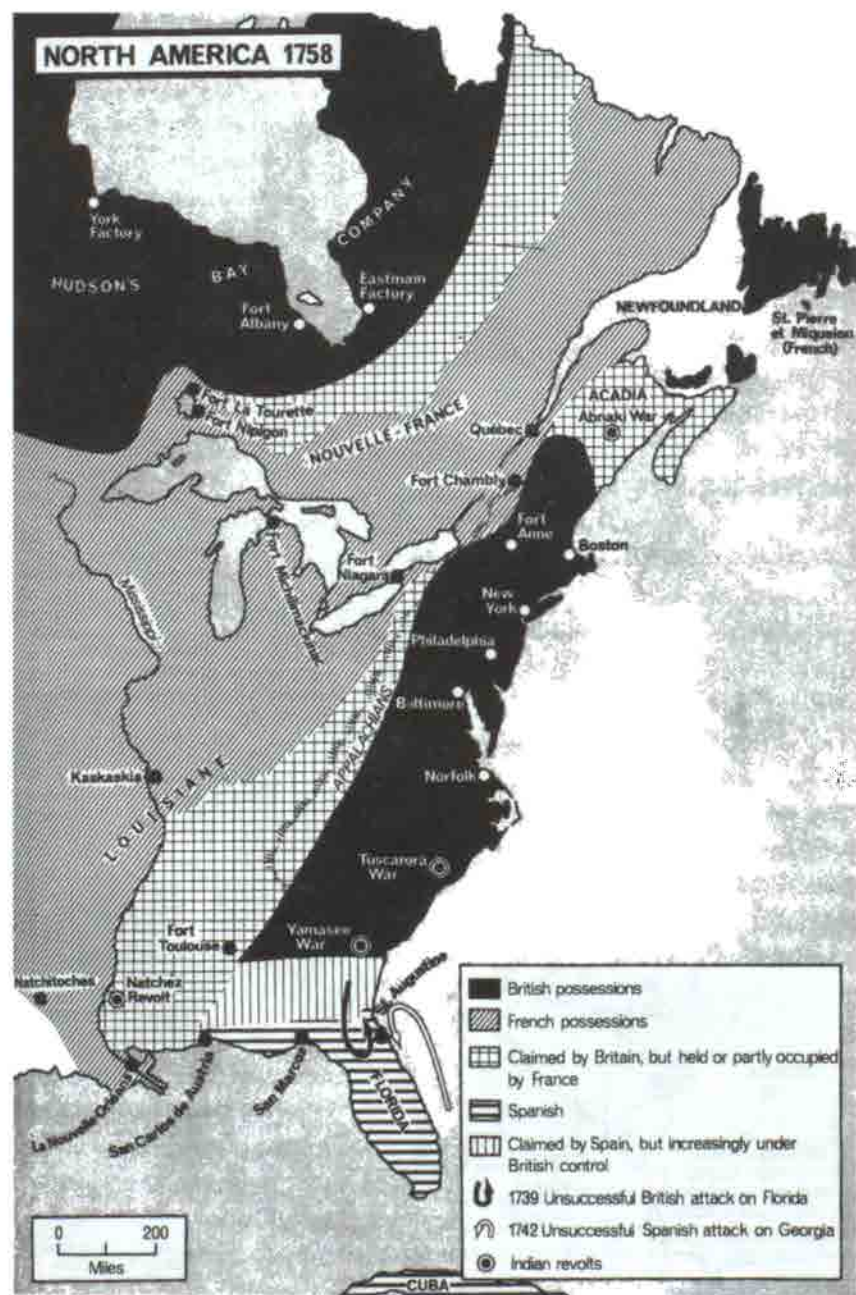
Карта 7.1. Национальная принадлежность предков граждан США | Источник: Gilbert, 2006: 127]

Карта 7.2. Откуда прибыли граждане (и нелегальные иммигранты) США, родившиеся за границей, 2000 | Источник: Gilbert, 2006: 139]

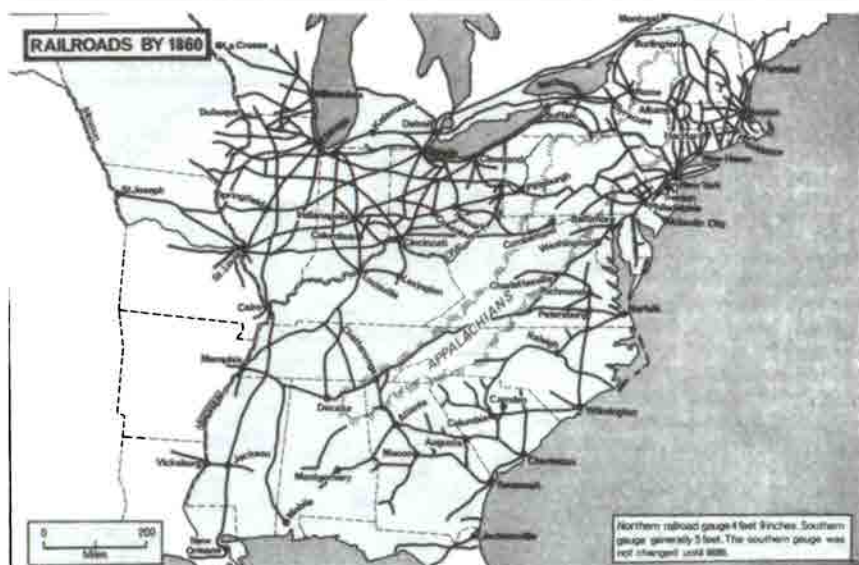
Карта 7.3. Тринадцать колоний, 1624—1774 гг. [Источник: Gilbert, 2006: 15]

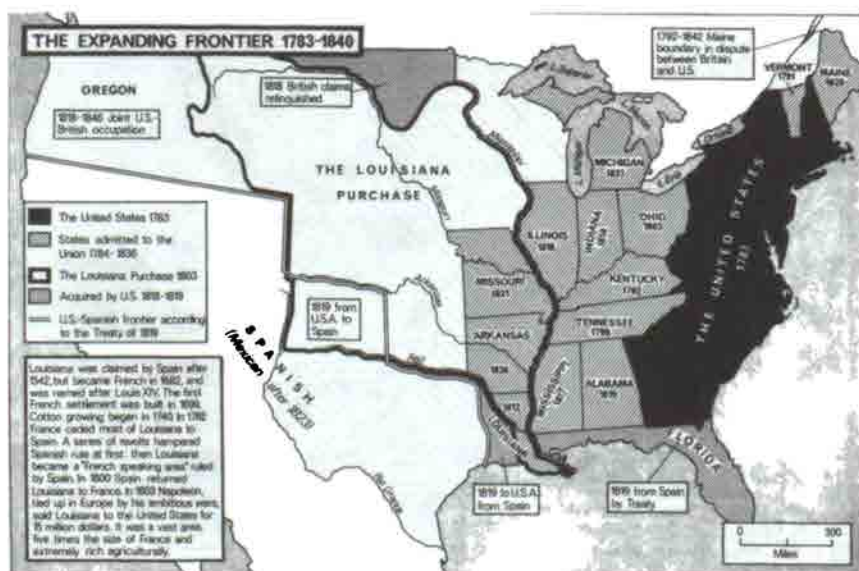
Карта 7.4. Северная Америка в 1758 г. [Источник: Gilbert, 2006: 21]

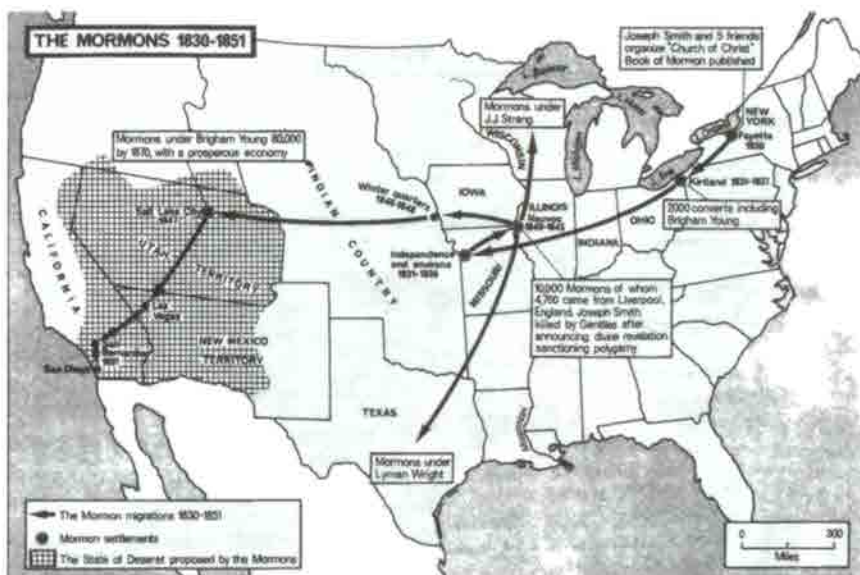
Карта 7.5. Северная Америка, 1783 г. [Источник: Gilbert, 2006: 28]

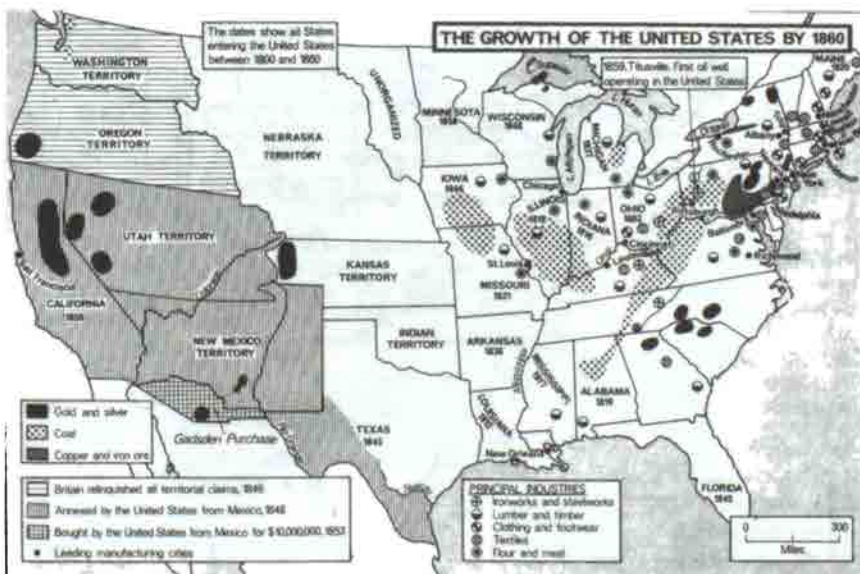
Карта 7.6. Железные дороги к 1860 г. [Источник: Gilbert, 2006: 48]

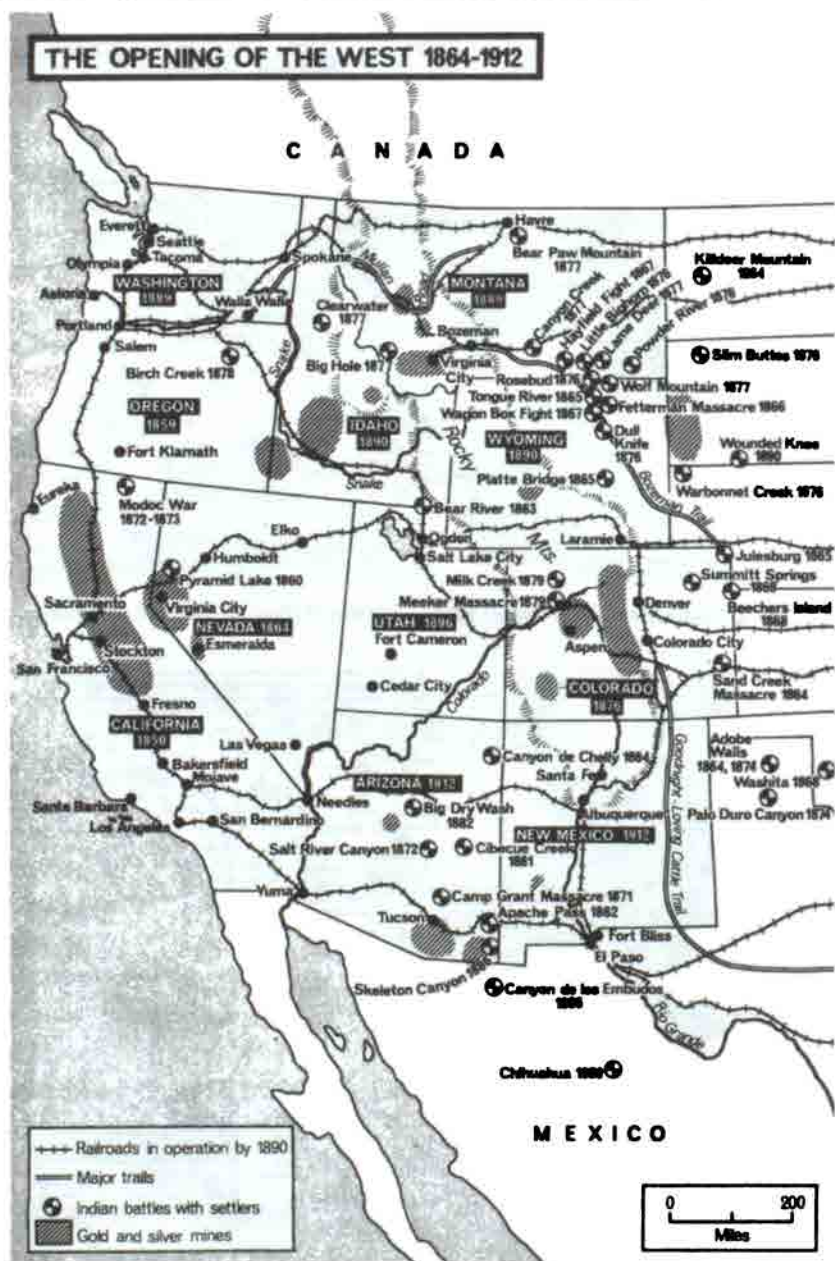
Карта 7.7. Движение фронта: 1783—1840 гг. [Источник: Gilbert, 2006: 39]

Карта 7.8. Движение мормонов: 1830—1851 гг. [Источник: Gilbert, 2006: 44]

Карта 7.9. Рост территории США к 60-м годам XIX в. [Источник: Gilbert, 2006: 49]

Карта 7.10. «Открытие» Запада: 1864—1912 гг.

[Источник: Gilbert, 2006: 69]

Карта 7.11. Территориальная структура Канады [Источник: сайт «Поедем» (<http://www.poedem.ru>)]

Карта 8.1. Территориальная структура Австралии [Источник: сайт «Поедем» (<http://www.poedem.ru>)]

Карта 9.2. Губернии в 1727 г. (2) | Источник: Бусыгина, 2006: 33]

Карта 9.3. Губернии в 1914 г. (европейская часть)
[Источник: Бусыгина, 2006: 35]

Карта 9.4. Федеральные округа [Источник: сайт «Карты» (<http://mapsite.narod.ru>)]

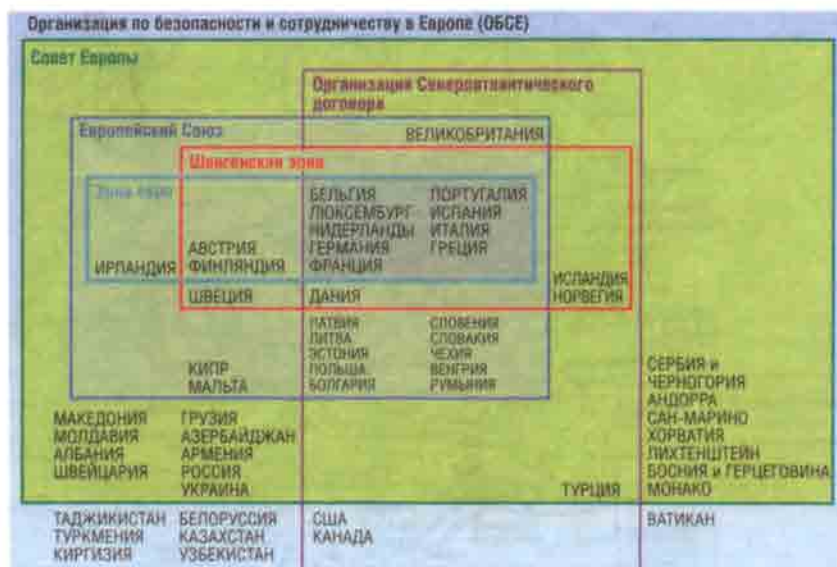
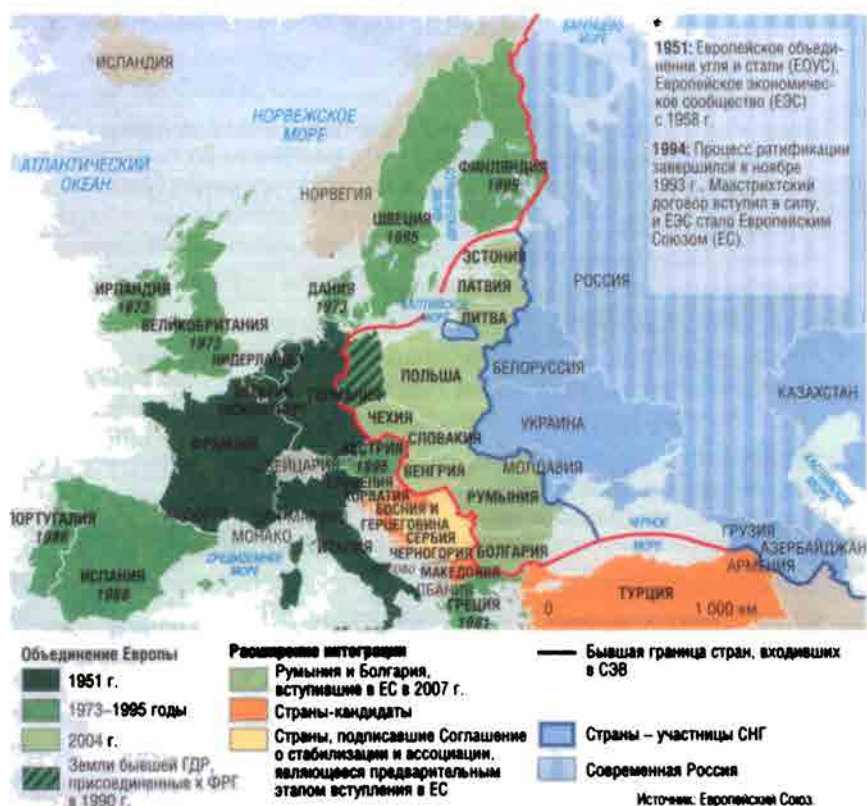

Схема 10.1. Региональные организации на территории Европы [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 61]

Карта 10.1. Расширение политического пространства Европейского союза
 [Источник: Атлас. Monde Diplomatique, 2007: 60]

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение. Географические знания для политической науки и образования	4
Глава 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА	13
Что такое политическая география	13
Карты как особый язык географии	15
Политическая география: основные этапы развития	17
Новые области исследования, новые идеи. Политическая география в современной России	23
Политическая география и международные отношения	29
Профессия политгеографа: «благословляя разность...»	30
Литература основная	32
Литература дополнительная	32
Глава 2. ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЕ	33
Консолидация государств и «волны» государствообразования	34
Источники географического государствоведения	36
Направления исследования в географическом государствоведении	38
Территория государства и ее параметры	38
Географическое положение государства	46
Границы, приграничные конфликты и споры	50
Эволюционизм и функционализм в географическом госу- дарствоведении. Территориальная эволюция государства	53
Государство и глобализация	56
Литература основная	57
Литература дополнительная	58
Глава 3. ПЕРИОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ЕВРОПЫ	59
Древний этап (до V в. н.э.)	62
Средневековый этап (около V—XV в.)	65
Новый этап (с середины XVI до начала XX в.)	72
XX век — Новейший этап европейской политической истории ..	85
Литература основная	95
Литература дополнительная	95
Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ АЗИИ	96
Формирование политической карты Азии	99
Распад колониальной системы и формирование современной карты Азии	108

Субрегионы Азии	110
Типология политико-географических конфликтов и проблем в Азии	113
Конфликты относительно спорной территории	115
Проблема территориального единства (контроля над территорией)	115
Проблема непризнанных государств	118
Пограничные споры и конфликты	119
Внутренние территориальные расколы — автономистские, сепаратистские требования; проблема анклавов	121
«Расколотые» нации	124
Народы без государственности	125
Литература основная	127
Литература дополнительная	127
Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ АФРИКИ	128
Как формировалась политическая карта Африканского континента?	135
Колониальный раздел Африки	138
Последние годы колониального правления и деколонизация Африки	143
Субрегионы Африки	146
Территориальные конфликты в Африке	155
Литература основная	166
Литература дополнительная	167
Глава 6. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ	168
Доколумбовы цивилизации	174
Испано-португальская колонизация	175
Деколонизация	179
Субрегионы Латинской Америки	182
Современные территориальные споры и конфликты	197
Литература основная	199
Литература дополнительная	199
Глава 7. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ	200
Начало освоения и заселения территории США	203
Создание политических институтов в колониях	207
«Проблема империи»	209
Новая политическая система и территория страны	211
Стратегии расширения территории: покупка Луизианы, аннексия Техаса, присоединение Калифорнии и Нью-Мексико, освоение Великих равнин	218

Освоение территории и формирование территориальной структуры Канады	225
США: региональные различия	230
Канада: региональные различия	234
Литература основная	235
Литература дополнительная	235
Глава 8. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА И ГЕОГРАФИЯ АВСТРАЛИИ И ОКЕАНИИ	237
Литература основная	249
Литература дополнительная	250
Глава 9. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ	251
История освоения российских пространств	260
Присоединение Сибири	264
Как «организовать» пространство: административно-территориальное деление в Российской империи и Советском Союзе	269
Регионализация в России	271
Федерализм в России: исторические корни	274
Советская модель федерализма	276
Перестройка, становление и развитие федерализма в 90-е годы	278
Реформы российского федерализма: с 2000 г. по настоящее время	286
Литература основная	291
Литература дополнительная	292
Глава 10. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	293
Регионализация и региональная интеграция	293
Интеграция и глобализация	296
Обзор региональных объединений на карте мира	297
Европейский союз: политическая система и политическое пространство нового типа	300
Европейский союз в контексте подхода «центр—периферия» ...	307
К вопросу о границах: где «кончается» Европейский союз?	311
Интеграция на постсоветском пространстве	312
Литература основная	317
Литература дополнительная	317
Вместо заключения. Будущее политической географии и будущее политической карты мира	318
Библиография	323
Некоторые полезные интернет-источники:	338
Приложения	339

И. М. Бусыгина

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРТЫ МИРА

УЧЕБНИК

Учебник «Политическая география. Формирование политической карты мира» был разработан и написан с целью формирования у студентов адекватных и устойчивых представлений о политико-территориальной структуре современного мира, ее динамике и новейших трансформациях по всем континентам. Обладание географическими знаниями и географической аргументацией является абсолютно необходимой предпосылкой для полноценного образования по любой из политологических и международных специальностей. Данный учебник представляет собой основу, на которую должны накладываться собственно политологические курсы и курсы по международным отношениям.

Учебник будет полезным для студентов-политологов и международныхников, а также для более широкого круга читателей, интересующихся политгеографической проблематикой.

Издательство «ПРОСПЕКТ»
(495) 967-1572
e-mail: mail@prospekt.org
www.prospekt.org

•ПРОСПЕКТ•